ТИТЪ ЛИВІЙ.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ ОТЪ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

подъ редакціей

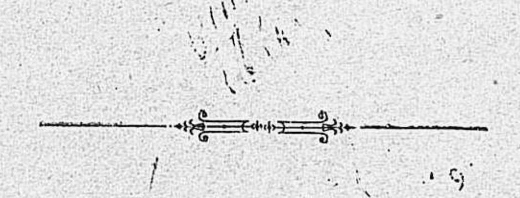
П. Адріанова.

Томъ III.

Книги XXI—XXV.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ Е. К. ГЕРБЕКЪ.

Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. рекомендовано для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимн. и реальныхъ училищъ и для фундамент. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.



Первая женская типографія Е. К. Гербекъ, Москва, 2-я Мѣщанская, 26.

1901.

Вошедшія въ составъ настоящаго тома книги переведены слѣдующими лицами: XXII—(бывшимъ) преподавателемъ Оренбургской гимназіи Я. П. Иванухой, XXIII и XXIV—преподав. А. К. Яненцъ, XXV—Б. А. Островымъ, переводъ же XXI кн. любезно предоставленъ въ распоряженіе редакціи профессоромъ С.-Петербургскаго Университета, Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ. Послѣдняя корректура XXII и XXIII кн. сличена съ 7 изд. Вейссенборна (коммент.), XXIV и XXV кн. съ 4-мъ изд. его же; г. проф. Зѣлинскій переводилъ по своему изданію.

Мартъ 1901 г. — **П. Адріановъ.**

Оренбургъ.

КНИГА XXI.

1. Нижеслѣдующую часть моего труда я могу начать тѣми же словами, которыя многіе писатели предпосылали цѣлымъ сочиненіямъ: я приступаю къ описанію самой замѣчательной изъ войнъ всѣхъ временъ—войны кароагенянъ подъ начальствомъ Ганнибала съ римскимъ народомъ. Никогда еще не сразились между собою болѣе могущественныя государства и племена; никогда тѣ самые народы, которые пошли другъ на друга тогда, не стояли на болѣе высокой степени развитія своихъ силъ и своего могущества. Не могли они пускать въ ходъ невѣдомые противникамъ пріемы военнаго искусства, такъ какъ обѣ стороны ознакомились одна съ другой въ первую Пуническую войну; а до какой степени было измѣнчиво счастье войны и непостояненъ исходъ сраженій, видно уже изъ того, что гибель была наиболѣе близка именно къ тѣмъ, которые вышли побѣдителями. Но ненависть, съ которой они сразились, едва ли не превзошла еще ихъ силу: римляне были возмущены дерзостью побѣжденныхъ, по собственному почину подымавшихъ оружіе противъ побѣдителей; пунійцы—надменностью и жадностью, съ которой побѣдители, по ихъ мнѣнію, злоупотребляли своей властью надъ побѣжденными. Разсказываютъ даже, что когда Гамилькаръ, окончивъ Африканскую войну, собирался переправить войско въ Испанію [1]) и приносилъ,

---

[1]) Осада Сагунта, съ которой Ливій начинаетъ свое повѣствованіе въ этой книгѣ, состоялась въ 535 г.; хронологія предыдущихъ событій слѣдующая: 513 г. конецъ 1-й Пунической войны. 513—517 г. Африканская война т.-е. война Кароагена съ возмутившимися наемниками и городами. 517—525 г. войны Гамилькара въ Испаніи. 525—533 г. Газдрубалъ въ Испаніи. 528 г. договоръ Газдрубала съ Римомъ. 53) г. Ганнибалъ отправляется въ Испанію. 533 г. избраніе Ганнибала начальникомъ войска.

по этому случаю, жертву богамъ, то его девятилѣтній сынъ Ганнибалъ съ дѣтской лаской сталъ просить отца взять его съ собой; тогда, говорятъ, Гамилькаръ велѣлъ ему подойти къ жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что онъ будетъ врагомъ римскаго народа, какъ только это ему дозволитъ возрастъ.

Гордую душу этого человѣка терзала мысль о потерѣ Сициліи и Сардиніи. Карѳагеняне, полагалъ онъ, уже слишкомъ поторопились, въ припадкѣ малодушія, отдать врагу Сицилію; что же касается Сардиніи, то римляне захватили ее обманомъ, благодаря африканскимъ смутамъ, наложивъ сверхъ того еще контрибуцію на побѣжденныхъ. **2**. Подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ думъ онъ въ пять лѣтъ окончилъ Африканскую войну, разразившуюся вслѣдъ за заключеніемъ мира съ римлянами, а затѣмъ въ теченіе девяти лѣтъ расширялъ предѣлы пуническаго владычества въ Испаніи; ясно было, что онъ задумалъ войну гораздо значительнѣе той, которую онъ велъ, и что еслибы онъ долѣе остался въ живыхъ, то пунійцы еще подъ знаменами Гамилькара совершили бы то нашествіе на Италію, которое имъ суждено было осуществить при Ганнибалѣ. Къ счастью, смерть Гамилькара и юный возрастъ Ганнибала принудили карѳагенянъ отложить войну.

Промежутокъ между отцомъ и сыномъ занялъ Газдрубалъ, въ теченіе восьми лѣтъ, приблизительно, пользовавшійся верховной властью. Онъ понравился Гамилькару, говорятъ, сначала своей красотой, но затѣмъ сдѣлался его зятемъ— конечно, уже за другія, душевныя свои качества; располагая же, въ качествѣ его зятя, вліяніемъ баркинской партіи, очень внушительнымъ среди воиновъ и простого народа, онъ былъ утвержденъ въ верховной власти вопреки желанію вельможъ. Дѣйствуя чаще умомъ, чѣмъ силой, онъ заключалъ союзы гостепріимства съ князьями и, пользуясь дружбой вождей, привлекалъ новыя племена на свою сторону; такими-то средствами, а не войной и набѣгами, развивалъ онъ могущество Карѳагена. Но его миролюбивое настроеніе ни мало не способствовало его личной безопасности. Нѣкій варваръ, озлобленный противъ него за казнь своего господина, убилъ его на глазахъ у всѣхъ и затѣмъ далъ себя схватить окружающимъ съ такимъ радостнымъ лицомъ, какъ будто онъ избѣжалъ опасности; даже когда на пыткѣ разрывали его тѣло, радость превосходила въ немъ боль, и

онъ сохранялъ такое выраженіе лица, что казалось, будто онъ смѣется. Вотъ съ этимъ-то Газдрубаломъ, въ виду его замѣчательныхъ способностей возбуждать народы и распространять надъ ними свою власть, римскій народъ въ свое время возобновилъ союзъ, подъ условіемъ, чтобы рѣка Гиберъ служила границей между сферами вліянія обоихъ народовъ, сагунтинцы же, занимавшіе среднюю область между ними, сохраняли полную независимость.

3. Относительно преемника Газдрубала никакихъ сомнѣній быть не могло. Тотчасъ послѣ его смерти воины по собственному почину понесли молодого Ганнибала въ палатку главнокомандующаго и провозгласили его полководцемъ; этотъ выборъ былъ встрѣченъ громкими сочувственными возгласами всѣхъ присутствующихъ, и народъ впослѣдствіи одобрилъ его.

Газдрубалъ пригласилъ его къ себѣ въ Испанію письмомъ, когда онъ едва достигъ зрѣлаго возраста, и объ этомъ былъ возбужденъ вопросъ даже въ сенатѣ. Баркинцы домогались утвердительнаго его рѣшенія, желая, чтобы Ганнибалъ привыкъ къ военному дѣлу и со временемъ унаслѣдовалъ отцовское могущество; но Ганнонъ, глава противной партіи, сказалъ: „требованіе Газдрубала на мой взглядъ справедливо; все-таки я полагаю, что исполнить его не слѣдуетъ“. Когда же эти странныя слова возбудили всеобщее удивленіе, и всѣ устремили свои взоры на него, онъ продолжалъ: „Газдрубалъ, который нѣкогда самъ предоставилъ отцу Ганнибала наслаждаться цвѣтомъ его нѣжнаго возраста, считаетъ себя въ правѣ требовать той же услуги отъ его сына. Но намъ нисколько не подобаетъ посылать нашу молодежь, чтобы она, подъ видомъ подготовленія къ военному дѣлу, служила похотямъ военачальниковъ. Или, быть можетъ, мы боимся, какъ бы сынъ Гамилькара не ознакомился слишкомъ поздно съ соблазномъ неограниченной власти, съ блескомъ отцовскаго царства? боимся, какъ бы мы не сдѣлались слишкомъ поздно рабами сына того царя, который оставилъ наши войска въ наслѣдство своему зятю? Я требую, чтобы мы удержали этого юношу здѣсь, чтобы онъ, подчиняясь законамъ, повинуясь сановникамъ государства, учился жить на равныхъ правахъ съ прочими; въ противномъ случаѣ это небольшое пламя можетъ зажечь огромный пожаръ“. **4**. Меньшинство, то есть почти вся знать, согласилось съ нимъ; но, какъ это обыкновенно бываетъ, большая часть восторжествовала надъ лучшей.

Итакъ, Ганнибалъ былъ посланъ въ Испанію. Однимъ своимъ появленіемъ онъ обратилъ на себя взоры всего войска. Старымъ воинамъ показалось, что къ нимъ вернулся Гамилькаръ, какимъ онъ былъ въ лучшіе свои годы; то же мощное слово, тотъ же повелительный взглядъ, то же выраженіе, тѣ же черты лица! Но вскорѣ онъ достигъ того, что его сходство съ отцомъ сдѣлалось наименѣе значительнымъ изъ тѣхъ качествъ, которыя располагали къ нему воиновъ. Никогда еще душа одного и того же человѣка не была такъ равномѣрно приспособлена къ обѣимъ, столь разнороднымъ обязанностямъ, повелѣванію и повиновенію; трудно было, поэтому различить, кто имъ болѣе дорожилъ— главнокомандующій ли, или войско. Никого Газдрубалъ не назначалъ охотнѣе начальникомъ отряда, которому поручалось дѣло, требующее отваги и стойкости; но и воины ни подъ чьимъ начальствомъ не были болѣе самоувѣренны и болѣе храбры. Насколько онъ былъ смѣлъ, бросаясь въ опасность, настолько же былъ онъ осмотрителенъ въ самой опасности. Не было такого труда, при которомъ онъ уставалъ бы тѣломъ или падалъ духомъ. И зной, и морозъ онъ переносилъ съ равнымъ терпѣніемъ; ѣлъ и пилъ столько, сколько требовала природа, а не въ удовольствіе; распредѣлялъ время для бодрствованія и сна, не обращая вниманія на день и ночь — онъ удѣлялъ покою тѣ часы, которые у него оставались свободными отъ работы; притомъ онъ не пользовался мягкой постелью и не требовалъ тишины, чтобы легче заснуть; часто его видѣли, какъ онъ, завернувшись въ военный плащъ, спалъ среди воиновъ, стоящихъ на караулѣ или въ пикетѣ. Одеждой онъ нисколько не отличался отъ ровесниковъ; только по вооруженію да по коню его можно было узнать. Какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ онъ далеко оставлялъ за собою прочихъ; первымъ устремлялся въ бой, послѣднимъ послѣ сраженія оставлялъ поле. Но въ одинаковой мѣрѣ съ этими высокими достоинствами обладалъ онъ и ужасными пороками. Его жестокость доходила до безчеловѣчности, его вѣроломство еще превосходило пресловутое „пуническое" вѣроломство. Онъ не зналъ ни правды, ни добродѣтели, не боялся боговъ, не соблюдалъ клятвы, не уважалъ святыни. Будучи одаренъ этими хорошими и дурными качествами, онъ въ теченіе своей трехлѣтней службы подъ начальствомъ Газдрубала съ величайшимъ рвеніемъ исполнялъ все, наблюдалъ надъ всѣмъ, что только могло развить въ немъ зачатки великаго полководца.

5. Но вернемся къ начатому разсказу. Со дня своего избранія полководцемъ Ганнибалъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто ему назначили провинціей Италію и поручили вести войну съ Римомъ. Не желая откладывать свое предпріятіе, —онъ боялся, что и онъ самъ, если будетъ медлить, можетъ пасть жертвой какого-нибудь несчастнаго случая, подобно своему отцу Гамилькару и затѣмъ Газдрубалу—онъ рѣшился пойти войной на Сагунтъ. Зная однако, что нападеніемъ на этотъ городъ онъ неминуемо вызоветъ войну съ Римомъ, онъ повелъ сначала свое войско въ землю олкадовъ [1]), которые жили по ту сторону Гибера и, находясь такимъ образомъ въ предѣлахъ владычества карѳагенянъ, власти ихъ, все-таки, не признавали. Этимъ онъ хотѣлъ возбудить мнѣніе, что не желаніе захватить Сагунтъ, а естественный ходъ событій и вызванная покореніемъ сосѣднихъ народовъ необходимость объединить свои владѣнія вовлекли его въ войну съ нимъ. Взявъ приступомъ богатую Карталу, столицу олкадовъ, и разграбивъ ее, онъ нагналъ такой страхъ на болѣе мелкія племена, что они дали обложить себя контрибуціей и приняли карѳагенское подданство. Послѣ этого онъ отвелъ свое побѣдоносное войско съ богатой добычей въ Новый Карѳагенъ на зимнія квартиры. Тамъ онъ щедро раздѣлилъ воинамъ добычу и заплатилъ имъ честно все жалованье за истекшій годъ. Укрѣпивъ этимъ образомъ дѣйствій расположеніе къ себѣ всего войска, какъ карѳагенскихъ гражданъ, служившихъ въ немъ, такъ и союзниковъ, онъ съ наступленіемъ весны двинулся еще дальше, въ страну вакцеевъ [2]). Ихъ главными городами, Германдикой и Арбокалой, онъ завладѣлъ силой, при чемъ однако Арбокала долго защищалась, благодаря и мужеству, и численности горожанъ.—Между тѣмъ спасшіеся бѣгствомъ жители Германдики, соединившись съ выходцами изъ олкадовъ, покореннаго предыдущимъ лѣтомъ племени, побудили къ возстанію карпетановъ, и когда Ганнибалъ возвращался изъ

---

1) Народъ въ центральной Испаніи, извѣстный намъ только изъ этого мѣста.
2) Изъ названныхъ главныхъ городовъ вакцеевъ одинъ, Hermandica (у Полибія Elmantica), тожественъ съ позднѣйшей Salmatnica и нынѣшней Саламанкой на Тормесѣ, южномъ притокѣ Дуэро; другой, Arbocala, несомнѣнно тожественъ съ позднѣйшей Albocola, отстоявшей на 60 верстъ отъ Салмантики. Отсюда видно, что Ганнибалъ хотѣлъ сдѣлать р. Дуэро сѣверной границей карѳагенскихъ владѣній въ Испаніи.

страны вакцеевъ, то они, во время марша, напали на него недалеко отъ рѣки Тага и привели въ замѣшательство его войско, отягченное добычей. Но Ганнибалъ уклонился отъ боя, укрѣпившись лагеремъ на самомъ берегу; и когда наступила ночь, и въ стоянкѣ врага водворилась тишина, онъ отправился черезъ рѣку въ бродъ и вновь окопался такимъ образомъ, чтобы враги свободно могли пройти въ свою очередь на лѣвый берегъ, разсчитывая напасть на нихъ во время переправы. Всадникамъ своимъ онъ приказалъ, лишь только они завидятъ полчища непріятелей въ водѣ, броситься на нихъ, пользуясь ихъ затруднительнымъ положеніемъ; на берегу онъ расположилъ своихъ слоновъ, числомъ сорокъ. Карпетановъ съ вспомогательными отрядами олкадовъ и вакцеевъ было сто тысячъ, — непобѣдимая сила, если сразиться съ ней на открытомъ полѣ. Они были по природѣ смѣлы, а сознаніе ихъ численнаго превосходства еще увеличивало ихъ самоувѣренность; полагая поэтому, что врагъ отступилъ предъ ними изъ страха, и что только рѣка, отдѣляющая ихъ отъ него, замедляетъ ихъ побѣду, они подняли крикъ и вразброску, гдѣ кому было ближе, бросились въ стремнину, не слушаясь ничьихъ приказаній. Вдругъ съ противнаго берега устремилась въ рѣку несмѣтная конная рать, и на самой срединѣ русла произошла стычка при далеко неравныхъ условіяхъ: пѣхотинецъ и безъ того едва могъ стоять и даже на мелкомъ мѣстѣ выступалъ нетвердой походкой, такъ что и безоружный всадникъ нечаяннымъ толчкомъ своей лошади могъ сбить его съ ногъ; всадникъ, напротивъ, свободно располагалъ и тѣломъ, и оружіемъ, сидѣлъ на лошади, бодро выступавшей даже среди пучины, и могъ, поэтому, поражать и далекихъ, и близкихъ. Многихъ поглотила рѣка; другихъ стремнина занесла къ непріятелю, гдѣ ихъ раздавили слоны. Тѣмъ, которые вошли въ воду послѣдними, легче было вернуться къ своему берегу; но пока они изъ разныхъ мѣстъ, куда занесъ ихъ страхъ, собирались въ одну кучу, Ганнибалъ, не давъ имъ опомниться, выстроилъ свою пѣхоту, повелъ ее черезъ рѣку и прогналъ ихъ съ берега. Затѣмъ онъ пошелъ опустошать ихъ поля и въ теченіе немногихъ дней заставилъ и карпетановъ подчиниться [1]). — И вотъ уже вся земля по ту сторону Гибера была во власти кароагенянъ, за исключеніемъ одного только Сагунта.

535 г. **6**. Съ Сагунтомъ войны еще не было, но Ганнибалъ, желая создать предлогъ для вооруженнаго вмѣшательства, уже сѣялъ раздоры между горожанами и сосѣдними племенами, главнымъ образомъ турдетанами. А такъ какъ виновникъ ссоры предлагалъ свои услуги въ качествѣ третейскаго судьи, и было ясно, что имѣется въ виду не актъ правосудія, а насиліе, то сагунтинцы отправили пословъ въ Римъ просить помощи для неизбѣжной уже войны. Консулами были тогда въ Римѣ П. Корнелій Сципіонъ и Тиб. Семпроній Лонгъ [1]). Они ввели пословъ въ сенатъ и сдѣлали докладъ о положеніи государства; рѣшено было отправить пословъ въ Испанію, чтобы изслѣдовать дѣла союзниковъ, и предоставить имъ, если они сочтутъ это умѣстнымъ, объявить Ганнибалу, чтобы онъ воздерживался отъ нападенія на Сагунтъ, какъ союзный съ римскимъ народомъ городъ, а затѣмъ отправиться въ Кароагенъ, что въ Африкѣ, и доложить тамъ о жалобахъ союзниковъ римскаго народа. Не успѣли еще послы оставить Римъ, какъ уже прибыло извѣстіе — раньше, чѣмъ кто-либо могъ ожидать, — что осада Сагунта началась. Тогда дѣло было вторично доложено сенату. Одни требовали, чтобы Испанія и Африка были назначены провинціями консуламъ, и чтобы Римъ началъ войну и на сушѣ, и на морѣ; другіе — чтобы вся война была обращена противъ Испаніи и Ганнибала. Но раздались и такіе голоса, что такое дѣло нельзя затѣвать такъ опрометчиво, что слѣдуетъ сначала обождать, какой отвѣтъ принесутъ послы изъ Испаніи. Это мнѣніе показалось самымъ благоразумнымъ и одержало верхъ; тѣмъ скорѣе послы П. Валерій Флаккъ и Кв. Бебій Тамфилъ были отправлены въ Сагунтъ къ Ганнибалу. Въ случаѣ, если бы Ганнибалъ не прекратилъ военныхъ дѣйствій, они должны были оттуда прослѣдовать въ Кароагенъ и потребовать выдачи самого полководца для наказанія за нарушеніе договора.

7. Но пока въ Римѣ занимались этими приготовленіями и совѣщаніями, Сагунтъ уже подвергся крайне ожесточенной осадѣ. Это былъ самый богатый изъ всѣхъ городовъ по ту сторону Гибера, расположенный въ разстояніи приблизитель-

[1]) Походъ противъ вакцеевъ и карпетановъ занялъ все лѣто 534 г.; о зимовкѣ кароагенскаго войска послѣ этого похода и передъ осадой Сагунта Ливій позабылъ упомянуть.

[1]) Это ошибка: консулами въ 535 г., когда былъ осажденъ Сагунтъ, были М. Ливій и Л. Эмилій Павелъ, названные у Ливія были консулами годомъ позже. Ср. гл. 15.

но одной мили отъ моря. Основатели его былъ родомъ, говорятъ, изъ Закинфа; къ ихъ дружинѣ присоединились и нѣкоторые рутулы изъ Арден. Въ скоромъ времени городъ значительно разбогатѣлъ, благодаря выгодной морской торговлѣ, плодородію мѣстности, быстрому росту населенія, а также и строгости нравовъ; лучшее доказательство послѣдней — вѣрность, которую они хранили союзникамъ до самой гибели. Ганнибалъ, вторгнувшись съ войскомъ въ ихъ предѣлы, опустошилъ, насколько могъ, ихъ поля и затѣмъ, раздѣливъ свои силы на три части, двинулся къ самому городу. Его стѣна однимъ угломъ выходила на долину болѣе ровную и открытую, чѣмъ остальныя окрестности; противъ него рѣшилъ онъ направить винеи [1]), чтобы съ ихъ помощью подвезти къ стѣнѣ таранъ. Издали дѣйствительно мѣстность показалась достаточно удобной, чтобы повести по ней винеи; но какъ только надо было пустить ихъ въ ходъ, дѣло пошло очень неудачно. Возвышалась огромныхъ размѣровъ башня, да и стѣна, въ виду ненадежности самой мѣстности, была возведена на бóльшую противъ остального ея протяженія вышину; къ тому же и избранная молодежь оказывала наиболѣе дѣятельное сопротивленіе именно тамъ, откуда угрожало наиболѣе опасности и тревоги. На первыхъ порахъ защитники ограничивались тѣмъ, что производимою по врагу стрѣльбою держали его на извѣстномъ разстояніи и не давали ему соорудить никакого мало-мальски надежнаго окопа; но со временемъ стрѣлы стали уже сверкать не только со стѣнъ и съ башенъ—у осаждаемыхъ хватило духу дѣлать вылазки противъ непріятельскихъ пикетовъ и сооруженій. Въ этихъ безпорядочныхъ стычкахъ падало обыкновенно отнюдь не меньше кареагенянъ, чѣмъ сагунтинцевъ. Когда же самъ Ганнибалъ, неосторожно приблизившійся къ стѣнѣ, былъ тяжело раненъ дротикомъ въ бедро и упалъ, кругомъ распространилось такое смятеніе и такая тревога, что винеи и фортификаціонныя работы едва не были покинуты.

8. Отказавшись пока отъ приступа, кареагеняне нѣсколько дней довольствовались одной блокадой города, чтобы дать ранѣ полководца время зажить. Въ продолженіе этого промежутка сраженій не происходило, но съ той и съ другой стороны безостановочно работали надъ окопами и укрѣ-

[1]) См. II 17 примѣч.

пленіями. Поэтому, когда вновь приступили къ военнымъ дѣйствіямъ, борьба была еще ожесточеннѣе; а такъ какъ на многихъ мѣстахъ едва было возможно работать, то направили винеи и повезли тараны противъ нѣсколькихъ частей стѣны одновременно. На сторонѣ пунійцевъ было значительное численное превосходство — по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ ихъ было подъ оружіемъ до полутораста тысячъ,— горожане же, будучи принуждены раздѣлиться на много частей, чтобы наблюдать за всѣмъ и всюду принимать мѣры предосторожности, чувствовали недостатокъ въ людяхъ. И вотъ тараны ударили въ стѣны; вскорѣ тамъ и сямъ началось разрушеніе; вдругъ сплошныя развалины одной части укрѣпленій обнажили городъ—обрушились съ оглушительнымъ трескомъ три башни подъ рядъ и вся стѣна между ними. Пунійцы подумали было, что ихъ паденіе рѣшило взятіе города; вмѣсто того обѣ стороны бросились черезъ проломъ впередъ, въ битву, съ такой яростью, какъ будто стѣна до тѣхъ поръ служила оплотомъ для обѣихъ. Притомъ эта битва ни чуть не походила на тѣ безпорядочныя стычки, какія обыкновенно происходятъ при осадахъ городовъ, когда выборъ времени зависитъ отъ расчетовъ одной только стороны. Воины выстроились надлежащимъ образомъ въ ряды среди развалинъ стѣнъ на узкой площади, отдѣляющей одну линію домовъ отъ другой, словно на открытомъ полѣ. Однихъ воодушевляла надежда, другихъ отчаяніе; Пуніецъ думалъ, что городъ, собственно, уже взятъ, и что ему остается только немного понатужиться; сагунтинцы помнили, что стѣнъ уже не стало, и что ихъ грудь—единственный оплотъ ихъ обнаженной родины, и никто изъ нихъ не отступалъ, чтобы оставленное имъ мѣсто не было занято врагомъ. И чѣмъ больше было остервененіе сражающихся, чѣмъ гуще ихъ ряды, тѣмъ больше было ранъ: такъ какъ промежутковъ не было, то каждое копье попадало или въ человѣка, или въ его щитъ. А копьемъ сагунтинцевъ была фаларика съ круглымъ сосновымъ древкомъ; только конецъ, гдѣ помѣщалось желѣзо, былъ четырехугольный, какъ въ пилумѣ [1]); этотъ конецъ обвертывался паклей и смазывался смолой. Желѣзо было длинное въ три фута и могло вмѣстѣ со щитомъ пронзить и человѣка. Но и помимо того, фаларика была ужаснымъ оружіемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ,

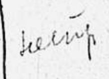
[1]) Pilum—копье римскихъ легіонеровъ, длиною приблизительно въ сажень.

когда оставалась въ щитѣ и не касалась тѣла; среднюю ея часть зажигали, прежде чѣмъ метать, и загорѣвшійся огонь разростался въ силу самого движенія; такимъ образомъ воинъ былъ принужденъ бросать свой щитъ и встрѣчать слѣдующіе удары открытою грудью. **9.** Сраженіе долгое время оставалось нерѣшительнымъ; вслѣдствіе этого сагунтинцы, видя неожиданный успѣхъ своего сопротивленія, воспрянули духомъ, и Пуніецъ, не сумѣвшій довершить свою побѣду, показался имъ какъ бы уже побѣжденнымъ. И вотъ горожане внезапно подымаютъ крикъ, оттѣсняютъ врага къ развалинамъ стѣнъ, затѣмъ, пользуясь его неловкимъ положеніемъ и малодушіемъ, прогоняютъ его и оттуда и, наконецъ, въ стремительномъ бѣгствѣ гонятъ его до самаго лагеря.

Тѣмъ временемъ Ганнибала извѣщаютъ о прибытіи римскаго посольства. Онъ посылаетъ къ морю людей и велитъ сказать посламъ, что для нихъ доступъ къ нему среди оружія столькихъ необузданныхъ племенъ небезопасенъ, самъ же онъ въ такое критическое время не признаетъ возможнымъ давать имъ аудіенцію. Было однако ясно, что, не будучи допущены къ нему, они тотчасъ же отправятся въ Карѳагенъ. Онъ послалъ, поэтому, къ представителямъ баркинской партіи гонцовъ съ письмами, въ которыхъ приглашалъ ихъ подготовить друзей къ предстоящимъ событіямъ, чтобы противники не имѣли возможности сдѣлать какія бы то ни было уступки Риму. **10.** По этой причинѣ и эта вторая часть миссіи римскихъ пословъ оказалась одинаково тщетной и безуспѣшной; вся разница состояла въ томъ, что ихъ, все-таки, допустили и выслушали. Одинъ только Ганнонъ выступилъ защитникомъ договора, имѣя противъ себя весь сенатъ; благодаря уваженію, которымъ онъ пользовался, его рѣчь была выслушана въ глубокомъ молчаніи. Взывая къ богамъ, посредникамъ и свидѣтелямъ договоровъ, онъ заклиналъ сенатъ не возбуждать, вмѣстѣ съ сагунтинской войной, войны съ Римомъ. „Я заранѣе предостерегалъ васъ, сказалъ онъ, не посылать къ войску отродья Гамилькара. Духъ этого человѣка не находитъ покоя въ могилѣ, и его безпокойство сообщается сыну; не прекратятся покушенія противъ договоровъ съ римлянами, пока будетъ въ живыхъ хоть одинъ потомокъ крови и имени Барки. Но вы отправили къ войскамъ юношу, пылающаго страстнымъ желаніемъ завладѣть царской властью и видящаго только одно средство къ тому—

возбуждать одну войну за другой, чтобы постоянно окружать себя оружіемъ и легіонами. Вы дали пищу пламени, вы своей рукой зажгли тотъ пожаръ, въ которомъ вамъ суждено погибнуть. Теперь ваши войска, вопреки договору, осаждаютъ Сагунтъ; вскорѣ Карѳагенъ будетъ осажденъ римскими легіонами подъ предводительствомъ тѣхъ самыхъ боговъ, которые и въ прошлую войну дали имъ наказать нарушителей договора. Неужели вы не знаете врага, не знаете самихъ себя, не знаете счастья обоихъ народовъ?—Вашъ безподобный главнокомандующій не пустилъ въ свой лагерь пословъ, которые отъ имени нашихъ союзниковъ пришли заступиться за нашихъ же союзниковъ; международное право, какъ видно, для него не существуетъ. Они же, будучи изгнаны изъ того мѣста, куда принято допускать даже пословъ врага, пришли къ намъ; опираясь на договоръ, они требуютъ удовлетворенія. Они довольствуются выдачей одного только виновника для совершенія суда надъ нимъ, давая намъ этимъ возможность сложить съ себя отвѣтственность. Но чѣмъ умѣреннѣе и мнительнѣе поступаютъ они до начала войны, тѣмъ настойчивѣе, боюсь я, и строже будутъ они дѣйствовать, когда война будетъ начата. Подумайте объ Эгатскихъ островахъ и объ Эрикѣ, подумайте о томъ, что вы претерпѣли на сушѣ и на морѣ въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ! А вождемъ вѣдь былъ тогда не вашъ молодчикъ, а его отецъ, самъ Гамилькаръ, второй Марсъ, какъ эти люди его называютъ. Но мы поплатились за то, что вопреки договору покусились на Тарентъ, на италійскій Тарентъ [1], точно такъ же, какъ теперь мы покушаемся на Сагунтъ. Боги побѣдили людей; вопросъ о томъ, который народъ нарушилъ договоръ,—вопросъ, о которомъ мы много спорили на словахъ,—былъ рѣшенъ исходомъ войны, справедливымъ судьей: онъ далъ побѣду тѣмъ, за кѣмъ было право. Къ Карѳагену двигаетъ Ганнибалъ теперь свои винеи и башни, стѣны Карѳагена разбиваетъ таранами; развалины Сагунта—да будутъ лживы мои прорицанія!—обрушатся на насъ. Войну, начатую съ Сагунтомъ, придется вести съ Римомъ. „Итакъ, спросятъ меня, намъ слѣдуетъ выдать Ганнибала?“ Я знаю, что въ отношеніи

[1] Договоромъ 475 г. римляне обязались не вмѣшиваться въ сицилійскія, а карѳагеняне—въ италійскія дѣла. Неудачная попытка Карѳагена въ 482 г. захватить Тарентъ, будучи нарушеніемъ этого договора, дала Риму право въ 489 г. заступиться за Мессану, что послужило поводомъ къ 1-й Пунической войнѣ.



къ нему мои слова не очень вѣски, вслѣдствіе моей вражды съ его отцомъ. Но вѣдь и смерти Гамилькара я радовался потому, что, останься онъ живъ, мы ужъ теперь воевали бы съ римлянами; точно также я и этого юношу потому ненавижу такъ страстно, что онъ, подобно фуріи, разжегъ эту войну. По моему мнѣнію, его не только слѣдуетъ выдать, какъ очистительную жертву за нарушеніе договора, но даже если бы никто не требовалъ его, то и тогда его слѣдовало бы увезти куда-нибудь за послѣдніе предѣлы земель и морей, заточить его въ такомъ мѣстѣ, откуда бы ни имя его, ни вѣсть о немъ не могла дойти до насъ, гдѣ бы онъ не имѣлъ никакой возможности тревожить нашъ мирный городъ. Итакъ, мое мнѣніе таково: слѣдуетъ тотчасъ же отправить посольство въ Римъ, чтобы выразить римскому сенату наши извиненія; другое посольство должно приказать Ганнибалу отвести войско отъ Сагунта и затѣмъ, въ удовлетвореніе договору, выдать его самого римлянамъ; наконецъ я требую, чтобы третье посольство было отправлено въ Сагунтъ для возмѣщенія убытковъ жителей".

11. Когда Ганнонъ кончилъ, никто не счелъ нужнымъ отвѣтить ему рѣчью; до такой степени весь сенатъ, за немногими исключеніями, былъ преданъ Ганнибалу. Замѣчали только, что онъ говорилъ съ еще большимъ раздраженіемъ, чѣмъ римскій посолъ Валерій Флаккъ. Затѣмъ римлянамъ дали такого рода отвѣтъ: войну начали сагунтинцы, а не Ганнибалъ, и Римъ поступилъ бы несправедливо, жертвуя ради Сагунта своимъ стариннымъ союзникомъ — Карѳагеномъ.

Пока римляне тратятъ время на отправленіе посольствъ, Ганнибалъ далъ своимъ воинамъ, измученнымъ и битвами и работами по фортификаціи, нѣсколько дней для отдыха, расположивъ пикеты для охраны виней и другихъ сооруженій; тѣмъ временемъ онъ возбуждалъ въ нихъ то гнѣвъ противъ враговъ, то надежду на награды, и этимъ воспламенялъ ихъ отвагу. Когда же онъ въ обращеніи къ войску объявилъ, что по взятіи города добыча достанется воинамъ, всѣ они до такой степени воспылали рвеніемъ, что, еслибы сигналъ къ наступленію былъ данъ тотчасъ же, то никакая сила, казалось, не могла бы противустоять имъ. Что же касается сагунтинцевъ, то и они пріостановили военныя дѣйствія, не подвергаясь нападеніямъ и не нападая сами въ продолженіе нѣсколькихъ дней; зато они не предавались отдыху ни днемъ, ни ночью, пока не возвели новой стѣны

съ той стороны, гдѣ разрушенныя укрѣпленія открыли врагу доступъ въ городъ. Вслѣдъ за тѣмъ имъ пришлось выдержать новый приступъ, многимъ ожесточеннѣе прежняго. Они не могли даже знать, куда имъ прежде всего обратиться, куда направить свои главныя силы: отовсюду неслись самые разнородные крики. Самъ Ганнибалъ руководилъ нападеніемъ съ той стороны, гдѣ везли передвижную башню, превосходящую вышиной всѣ укрѣпленія города. Когда она была подвезена и подъ дѣйствіемъ катапультъ и баллистъ, расположенныхъ по всѣмъ ея этажамъ, стѣна опустѣла, тогда Ганнибалъ, считая время удобнымъ, послалъ приблизительно пятьсотъ африканцевъ съ топорами разбивать нижнюю часть стѣны. Это не представляло особой трудности, такъ какъ скважины не были залиты известкой, при помощи которой бутъ могъ бы окрѣпнуть въ одну прочную массу, а были залѣплены глиной, на подобіе старинныхъ построекъ. Вслѣдствіе этого стѣна рушилась на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ то, на которомъ она непосредственно подвергалась ударамъ, и чрезъ образовавшіеся проломы отряды вооруженныхъ вступали въ городъ. Имъ удалось даже завладѣть однимъ возвышеніемъ; снесши туда катапульты и баллисты, они окружили его стѣной, чтобы имѣть въ самомъ городѣ укрѣпленную стоянку на подобіе грозной твердыни.

И сагунтинцы, въ свою очередь, соорудили внутреннюю стѣну для защиты той части города, которая не была еще взята. Обѣ стороны одновременно и сражаются, и работаютъ; но, будучи принуждены отодвигать защищаемую черту все болѣе и болѣе во внутрь города, сагунтинцы сами съ каждымъ днемъ дѣлали его меньше и меньше. Въ то же время недостатокъ во всемъ необходимомъ становился, вслѣдствіе продолжительности осады, все ощутительнѣе, а надежда на помощь извнѣ слабѣла; римляне, единственный народъ, на который они уповали, были далеко, а вся земля кругомъ была во власти врага. Все-же нѣкоторымъ облегченіемъ въ ихъ удрученномъ положеніи былъ внезапный походъ Ганнибала на оретановъ и карпетановъ [1]). Эти два народа, возмущенные строгостью производимаго среди нихъ набора, захватили Ганнибаловыхъ комиссаровъ и были, повидимому, непрочь отпасть; но, пораженные быстрымъ на-

[1]) Карпетаны жили на Тагѣ (см. гл. 5); оретаны были ихъ южными сосѣдями. Строгость набора была, повидимому, наказаніемъ за отложеніе.

шествіемъ Ганнибала, они отказались отъ своей попытки; **12.** а осада Сагунта велась тѣмъ временемъ ничуть не медленнѣе, такъ какъ Магарбалъ, сынъ Гимилькона, котораго Ганнибалъ оставилъ начальникомъ, дѣйствовалъ съ такой энергіей, что ни свои, ни враги не замѣчали отсутствія главнокомандующаго. Онъ далъ врагу нѣсколько успѣшныхъ сраженій и съ помощью трехъ тарановъ разрушилъ часть стѣны; когда Ганнибалъ вернулся, онъ могъ показать ему свѣжія развалины на протяженіи всей новой черты. Тотчасъ же Ганнибалъ повелъ войско противъ самого кремля; произошло ожесточенное сраженіе, въ которомъ пало много людей съ обѣихъ сторонъ, но часть кремля была все-таки взята.

Тогда два человѣка, сагунтинецъ Алконъ и испанецъ Алоркъ, сдѣлали попытку примирить враждующія стороны—правда, безъ особой надежды на успѣхъ. Алконъ, безъ вѣдома сагунтинцевъ, вообразивъ, что его просьбы сколько нибудь помогутъ дѣлу, ночью перешелъ къ Ганнибалу; но, видя, что слезы никакого впечатлѣнія не производятъ, что Ганнибалъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ побѣдителя врага, ставитъ ужасныя условія, онъ, изъ посредника превратившись въ перебѣжчика, остался у врага; по его мнѣнію, тотъ, кто осмѣлился бы предлагать сагунтинцамъ миръ на такихъ условіяхъ, былъ бы убитъ ими. Требованія же состояли въ слѣдующемъ: сагунтинцы должны были дать турдетанамъ полное удовлетвореніе, передать все золото и серебро врагу и, взявъ съ собою лишь по одной одеждѣ на человѣка, покинуть городъ, чтобы поселиться тамъ, гдѣ прикажетъ Пуніецъ. Но между тѣмъ какъ Алконъ утверждалъ, что сагунтинцы никогда не примутъ этихъ условій,—Алоркъ заявилъ, что душа человѣка покоряется тамъ, гдѣ всѣ средства къ сопротивленію истощены, и взялся быть истолкователемъ условій предлагаемаго мира; онъ служилъ тогда въ войскѣ Ганнибала, но считался, согласно постановленію сагунтинцевъ, соединеннымъ съ ними союзомъ дружбы и гостепріимства. И вотъ онъ открыто передаетъ свое оружіе сторожевому пикету непріятелей и переходитъ ихъ укрѣпленія; по его собственному желанію его ведутъ къ начальнику Сагунта. Тотчасъ же сбѣжалось къ нему множество людей всѣхъ сословій; но начальникъ, удаливъ толпу постороннихъ, ввелъ Алорка въ сенатъ. Тамъ онъ произнесъ такую рѣчь.

13. „Если бы вашъ согражданинъ Алконъ, отправившійся къ Ганнибалу просить его о мирѣ, исполнилъ свой долгъ и принесъ вамъ условія, которыя ставитъ Ганнибалъ, то я счелъ бы излишнимъ приходить къ вамъ—не то посломъ Ганнибала, не то перебѣжчикомъ. Но такъ какъ онъ, по вашей ли, или по своей винѣ остался у враговъ—по своей, если его боязнь была притворной, по вашей же, если у васъ дѣйствительно подвергается опасности тотъ, кто говоритъ вамъ правду,—то я, въ силу стариннаго союза гостепріимства съ вами, рѣшился отправиться къ вамъ, чтобы вы знали, что еще возможность для васъ—на извѣстныхъ условіяхъ—спасти себя и заключить миръ. А что всѣ мои слова къ вамъ подсказаны мнѣ исключительно заботою о васъ, а не какимъ бы то ни было постороннимъ расчетамъ,—доказательствомъ тому да будетъ одинъ тотъ фактъ, что я никогда не обращался къ вамъ съ предложеніями о мирѣ, пока вы или могли сами сопротивляться собственными силами, или надѣялись на помощь со стороны римлянъ. Теперь же, когда надежда на римлянъ оказалась тщетной, ваше же оружіе и ваши стѣны уже не служатъ вамъ защитой, я явился къ вамъ съ условіями мира, не выгоднаго, но необходимаго. Но этотъ миръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если вы согласны выслушать его условія въ сознаніи, что вы побѣждены, и что Ганнибалъ ставитъ ихъ въ качествѣ побѣдителя, если вы, памятуя, что побѣдителю принадлежитъ все, согласны считать подаркомъ то, что онъ оставляетъ вамъ, а не потерей то, что онъ у васъ отнимаетъ. Итакъ, онъ отнимаетъ у васъ городъ, который и безъ того уже въ его власти, будучи въ значительной части разрушенъ и почти весь взятъ имъ; зато онъ оставляетъ вамъ землю, предоставляя себѣ указать вамъ мѣсто для основанія новаго города. Сверхъ того онъ требуетъ, чтобы вы передали ему все золото и серебро, находящееся, какъ въ общинной казнѣ, такъ и у частныхъ лицъ; зато онъ обезпечиваетъ вамъ жизнь, честь и свободу, какъ вашу собственную, такъ и вашихъ женъ и дѣтей,—если вы согласны оставить Сагунтъ безъ оружія, взявъ по двѣ одежды [1]) на человѣка. Таковъ приказъ побѣдителя-врага, таковъ же и совѣтъ—совѣтъ тяжкій и грустный—вашего духа-хранителя. Я со своей стороны не теряю надежды, что Ганнибалъ, видя вашу покорность, нѣ-

---

[1]) Какъ видно, Ганнибалъ нѣсколько смягчилъ тѣ условія, которыя онъ диктовалъ Алкону: такъ, онъ отказался также отъ унизительнаго требованія, чтобы сагунтинцы сами возмѣстили убытки турдетанамъ.

сколько умѣритъ свои требованія; но и теперь я полагаю, что лучше подчиниться имъ, чѣмъ допустить, чтобы врагъ по праву войны убивалъ васъ и передъ вашими глазами хваталъ и волочилъ вашихъ женъ и дѣтей".

14. Между тѣмъ толпа, желая слушать рѣчь Алорка, мало-по-малу окружила палату, и сенатъ съ народомъ составлялъ уже одно сборище. Вдругъ сановники города, прежде чѣмъ Алорку могъ быть данъ отвѣтъ, отдѣлились отъ сената, начали сносить на площадь все золото и серебро, какъ общинное, такъ и свое собственное, и, поспѣшно разведши огонь, бросили его туда, при чемъ многіе изъ нихъ сами бросались въ тотъ же огонь. Но вотъ въ то время, когда страхъ и смятеніе, распространившіеся вслѣдствіе этого отчаяннаго поступка по городу, еще не улеглись,— раздался новый шумъ съ кремля: послѣ долгихъ усилій враговъ обрушилась, наконецъ, башня, и когорта пунійцевъ, ворвавшаяся черезъ образовавшійся проломъ, дала знать полководцу, что городъ враговъ покинутъ обычными караулами и пикетами. Тогда Ганнибалъ, рѣшившись немедленно воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, со всѣмъ своимъ войскомъ напалъ на городъ. Въ одно мгновеніе Сагунтъ былъ взятъ; Ганнибалъ далъ приказъ, чтобы всѣ взрослые были убиваемы. Приказаніе это было жестоко, но исходъ дѣла какъ бы оправдалъ его. Дѣйствительно, возможно ли было пощадить хоть одного изъ этихъ людей, которые, частью запершись вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми, сами подожгли дома, въ которыхъ находились, частью же бросались съ оружіемъ въ рукахъ на врага и дрались съ нимъ до самой смерти. **15.** Городъ былъ взятъ съ несмѣтной добычей. Многое, правда, было испорчено нарочно самими владѣльцами; правда и то, что ожесточенные воины рѣзали всѣхъ, рѣдко различая взрослыхъ и малолѣтнихъ, и что плѣнники были добычею самихъ воиновъ. Все-же не подлежитъ сомнѣнію, что при продажѣ цѣнныхъ вещей выручили значительную сумму денегъ, и что много дорогой утвари и матеріи было послано въ Карѳагенъ.

По свидѣтельству нѣкоторыхъ, Сагунтъ палъ черезъ восемь мѣсяцевъ, считая съ начала осады, затѣмъ Ганнибалъ удалился на зимнія квартиры въ Новый Карѳагенъ, а затѣмъ, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ своего выступленія изъ Карѳагена, прибылъ въ Италію. Если это такъ, то П. Корнелій и Тиб. Семпроній не могли быть тѣми консулами, къ

которымъ въ началѣ осады были отправлены сагунтскіе послы, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣми, которые сразились съ Ганнибаломъ, одинъ на рѣкѣ Тицинѣ, а оба, нѣсколько времени спустя, на Требіи. Или всѣ эти промежутки были значительно короче, или же въ началѣ консульства П. Корнелія и Тиб. Семпронія приходилось не начало осады, а взятіе Сагунта; допустить же, что сраженіе на Требіи произошло въ годъ Гн. Сервилія и Г. Фламинія [1]), невозможно, такъ какъ Г. Фламиній вступилъ въ консульскую власть въ Ариминѣ, будучи избранъ подъ предсѣдательствомъ консула Тиб. Семпронія, который явился въ Римъ ради консульскихъ выборовъ уже послѣ сраженія на Требіи, а затѣмъ, когда комиціи состоялись, отправился обратно къ войску на зимнія квартиры.

16. Почти одновременно съ возвращеніемъ пословъ изъ Карѳагена, которые доложили о преобладающемъ всюду враждебномъ настроеніи, было получено извѣстіе о разгромѣ Сагунта. Тогда сенаторами овладѣла такая жалость о недостойно погибшихъ союзникахъ, такой стыдъ за отсрочку помощи, такой гнѣвъ противъ карѳагенянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ— какъ будто врагъ стоялъ уже у воротъ города — такой страхъ за благосостояніе собственнаго отечества, что они, подъ ошеломляющимъ напоромъ столькихъ одновременныхъ чувствъ, могли только предаваться тревожнымъ думамъ, а не разсуждать. „Никогда еще", твердили они, „не приходилось Риму сражаться съ болѣе дѣятельнымъ и воинственнымъ противникомъ, и никогда еще римская политика не была столь мнительной и столь трусливой. Всѣ эти войны съ сардами да корсами, истрами да иллирійцами [2]) только раздражали воиновъ, нисколько не упражняя ихъ въ военномъ дѣлѣ: да и война съ галлами была, признаваясь откровенно, только рядомъ безпорядочныхъ свалокъ. Пуніецъ, напротивъ,—закаленный въ бою непріятель, въ продолженіе своей двадцатитрехлѣтней суровой службы среди испанскихъ народовъ ни разу не побѣжденный, привыкшій къ сво-

[1]) Т.-е. въ 537 г. Разсужденіе Ливія вполнѣ правильно; о причинѣ хронологической путаницы см. прим. къ гл. 6. [2]) Войны съ сардами и корсами были естественными послѣдствіями захвата обоихъ острововъ въ 516 г.; войны съ жителями Истріи (въ 534 г.) и съ иллирійскими корсарами (въ 525 и 535г.) имѣли цѣлью доставить безопасность адріатическому побережью. Самой значительной изъ всѣхъ войнъ, которыя римляне вели между обѣими Пуническими, была такъ называемая „Цисальпійская" съ населяющими сѣверъ Италіи галлами (529—532 г.); ея послѣдствіемъ было основаніе колоній Кремоны и Плаценціи, о которыхъ см. гл. 25 сл.

ему грозному вождю. Его страсти разыгрались отъ разгрома богатѣйшаго города; онъ уже переправляется черезъ Гиберъ, влечетъ за собою столько испанскихъ народовъ, вызванныхъ имъ изъ своей родины; вскорѣ онъ призоветъ къ оружію и всегда мятежныя галльскія племена, и намъ придется вести войну съ войсками всей вселенной, вести ее въ Италіи и—кто знаетъ?—передъ стѣнами Рима!"

17. Провинціи были назначены консуламъ уже заранѣе; теперь имъ предложили бросить жребій о нихъ; Корнелію досталась Испанія, Семпронію Африка съ Сициліей. Опредѣлено было набрать въ этомъ году шесть легіоновъ, при чемъ численность союзническихъ отрядовъ была предоставлена усмотрѣнію самихъ консуловъ, и спустить въ море столько кораблей, сколько окажется возможнымъ; всего же было набрано 24000 римскихъ пѣхотинцевъ, 1800 римскихъ всадниковъ, 40000 союзническихъ пѣхотинцевъ и 4400 союзническихъ всадниковъ; изъ кораблей же было спущено 220 пентеръ и 20 катеровъ, затѣмъ было внесено въ народное собраніе предложеніе: „благоволите, квириты, объявить войну кареагенскому народу", и по случаю предстоящей войны было объявлено молебствіе по всему городу; граждане просили боговъ дать хорошій и счастливый исходъ предпринятой римскимъ народомъ войнѣ. Войска были раздѣлены между консулами слѣдующимъ образомъ: Семпронію дали два легіона по 4000 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ, и къ нимъ 16000 пѣхотинцевъ и 1800 всадниковъ изъ союзниковъ, да 160 военныхъ кораблей съ 12-ью катерами. Съ такими-то сухопутными и морскими силами Тиб. Семпроній былъ посланъ въ Сицилію, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если другой консулъ сумѣетъ самъ удержать пунійцевъ внѣ предѣловъ Италіи, перенести войну въ Африку. Корнелію дали меньше войска въ виду того, что преторъ Л. Манлій съ значительной силой отправлялся по тому же направленію, въ Галлію; въ особенности флотомъ Корнелій былъ слабѣе. Всего ему дали 60 пентеръ—въ увѣренности, что врагъ придетъ не моремъ, и уже ни въ какомъ случаѣ не затѣетъ войны на морѣ—и два римскихъ легіона съ установленнымъ числомъ конницы и 14000 союзническихъ пѣхотинцевъ при 1600 всадникахъ. Провинція Галлія получила два римскихъ легіона съ 10000 союзнической пѣхоты и къ нимъ 1000 союзническихъ и 600 римскихъ всадниковъ, съ тѣмъ же назначеніемъ—сражаться съ пунійцами.

18. Когда все было готово, римляне—чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ обычая прежде, чѣмъ начать войну—отправляютъ въ Африку слѣдующихъ почтенныхъ своимъ возрастомъ пословъ: Кв. Фабія, М. Ливія, Л. Эмилія, Г. Лицинія и Кв. Бебія [1]). Имъ было поручено спросить кареагенянъ, государствомъ ли дано Ганнибалу полномочіе осадить Сагунтъ, и, въ случаѣ если бы они—какъ и слѣдовало ожидать—отвѣтили утвердительно и стали оправдывать поступокъ Ганнибала, какъ совершенный по государственному полномочію—объявить кареагенскому народу войну. Когда римскіе послы прибыли въ Кареагенъ и были введены въ сенатъ, Кв. Фабій, согласно порученію, сдѣлалъ свой запросъ, ничего къ нему не прибавляя. Въ отвѣтъ ему одинъ кареагенянинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Опрометчиво, римляне, и оскорбительно поступили вы, отправляя къ намъ свое первое посольство, которому вы поручили требовать отъ насъ выдачи Ганнибала, какъ человѣка, на собственный страхъ осаждающаго Сагунтъ; впрочемъ, требованіе вашего нынѣшняго посольства только на словахъ, покамѣстъ, мягче прежняго, на дѣлѣ же оно еще круче. Тогда вы одного только Ганнибала обвиняли и требовали выдачи одного только его; теперь же вы пришли всѣхъ насъ заставить признаться въ винѣ, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же наложить на насъ пеню, какъ на уличенныхъ собственнымъ признаніемъ. Я же позволю себѣ думать, что не въ томъ суть, осуждалъ ли Ганнибалъ Сагунтъ по государственному полномочію или на свой страхъ, а въ томъ, имѣлъ ли онъ на это право, или нѣтъ. Наше дѣло наводить справки и сводить счеты съ нашимъ согражданиномъ о томъ, что онъ сдѣлалъ по нашему, и что—по собственному усмотрѣнію; переговоры же съ вами могутъ касаться только одного пункта, было ли данное дѣйствіе разрѣшено договоромъ, или нѣтъ. А если такъ, то я—предварительно напомнивъ вамъ, что вы сами пожелали отличать самовольныя дѣйствія полководцевъ отъ тѣхъ, на которыя ихъ уполномочило государство,—укажу вамъ на нашъ договоръ съ вами, заключенный вашимъ консуломъ Г. Лутаціемъ; въ немъ ограждены права обоюдныхъ союзниковъ, но права

[1]) Изъ нихъ Кв. Фабій (Кункταторъ, герой 22-й книги) былъ главой миролюбивой партіи въ Римѣ; М. Ливій (поздн. Салинаторъ) и Л. Эмилій были консулами въ 535 г.; Г. Лициній, вѣроятно, тожественъ съ консуломъ 518 г. и, такимъ образомъ, свидѣтель договора Катула; Кв. Бебій Тамфилъ, наконецъ, былъ отправленъ въ качествѣ члена перваго посольства (см. гл. 6).

сагунтинцевъ не оговорены ни словомъ, что и понятно: они тогда еще не были вашими союзниками. „Но, скажете вы, въ томъ договорѣ, который мы заключили съ Газдрубаломъ, есть оговорка о сагунтинцахъ“. Противъ этого пункта я и намѣренъ воспользоваться вашимъ ученіемъ, не прибавляя къ нему ни слова. Когда вашъ консулъ Г. Лутацій заключилъ съ нами первый договоръ, вы объявили его недѣйствительнымъ, въ виду того, что онъ былъ заключенъ безъ утвержденія отцовъ и безъ разрѣшенія народа; пришлось заключить новый договоръ на основаніи данныхъ Г. Лутацію государствомъ полномочій. Но если васъ связываютъ только тѣ ваши договоры, которые заключены съ вашего утвержденія и разрѣшенія, то и мы не можемъ считать обязательнымъ для себя договоръ, который заключенъ Газдрубаломъ безъ нашего вѣдома. Перестаньте, поэтому, ссылаться на Сагунтъ и на Гиберъ, дайте, наконецъ, вашей душѣ разрѣшиться отъ бремени, съ которымъ она такъ давно уже ходитъ.“ Тогда римлянинъ, подобравъ переднюю полу тоги такъ, что образовалось углубленіе, сказалъ: вотъ здѣсь я приношу вамъ войну и миръ; выбирайте любое!“ На эти слова онъ получилъ не менѣе гордый отвѣтъ: „выбирай самъ!“ А когда онъ, распустивъ тогу, воскликнулъ: „я даю вамъ войну“, присутствующіе единодушно отвѣтили, что они принимаютъ войну и будутъ вести ее съ такою же рѣшимостью, съ какой приняли.

19. Поставить вопросъ ребромъ и объявить войну показалось ему болѣе соотвѣтствующимъ достоинству римскаго народа, чѣмъ спорить на словахъ объ обязательности договоровъ, тѣмъ болѣе теперь, когда Сагунта уже не стало; опасаться этого спора онъ не имѣлъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы было признано умѣстнымъ спорить на словахъ, возможно ли было сравнивать договоръ Газдрубала съ первымъ договоромъ Лутація, тѣмъ, который впослѣдствіи былъ измѣненъ? Вѣдь въ договорѣ Лутація нарочно было прибавлено, что онъ будетъ дѣйствительнымъ только въ томъ случаѣ, если его утвердитъ народъ, а въ договорѣ Газдрубала никакой такой оговорки, во-первыхъ, не было, а кромѣ того, многолѣтнее молчаніе Карѳагена еще при жизни Газдрубала до того скрѣпило его дѣйствительность, что даже послѣ смерти автора ни одинъ пунктъ не подвергся измѣненію. Но если даже стоять на почвѣ прежняго договора, то и тогда независимость сагунтинцевъ была доста-

точно обезпечена оговоркой относительно обоюдныхъ союзниковъ. Тамъ вѣдь не было прибавлено ни „тѣхъ, которые были таковыми къ сроку заключенія договора“, ни „съ тѣмъ, чтобы договаривающіяся государства не заключали новыхъ союзовъ“; а при естественномъ правѣ пріобрѣтать новыхъ союзниковъ, кто бы могъ признать справедливымъ обязательство, или—никого ни за какія услуги не дѣлать своимъ другомъ, или же—отказывать въ своей защитѣ тому, кому она обѣщана? съ тѣмъ, однако же, чтобы Римъ не побуждалъ къ отложенію карѳагенскихъ союзниковъ и не заключалъ союзовъ съ тѣми, которые отложились бы по собственному почину.

Согласно полученной въ Римѣ инструкціи, послы изъ Карѳагена перешли въ Испанію, чтобы посѣтить отдѣльныя общины и заключить съ ними союзы, или, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать ихъ присоединенію къ пунійцамъ. Прежде всего они пришли къ баргузіямъ[1]; будучи приняты ими благосклонно,—пуническое иго было имъ ненавистно,—они во многихъ народахъ по ту сторону Гибера возбудили желаніе, чтобы пришли для нихъ новыя времена. Оттуда они обратились къ волціанамъ, но отвѣтъ этихъ послѣднихъ, получившій въ Испаніи широкую огласку, отбилъ у остальныхъ племенъ охоту дружиться съ римлянами. Когда народъ собрался, старѣйшина отвѣтилъ посламъ слѣдующее: „не совѣстно ли вамъ, римляне, требовать отъ насъ, чтобы мы карѳагенской дружбѣ предпочли вашу, послѣ того какъ сагунтинцы, послѣдовавшіе вашему совѣту, болѣе пострадали отъ предательства римлянъ, своихъ союзниковъ, чѣмъ отъ жестокости Пунійца, своего врага? Совѣтую вамъ искать союзниковъ тамъ, гдѣ еще не знаютъ о несчастіи Сагунта; для испанскихъ народовъ развалины Сагунта будутъ грустнымъ, но внушительнымъ урокомъ, чтобы никто не полагался на римскую вѣрность и римскую дружбу.“ Послѣ этого имъ велѣно было немедленно удалиться изъ земли волціановъ, и они уже нигдѣ болѣе не нашли дружелюбнаго пріема въ собраніяхъ испанскихъ народовъ. Совершивъ,

[1]) Баргузіи или бергестаны жили у подножія Пиренеевъ, близъ нын. Берги на Льобрегатѣ; авторъ, которому здѣсь слѣдуетъ Ливій, очевидно полагалъ, что они жили по ту сторону Гибера, но это ошибка. Волціаны, повидимому, югозападные сосѣди баргузіевъ; они упоминаются только здѣсь. Такимъ образомъ „путешествіе по Испаніи“ римскихъ пословъ сводится къ посѣщенію Каталоніи; большаго отъ нихъ нельзя было и требовать, такъ какъ Испанія по ту сторону Гибера была подвластна Ганнибалу.

такимъ образомъ, понапрасну путешествіе по Испаніи, они перешли въ Галлію.

20. Тутъ имъ представилось странное и грозное зрѣлище: по обычаю своего племени, галлы явились въ народное собраніе вооруженными. Когда же послы, въ старательной рѣчи воздавъ честь славѣ и доблести римскаго народа и величію его могущества, обратились къ нимъ съ представленіями, чтобы они не дозволили Пунійцу, когда онъ пойдетъ войной на Италію, проходить черезъ свои поля и города, въ рядахъ молодежи поднялся такой ропотъ и хохотъ, что сановникамъ и старцамъ съ трудомъ удалось водворить спокойствіе; до такой степени показалось имъ глупымъ и наглымъ требованіе, чтобы они, въ угоду римлянамъ, боявшимся, какъ бы пунійцы не перенесли войну въ Италію, направили эту войну противъ себя самихъ и вмѣсто чужихъ полей дали бы разграбить свои. Когда негодованіе, наконецъ, улеглось, посламъ дали такой отвѣтъ: „ни римляне не оказали намъ никакой услуги, ни карѳагеняне не причинили никакой обиды; мы не сознаемъ надобности, поэтому, подымать оружіе за римлянъ и противъ пунійцевъ. Напротивъ, мы слышали, что римскій народъ нашихъ единоплеменниковъ изгоняетъ изъ ихъ отечественной земли и изъ предѣловъ Италіи, или же заставляетъ ихъ платить дань и терпѣть другія оскорбленія [1]". Такого же рода рѣчи были произнесены и выслушаны въ собраніяхъ остальныхъ галльскихъ народовъ; вообще послы не услышали ни одного мало-мальски дружественнаго и миролюбиваго слова раньше, чѣмъ вступили въ предѣлы Массиліи [2]. Здѣсь же они убѣдились, что союзники все развѣдали усердно и честно; „Ганнибалъ, говорили они, заблаговременно настроилъ галловъ противъ римлянъ; но онъ ошибается, полагая, что самъ встрѣтитъ среди этого дикаго и неукротимаго народа болѣе ласковый пріемъ, если только онъ не задобритъ вождей, одного за другимъ, золотомъ, до котораго эти люди, дѣйствительно, большіе охотники". Побывавъ, такимъ образомъ, у народовъ Испаніи и Галліи, послы вернулись въ Римъ черезъ нѣсколько времени послѣ отбытія консуловъ въ провинціи. Они застали весь городъ въ волненіи по

---

1) Разумѣются цисальпійскіе галлы, въ землѣ которыхъ римляне основали Кремону и Плаценцію; см. прим. къ гл. 16. 2) Массилія (нын. Марсель)—колонія фокейцевъ въ Галліи, центръ греческой колонизаціи Запада. Она была старинной союзницей Рима и осталась таковой до конца римской республики.

случаю ожидаемой войны; молва, что пунійцы уже перешли Иберъ, держалась довольно упорно.

21. Между тѣмъ Ганнибалъ по взятіи Сагунта удалился на зимнія квартиры въ Новый Карѳагенъ. Узнавъ тамъ о преніяхъ въ Римѣ и Карѳагенѣ и о постановленіяхъ сенатовъ обоихъ народовъ и убѣдившись, что онъ не только оставленъ полководцемъ, но и сдѣлался причиною войны, онъ отчасти раздѣлилъ, отчасти распродалъ остатки добычи и затѣмъ, рѣшившись не откладывать болѣе войны, созвалъ своихъ воиновъ испанскаго происхожденія. „Вы и сами, полагаю я, видите, союзники,—сказалъ онъ имъ—что теперь, когда всѣ народы Испаніи вкушаютъ блага мира, намъ остается или прекратить военную службу и распустить войска, или же перенести войну въ другія земли; только тогда всѣ эти племена будутъ пользоваться плодами не только мира, но и побѣды, если мы будемъ искать добычи и славы среди другихъ народностей. А если такъ, то въ виду предстоящей вамъ службы въ далекой отъ нашей родины странѣ, при чемъ даже неизвѣстно, когда вы увидите вновь свои дома и все то, что они содержатъ дорогого вашему сердцу, я даю отпускъ всѣмъ тѣмъ изъ васъ, которые пожелаютъ навѣстить свою семью. Приказываю вамъ вернуться къ началу весны, чтобы съ благосклонною помощью боговъ начать войну, сулящую намъ несмѣтную добычу и славу". Почти всѣ обрадовались позволенію побывать на родинѣ, которое полководецъ давалъ имъ по собственному почину: они и теперь уже скучали по своимъ и предвидѣли въ будущемъ еще болѣе долгую разлуку. Отдыхъ, которымъ они наслаждались въ продолженіе всей зимы послѣ тѣхъ трудовъ, которые они перенесли, и передъ тѣми, которые имъ вскорѣ предстояло перенести, возвратилъ имъ силы тѣла и бодрость духа и готовность сызнова испытать всѣ невзгоды. Къ началу весны они, согласно приказу, собрались вновь.

Сдѣлавъ смотръ всѣмъ вспомогательнымъ войскамъ, Ганнибалъ отправился въ Гады [1]), гдѣ онъ исполнилъ данные 536 г.
Геркулесу обѣты и далъ новые обѣты на случай благопріятнаго исхода своихъ дальнѣйшихъ предпріятій. Затѣмъ забо-

---

1) Гады (Gades, нынѣ Cadiz)—древнѣйшая финикійская (не карѳагенская) колонія въ Испаніи. Здѣсь находился знаменитый храмъ главнаго финикійскаго бога Мелькарта, котораго Ливій, по примѣру грековъ, называетъ Геркулесомъ.

тясь одинаково и о наступательной и объ оборонительной войнѣ и не желая, чтобы во время его сухопутнаго похода черезъ Испанію и объ Галліи въ Италію, Африка оставалась беззащитной и открытой для римскаго нападенія съ острова Сициліи, онъ рѣшилъ обезпечить ее сильными гарнизонами. Въ замѣнъ ихъ онъ потребовалъ, чтобы ему выслали изъ Африки дополнительный отрядъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ легковооруженныхъ метателей. Его мыслью было—заставить африканцевъ служить въ Испаніи, а испанцевъ въ Африкѣ, съ тѣмъ, чтобы и тѣ и другіе, находясь вдали отъ своей родины, сдѣлались лучшими воинами, и обѣ страны болѣе привязались одна къ другой, какъ бы обмѣнявшись заложниками. Онъ послалъ въ Африку 13850 пѣшихъ пельтастовъ, 870 балеарскихъ пращниковъ и 1200 всадниковъ разныхъ народностей, требуя, чтобы эти силы частью служили гарнизономъ Карѳагену, частью же были раздѣлены по Африкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разослалъ комиссаровъ по разнымъ городамъ Африки, велѣвъ имъ набрать 4000 отборныхъ молодыхъ воиновъ и привести ихъ въ Карѳагенъ, въ качествѣ и защитниковъ, и заложниковъ. **22.** Но и Испанію онъ не оставилъ своими заботами, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о поѣздкѣ по ней римскихъ пословъ, предпринятой съ цѣлью возбудить противъ него вождей; ее онъ назначилъ провинціей своему брату, ревностному Газдрубалу, давъ ему войско главнымъ образомъ изъ африканцевъ. Оно состояло изъ 11850 африканскихъ пѣхотинцевъ, 300 лигуровъ и 500 балеаровъ; къ этой пѣшей охранѣ было прибавлено 450 конныхъ либифиникійцевъ (это былъ народъ, происшедшій изъ смѣшенія пунійцевъ съ африканцами), до 1800 нумидійцевъ и мавретановъ (жившихъ на берегу Океана), небольшой отрядъ испанскихъ илергетовъ, всего 300 всадниковъ, и—чтобы не упустить ни одного средства сухопутной защиты—21 слонъ. Сверхъ того, онъ далъ ему для защиты побережья флотъ—полагая, вѣроятно, что римляне и теперь пустятъ въ ходъ ту часть своихъ военныхъ силъ, которая уже разъ доставила имъ побѣду—всего 50 пентеръ, 2 тетраеры и 5 тріеръ[1]); изъ нихъ, впрочемъ, только 32 пентеры и 5 тріеръ были готовы къ плаванію и снабжены гребцами.

Изъ Гадъ онъ вернулся въ Новый Карѳагенъ, гдѣ зимовало войско; отсюда онъ повелъ войско мимо Онуссы [1]) и затѣмъ вдали берега къ рѣкѣ Гиберу. Здѣсь, говорятъ, ему привидѣлся во снѣ юноша божественной наружности; сказавъ, что онъ посланный ему Юпитеромъ проводникъ въ Италію, онъ велѣлъ ему безъ оглядки идти за нимъ. Объятый ужасомъ, онъ послѣдовалъ, и въ началѣ не озирался ни назадъ, ни по сторонамъ; но мало-по-малу, по врожденному человѣку любопытству, его стала тревожить мысль, что бы это могло быть такое, на что ему запрещено оглянуться; подъ конецъ онъ не выдержалъ. Тогда онъ увидѣлъ змѣя чудовищной величины, который ползъ за нимъ, разрушая на огромномъ пространствѣ деревья и кустарники, а за змѣемъ двигалась туча, оглашавшая воздухъ раскатами грома. На его вопросъ, что значитъ это чудовище и все это явленіе, онъ получилъ отвѣтъ, что это—опустошеніе Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было сказано, чтобы онъ шелъ дальше, не задавая вопросовъ и не пытаясь сорвать завѣсу съ рѣшеній рока.

23. Обрадованный этимъ видѣніемъ, Ганнибалъ тремя колоннами перевелъ свои силы черезъ Гиберъ, отправивъ предварительно пословъ къ галламъ, жителямъ той мѣстности, черезъ которую ему предстояло вести свое войско, чтобы расположить ихъ въ свою пользу и навести справки объ альпійскихъ перевалахъ. Всего онъ переправилъ черезъ Гиберъ 90000 пѣхотинцевъ и 18000 всадниковъ. Идя далѣе, онъ принялъ въ подданство илергетовъ, баргузіевъ, авзетановъ и жителей Лацетаніи, лежащей у подножія Пиренеевъ, и сдѣлалъ Ганнона начальникомъ всего этого побережья, чтобы имѣть въ своей власти проходы между Испаніей и Галліей, давъ ему для охраны этой мѣстности 10000 пѣхотинцевъ и 1000 всадниковъ. Но вотъ, когда уже начался переходъ войска черезъ Пиренейскія горы, подъ вліяніемъ распространившейся среди варваровъ болѣе точной молвы о томъ, что имъ предстоитъ война съ Римомъ, 3000 пѣхотинцевъ изъ карпетановъ оставили знамена Ганнибала; всѣ знали, что ихъ смущала не столько война, сколько далекій путь и превышающій, по ихъ мнѣнію, человѣческія силы переходъ черезъ Альпы. Вернуть ихъ словами или силой было небезопасно: могли взволноваться и остальные его воины, и безъ того уже строптивые.

[1]) См. изображеніе разныхъ судовъ у Любкера (Реал. Словарь) стр. 907.

[1]) Повидимому, нынѣшняя Валенсія.

Поэтому Ганнибалъ отпустилъ домой еще свыше 7000 человѣкъ, которые, какъ ему было извѣстно, тяготились службой, дѣлая видъ, что и карпетаны отпущены имъ добровольно. **24**. А затѣмъ онъ, не желая, чтобы подъ вліяніемъ проволочки и бездѣйствія умы его воиновъ пришли въ броженіе, быстро переходитъ съ остальными своими силами Пиренеи и располагается лагеремъ близъ города Илиберриса [1]). Что же касается галловъ, то хотя имъ и говорили, что война задумана противъ Италіи, они все-таки всполошились, слыша, что народы по ту сторону Пиренеевъ покорены силой и ихъ города заняты значительными гарнизонами, и въ страхѣ за собственную свободу взялись за оружіе; нѣсколько племенъ сошлись въ Русцинонъ. Когда объ этомъ извѣстили Ганнибала, онъ, опасаясь траты времени еще болѣе, чѣмъ войны, отправилъ къ ихъ князьямъ пословъ сказать имъ слѣдующее: „полководецъ желалъ бы переговорить съ вами лично, и поэтому проситъ васъ, либо двинуться ближе къ Илиберрису, либо дозволить ему приблизиться къ Русцинону; свиданіе состоится легче, когда разстояніе между обѣими стоянками будетъ поменьше. Онъ съ радостью приметъ васъ въ своемъ лагерѣ, но и не задумается самъ отправиться къ вамъ. Въ Галлію пришелъ онъ гостемъ, а не врагомъ, и поэтому, если только ему дозволятъ это сами галлы, намѣренъ обнажить мечъ не раньше, чѣмъ достигнетъ Италіи". Таковы были слова, переданныя его послами; когда же галльскіе князья съ полной готовностью двинулись тотчасъ же къ Илиберрису и явились въ лагерь Пунійца, онъ окончательно задобрилъ ихъ подарками и добился того, что они вполнѣ миролюбиво пропустили войско черезъ свою землю мимо города Русцинона.

25. Тѣмъ временемъ въ Италію массилійскіе послы успѣли только принести извѣстіе, что Ганнибалъ перешелъ Гиберъ, какъ вдругъ—какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ перешелъ уже и Альпы—возмутились бои [2]), подговоривъ къ возстанію и инсубровъ. Они сдѣлали это не столько по старинной ненависти противъ римскаго народа, сколько негодуя по поводу недавняго основанія на галльской землѣ колоній

[1]) Илиберрисъ—нынѣ Elue, у склона Пиренеевъ. Упоминаемый ниже Русцинонъ—нынѣ Tour de Roussillon. [2]) Бои жили тогда между По и Апеннинами въ окрестностяхъ Плаценціи и Пармы, инсубры—сѣвернѣе По, около Милана и Кремоны. Они были покорены въ цисальпійской войнѣ.

Плаценціи и Кремоны по обѣ стороны рѣки Пада. Итакъ они, взявшись внезапно за оружіе, произвели нападеніе именно на тѣ земли, которыя были отведены подъ эти колоніи, и распространили такой ужасъ и такое смятеніе, что не только толпа переселенцевъ, но и римскіе тріумвиры, пришедшіе для раздѣла земли, бѣжали въ Мутину, не считая стѣны Плаценціи достаточно надежнымъ оплотомъ. Это были Г. Лутацій, Г. Сервилій и М. Анній. (Относительно имени Лутація не существуетъ никакихъ разногласій, но вмѣсто Аннія и Сервилія въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ названы Ман. Ацилій и Г. Гереній, въ другихъ—П. Корнелій Азина и Г. Папирій Мазонъ. Неизвѣстно также, были ли они оскорблены въ качествѣ пословъ, отправленныхъ къ боямъ требовать удовлетворенія, или же они подверглись нападенію въ то время, когда они въ качествѣ тріумвировъ занимались размежеваніемъ земли.) Въ Мутинѣ ихъ осадили, но такъ какъ боямъ, вслѣдствіе ихъ полной неопытности въ фортификаціонномъ дѣлѣ и лѣности, мѣшавшей имъ заниматься осадными работами, пришлось сидѣть сложа руки, не трогая стѣнъ, то они стали притворяться, будто желаютъ завести переговоры о мирѣ. Но, приглашенные галльскими вождями на свиданіе, послы вдругъ были схвачены съ нарушеніемъ не только международнаго права, но и даннаго ими по этому случаю обѣщанія; они заявили, что отдадутъ ихъ только тогда, когда имъ будутъ возвращены ихъ заложники.

Узнавъ о случившемся съ послами, преторъ Л. Манлій воспылалъ гнѣвомъ и—въ виду опасности, которая угрожала Мутинѣ и ея гарнизону,—торопливо повелъ свое войско къ этому городу. Тогда дорога вела еще по мѣстности почти невоздѣланной, и съ обѣихъ сторонъ ее окаймляли лѣса. Отправившись по этой дорогѣ и не произведя рекогносцировки, Манлій попалъ въ засаду и съ трудомъ только могъ выбраться въ открытое поле, потерявъ убитыми многихъ изъ своихъ воиновъ. Тамъ онъ расположился лагеремъ, а такъ какъ галлы отчаялись въ возможности напасть на него, то воины ободрились, хотя для нихъ не было тайной, что погибло до 600 ихъ товарищей. Затѣмъ они снова отправились въ путь; пока войско шло открытымъ полемъ, врагъ не показывался; но лишь только они снова углубились въ лѣса, галлы бросились на ихъ задніе отряды и среди всеобщаго страха и смятенія убили 700 воиновъ и

завладѣли шестью знаменами. Нападеніямъ галловъ и страху римлянъ положилъ предѣлъ лишь тотъ моментъ, когда войско окончательно оставило за собой непроходимыя дебри; идя дальше по открытой мѣстности, они безъ особаго труда защищались и достигли такимъ образомъ Таннета, мѣстечка, лежащаго недалеко отъ рѣки Пада. Тамъ они, воздвигнувъ временное укрѣпленіе, защищались противъ растущаго съ каждымъ днемъ числа галловъ, благодаря припасамъ, которые подвозились имъ по рѣкѣ, и содѣйствію галльскаго племени бриксіановъ.

26. Когда вѣсть объ этомъ внезапномъ возмущеніи проникла въ Римъ, и сенатъ узналъ, что сверхъ Пунической войны придется еще вести войну съ галлами, онъ велѣлъ претору Г. Атилію [1]) идти на помощь Манлію съ однимъ римскимъ легіономъ и 5000 союзниковъ изъ вновь набранныхъ консулами; и онъ, не встрѣтя сопротивленія, враги заранѣе изъ страха удалились—достигъ Таннета.

П. же Корнелій, набравъ новый легіонъ взамѣнъ того, который былъ отославъ съ преторомъ, оставилъ городъ и на 68-ми корабляхъ отправился мимо этрусскаго берега, лигурскаго и затѣмъ саллувійскаго горнаго хребта въ Массилію. Затѣмъ онъ расположился лагеремъ у ближайшаго устья Родана (рѣка эта изливается въ море нѣсколькими рукавами), не будучи еще вполнѣ убѣжденъ, что Ганнибалъ уже перешелъ Пиренеи. Когда же онъ узналъ, что тотъ готовится уже переправиться черезъ Роданъ, онъ, не зная, куда ему выйти къ нему на встрѣчу, и видя, что воины еще не оправились отъ морской качки, послалъ пока впередъ отборный отрядъ въ 300 всадниковъ, давъ ему массилійскихъ проводниковъ и вспомогательный эскадронъ изъ галловъ; онъ поручилъ этимъ всадникамъ разузнать обо всемъ и съ безопаснаго мѣста наблюдать за врагомъ.

Ганнибалъ, дѣйствуя на однихъ страхомъ, а на другихъ—подарками, заставилъ всѣ остальныя племена соблюдать спокойствіе и вступилъ въ предѣлы могущественныхъ волковъ. Они живутъ, собственно, по обѣимъ сторонамъ Родана; но,

[1]) Изъ четырехъ преторовъ 536 г. двое были провинціальными намѣстниками, именно М. Эмилій въ Сициліи (см. гл. 49) и Г. Теренцій Варронъ въ Сардиніи: остальные два собственно должны были бы оставаться въ Римѣ, чтобы вѣдать суды, именно Г. Атилій—суды между римскими гражданами (въ качествѣ praetor urbanus) и Л. Манлій—между негражданами (въ качествѣ praetor inter peregrinos.) Нужда заставила сенатъ отправить и того, и другого съ войскомъ противъ враговъ.

отчаиваясь въ возможности преградить Пунійцу доступъ къ землѣ по ту сторону Родана, они, желая пользоваться рѣкою, какъ оплотомъ, почти всѣ перебрались черезъ Роданъ и грозною толпой занимали его лѣвый берегъ. Остальныхъ же прирѣчныхъ жителей, а также и тѣхъ изъ волковъ, которыхъ привязанность къ своимъ полямъ удержала на правой сторонѣ, Ганнибалъ подарками склонилъ собрать всѣ суда, какія только можно было найти, и построить новыя; да и сами они желали, чтобы войско какъ можно скорѣе переправилось, и ихъ родина избавилась отъ разорительнаго присутствія такого множества людей. Они собрали, поэтому, несмѣтное число кораблей и лодокъ, сдѣланныхъ на скорую руку и приспособленныхъ только для плаванія по сосѣдству; не довольствуясь ими, галлы, подавая примѣръ, дѣлали новые челноки каждый изъ одного дерева, да и сами воины, соблазнившись изобиліемъ лѣса и легкостью работы, торопливо сооружали какія-то безобразныя корыта, чтобы перевезти на нихъ себя самихъ и свои вещи, заботясь только о томъ, чтобы эти ихъ издѣлія плавали по водѣ и могли вмѣщать тяжести.

27. И вотъ уже все было готово для переправы, а враги все еще шумѣли на томъ берегу, занимая его на всемъ его протяженіи своей конницей и пѣхотой. Чтобы заставить ихъ удалиться, Ганнибалъ велѣлъ Ганнону, сыну Бомилькара, въ первую ночную стражу выступить съ частью войска, преимущественно изъ испанцевъ, идти вверхъ по рѣкѣ на разстояніе одного дня пути, затѣмъ—на первомъ удобномъ мѣстѣ какъ можно незамѣтнѣе переправиться и повести свой отрядъ въ обходъ, чтобы, когда будетъ нужно, напасть на непріятеля съ тылу. Галлы, которыхъ Ганнибалъ далъ ему съ этой цѣлью въ проводники, сказали ему, что на разстояніи 25-ти миль, приблизительно, отъ стоянки карѳагенянъ рѣка раздѣляется на два рукава, образуя небольшой островъ, такъ что то самое мѣсто, гдѣ она раздѣляется, вслѣдствіе большой ширины и меньшей глубины русла является самымъ удобнымъ для переправы. Тамъто Ганнонъ и велѣлъ поспѣшно рубить деревья и изготовлять плоты, чтобы перевезти на нихъ людей и лошадей и прочія тяжести. Испанцы, впрочемъ, безъ всякаго труда переплыли рѣку, бросивъ одежду въ мѣха, прикрывъ ихъ своими небольшими щитами и ложась сами грудью на щиты; остальное же войско пришлось перевезти на плотахъ.

Разбивъ лагерь недалеко отъ рѣки, воины, уставшіе отъ ночного похода и отъ работъ по переправѣ, отдыхали въ продолженіе одного дня, при чемъ начальникъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что могло способствовать успѣшному исполненію его порученія. На слѣдующій день они пошли дальше и посредствомъ дымящихся костровъ, разведенныхъ на верхушкѣ холма, дали знать Ганнибалу, что они перешли рѣку и находятся недалеко. Тогда Ганнибалъ, чтобы не упустить удобнаго случая, далъ сигналъ къ переправѣ. Все уже было приготовлено заранѣе, лодки—для пѣхоты, а корабли—для конницы, которая нуждалась въ нихъ собственно для переправы однихъ только коней. Суда переправлялись выше по теченію, чтобы разбить напоръ волнъ; благодаря этому, плывущія ниже лодки были въ безопасности. Лошади большею частью переправлялись вплавь, будучи привязаны ремнями къ кормѣ кораблей; исключеніе составляли тѣ, которыхъ нарочно посадили на суда, осѣдланными и взнузданными, чтобы онѣ тотчасъ послѣ высадки могли служить всадникамъ.

28. Галлы между тѣмъ толпами высыпали на берегъ, по своему обычаю, съ разнообразнымъ воемъ и пѣніемъ, потрясая щитами надъ головой и махая дротиками; все-же они испытывали нѣкоторый страхъ, видя передъ собою такое множество кораблей, приближающихся при грозномъ шумѣ волнъ, рѣзкомъ крикѣ гребцовъ и воиновъ, какъ тѣхъ, которые боролись съ теченіемъ рѣки, такъ и тѣхъ, которые съ другого берега ободряли плывущихъ товарищей. Но пока они не безъ робости глядѣли на подплывающую къ нимъ съ дикимъ гуломъ толпу, вдругъ раздался съ тылу оглушительный крикъ: лагерь былъ взятъ Ганнономъ. Еще мгновеніе—и онъ самъ ударилъ на нихъ, и вотъ они были окружены ужасомъ съ обѣихъ сторонъ: здѣсь полчища вооруженныхъ людей изъ кораблей высаживались на берегъ, тамъ тѣснило ихъ войско, появленія котораго они и ожидать не могли. Сначала галлы пытались оказать сопротивленіе и здѣсь и тамъ; но, будучи принуждены отступить на обоихъ фронтахъ, они, завидѣвъ болѣе или менѣе открытый путь, прорубились туда и, объятые ужасомъ, разбѣжались, какъ попало, по своимъ деревнямъ. Тогда Ганнибалъ спокойно перевезъ остальныя свои силы и расположился лагеремъ, не обращая болѣе вниманія на галльскія буйства.

Относительно переправы слоновъ, полагаю я, предлагались различные планы; по крайней мѣрѣ, источники на этотъ счетъ несогласны. По инымъ, они предварительно всѣ были собраны на берегу; затѣмъ самый сердитый изъ нихъ, будучи приведенъ въ ярость своимъ провожатымъ, бросился за нимъ; провожатый бѣжалъ въ воду, слонъ послѣдовалъ за нимъ туда и своимъ примѣромъ увлекъ все стадо; если же животныя попадали въ глубокія мѣста и теряли бродъ, то самое теченіе рѣки относило ихъ къ другому берегу. По болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, они были перевезены на плотахъ; дѣйствительно, такая мѣра, если бы пришлось затѣвать дѣло теперь, показалась бы болѣе безопасной, а потому она и въ данномъ случаѣ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣлахъ прошлаго, внушаетъ болѣе довѣрія. Плотъ, длиною въ 200 футовъ, а шириною въ 50, былъ прикрѣпленъ на берегу такъ, чтобы онъ вдавался въ рѣку; а чтобы его не отнесло теченіемъ внизъ, его привязали крѣпкими канатами къ той части берега, которая была выше. Затѣмъ его, на подобіе моста, покрыли землею, чтобы животныя смѣло взошли на него, какъ на твердую почву. Къ этому плоту привязали другой, одинаковой съ первымъ ширины, а длиною въ 100 футовъ, приспособленный къ переправѣ черезъ рѣку. Тогда слоновъ погнали по первому плоту, какъ по дорогѣ, при чемъ самокъ пустили впередъ; когда же они перешли на прикрѣпленный къ нему меньшій плотъ, тотчасъ же канаты, которыми онъ былъ не особенно прочно соединенъ съ первымъ, были развязаны, и нѣсколько легковыхъ судовъ повлекло его къ другому берегу. Высадивъ первыхъ, вернулись за другими и перевезли и ихъ. Они шли совершенно бодро, пока ихъ вели какъ бы по сплошному мосту; но когда одинъ плотъ былъ отвязанъ отъ другого и ихъ повезли въ срединѣ рѣки, тутъ они обнаружили первые признаки безпокойства. Они сплотились въ одну кучу, такъ какъ крайніе какъ можно дальше отходили отъ воды, и дѣло не обошлось безъ нѣкотораго замѣшательства; но наконецъ, подъ вліяніемъ самого страха, когда они увидѣли себя окруженными водой, водворилось спокойствіе. Нѣкоторые правда, взбѣсились и упали въ воду; но и они, вслѣдствіе своей тяжести, не теряли равновѣсія, а только сбросили провожатыхъ, а затѣмъ, мало-по-малу отыскавъ бродъ, вышли на берегъ.

29. Во время переправы слоновъ Ганнибалъ послалъ 500 нумидійскихъ всадниковъ по направленію къ римскому лагерю развѣдать, гдѣ находится врагъ, много-ли у него войска.

и что онъ замышляетъ. Съ этимъ отрядомъ конницы столкнулись тѣ 300 римскихъ всадниковъ, которые, какъ я сказалъ выше, были посланы вверхъ отъ устья Родана. Схватились они съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ можно было ожидать отъ такихъ немногочисленныхъ отрядовъ; не говоря уже о ранахъ, даже потеря убитыми была почти одинакова на обѣихъ сторонахъ, и только испугу и бѣгству нумидійцевъ римляне, находившіеся въ крайнемъ изнеможеніи, были обязаны побѣдой. Побѣдителей пало до 160, и притомъ не все римляне, а частью галлы; побѣжденныхъ болѣе 200. Таково было начало войны и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменіе ея конечнаго исхода: оно предвѣщало, что, хотя вся война и кончится благополучно для римлянъ, но что побѣда будетъ стоить имъ потоковъ крови и послѣдуетъ только послѣ долгой нерѣшительной борьбы.

Послѣ такого-то исхода дѣла каждый отрядъ вернулся къ своему полководцу. Корнелій не зналъ, на что рѣшиться, и постановилъ дѣйствовать сообразно съ рѣшеніями и начинаніями врага; но и Ганнибалъ колебался, продолжать ли ему путь въ Италію, или сразиться съ тѣмъ римскимъ войскомъ, которое первое вышло къ нему на встрѣчу. Прибытіе пословъ отъ боевъ и ихъ князя Магала заставило его отказаться отъ мысли дать сраженіе теперь же. Они предложили ему быть его проводниками и товарищами въ опасностяхъ, но убѣждали его напасть на Италію съ неослабленнымъ еще войскомъ, не тратя своихъ силъ въ другихъ мѣстахъ. Войско, напротивъ, хотя и боялось врага,—память о первой войнѣ не успѣла еще изгладиться,—но еще болѣе боялось безконечнаго похода и главнымъ образомъ Альпъ; о послѣднихъ они знали только по молвѣ, и онѣ казались имъ, какъ людямъ неопытнымъ по этой части, чѣмъ-то ужаснымъ.

30. Въ виду этого настроенія войска Ганнибалъ, рѣшившись поспѣшно продолжать походъ въ Италію, созвалъ воиновъ на сходку и различными средствами, то пристыженіемъ, то ободреніемъ, старался дѣйствовать на ихъ умы. „Какой странный ужасъ, сказалъ онъ, объялъ внезапно ваши неустрашимыя доселѣ сердца? Не вы-ли сплошными побѣдами ознаменовали свою долголѣтнюю службу и не раньше покинули Испанію, чѣмъ подчинили власти Карѳагена всѣ народы и земли, которыя лежатъ между обоими морями? Не вы ли, негодуя на римлянъ за ихъ требованіе, чтобы всѣ тѣ, кто осаждалъ Сагунтъ, были имъ выданы, какъ преступники,—перешли Гиберъ, чтобы стереть ихъ имя съ лица земли и вернуть свободу народамъ земного шара? И никому изъ васъ не казался тогда слишкомъ долгимъ задуманный путь отъ заката солнца до его восхода; теперь же, когда большая часть дороги уже за вами, когда вы перешли лѣсистыя ущелья Пиренеевъ среди занимающихъ ихъ дикихъ народовъ, когда вы переправились через широкій Роданъ при сопротивленіи столькихъ тысячъ галловъ и въ борьбѣ съ теченіемъ самой рѣки, когда передъ вашими глазами возвышаются Альпы, другой склонъ которыхъ именуется уже Италіей, — теперь вы въ изнеможеніи останавливаетесь у самыхъ воротъ непріятельской земли? Да что-же такое Альпы, по-вашему, какъ не высокія горы? Допустимъ, что онѣ выше Пиренейскаго хребта; но нѣтъ, конечно, такой земли, которая бы упиралась въ небо и была бы непроходимой для человѣческаго рода. Альпы же населены людьми, воздѣлываются ими, производятъ животныхъ и доставляютъ имъ кормъ; вотъ эти самые послы, которыхъ вы видите,—не на крыльяхъ же они поднялись на воздухъ, чтобы перелетѣть черезъ Альпы. Доступны онѣ небольшому числу людей; будутъ доступны и войскамъ. Предки этихъ пословъ не были исконными жителями Италіи, а пришельцами; не разъ переходили они эти самыя Альпы громадными толпами съ женами и дѣтьми, какъ это дѣлаютъ переселенцы, и не подвергались никакой опасности. Неужели же для воина, у котораго ничего съ собою нѣтъ, кромѣ оружія, могутъ быть непроходимыя и непреодолимыя мѣста? Сколько опасностей, сколько труда перенесли вы въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, чтобы взять Сагунтъ! возможно-ли, чтобы теперь, когда цѣль вашего похода—Римъ, столица міра, какая бы то ни было мѣстность казалась вамъ слишкомъ дикой и слишкомъ крутой и заставила васъ остановиться? А нѣкогда вѣдь галлы завладѣли тѣмъ городомъ, къ которому вы, пунійцы, не считаете возможнымъ даже подойти. Выбирайте, поэтому, одно изъ двухъ: или сознайтесь, что вы уступаете отвагой и доблестью тому племени, которое вы столько разъ въ это послѣднее время побѣждали, или же вдохновитесь рѣшимостью признать походъ конченнымъ не раньше, чѣмъ когда вы будете стоять на той равнинѣ, что между Тибромъ и стѣнами Рима! [1])“

[1]) Т.-е. на Марсовомъ полѣ, черезъ которое вела Фламиніева дорога, соединявшая Римъ съ сѣверомъ Италіи.

31. Убѣдившись, что его воины воодушевлены этимъ обращеніемъ, Ганнибалъ велитъ имъ отдохнуть нѣкоторое время, а затѣмъ готовиться въ путь.

На слѣдующій день онъ отправился вверхъ по берегу Родана по направленію къ центральной Галліи, не потому, чтобы это былъ кратчайшій путь къ Альпамъ [1]), но полагая, что чѣмъ дальше онъ отойдетъ отъ моря, тѣмъ труднѣе будетъ римскому полководцу преградить ему путь; дать же ему битву онъ желалъ не раньше, какъ послѣ прибытія въ Италію. Послѣ четырехъ дней пути онъ достигъ т. н. Острова; это—имя той мѣстности, гдѣ рѣки Изара и Роданъ, берущія начало въ разныхъ группахъ Альпъ, охватываютъ извѣстную часть равнины и затѣмъ сливаются; этимъ-то среднимъ между обѣими рѣками полямъ и дано имя Острова. Недалеко отсюда живутъ аллоброги, уже въ тѣ времена одинъ изъ первыхъ галльскихъ народовъ, какъ по могуществу, такъ и по славѣ. Тогда у нихъ были междоусобицы: два брата спорили изъ-за царской власти. Старшаго брата, который уже правилъ страной до тѣхъ поръ, по имени Бранея, пытался свергнуть съ престола меньшій братъ, окруживъ себя толпою молодежи, которая, хотя и не имѣла на своей сторонѣ права, но силой превосходила противниковъ. Присутствіе Ганнибала пришлось аллоброгамъ какъ нельзя болѣе кстати, и они поручили ему рѣшеніе этого спора. Сдѣлавшись, такимъ образомъ, третейскимъ судьею по вопросу о царствѣ, Ганнибалъ, убѣдившись, что этого желаютъ старцы и сановники, вернулъ власть старшему брату. За эту услугу его снабдили съѣстными припасами и вообще всѣмъ, въ чемъ онъ нуждался, главнымъ же образомъ одеждой: извѣстныя своими морозами Альпы заставляли заботиться о ней.

Помиривъ спорившихъ аллоброговъ, Ганнибалъ направился уже къ Альпамъ; онъ пошелъ не по прямой дорогѣ, а повернулъ къ востоку [2]) въ землю трикастиновъ; отсюда онъ вдоль по границѣ области воконціевъ двинулся къ трикоріямъ, нигдѣ не встрѣчая препятствій до самой Друенціи. Она

[1]) Кратчайшій путь къ Альпамъ велъ вверхъ по Друенціи (Durance), черезъ перевалъ Mont Genévre и внизъ по Малой Дуріи (Dora Riparia) къ Турину Ганнибалъ же идетъ вверхъ по Ронѣ до устья Изары (Isére), затѣмъ вверхъ по Изарѣ до впаденія Драка, затѣмъ вверхъ по Драку и тогда только, переваливъ черезъ Col Bayard, достигаетъ верхней Друенціи. [2]) Собственно „на лѣво". На римскихъ картахъ и планахъ сѣверъ былъ внизу, а югъ вверху, такъ что понятія „на лѣво" и „къ востоку" у нихъ тожественны.—Упоминаемые здѣсь народы жили между Изарой и Друенціей.

также принадлежитъ къ числу альпійскихъ потоковъ и изъ всѣхъ галльскихъ рѣкъ представляетъ наиболѣе затрудненій для переправы. Водою она чрезвычайно обильна, а на судахъ все-таки черезъ нее переправляться нельзя: опредѣленныхъ береговъ она не имѣетъ, течетъ въ одно и то же время нѣсколькими руслами, да и ихъ постоянно мѣняетъ, порождая все новые броды и новыя пучины. По той же причинѣ и пѣшему опасно идти черезъ нее; къ тому же она несетъ съ собою кремнистыя гальки, которыя не даютъ твердой ногой и безопасно ступить на ея дно. А тогда она разлилась еще шире вслѣдствіе дождей; переходъ черезъ нее войска, поэтому, сопровождался крайнимъ замѣшательствомъ, тѣмъ болѣе, что къ остальнымъ причинамъ присоединилась еще тревога воиновъ, пугавшихъ другъ друга своими криками, причины и смысла которыхъ никто не зналъ.

32. Консулъ П. Корнелій, между тѣмъ, черезъ три дня приблизительно послѣ того, какъ Ганнибалъ оставилъ берегъ Родана, съ выстроеннымъ въ боевой порядокъ войскомъ прибылъ къ непріятельскому лагерю, намѣреваясь немедленно дать сраженіе. Когда же онъ увидѣлъ, что укрѣпленія покинуты, и что ему нелегко будетъ нагнать непріятеля, такъ далеко зашедшаго впередъ, онъ вернулся къ морю и къ своимъ кораблямъ, думая, что ему будетъ и легче, и безопаснѣе, переправивъ войско въ Италію, выйти Ганнибалу на встрѣчу, когда онъ будетъ спускаться съ Альпъ. А чтобы Испанія, его провинція, не ждала напрасно вспомогательныхъ войскъ со стороны Рима, онъ послалъ туда для войны съ Газдрубаломъ своего брата Гн. Сципіона съ большею частью войска, поручивъ ему не только защищать прежнихъ союзниковъ и привлекать на свою сторону новыхъ, но и изгнать Газдрубала изъ Испаніи. Самъ онъ съ очень незначительными силами отправился въ Геную, чтобы защищать Италію съ помощью того войска, которое находилось въ равнинѣ Пада [1]).

Ганнибалъ же, перешедши Друенцію, отправился вверхъ по лугамъ, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны населявшихъ эту мѣстность галловъ, пока не приблизился къ Альпамъ. Здѣсь однако воины, хотя они и были заранѣе подготовлены молвой, обыкновенно преувеличивающей то, о

[1]) Т.-е. съ легіонами преторовъ Манлія и Атилія, см. гл. 25 и 26.

чемъ человѣкъ не имѣетъ яснаго понятія,—все-таки были вторично поражены ужасомъ, видя вблизи эти громадныя горы, эти ледники, сливающіеся почти съ небеснымъ сводомъ, эти безобразныя хижины, разбросанныя по скаламъ, эту скотину, которой стужа, казалось, даже расти не давала, этихъ людей, обросшихъ волосами и одѣтыхъ въ лохмотья. Вся природа, какъ одушевленная, такъ и неодушевленная, казалась окоченѣвшей отъ мороза, все производило на очевидцевъ удручающее впечатлѣніе, не поддающееся описанію. Вдругъ, когда войско поднималось по косогору, показались горцы, занявшіе господствующія высоты. Если бы они устроили такую засаду въ болѣе скрытой части долины и затѣмъ вдругъ бросились бы въ бой, то они прогнали бы непріятеля со страшнымъ урономъ. Ганнибалъ велѣлъ войску остановиться и выслалъ впередъ галловъ изслѣдовать мѣстность; узнавъ отъ нихъ, что взять проходъ невозможно, онъ расположился на самой широкой ровной полосѣ, какую онъ только могъ найти, имѣя на всемъ протяженіи лагеря по одну руку—крутизну, по другую—пропасть. Затѣмъ онъ велѣлъ тѣмъ же галламъ, которые ни по языку, ни по нравамъ особенно не отличались отъ туземцевъ, подойти къ нимъ и принять участіе въ ихъ разговорахъ. Узнавъ такимъ образомъ, что проходъ оберегается только днемъ, ночью же осаждающіе удаляются восвояси, онъ съ разсвѣтомъ опять двинулся подъ занятые непріятелемъ высоты, какъ бы желая открыто и днемъ пробиться черезъ тѣснину. Проведши, такимъ образомъ, цѣлый день въ попыткахъ, ничего общаго съ его настоящими намѣреніями не имѣющихъ, онъ снова укрѣпился въ томъ же лагерѣ, въ которомъ войско оставалось въ предыдущую ночь. А какъ только онъ убѣдился, что горцы покинули высоты, оставивши только рѣдкіе караулы, онъ для отвода глазъ велѣлъ развести гораздо больше костровъ, чѣмъ этого требовало число остающихся въ долинѣ, а затѣмъ, покинувъ обозъ, конницу и большую часть пѣхоты и взявъ съ собою только самыхъ смѣлыхъ изъ легковооруженныхъ, быстро прошелъ черезъ тѣснину и занялъ тѣ же высоты, на которыхъ до тѣхъ поръ сидѣли враги.

33. Съ наступленіемъ дня остальное войско вышло изъ лагеря и двинулось впередъ. Горцы, по условленному знаку, уже покинули свои укрѣпленные хутора и съ разныхъ сторонъ приближались къ своимъ обычнымъ позиціямъ, какъ

вдругъ они замѣтили, что одна часть враговъ заняла ихъ твердыню и находится надъ ихъ головами, а другая по тропинкѣ переходитъ черезъ тѣснину. Оба эти появленія, будучи замѣчены ими одновременно, произвели на нихъ такое впечатлѣніе, что они нѣкоторое время неподвижно стояли на мѣстѣ; но затѣмъ, убѣдившись, что въ ущельѣ царитъ замѣшательство, что войско своей же собственной тревогой разстроено и болѣе всего бѣснуются лошади, они рѣшили, что стоитъ имъ хоть на волосъ увеличить это смятеніе, и врагу не избѣжать гибели. И вотъ они, какъ люди, одинаково привыкшіе лазить какъ по доступнымъ, такъ и по недоступнымъ скаламъ, съ двухъ различныхъ склоновъ стремительно спускаются на тропинку. Тогда пунійцамъ пришлось одновременно бороться и съ врагами, и съ неблагопріятной мѣстностью; а такъ какъ каждый старался, какъ бы ему самому поскорѣе избавиться отъ опасности, то они едва ли не болѣе дрались между собою, чѣмъ съ врагомъ. Болѣе всего подвергали войско опасности лошади. Уже одинъ рѣзкій крикъ непріятелей, раздававшійся съ особенной силой въ лѣсистой мѣстности и повторяемый эхомъ горъ, пугалъ и приводилъ ихъ въ замѣшательство; когда же въ нихъ случайно попадалъ камень или стрѣла, они приходили въ бѣшенство и сбрасывали въ пропасть и людей, и всякаго рода поклажу въ огромномъ количествѣ. Въ этомъ ужасномъ положеніи много людей было низринуто въ бездонную пропасть, такъ какъ дорога узкой полосой вела между стѣной и обрывомъ, въ томъ числѣ и нѣсколько воиновъ; но особенно страдали вьючныя животныя: со своимъ багажемъ они скатывались внизъ на подобіе обвала. Ганнибалъ, хотя и былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ, стоялъ однако неподвижно и сдерживалъ свой отрядъ, не желая увеличивать ужасъ и замѣшательство войска. Когда же онъ увидѣлъ, что связь между обѣими частями колонны прервана, и что ему грозитъ опасность совсѣмъ потерять обозъ,—а въ такомъ случаѣ мало было бы пользы въ томъ, что вооруженныя силы прошли бы невредимыми,—онъ спустился со своихъ высотъ и одною силой своего натиска прогналъ врага, но и увеличилъ смятеніе своихъ. Это смятеніе, впрочемъ, тотчасъ же улеглось, какъ только распространилась увѣренность, что врагъ бѣжалъ, и проходъ свободенъ, и они всѣ были переведены безъ дальнѣйшей опасности и даже, можно сказать, при полной тишинѣ. Затѣмъ

Ганнибалъ взялъ главное укрѣпленное селеніе этой мѣстности [1]) и окрестные хутора и добылъ въ нихъ столько хлѣба и скота, что войску хватило продовольствія на три дня; а такъ какъ испуганные горцы въ первое время не возобновляли нападенія, а мѣстность особенныхъ препятствій не представляла, то онъ въ эти три дня совершилъ довольно длинный путь.

34. Продолжая свой походъ, онъ прошелъ въ другую область, довольно густо населенную, насколько это возможно въ горахъ, земледѣльческимъ людямъ [2]). Здѣсь онъ едва не сдѣлался жертвой—не открытой войны, а тѣхъ искусствъ, въ которыхъ онъ самъ былъ мастеромъ,—обмана и хитрости. Почтенные годами представители селеній приходятъ къ Ганнибалу въ качествѣ пословъ и говорятъ ему, что они, будучи научены спасительнымъ примѣромъ чужихъ несчастій, предпочитаютъ быть друзьями пунійцевъ и не желаютъ испытать на себѣ ихъ силу; они обѣщаютъ ему, поэтому, повиноваться его приказаніямъ, а пока предлагаютъ ему съѣстныхъ припасовъ, проводниковъ и—въ видѣ поруки за свою вѣрность—заложниковъ. Ганнибалъ рѣшилъ не довѣрять имъ слѣпо, но и не отвергать ихъ предложенія, чтобы они, будучи оскорблены его отказомъ, не превратились въ открытыхъ враговъ; поэтому онъ далъ имъ ласковый отвѣтъ, принялъ заложниковъ, которыхъ они предлагали, и воспользовался припасами, которые они сами вынесли на дорогу, но послѣдовалъ за ихъ проводниками далеко не въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ провелъ бы свое войско черезъ дружественно расположенную область. Впереди шли слоны и конница, а самъ онъ съ самыми сильными отрядами пѣхоты замыкалъ шествіе, заботливо оглядываясь по сторонамъ. Едва успѣли они выйти въ тѣсный проходъ, ведущій по правую руку мимо высокой горы [3]), какъ вдругъ варвары отовсюду высыпали изъ своихъ засадъ; и съ фронта, и съ тыла напали они на войско, то стрѣляя въ него издали, то вступая въ рукопашный бой, то скатывая на идущихъ мимо громадные камни. Но главныя ихъ силы безпокоили задніе ряды войска; пѣхота обернулась, чтобы отразить ихъ нападеніе, но убѣдилась на опытѣ, что, не будь тылъ войска

[1]) Повидимому, Эбуродунъ (нынѣ Embrun). Горцы, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ тѣснинѣ, принадлежали къ племени катуриговъ. [2]) Именно въ область медулловъ, занимавшихъ верховья Друенціи и Дуріи. [3]) Нынѣ pertuis Rostang, 8 верстами ниже Бріансона.

защищенъ, пораженіе, которое они претерпѣли бы въ томъ ущельи, было бы ужаснымъ. Да и такъ они подверглись крайней опасности и едва не погибли. Пока Ганнибалъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, не рѣшаясь повести въ тѣснину пѣхоту—вѣдь никто не оберегалъ ея тылъ подобно тому, какъ онъ самъ оберегалъ тылъ конницы—горцы съ фланга ударили на идущихъ, прорвали шествіе какъ разъ по серединѣ и заняли дорогу, такъ что Ганнибалу пришлось провести одну ночь безъ конницы и безъ обоза. **35.** Но на другой день ряды враговъ, занимавшихъ среднюю между обѣими частями войска позицію, стали рѣдѣть, и связь была возстановлена. Такимъ образомъ пунійцамъ удалось пройти черезъ это ущелье, хотя не безъ урона, но все-же потерявъ не столько людей, сколько вьючнаго скота.

Во время дальнѣйшаго шествія горцы уже въ менѣе многочисленныхъ шайкахъ нападали на нихъ, и это были скорѣе разбойническіе набѣги, чѣмъ битвы; собравшись, они бросались то на передніе ряды, то на задніе, пользуясь благопріятными условіями мѣстности и неосторожностью пунійцевъ, то заходившихъ впередъ, то отстававшихъ. Слоны очень замедляли шествіе, когда ихъ приходилось вести по узкимъ и крутымъ дорогамъ, но зато они доставляли безопасность той части войска, въ которой они шли, такъ какъ враги, никогда этихъ животныхъ не видавшіе, боялись подходить къ нимъ близко. На девятый день [1]) достигли они альпійскаго перевала, часто прокладая себѣ путь по непроходимымъ мѣстностямъ и нѣсколько разъ сбиваясь съ дороги; то ихъ обманывали проводники, то они сами, не довѣряя имъ, наугадъ выбирали путь и заходили въ глухія долины. Въ продолженіе двухъ дней они стояли лагеремъ на перевалѣ; воинамъ, утомленнымъ работами и битвами, было дано время отдохнуть; а нѣсколько вьючныхъ животныхъ, скатившихся было со скалъ, ступая по слѣдамъ войска, пришли въ лагерь. Воины все еще были удручены столькими несчастіями, обрушившимися на нихъ, какъ вдругъ, къ ихъ ужасу, въ ночь заката Плеядъ [2]) выпалъ снѣгъ.

[1]) Хронологія шествія вверхъ по Друенціи представляется слѣдующей: 1 день: по лугамъ Друенціи; къ вечеру показываются катуриги; 2 день: притворная попытка взять проходъ силой; 3 день: стычка съ катуригами и взятіе Эбуродуна; 4—6 день: вверхъ по Друенціи; 7 день: встрѣча съ медуллами; 8 день: стычка съ медуллами; 9 день: соединеніе войска и достиженіе перевала. [2]) Закатъ Плеядъ (въ созвѣздіи Тельца) приходится по астрономическому календарю 7-го ноября.

На разсвѣтѣ лагерь былъ снятъ и войско лѣниво двинулось впередъ по дорогѣ, на всемъ протяженіи занесенной снѣгомъ; у всѣхъ на лицѣ лежалъ отпечатокъ тоски и отчаянія. Тогда Ганнибалъ, опередивъ знамена, велѣлъ воинамъ остановиться на горномъ выступѣ, откуда можно было обозрѣвать широкое и далекое пространство, и показалъ имъ Италію и разстилающуюся у подножія Альпъ равнину Пада. „Теперь вы переходите", сказалъ онъ имъ, „стѣны не Италіи только, но и Рима. Отнынѣ все пойдетъ, какъ по ровному, отлогому склону; одна, или много двѣ битвы отдадутъ въ наши руки и нашу власть кремль и столицу Италіи".

Отсюда войско пошло дальше въ такомъ бодромъ настроеніи, что даже враги не посмѣли тревожить его и ограничивались маленькими грабительскими вылазками. Надобно, однако, замѣтить, что спускъ былъ гораздо затруднительнѣе восхожденія, такъ какъ альпійскія долины почти повсемѣстно на италійской сторонѣ короче, но и круче. Почти на всемъ своемъ протяженіи тропинка была крута, узка и скользка, такъ что воину трудно было не поскользнуться, а разъ, хотя и слегка, поскользнувшись—сохранить въ паденіи свое мѣсто. Такимъ образомъ одни падали на другихъ, животныя на людей.

36. Но вотъ они дошли до скалы, гдѣ тропинка еще болѣе съуживалась, а крутизна была таковой, что даже воинъ налегкѣ только послѣ долгихъ усилій могъ бы спуститься, цѣпляясь руками за кусты и выдающіеся тамъ и сямъ корни. Скала эта и раньше, по природѣ своей, была крута; теперь же, вслѣдствіе недавняго обвала, она обрывалась отвѣсной стѣной на глубину тысячи приблизительно футовъ. Пришедши къ этому мѣсту, всадники остановились, не видя далѣе передъ собой тропинки, и когда удивленный Ганнибалъ спросилъ, зачѣмъ эта остановка, ему сказали, что передъ войскомъ — недоступная скала. Тогда онъ самъ отправился осматривать мѣстность и пришелъ къ заключенію, что, несмотря на крупную трату времени, слѣдовало повести войско въ обходъ по мѣстности, гдѣ не было ни тропинки, ни слѣда человѣческихъ ногъ. Но этотъ путь оказался рѣшительно невозможнымъ. Сначала, пока старый снѣгъ былъ покрытъ достаточно толстымъ слоемъ новаго, ноги идущихъ легко находили себѣ опору въ немъ вслѣдствіе его рыхлости и умѣренной глубины. Но когда подъ ногами

столькихъ людей и животныхъ его не стало, имъ пришлось ступать по гололедицѣ и жидкой гущѣ полурастаявшаго снѣга. Страшно было смотрѣть на ихъ усилія: нога даже слѣда не оставляла на скользкомъ льду и при покатости мѣста совсѣмъ не могла держаться на немъ, а если кто, упавъ, старался подняться, опираясь на руку или колѣно, то и это опора скользила, и онъ вторично падалъ. Не было кругомъ ни колодъ, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; въ своей безпомощной борьбѣ они ничего вокругъ себя не видѣли, кромѣ голаго льда и тающаго снѣга. Животныя подчасъ вбивали свои копыта даже въ нижній слой; они тогда падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, такъ что многія изъ нихъ оставались на мѣстѣ, завязши въ твердомъ и насквозь обледенѣвшемъ снѣгу, какъ въ капканѣ.

37. Убѣдившись наконецъ, что и животныя, и люди только понапрасну истощили свои силы, Ганнибалъ опять велѣлъ разбить лагерь на перевалѣ, съ трудомъ расчистивъ для этого мѣсто: столько снѣгу пришлось скрыть и вынести за окопы. На слѣдующій день онъ повелъ воиновъ пробивать тропинку по скалѣ—единственному мѣсту, гдѣ можно было пройти. А такъ какъ для этого нужно было ломать камень, то они срубаютъ и обрубаютъ огромныя деревья, которыя росли недалеко, и строятъ небывалыхъ размѣровъ костеръ. Обождавъ затѣмъ появленія сильнаго и благопріятнаго для разведенія огня вѣтра, они зажигаютъ костеръ, а затѣмъ, когда онъ выгорѣлъ, заливаютъ раскаленный камень уксусомъ, превращая его этимъ въ рыхлую массу. Послѣ этого они, обработывая желѣзными орудіями растрескавшуюся отъ дѣйствія огня скалу, дѣлаютъ ее доступной, смягчая серпентинами умѣреннаго наклона чрезмѣрную ея крутизну, такъ что могли спуститься не только вьючныя животныя, но и слоны. Всего у этой скалы было проведено четыре дня, при чемъ животныя едва не издохли отъ голода; дѣйствительно, верхнія склоны горъ почти вездѣ состоятъ изъ голыхъ скалъ, а если и есть какой кормъ, то его заноситъ снѣгомъ. Въ низовьяхъ долины, напротивъ, есть согрѣваемые солнцемъ холмы, и ручьи, окаймляющіе рощи, и вообще мѣста, заслуживающія быть жилищемъ человѣка. Здѣсь лошадей пустили, пастись, а людямъ, утомленнымъ отъ сооруженія тропинки, былъ данъ отдыхъ. Отсюда они черезъ три дня достиг-

ли равнины; чѣмъ дальше, тѣмъ мягче дѣлался и климатъ страны, и нравы жителей.

38. Такимъ-то образомъ Ганнибалъ совершилъ путь въ Италію, употребивъ—по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ—пять мѣсяцевъ на шествіе отъ Новаго Карѳагена до подножія Альпъ и 15 дней не переходъ черезъ Альпы. Сколько было войска у Ганнибала послѣ его прихода въ Италію,—относительно этого пункта источники совершенно несогласны другъ съ другомъ: самая высокая цифра—100000 пѣхоты и 20000 конницы, и самая низкая 20000 пѣхоты и 6000 конницы. Болѣе всѣхъ повѣрилъ бы я Л. Цинцію Алименту [1]),который, по его собственному признанію, былъ взятъ въ плѣнъ Ганнибаломъ; но онъ не даетъ опредѣленной цифры численности пуническаго войска, а прибавляетъ къ нему галловъ и лигуровъ и говоритъ, что, включая ихъ, Ганнибалъ привелъ—я думаю скорѣе, что эти силы соединились съ Ганнибаломъ уже въ Италіи, какъ то и сообщаютъ нѣкоторые источники,—80000 пѣхоты и 10000 конницы; сверхъ того, онъ прибавляетъ, что Ганнибалъ, по его собственнымъ словамъ, со времени своего перехода черезъ Роданъ, потерялъ 36000 человѣкъ и несмѣтное число лошадей и другихъ вьючныхъ животныхъ.—Первымъ народомъ, въ предѣлы которого Ганнибалъ вступилъ, спустившись въ Италію, было полугалльское племя тавриновъ. Въ этомъ всѣ согласны; тѣмъ болѣе я нахожу страннымъ, что относительно дороги, по которой онъ перешелъ черезъ Альпы, можетъ существовать разногласіе; а между тѣмъ наиболѣе распространено мнѣніе, по которому Ганнибалъ перешелъ черезъ Пенинскія Альпы, и отсюда этотъ хребетъ получилъ свое имя [2]);Целій же утверждаетъ что онъ избралъ для перехода Кремонскій перевалъ [3]). Но и тотъ, и другой путь привелъ бы его не къ тавринамъ, а къ горному племени салассовъ и отсюда къ любуйскимъ галламъ; къ тому же невѣроятно, чтобы эти два прохода въ Галлію

[1]) Онъ и Кв. Фабій Пикторъ съ римской , а силенъ—съ карѳагенской стороны были первоисточниками исторіи 2-й Пунической войны, будучи современниками описываемыхъ событій. Двумя поколѣніями моложе были главные источники Ливія—Поливій и Л. Целій Антипатръ, современники Сципіона Младшаго. Еще моложе были два другихъ источника, въ которымъ Ливій также изрѣдка прибѣгаетъ—Клавдій Квадригарій и Валерій Антіатъ, современники Суллы. [2]) Фантазія Валерія Антіата, подсказанная этимологіей Poeninus mons (т.-е. Большой С.-Бернардъ) отъ Poenus=пуніецъ. [3]) Повидимому, малый С.-Бернардъ. Это мнѣніе находило себѣ раньше многихъ приверженцевъ (м. пр. Моммзена); теперь оно оставлено.

уже тогда были доступны, и во всякомъ случаѣ долины, ведущія къ Пенинской группѣ, оказались бы занятыми полугерманскими народами. Если же кто полагается на этимологію, то пусть онъ знаетъ, что ни седунамъ, ни вераграмъ, жителямъ этой области, ничего неизвѣстно о томъ, будто ихъ горы получили свое имя отъ какого бы то ни было перехода пунійцевъ; а получили онѣ это имя, по ихъ словамъ, отъ бога, котораго горцы называютъ Пениномъ и почитаютъ въ капищѣ, выстроенномъ на главной вершинѣ.

39. Очень выгоднымъ условіемъ для открытія военныхъ дѣйствій со стороны Ганнибала оказалась война между тавринами [1])—первымъ народомъ, въ область котораго онъ вошелъ,—и инсубрами. Все-же онъ не могъ сразу дать своему войску оружіе въ руки, чтобы подать помощь этимъ послѣднимъ, такъ какъ оно именно теперь, во время отдыха, наиболѣе страдало отъ послѣдствій испытанныхъ раньше бѣдствій. Внезапный переходъ отъ труда къ покою, отъ недостатка къ изобилію, отъ грязи и вони къ опрятности различнымъ образомъ дѣйствовалъ на этихъ уже свыкшихся съ нечистотой и почти одичалыхъ людей. По этой-то причинѣ консулъ П. Корнелій и счелъ нужнымъ, придя на судахъ въ Пизу [2]) и затѣмъ принявъ отъ Манлія и Атилія войско, состоявшее частью изъ новобранцевъ, частью же изъ людей, оробѣвшихъ послѣ недавнихъ позорныхъ пораженій, поспѣшить къ рѣкѣ Паду, чтобы вступить въ бой съ непріятелемъ, не давъ ему времени оправиться. Но пока консулъ дошелъ до Плаценціи, Ганнибалъ успѣлъ уже покинуть лагерь и взять силой одинъ городъ тавриновъ, именно ихъ столицу, такъ какъ на его предложеніе, добровольно заключить съ нимъ союзъ, жители отвѣтили отказомъ. И ему удалось бы привлечь на свою сторону жившихъ въ равнинѣ Пада галловъ, притомъ не однимъ только страхомъ, но и по ихъ доброй волѣ, если бы внезапное прибытіе консула не застигло ихъ еще тогда, когда они выжидали удобнаго для отпаденія времени. Но и Ганнибалъ двинулся далѣе изъ области тавриновъ, полагая, что тѣ изъ галловъ,

[1]) Полугалльское, полулигурійское племя, у верховьевъ По, давшее имя городу Турину. Оно было, подобно ценоманамъ или бриксіанамъ (гл. 25), на сторонѣ римлянъ. [2]) Изъ Генуи, см. гл. 32. Отъ своего первоначальнаго плана—отправиться изъ Генуи черезъ Апеннины въ Плаценцію—онъ долженъ былъ отказаться, узнавъ, что Плаценція все еще занята боями, а римскіе преторы съ легіонами находятся въ Мутинѣ и Таннетѣ (гл. 25).

которые еще не знали, къ которой сторонѣ имъ присоединиться, послѣдуютъ за тѣмъ, кто лично явится къ нимъ. И вотъ уже оба войска стояли почти въ виду другъ друга, и небольшое пространство отдѣляло обоихъ предводителей, которые, не зная еще хорошенько одинъ другого, все-таки уже успѣли проникнуться взаимнымъ уваженіемъ. Имя Ганнибала еще до разгрома Сагунта пользовалось громадной извѣстностью у римлянъ, Сципіона же Ганнибалъ считалъ замѣчательнымъ человѣкомъ уже по тому одному, что онъ былъ назначенъ полководцемъ именно противъ него. Къ тому же каждый изъ нихъ еще увеличилъ высокое мнѣніе о себѣ противника: Сципіонъ—тѣмъ, что онъ, будучи оставленъ Ганнибаломъ въ Галліи, успѣлъ преградить ему путь, когда онъ перешелъ въ Италію, Ганнибалъ же—столь смѣло задуманнымъ и успѣшно совершеннымъ переходомъ черезъ Альпы.

Все-же Сципіонъ первый переправился черезъ Падъ и расположился лагеремъ на берегу Тицина. Но прежде чѣмъ вывести воиновъ на поле брани, онъ счелъ нужнымъ произнести предъ ними ободряющее слово. Рѣчь его была такова:

40. „Если бы, воины, вы, которыхъ я теперь вывожу въ поле, были тѣмъ самымъ войскомъ, надъ которымъ я начальствовалъ въ Галліи, то я счелъ бы за лишнее обращаться къ вамъ съ рѣчью. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣли бы ободрительныя слова, обращенныя къ тѣмъ всадникамъ, которые одержали блистательную побѣду надъ непріятельской конницей на берегу Родана, или къ тѣмъ легіонамъ, съ которыми я преслѣдовалъ вотъ этого самаго врага, когда онъ бѣжалъ передо мною и именно тѣмъ, что отступалъ и уклонялся отъ битвы, доставилъ мнѣ, если не побѣду, то равносильное ей признаніе его въ своей слабости? Но то войско было набрано для провинціи Испаніи; подъ начальствомъ моего брата Гнея Сципіона и подъ моими ауспиціями оно воюетъ тамъ, гдѣ ему велѣлъ воевать римскій сенатъ и народъ; я же, чтобы вы имѣли консула предводителемъ противъ Ганнибала и пунійцевъ, по собственной волѣ взялъ на себя эту часть войны. Новому главнокомандующему, поэтому, прилично сказать нѣсколько словъ своимъ новымъ воинамъ.

„Прежде всего вы не должны оставаться въ невѣдѣніи относительно рода предстоящей войны и качествъ противника. Ваши супостаты, воины, тѣ самые, которыхъ вы побѣдили на сушѣ и на морѣ въ первую войну, которыхъ вы въ продолженіе двадцати лѣтъ заставляли платить себѣ дань, у которыхъ вы отняли Сицилію и Сардинію, какъ награду за успѣшно оконченную войну. Поэтому и нынѣ вы будете драться съ подобающимъ побѣдителямъ воодушевленіемъ, а они — со свойственной побѣжденнымъ робостью. Да и теперь они рѣшились дать битву не отъ избытка мужества, а потому, что иначе нельзя; или вы, быть можетъ, думаете, что тѣ самые, которые уклонялись отъ боя тогда, когда войско было еще невредимо, теперь, послѣ того какъ двѣ трети ихъ пѣхоты и конницы погибло при переходѣ черезъ Альпы, воодушевлены большей надеждой? Но, отвѣтите вы, ихъ, правда, мало, но зато они бодры тѣломъ и душей, и нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоять ихъ мощному напору. Совершенно напротивъ! это—призраки, едва сохранившіе внѣшнее подобіе людей, изнуренные голодомъ и холодомъ, грязью и вонью, изувѣченные и обезсиленные лазаньемъ по скаламъ и утесамъ, съ отмороженными оконечностями, онѣмѣвшими въ снѣгахъ мышцами, окоченѣвшимъ отъ стужи тѣломъ, притупленнымъ и поломаннымъ оружіемъ, хромыми и еле живыми лошадьми. Съ такой-то конницей, съ такой-то пѣхотой вамъ придется имѣть дѣло; это— жалкіе остатки врага, а не врагъ. И болѣе всего меня озабочиваетъ мысль, что сражаться придется вамъ, а люди подумаютъ, что Альпы побѣдили Ганнибала. Но, быть можетъ, такъ и слѣдуетъ; справедливо, чтобы съ нарушившими договоры полководцемъ и народомъ начали и рѣшили войну сами боги, не прибѣгая къ помощи человѣка, а мы, будучи оскорблены первыми послѣ боговъ, только довершили начатую и рѣшенную ими войну.

41. „Никто изъ васъ—я въ этомъ увѣренъ—не подумаетъ, что я только хвастаюсь, чтобы внушить вамъ бодрость, а самъ въ душѣ настроенъ иначе. Я имѣлъ возможность идти со своимъ войскомъ въ свою провинцію Испанію, куда я было и отправился; тамъ я имѣлъ бы братъ сотрудникомъ въ совѣтѣ и товарищемъ въ опасностяхъ, сражался бы съ Газдрубаломъ, а не съ Ганнибаломъ, и разумѣется, легче справился бы съ войной. И все-таки я, плывя на корабляхъ вдоль галльскаго побережья, узнавъ по одному только слуху о присутствіи этого непріятеля, высадился и, отправивъ конницу впередъ, сталъ лагеремъ у берега Рода-

на. Въ конномъ сраженіи—такъ какъ только конная часть моего войска имѣла счастіе вступить въ бой—я разбилъ врага; пѣшія силы, которыя онъ уводилъ въ стремительномъ шествіи на подобіе спасающихся бѣгствомъ, я на сушѣ настигнуть не могъ; поэтому я вернулся къ кораблямъ и какъ можно скорѣе, совершивъ такой огромный обходъ и по морю и по сушѣ, пошелъ на встрѣчу этому страшному непріятелю и застигъ его почти у подножія Альпъ. Какъ же вамъ кажется теперь, наткнулся ли я по неосторожности на врага, стараясь избѣгать битвы, или же, напротивъ, нарочно ищу непосредственной встрѣчи съ нимъ, вызываю и влеку его на поле сраженія? Было бы любопытно убѣдиться на опытѣ, подлинно ли теперь, послѣ двадцатилѣтняго промежутка, земля родила вдругъ новыхъ карѳагенянъ, или же они все еще такіе же, какъ и тѣ, которые сразились у Эгатскихъ острововъ, или тѣ, которыхъ вы выпустили съ Эрика, оцѣнивъ ихъ въ 18 динаріевъ [1]) штуку; подлинно ли этотъ Ганнибалъ—соревнователь Геркулеса въ его походахъ, какъ онъ это воображаетъ, или же данникъ и рабъ римскаго народа, унаслѣдсвавшій это званіе отъ отца. Его очевидно преслѣдуютъ тѣни злодѣйски умерщвленныхъ сагунтинцевъ; а то бы онъ вспомнилъ, если не о порабощеніи своего отечества, то по крайней мѣрѣ о своей же семьѣ, объ отцѣ, о договорахъ, писанныхъ рукою Гамилькара,—того Гамилькара, который, по приказанію нашего консула, увелъ гарнизонъ съ Эрика, съ негодованіемъ и скорбью принялъ тяжкія условія, поставленныя побѣжденнымъ карѳагенянамъ, оставилъ Сицилію и обязался уплатить дань римскому народу. Поэтому я желалъ бы, воины, чтобы вы сражались не только съ тѣмъ воодушевленіемъ, съ которымъ у васъ принято сражаться съ другими непріятелями, но и съ нѣкотораго рода злобой и гнѣвомъ, какъ будто вы видѣли своихъ же рабовъ, подымающихъ внезапно оружіе противъ васъ. А вѣдь мы имѣли возможность переморить заключенныхъ на Эрикѣ худшею среди людей казнью—голодомъ; имѣли возможность переплыть съ побѣдоноснымъ флотомъ въ Африку и въ теченіе нѣсколькихъ дней безъ всякаго сопротивленія уничтожить Карѳагенъ. Между тѣмъ мы вняли ихъ мольбамъ, выпустили осажденныхъ, заключили миръ съ побѣжденными, приняли ихъ даже подъ свое покровительство,

[1]) Динарій-24 коп. См. VIII II, пр. 2.

когда они изнемогали въ Африканской войнѣ. А они, взамѣнъ этихъ благодѣяній, послѣдовали за безумнымъ юношей и идутъ теперь осаждать нашъ родной городъ!

„Да, какъ это ни горько, но вамъ предстоитъ теперь битва не за славу только, но и за существованіе отечества; вы будете сражаться не изъ-за обладанія Сициліей и Сардиніей, какъ нѣкогда, но за Италію. Нѣтъ за нами другого войска, которое могло бы, въ случаѣ нашего пораженія, преградить путь непріятелю; нѣтъ другихъ Альпъ, которыя могли бы задержать его и дать намъ время набрать новыя войска. Здѣсь наша позиція; се должны мы защищать съ такою стойкостью какъ будто мы сражались подъ стѣнами Рима. Пусть каждый изъ васъ представитъ себѣ, что онъ защищаетъ оружіемъ не одного только себя, но и жену, и малолѣтнихъ дѣтей; пусть онъ, не довольствуясь этими частными заботами, постоянно напоминаетъ себѣ, что взоры римскаго сената и народа обращены на насъ, что отъ нашей силы и доблести будетъ зависѣть судьба города Рима и римской державы“.

Таковы были слова консула къ римскому войску.

42. Ганнибалъ, между тѣмъ, счелъ за лучшее предпослать рѣчи поучительный примѣръ. Велѣвъ войску окружить мѣсто, на которомъ онъ готовилъ ему зрѣлище, онъ вывелъ на арену связанныхъ плѣнниковъ изъ горцевъ, приказалъ разложить передъ ихъ ногами галльское оружіе и спросилъ ихъ черезъ толмача, кто изъ нихъ согласится, если его освободятъ отъ оковъ, сразиться съ оружіемъ въ рукахъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ побѣды получить доспѣхи и коня. Въ отвѣтъ на это предложеніе всѣ до единаго потребовали, чтобы имъ дали оружіе и назначили противника; когда былъ брошенъ жребій, каждый молился, чтобы судьба избрала его въ борцы, и тѣ, чей жребій выпалъ, не помнили себя отъ радости и среди всеобщихъ поздравленій торопливо хватали оружіе, съ веселыми прыжками, какъ это въ обычаѣ у этихъ племенъ; когда же происходилъ бой, воодушевленіе было такъ велико,—не только среди ихъ товарищей по неволѣ, но и повсемѣстно среди зрителей,—что участь храбро умершаго борца прославлялась едва ли не болѣе, чѣмъ побѣда его противника.

43. Когда нѣсколько паръ такимъ образомъ сразилось, Ганнибалъ, убѣдившись въ благопріятномъ настроеніи вой-

ска, прекратилъ зрѣлище и, созвавъ воиновъ на сходку, произнесъ, говорятъ, предъ нимъ такую рѣчь:

„Если вы, воины, пожелаете вскорѣ отнестись къ оцѣнкѣ вашей собственной участи съ такимъ же воодушевленіемъ, съ какимъ вы только-что отнеслись къ чужой судьбѣ, представленной вамъ въ видѣ примѣра, то побѣда наша. Знайте: не спроста было дано вамъ это зрѣлище; оно было картиной вашего положенія. Я думаю даже, что судьба связала васъ болѣе крѣпкими оковами и влечетъ васъ съ болѣе непреодолимой силой, чѣмъ вашихъ плѣнниковъ. Съ востока и запада вы заключены между двухъ морей, не имѣя — даже для бѣгства — ни одного корабля. Здѣсь извивается рѣка Падъ, болѣе широкая и болѣе стремительная, чѣмъ даже Роданъ; а сзади угрожаютъ вамъ Альпы, пройденныя вами съ трудомъ еще тогда, когда вы были въ цвѣтѣ силъ и здоровья. Здѣсь, воины, ждетъ васъ побѣда или смерть, здѣсь, гдѣ вы впервые встрѣтились съ врагомъ. Но, ставя васъ въ необходимость дать сраженіе, судьба въ то же время предлагаетъ вамъ, въ случаѣ побѣды, самыя высокія награды, какія только могутъ представить себѣ люди, обращаясь съ молитвами къ безсмертнымъ богамъ. Если бы мы готовились только Сицилію да Сардинію, отнятыя у отцовъ нашихъ, своею доблестью завоевать вновь, то и это было бы щедрымъ вознагражденіемъ: Но нѣтъ: все, что римляне добыли и собрали цѣною столькихъ побѣдъ, все это должно перейти къ вамъ вмѣстѣ съ самими владѣльцами. Имѣя передъ собой такую роскошную добычу, воины, смѣло беритесь за оружіе, и боги да благословятъ васъ. Слишкомъ долго уже гоняли вы овецъ на пустынныхъ горахъ Лузитаніи и Келтиберіи, не получая никакого вознагражденія за столько трудовъ и опасностей; пора вамъ перейти на привольную и раздольную службу, пора вамъ требовать богатой награды за свои труды; не даромъ же вы совершили такой длинный путь, черезъ столько горъ и рѣкъ, среди столькихъ вооруженныхъ народовъ. Здѣсь назначенный вамъ судьбою предѣлъ вашихъ трудовъ; здѣсь она, по истеченіи срока вашей службы, по заслугамъ готовитъ вамъ награду.

„Не думайте, чтобы побѣда была столь же трудной, сколь громко имя начатой нами войны: часто покореніе презрѣннаго врага стоитъ потоковъ крови, а знаменитые народы и цари побѣждаются чрезвычайно легко. Въ данномъ же случаѣ возможно ли даже сравнивать враговъ съ вами, если оставить въ сторонѣ пустой блескъ римскаго имени? Не буду я говорить вамъ о вашей двадцатилѣтней службѣ, ознаменованной столькими подвигами, увѣнчанной столькими побѣдами. Но вы пришли сюда отъ Геркулесовыхъ Столбовъ, отъ Океана, отъ послѣднихъ предѣловъ земли, черезъ земли столькихъ дикихъ народовъ Испаніи и Галліи; а сразиться вамъ предстоитъ съ новонабраннымъ войскомъ, въ теченіе нынѣшняго же лѣта разбитымъ, побѣжденнымъ и осажденнымъ галлами, съ войскомъ, которое до сихъ поръ еще неизвѣстно своему предводителю и не знаетъ его. Вотъ каковы войска; что же касается полководцевъ, то мнѣ ли, почти рожденному, но во всякомъ случаѣ воспитанному въ палаткѣ отца моего, знаменитаго вождя, мнѣ ли, покорителю Испаніи и Галліи, мнѣ ли, побѣдителю не только альпійскихъ народовъ, но (что гораздо важнѣе) самихъ Альпъ, — сравнивать себя съ этимъ шестимѣсячнымъ начальникомъ, бѣжавшимъ отъ собственнаго войска? Да вѣдь, если сегодня же поставить передъ нимъ римское и пуническое войска, но безъ ихъ знаменъ, — то я ручаюсь вамъ, онъ не сумѣетъ сказать, которому войску онъ назначенъ въ консулы. Не мало цѣны, воины, придаю я тому обстоятельству, что нѣтъ среди васъ никого, передъ глазами котораго я не совершилъ бы цѣлаго ряда воинскихъ подвиговъ, нѣтъ никого, которому бы я не могъ перечесть, съ названіемъ времени и мѣста, его доблестныхъ дѣлъ, который не имѣлъ бы во мнѣ зрителя и свидѣтеля своей удали. И вотъ я, нѣкогда вашъ питомецъ, нынѣ же вашъ предводитель, съ вами, моими товарищами, тысячу разъ похваленными и награжденными мною, намѣреваюсь вступить въ бой съ людьми, не знающими другъ друга, другъ другу незнакомыми.

44. „Куда я ни обращаю свои взоры, все кругомъ меня дышитъ отвагой и силой. Здѣсь вижу я закаленныхъ въ войнѣ пѣхотинцевъ, тамъ — всадниковъ благороднѣйшихъ племенъ, однихъ — на взнузданныхъ, другихъ — на невзнузданныхъ коняхъ; здѣсь — нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ союзниковъ, тамъ — карѳагенскихъ гражданъ, влекомыхъ въ бой, какъ любовью къ отечеству, такъ и справедливымъ чувствомъ гнѣва. Мы начинаемъ войну, мы грозною ратью надвигаемся на Италію; мы потому уже должны обнаружить въ сраженіи болѣе смѣлости и стойкости, чѣмъ врагъ, что надежда и бодрость всегда въ большей мѣрѣ сопутствуетъ нападающему, чѣмъ отражающему нападеніе. Къ тому же

насъ воспламеняетъ и подстрекаетъ гнѣвъ за нанесенное намъ возмутительное оскорбленіе: они вѣдь потребовали, чтобы имъ выдали для казни—первымъ дѣломъ меня, предводителя, а затѣмъ и васъ, осадившихъ Сагунтъ, собираясь, если бы насъ имъ выдали, предать насъ самымъ жестокимъ мученіямъ! Этотъ кровожадный и высокомѣрный народъ воображаетъ, что все принадлежитъ ему, все должно слушаться его воли. Онъ считаетъ своимъ правомъ предписывать вамъ, съ кѣмъ намъ вести войну, съ кѣмъ жить въ мирѣ. Онъ назначаетъ намъ границы, запираетъ насъ между горъ и рѣкъ, не дозволяя переходить ихъ, и самъ первый переступаетъ имъ же созданныя границы. „Не переходи Гибера!"— „Не буду."—„Не трогай Сагунта!"—„Да развѣ Сагунтъ на Гиберѣ?"—„Нужды нѣтъ; не смѣй двигаться съ мѣста!"— „Стало быть, съ тебя мало того, что ты отнялъ у меня мои исконныя провинціи, Сицилію и Сардинію? ты отнимаешь и Испанію и грозишь перейти въ Африку, если я не уступлю тебѣ ся?"—Да что я говорю, „грозишь перейти!" Врагъ уже перешелъ; изъ двухъ консуловъ нынѣшняго года одинъ отправленъ въ Африку, другой въ Испанію. Нигдѣ не оставлено намъ ни куска земли, кромѣ той, которую мы отвоюемъ съ оружіемъ въ рукахъ.

„У кого есть убѣжище, кто, въ случаѣ бѣгства, можетъ разсчитывать на спасеніе въ родной землѣ, по безопаснымъ и мирнымъ дорогамъ, тому позволяется быть робкимъ и малодушнымъ. Вы же должны быть храбры; въ вашемъ отчаянномъ положеніи всякій другой исходъ, кромѣ побѣды или смерти, для васъ отрѣзанъ. Старайтесь, поэтому, побѣдить; если же счастіе станетъ колебаться, то предпочтите смерть воиновъ смерти бѣглецовъ. Если вы твердо запечатлѣли въ своихъ сердцахъ эти мои слова, если вы исполнены рѣшимости слѣдовать имъ, то повторяю—побѣда ваша: безсмертные боги не дали человѣку болѣе сильнаго и побѣдоноснаго оружія, чѣмъ презрѣніе къ жизни".

45. Увѣщанія эти въ обоихъ лагеряхъ произвели на воиновъ ободряющее впечатлѣніе. Тогда римляне построили мостъ черезъ Тицинъ и, сверхъ того, для защиты моста заложили крѣпостцу. Ганнибалъ же, въ то время, какъ враги были заняты работой, посылаетъ Магарбала съ отрядомъ нумидійцевъ—500 всадниковъ—опустошать поля союзныхъ съ римскимъ народомъ племенъ, наказавъ имъ, однако, по мѣрѣ возможности щадить галловъ и вести переговоры съ ихъ знатью, чтобы склонить ихъ къ отпаденію. Когда мостъ былъ готовъ, римское войско перешло въ область инсубровъ и расположилось лагеремъ въ разстояніи пяти миль отъ Виктумулъ, гдѣ стояло войско Ганнибала. Онъ тогда быстро отозвалъ Магарбала и, въ виду предстоявшаго сраженія, полагая, что никогда не слѣдуетъ жалѣть словъ и увѣщаній, могучихъ воодушевить воиновъ, созвалъ ихъ на сходку и сказалъ имъ въ опредѣленныхъ словахъ, на какія награды имъ слѣдуетъ разсчитывать въ сраженіи. „Я дамъ вамъ землю"—сказалъ онъ имъ,—„въ Италіи, въ Африкѣ, въ Испаніи, гдѣ кто захочетъ, съ освобожденіемъ отъ повинностей какъ самого получателя, такъ и его дѣтей; если же кто вмѣсто земли предпочтетъ деньги, то я выдамъ ему вознагражденіе деньгами. Если кто изъ союзниковъ пожелаетъ сдѣлаться гражданиномъ Карѳагена, то я доставлю ему гражданскія права; если же кто предпочтетъ вернуться домой, то я позабочусь, чтобы онъ ни съ кѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ не пожелалъ помѣняться судьбой". Даже рабамъ, послѣдовавшимъ за своими господами, онъ обѣщалъ свободу, обязавшись отдать ихъ господамъ по два невольника взамѣнъ каждаго изъ нихъ. А чтобы они были увѣрены въ исполненіи его обѣщаній, онъ, схвативъ лѣвой рукой ягненка, а правой камень, обратился къ Юпитеру и прочимъ богамъ съ молитвой, чтобы они, въ случаѣ если онъ измѣнитъ своему слову, предали его такой же смерти, какой онъ предаетъ ягненка, и вслѣдъ за этой молитвой разбилъ животному черепъ камнемъ. При этомъ зрѣлищѣ всѣ, какъ будто сами боги поручились имъ за осуществленіе ихъ надеждъ, единодушно и въ одинъ голосъ потребовали битвы, видя лишь въ томъ одномъ отсрочку исполненія ихъ желаній, что ихъ еще не повели на бой.

46. Настроеніе римлянъ было далеко не такое бодрое: независимо отъ другихъ причинъ, они были испуганы недавними предзнаменованіями тревожнаго свойства. Въ лагерь ворвался волкъ и, искусавъ тѣхъ, которые попались ему на встрѣчу, невредимый ушелъ во-свояси, а на дерево, возвышавшееся надъ палаткой предводителя, сѣлъ рой пчелъ. Совершивъ, по поводу этихъ предзнаменованій, умилостивительныя жертвоприношенія, Сципіонъ съ конницею и легкимъ отрядомъ метателей отправился впередъ, чтобы на близкомъ разстояніи осмотрѣть лагерь непріятеля и разузнать, какого рода его силы и какова ихъ численность. Вдругъ съ нимъ встрѣчается

Ганнибалъ, который также, взявъ съ собой конницу, выступилъ впередъ, чтобы изслѣдовать окрестную мѣстность. Въ первое время они другъ друга не видѣли, но затѣмъ пыль, подинмавшаяся все гуще и гуще подъ ногами стольких людей и лошадей, дала знать о приближеніи враговъ. Тогда оба войска остановились и стали готовиться къ бою.

Сципіонъ поставилъ въ авангардѣ метателей и галльскихъ всадниковъ, а римлянъ и лучшія силы союзниковъ — въ аріергардѣ, Ганнибалъ взялъ въ центръ тяжелую конницу, а фланги образовалъ изъ нумидійцевъ. Но лишь только поднялся воинскій крикъ, метатели [1]) бросились бѣжать ко второй линіи и остановились въ промежуткахъ между взводами аріергарда. Начавшееся тогда конное сраженіе нѣкоторое время велось съ обѣихъ сторонъ безъ рѣшительнаго успѣха; но въ дальнѣйшемъ его развитіи присутствіе въ строю пѣшихъ начало тревожить коней; и они сбросили многихъ всадниковъ; другіе же соскочили добровольно, видя, что ихъ товарищи, попавъ въ опасное положеніе, тѣснимы непріятелемъ. Такимъ образомъ сражающіеся въ значительной части уже спѣшились, какъ вдругъ нумидійцы, образовавшіе фланги, сдѣлавъ небольшой обходъ, показались въ тылу римской конницы. Появленіе ихъ испугало римлянъ, и ихъ испугъ увеличила рана и опасность консула; послѣдняя, однако, была устранена вмѣшательствомъ его сына, который тогда былъ еще почти отрокомъ. (Это—тотъ самый юноша, который прославился приведеніемъ къ концу этой войны и былъ названъ „Африканскимъ" за блестательную побѣду надъ Ганнибаломъ и пунійцами). Все-же одни только почти метатели, первые подвергшіеся нападенію нумидійцевъ, спасались въ безпорядочномъ бѣгствѣ; всадники же сплотились вокругъ консула, и защищая его не только оружіемъ, но и своими тѣлами, вернулись вмѣстѣ съ нимъ въ лагерь, отступая безъ страха и въ полномъ порядкѣ.

Целій [2]) приписываетъ рабу лигурійскаго происхожденія подвигъ спасенія консула. Что касается меня, то мнѣ было бы пріятнѣе, если бы участіе его сына оказалось достовѣр-

[1]) О судьбѣ галльской конницы, тоже стоявшей въ авангардѣ, Ливій забылъ упомянуть. Но такъ какъ въ Римѣ, по свидѣтельству Поливія, неудачный исходъ тицинскаго сраженія приписывался измѣнѣ галловъ, то вѣроятно, что и они бѣжали и вызвали этимъ бѣгство легкой пѣхоты. [2]) См. прим. къ гл. 38. Целій слѣдуетъ въ данномъ случаѣ Фабію Пиктору, который былъ политическимъ противникомъ Сципіоновъ и, напротивъ, благоволилъ къ лигурійцамъ, своимъ кліентамъ. Ливій слѣдуетъ м. пр. Поливію

нымъ; въ пользу этого мнѣнія и большинство источниковъ, и народная молва.

47. Это первое сраженіе съ Ганнибаломъ доказало съ очевидностью, что пуническая конница лучше римской, и что поэтому война на открытыхъ поляхъ, въ родѣ тѣхъ, что между Падомъ и Альпами, для римлянъ неблагопріятна. Въ виду этого Корнелій въ слѣдующую ночь велѣлъ потихоньку собрать свои вещи и, оставивъ Тицинъ, поспѣшилъ къ Паду, чтобы на досугѣ, не подвергаясь нападенію со стороны врага, перевести свое войско по мосту, наведенному имъ черезъ рѣку, пока онъ еще не разрушенъ. И дѣйствительно, римляне достигли Плаценціи раньше, чѣмъ Ганнибалъ получилъ достовѣрное извѣстіе о томъ, что они оставили Тицинъ; все-же онъ захватилъ до 600 отставшихъ воиновъ, слишкомъ медленно разрушавшихъ мостъ на лѣвомъ берегу Пада. По мосту онъ пройти не могъ, такъ какъ, лишь только оба конца были разрушены, вся средняя часть понеслась внизъ по теченію.

Целій утверждаетъ, что Магонъ [1]) съ конницей и испанской пѣхотой немедленно переплылъ черезъ рѣку, а самъ Ганнибалъ перевелъ остальное войско въ бродъ нѣсколько выше, выстроивъ слоновъ въ одинъ рядъ, чтобы ослабить напоръ рѣки. Это врядъ-ли покажется вѣроятнымъ тѣмъ, кто знакомъ съ этой рѣкой; неправдоподобно, чтобы всадники безъ вреда для оружія и коней могли преодолѣть столь стремительную рѣку, даже если допустить, что всѣ испанцы переплыли на своихъ надутыхъ мѣхахъ; а чтобы найти бродъ черезъ Падъ, по которому можно бы было перевести отягченное обозомъ войско, слѣдовало бы сдѣлать обходъ, на который, полагаю я, потребовалось бы не мало дней. По моему мнѣнію, гораздо болѣе заслуживаютъ довѣрія тѣ источники, по которымъ Ганнибалъ послѣ двухдневныхъ поисковъ едва могъ найти мѣсто для наведенія моста черезъ рѣку; по мосту были посланы впередъ всадники и легкіе отряды испанцевъ. Пока Ганнибалъ, задержанный у рѣки Пада слушаніемъ галльскихъ посольствъ, переправлялъ тяжелые полки пѣхотинцевъ, Магонъ со всадниками, оставивши мостъ и отправившись внизъ по рѣкѣ на разстояніе одного дня пути, достигъ Плаценціи, гдѣ стояли враги. Нѣсколько дней спустя Ганнибалъ укрѣпился лаге-

[1]) Младшій изъ Баркидовъ, братъ Ганнибала и Газдрубала, намѣстника Испаніи.

ремъ на разстояніи шести миль отъ Плаценціи, а на слѣдующій день, выстроивъ войско въ виду непріятеля, предложилъ ему битву.

48. Въ слѣдующую ночь воины изъ галльскихъ вспомогательныхъ отрядовъ произвели въ римскомъ лагерѣ рѣзню, причинившую, впрочемъ, болѣе тревоги, чѣмъ вреда. Около 2000 пѣхотинцевъ и 200 всадниковъ, умертвивъ стоявшихъ у воротъ лагеря караульныхъ, бѣжали къ Ганнибалу. Пуніецъ принялъ ихъ ласково, воспламенилъ ихъ усердіе, обѣщавъ имъ несмѣтныя награды, и въ этомъ настроеніи разослалъ ихъ по домамъ, съ тѣмъ, чтобы они побудили къ возстанію своихъ соплеменниковъ. Но Сципіонъ подумалъ, что эта рѣзня—сигналъ къ возмущенію всѣхъ галловъ, что всѣ они, зараженные этимъ злодѣяніемъ, точно бѣшенствомъ, поднимутъ оружіе противъ него; и вотъ онъ, несмотря на страданія, которыя ему все еще причиняла рана, въ четвертую стражу слѣдующей ночи тихо, безъ сигналовъ, снялъ лагерь и двинулся къ Требіи, гдѣ мѣстность была выше и изобиловала холмами, недоступными для конницы. Это движеніе не прошло такъ же незамѣтно, какъ раньше на Тицинѣ: Ганнибалъ послалъ нумидійцевъ, а затѣмъ и всю остальную конницу, и разстроилъ бы по крайней мѣрѣ послѣдніе ряды идущихъ, если бы нумидійцы, жадные до добычи, не повернули въ пустопорожній римскій лагерь. Пока они тамъ обшаривали всѣ углы и теряли время, не находя ничего такого, что могло бы ихъ мало-мальски достойнымъ образомъ вознаградить за эту потерю, врагъ ускользнулъ у нихъ изъ рукъ. Увидавъ, что римляне уже перешли Требію и заняты размежеваніемъ своего лагеря, они убили тѣхъ немногихъ отставшихъ воиновъ, которыхъ имъ удалось захватить по сю сторону рѣки. А Сципіонъ, будучи не въ силахъ долѣе переносить мученія раны, ухудшившейся отъ тряски во время дороги, и считая, сверхъ того, нужнымъ обождать прибытія коллеги, объ отозваніи котораго изъ Сициліи онъ уже слышалъ, сталъ укрѣплять облюбованное имъ мѣсто недалеко отъ рѣки, которое показалось ему наиболѣе безопаснымъ для лагеря.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него расположился лагеремъ Ганнибалъ. Насколько онъ радовался побѣдѣ, одержанной его конницей, настолько же былъ онъ озабоченъ недостаткомъ продовольствія, который становился съ каждымъ днемъ ощутительнѣе для его войска, шедшаго по вражеской землѣ [1]), и нигдѣ, поэтому, не находившаго заготовленныхъ припасовъ; чтобы помочь бѣдѣ, онъ послалъ часть своего войска къ мѣстечку Кластидію [2]), въ которомъ римляне устроили чрезвычайно богатый складъ хлѣба. Въ то время, какъ его воины готовились дѣйствовать силой, имъ была подана надежда на измѣну со стороны осажденныхъ; и дѣйствительно за небольшую сумму—всего 400 златницъ [3])—начальникъ гарнизона Дазій изъ Брундизія далъ себя подкупить, и Кластидій сдался Ганнибалу. Этотъ городъ служилъ пунійцамъ житницей все время, пока они стояли на Требіи. Съ плѣнными изъ сдавшагося гарнизона Ганнибалъ обращался мягко, чтобы съ самаго же начала военныхъ дѣйствій пріобрѣсть славу кроткаго человѣка.

49. Такимъ образомъ сухопутная война остановилась на берегахъ Требіи; тѣмъ временемъ флотъ дѣйствовалъ на морѣ около Сициліи и близкихъ къ Италіи острововъ и подъ начальствомъ консула Семпронія, и до его прибытія. Изъ 20 пентеръ, посланныхъ карѳагенянами съ 1000 вооруженныхъ опустошать италійское побережье, 9 пристало къ острову Липарѣ, 8 къ острову Вулкана, а 3 были занесены волнами въ проливъ. Когда въ Мессанѣ ихъ замѣтили, царь сиракузскій Гіеронъ, дожидавшійся тогда въ Мессанѣ прибытія римскаго консула, отправилъ противъ нихъ 12 кораблей, которые и захватили ихъ, не встрѣчая съ ихъ стороны никакого сопротивленія, и отвели въ Мессанскую гавань. Отъ плѣнниковъ узнали, что независимо отъ посланнаго въ Италію флота въ 20 кораблей, къ которому принадлежали они сами, еще 35 пентеръ плывутъ въ Сицилію, чтобы побудить къ возстанію старинныхъ союзниковъ [4]). „Ихъ главное назначеніе, говорили они, занять Лилибей; но, вѣроятно, та же буря, которая разбросала нашъ флотъ, занесла ихъ къ Эгатскимъ островамъ“. Царь тогда написалъ претору М. Эмилію, провинціей котораго была Сицилія, письмо, въ которомъ онъ сообщалъ ему это

[1]) Именно по землѣ анамаровъ (на лѣвомъ берегу Требіи, между По и Апеннинами), подобно тавринамъ, они были на сторонѣ римлянъ, съ которыми заключили союзъ въ 531 г. [2]) Римская крѣпость въ землѣ анамаровъ. Вмѣстѣ съ Плаценціей Кластидій охранялъ важную въ стратегическомъ отношеніи Страделльскую тѣснину; отступленіе Корнелія за Требію отдало его въ руки врага. [3])Златница-ок. 6 руб. [4]) Сицилія состояла тогда изъ слѣдующихъ трехъ частей: 1) римской провинціи съ главнымъ городомъ Лилибеемъ (нын. Марсала), обнимавшей большую часть острова. До 1 Пун. войны это была карѳагенская провинція; 2) сиракузскаго царства, союзнаго съ Римомъ, и 3) свободной общины Мессаны, тоже союзной съ Римомъ.

извѣстіе въ томъ видѣ, въ какомъ его слышалъ, и далъ совѣтъ занять Лилибей сильнымъ гарнизономъ. Тотчасъ же преторъ разослалъ по городамъ легатовъ и трибуновъ съ порученіемъ призвать тамошніе римскіе гарнизоны къ возможно большей бдительности, но главнымъ образомъ сосредоточилъ въ Лилибеѣ свои военныя силы; зачисленнымъ въ флотскій экипажъ союзникамъ былъ данъ приказъ снести въ корабли готовой пищи на десять дней, чтобы они могли по первому же сигналу безъ всякаго промедленія сѣсть на суда, а по всему побережью были разосланы часовые наблюдать съ каланчей за приближеніемъ непріятельскаго флота. Благодаря этимъ мѣрамъ карѳагеняне, хотя они и старались дать кораблямъ такой ходъ, чтобы подплыть къ Лилибею до разсвѣта, были все-таки замѣчены, тѣмъ болѣе, что и луна свѣтила всю ночь, а корабли неслись на всѣхъ парусахъ. Тотчасъ съ каланчей былъ поданъ сигналъ, въ городѣ подняли тревогу, и суда наполнились матросами; часть воиновъ заняла стѣны и сторожевые посты у воротъ, другая часть сѣла на корабли. Карѳагеняне, замѣтивъ, что имъ придется имѣть дѣло съ людьми, приготовленными ихъ встрѣтить, до восхода солнца держались въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гавани, снимая тѣмъ временемъ паруса и приспособляя свой флотъ къ битвѣ. Когда же разсвѣло, они отступили къ открытому морю, чтобы самимъ имѣть болѣе простора для битвы и дать врагу возможность свободно вывести свои корабли изъ гавани. Римляне съ своей стороны не уклонялись отъ сраженія; ихъ воодушевляло воспоминаніе о подвигахъ, совершенныхъ ими вблизи этихъ мѣстъ [1]), и они полагались на многочисленность и храбрость воиновъ. **50**. Итакъ они выплыли въ открытое море. Римляне старались помѣриться силами на близкомъ разстояніи и вступить въ рукопашный бой; пунійцы, напротивъ, уклонились отъ него, предпочитали дѣйствовать искусствомъ, а не силой, и сражаться корабль съ кораблемъ, а не человѣкъ съ человѣкомъ и мечъ съ мечемъ. Они поступали вполнѣ разумно: насколько ихъ флотъ изобиловалъ матросами и гребцами, настолько онъ уступалъ римскому числомъ воиновъ, такъ что всякій разъ, когда ихъ корабль сцѣплялся съ римскимъ, число вооруженныхъ, сражавшихся на нихъ, было далеко не одинаково. Когда это отношеніе было замѣчено, то римляне

[1]) Намекается на битву у Эгатскихъ острововъ, недалеко отъ Лилибея.

еще болѣе ободрились въ сознаніи своего численнаго превосходства, а карѳагеняне, убѣдившись въ своей сравнительной слабости, окончательно пали духомъ. Тотчасъ же семь пуническихъ кораблей были захвачены, остальные бѣжали. Экипажъ плѣнныхъ кораблей состоялъ изъ 1700 человѣкъ: въ томъ числѣ было три знатныхъ карѳагенянина. Римскій флотъ невредимый вернулся въ гавань; только одинъ корабль оказался съ пробитымъ бортомъ, но и его удалось спасти.

Вслѣдъ за этимъ сраженіемъ, еще до распространенія вѣсти о немъ среди мессанцевъ, пришелъ въ Мессану консулъ Тиб. Семпроній. Въ проливѣ его встрѣтилъ царь Гіеронъ съ выстроеннымъ въ боевой порядокъ флотомъ; перешедши съ своего царскаго корабля на его адмиральскій, онъ поздравилъ его съ благополучнымъ прибытіемъ его самого, войска и флота и пожелалъ ему счастья и успѣховъ для его сицилійской дѣятельности. Затѣмъ онъ изложилъ ему положеніе дѣлъ въ Сициліи, разсказалъ о покушеніяхъ карѳагенянъ, обѣщалъ быть на старости лѣтъ такимъ же вѣрнымъ союзникомъ римскаго народа, какимъ онъ былъ въ молодости, въ первую войну, и обязался безвозмездно доставлять легіонамъ и флотскому экипажу хлѣбъ и одежду. „Большая опасность", прибавилъ онъ, „грозитъ Лилибею и приморскимъ городамъ; есть въ нихъ люди, которымъ перемѣна правленія пришлась бы по вкусу". Въ виду этихъ обстоятельствъ, консулъ рѣшилъ безъ всякой проволочки отправиться съ флотомъ въ Лилибей; царь и царскій флотъ отправились вмѣстѣ съ нимъ. Уже во время плаванія они узнали, что подъ Лилибеемъ состоялось сраженіе, и что непріятельскіе корабли частью были захвачены, частью бѣжали. **51**. Въ Лилибеѣ консулъ отпустилъ Гіерона съ царскимъ флотомъ, оставилъ для охраны сицилійскаго побережья претора, а самъ отправился къ острову Мелитѣ [1]), который былъ занятъ карѳагенянами. При его прибытіи, начальникъ гарнизона Гамилькаръ, сынъ Гизгона, сдался ему безъ малаго съ 2000 воиновъ, городомъ и всѣмъ островомъ. Отсюда римляне черезъ нѣсколько дней вернулись въ Лилибей, и плѣнные, которыхъ взялъ преторъ, равно какъ и тѣ, которые сдались консулу, были проданы съ молотка[2]).

[1]) Мелита (нынѣ Мальта) не принадлежала къ тѣмъ островамъ, которые были уступлены Риму въ 513 г. Для Карѳагена она служила мостомъ въ Сицилію; взятіе ея Семпроніемъ имѣетъ, поэтому, нѣкоторую важность. [2]) Дословно „подъ вѣнкомъ", такъ какъ на человѣка, котораго продавали въ рабство, на аукціонѣ надѣвали вѣнокъ.

Разсудивъ, что съ той стороны Сициліи никакая опасность болѣе не угрожаетъ, консулъ отправился къ островамъ Вулкана, гдѣ, по слухамъ, стоялъ пуническій флотъ. Но вблизи этихъ острововъ не нашли уже ни одного непріятельскаго воина: врагъ уже отправился опустошать италійское побережье, совершилъ набѣгъ на окружавшія Вибонъ [1]) поля и сталъ угрожать самому городу. Возвращаясь въ Сицилію, консулъ получилъ извѣстіе о высадкѣ враговъ въ окрестностяхъ Вибона, а также и письмо сената, гласившее, что Ганнибалъ перешелъ въ Италію, и что ему слѣдуетъ безъ всякаго промедленія спѣшить на помощь товарищу. Подъ гнетомъ столькихъ одновременныхъ заботъ, онъ тотчасъ же посадилъ войско на суда и послалъ его по Адріатическому морю въ Ариминъ [2]), поручилъ своему легату Сексту Помпонію охранять съ 25 военными кораблями окрестности Вибона и вообще италійское побережье, дополнилъ флотъ претора М. Эмилія до числа 50 кораблей, а самъ, упорядочивъ сицилійскія дѣла, на 10 корабляхъ поплылъ вдоль берега Италіи и достигъ Аримина. Заставъ здѣсь свое войско, онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ къ Требіи, гдѣ и соединился со своимъ товарищемъ.

52. И вотъ уже оба консула и всѣ римскія силы были выставлены противъ Ганнибала; этимъ ясно было высказано, что, если не удастся защитить римское государство этими войсками, то другой надежды уже нѣтъ. Все-же одинъ консулъ, проученный несчастнымъ исходомъ послѣдняго коннаго сраженія и полученной имъ раной, совѣтовалъ ждать; напротивъ, другой, будучи свѣжъ духомъ, сгоралъ нетерпѣніемъ и не хотѣлъ даже слышать объ отсрочкѣ. Галлы, населявшіе въ тѣ времена всю мѣстность между Требіей и Падомъ, въ этомъ спорѣ двухъ могущественныхъ народовъ заискивали у обѣихъ сторонъ, и было ясно, что они стараются этимъ обезпечить себѣ милость того, кто выйдетъ побѣдителемъ. Римляне довольно благосклонно относились къ этой ихъ политикѣ, довольные и тѣмъ, что они не бунтуютъ; Пуніецъ, напротивъ, былъ возмущенъ: сами же они, твердилъ онъ, призвали его для возвращенія имъ свободы! Чтобы излить на нихъ свой гнѣвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Въ землѣ бруттіевъ первоначально греческая колонія Hipponium, въ 4-мъ в. взятый бруттіями. Посылка флота въ Вибонъ имѣла цѣлью побудить бруттіевъ къ возстанію. [2]) Нынѣ Rimini. Отсюда вела въ позднѣйшее время (съ 567 г.) via Aemilia на Бононію (Bologna), Мутину (Modena), Парму и Плацецію.

доставить воинамъ для ихъ пропитанія добычу, онъ велѣлъ отряду изъ 2000 пѣхотинцевъ и 1000 всадниковъ—послѣдніе были большею частію нумидійцы, но были между ними и галлы,—опустошать весь край сплошь до береговъ Пада. Тогда безпомощные галлы, до тѣхъ поръ колебавшіеся, поневолѣ отшатнулись отъ обидчиковъ и пристали къ тѣмъ, въ которыхъ они видѣли мстителей за причиненную имъ несправедливость: отправивъ пословъ къ консуламъ, они просили ихъ прійти на помощь ихъ странѣ, бѣдствующей будто бы вслѣдствіе чрезмѣрной преданности ея жителей римлянамъ. Корнелій не считалъ время благопріятнымъ для вооруженнаго вмѣшательства, да и поводъ ему не нравился: онъ не питалъ никакого довѣрія ко всему галльскому племени послѣ недавней измѣны боевъ,—не говоря уже о многихъ другихъ его коварныхъ поступкахъ, которые могли быть забыты вслѣдствіе ихъ давности. Семпроній, напротивъ, утверждалъ, что лучшимъ средствомъ къ удержанію союзниковъ въ вѣрности будетъ защита тѣхъ изъ нихъ, которые первые нуждаются въ помощи. А такъ какъ его товарищъ продолжалъ колебаться, то онъ послалъ свою конницу, прибавивъ къ ней 1000 пѣхотинцевъ большею частью изъ метателей, за Требію защищать землю галловъ. Напавъ неожиданно на бродившихъ врассыпную и безъ всякаго порядка непріятелей, большинство изъ которыхъ къ тому же было обременено добычей, они произвели между ними страшное смятеніе: многихъ они убили, а остальныхъ преслѣдовали до самаго лагеря и сторожевыхъ постовъ врага. Здѣсь они принуждены были отступить передъ высыпавшей изъ лагеря толпой вооруженныхъ; но, получивъ подкрѣпленіе изъ своей стоянки, возобновили бой. Долго ходъ сраженія былъ нерѣшителенъ, и они то тѣснили врага, то отступали передъ нимъ; подъ конецъ обѣ стороны разошлись. Все-же потеря, понесенная карѳагенянами, была крупнѣе, а потому слава побѣды осталась за римлянами.

53. Никому эта слава не казалась такой великой и такой несомнѣнной, какъ самому консулу. Онъ былъ внѣ себя отъ радости, что побѣдилъ именно той частью войска, которая подъ начальствомъ другого консула была разбита. „Воины,“ говорилъ онъ, „вновь ободрились и воспрянули духомъ, и никто, кромѣ товарища, не желаетъ отсрочки сраженія. Онъ одинъ, больной душой еще болѣе, чѣмъ тѣломъ, помня о своей ранѣ, боится строя и оружія. Но

нельзя же всѣмъ предаваться малодушію по милости одного больного человѣка. Къ чему отлагать битву и напрасно терять время? Какого еще третьяго консула и войска дожидаемся мы? А лагерь кароагенянъ находится въ Италіи, почти въ виду Рима! Они нападаютъ уже не на Сицилію и Сардинію, которую мы отняли у побѣжденныхъ, не на Испанію по сю сторону Гибера,—они изгоняютъ насъ, римлянъ, изъ нашего же отечества, изъ земли, въ которой мы родились! Какъ застонали бы наши отцы, не разъ рубившіеся подъ стѣнами Кароагена, если бы они могли видѣть, какъ мы, ихъ дѣти, два консула съ двумя консульскими войсками, находясь въ срединѣ Италіи, въ ужасѣ прячемся въ свой лагерь, между тѣмъ, какъ Пуніецъ поработилъ всю землю между Альпами и Апеннинами!" Это твердилъ онъ и своему больному товарищу, сидя у его постели, и въ своей палаткѣ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ воиновъ. Его подзадоривали и приближеніе комицій, послѣ которыхъ дальнѣйшее веденіе войны могло быть поручено новымъ консуламъ, и возможность, пользуясь болѣзнью товарища, присвоить всю славу себѣ одному. При такихъ обстоятельствахъ возраженія Корнелія ни къ чему не вели: онъ велѣлъ воинамъ готовиться къ предстоящей битвѣ. Ганнибалъ, понимавшій, какой образъ дѣйствій всего цѣлесообразнѣе для враговъ, собственно не могъ имѣть никакого повода разсчитывать, что консулы станутъ дѣйствовать неосторожно и наобумъ; все-же онъ зналъ, какъ опрометчивъ и самонадѣянъ одинъ изъ нихъ, ознакомившись съ его характеромъ заранѣе по слухамъ, а затѣмъ и на опытѣ, и полагалъ, что удачный исходъ его стычки съ грабителями сдѣлалъ его еще самонадѣяннѣе; въ виду этого онъ не терялъ надежды, что ему представится удобный случай дать сраженіе. Съ своей стороны онъ заботливо старался не пропускать такого случая именно теперь, пока воины врага были неопытны, пока наиболѣе дѣльный изъ обоихъ предводителей вслѣдствіе своей раны былъ несособенъ руководить военными дѣйствіями, пока, наконецъ, галлы были бодры духомъ: онъ зналъ, что эта густая толпа послѣдуетъ за нимъ тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ дальше онъ уведетъ ее изъ дому. Итакъ, онъ надѣялся, что сраженіе вскорѣ состоится, и во что бы то ни стало желалъ дать его, даже еслибы враги стали медлить. А когда лазутчики изъ галловъ (они безопаснѣе всего могли доставлять

требуемыя свѣдѣнія, такъ какъ ихъ соплеменники служили въ обоихъ лагеряхъ, донесли ему, что римляне готовы вступить въ бой, Пуніецъ сталъ отыскивать мѣсто, удобное для засады.

54. Между лагеремъ и Требіей протекалъ ручей съ высокими берегами[1], обросшими камышемъ и разными кустарниками и деревьями, какія обыкновенно выростаютъ на невоздѣланной почвѣ. На своихъ разъѣздахъ Ганнибалъ лично осмотрѣлъ это мѣсто и убѣдился, что тутъ легко можно скрыть даже всадниковъ. Вернувшись, онъ сказалъ своему брату Магону: „вотъ то мѣсто, которое тебѣ слѣдуетъ занять. Выбери по сотнѣ человѣкъ изъ пѣхоты и конницы и явись съ ними ко мнѣ въ первую стражу; теперь пора отдохнуть". Съ этими словами онъ отпустилъ военный совѣтъ. Вскорѣ Магонъ съ избранными воинами явился. „Я вижу, что вы богатыри", сказалъ имъ Ганнибалъ, „но чтобы вы были сильны не только удалью, но и числомъ, каждый изъ васъ пусть выберетъ изъ своего эскадрона или манипула по девяти похожихъ на него молодцовъ. Магонъ покажетъ вамъ мѣсто, которое вамъ слѣдуетъ занять; вы имѣете врагами людей, ничего въ такого рода хитростяхъ не смыслящихъ". Въ концѣ концовъ онъ отправилъ Магона съ 1000 всадниковъ и 1000 пѣхотинцевъ. На разсвѣтѣ Ганнибалъ велитъ нумидійской конницѣ перейти Требію, подскакать къ воротамъ непріятельскаго лагеря и, бросая дротиками въ караульныхъ, вызвать врага на бой, а затѣмъ, когда сраженіе загорится, медленнымъ отступленіемъ завлечь его по сю сторону рѣки. Таково было порученіе, данное нумидійцамъ; остальнымъ же начальникамъ какъ пѣхоты, такъ и конницы, было предписано, чтобы они велѣли всѣмъ воинамъ закусить, а затѣмъ надѣть оружіе, осѣдлать коней и ждать сигнала къ битвѣ.

Лишь только нумидійцы произвели тревогу, Семпроній, сгарая жаждой вступить въ бой, по установленному уже заранѣе плану вывелъ въ поле сначала всю конницу,—на эту часть своихъ силъ онъ болѣе всего полагался—затѣмъ 6000 пѣхотинцевъ, а затѣмъ и всѣ другія силы. Было какъ разъ время зимняго солнцеповорота, шелъ снѣгъ; мѣстность, лежавшая между Альпами и Апеннинами, была еще

1) Повидимому, нынѣшняя Nuretta, впадающая въ Tidone. Полемъ сраженія была узкая полоса между Требіей и Нуреттой близъ нын. Campremolbo (раньше Campomorto).

суровѣе отъ близости рѣкъ и болотъ. Къ тому же и люди и лошади были выведены торопливо, не успѣвъ ни позавтракать, ни какимъ бы то ни было образомъ защитить себя отъ холода; они и такъ уже зябли, а чѣмъ далѣе они входили въ поднимавшіеся изъ рѣки туманы, тѣмъ болѣе и сильнѣе пробирала ихъ дрожь. Но вотъ они пустились преслѣдовать бѣгущихъ нумидійцевъ и вошли въ воду; а она, поднявшись вслѣдствіе ночного дождя, доходила имъ до груди. Когда они вышли на тотъ берегъ, у всѣхъ члены до того окоченѣли, что они едва были въ состояніи держать оружіе въ рукахъ; къ тому же они, такъ какъ часть дня уже прошла, изнемогали отъ усталости и отъ голода. **55.** Все это время воины Ганнибала грѣлись у костровъ, разведенныхъ ими передъ палатками, натирали тѣло оливковымъ масломъ, которое имъ разослали по манипуламъ, и на досугѣ завтракали. Когда былъ данъ сигналъ, что враги перешли рѣку, они, бодрые душой и тѣломъ, взялись за оружіе и выступили въ поле. Балеарцевъ, свою легкую пѣхоту, Ганнибалъ помѣстилъ въ авангардѣ; ихъ было около 8000 человѣкъ; за ними тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ, ядро и силу своего войска; по обоимъ флангамъ была разсыпана десятитысячная конница, на флангахъ же поставлены и слоны. Консулъ же, замѣтивъ, что его конница, понесшаяся вразсыпную вслѣдъ за нумидійцами, слишкомъ неосторожно зашла впередъ и встрѣтила съ ихъ стороны неожиданное сопротивленіе, отозвалъ ее обратно, давъ знакъ къ отступленію, и разставилъ по обоимъ флангамъ, взявъ въ центръ пѣхоту. Римлянъ было 18000, союзниковъ и латинянъ [1] 20000; къ нимъ слѣдуетъ прибавить вспомогательные отряды ценомановъ [2], единственнаго галльскаго племени, сохранившаго вѣрность римлянамъ. Таковы были силы сразившихся.

Начали сраженіе балеарцы. Встрѣтивъ, однако, сильный отпоръ со стороны легіоновъ, легкая пѣхота поспѣшно раздѣлилась и бросилась на фланги. Вслѣдствіе этого ея движенія, положеніе римской конницы сразу стало очень затруднительнымъ. И безъ того уже трудно было держаться 4000-мъ всадниковъ противъ 10000, людямъ уставшимъ противъ лю-

---

[1] Подъ латинянами (nomen Latinum) разумѣются жители латинскихъ городовъ, не получившихъ еще римскаго гражданства, но главнымъ образомъ— жители такъ называемыхъ латинскихъ колоній въ Италіи, напр., Аримина, Брундизія, Кремоны, Плаценціи. [2] Они же и бриксіаны (отъ имени ихъ главнаго города Brixia, нынѣ Brescia); см. гл. 25.

дей большею частью еще свѣжихъ, а тутъ еще балеарцы засыпали ихъ цѣлымъ градомъ дротиковъ. Въ довершеніе всего слоны, шествовавшіе на краяхъ фланговъ впереди конницы, наводили ужасъ на воиновъ, но еще болѣе пугали лошадей, притомъ не только своимъ видомъ, но и непривычнымъ запахомъ. И вотъ поле на широкомъ пространствѣ покрылось бѣглецами. Римская пѣхота дралась не менѣе храбро, чѣмъ кароагенская, но была значительно слабѣе. Пуніецъ, незадолго до битвы отдыхавшій, выступилъ въ бой со свѣжими еще силами; римлянамъ, напротивъ, голоднымъ, уставшимъ, съ окоченѣвшими отъ мороза членами, всякое движеніе стоило труда. Все-же они взяли бы одной своей храбростью, еслибы противъ нихъ стояла одна пѣхота; но здѣсь балеарцы, прогнавъ конницу, метали свои дротики имъ во фланги, тутъ слоны напирали уже на самый центръ передняго строя, а тамъ вдругъ Магонъ съ нумидійцами, мимо засады которыхъ пѣхота тогда пронеслась ничего не подозрѣвая, появился въ тылу и привелъ задній рядъ въ неописуемое замѣшательство. И все-таки среди всѣхъ этихъ бѣдствій, окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ, пѣхота крѣпко держалась нѣкоторое время; наиболѣе успѣшно отразила она, вопреки всеобщему ожиданію, натискъ слоновъ. Легкіе пѣхотинцы, именно для этого отряженные, забросавъ ихъ дротиками, обратили ихъ въ бѣгство, а затѣмъ, преслѣдуя бѣгущихъ, кололи подъ хвостъ, гдѣ у нихъ кожа тоньше и ранить ихъ, поэтому, легче. **56.** Замѣтивъ, что они въ изступленіи начинаютъ уже почти бросаться на своихъ, Ганнибалъ велѣлъ удалить ихъ изъ центра и отвести на края позиціи, чтобы они пришлись противъ вспомогательныхъ отрядовъ галловъ. Тутъ они сразу произвели повсемѣстное бѣгство, и ужасъ римлянъ достигъ крайнихъ предѣловъ, когда они замѣтили, что ихъ союзники разбиты. Пришлось имъ образовать кругъ. При такихъ обстоятельствахъ 10000 приблизительно, не видя возможности другого спасенія, прорубились черезъ центръ африканской пѣхоты, гдѣ были помѣщены галльскія подкрѣпленія, нанесши врагу страшный уронъ. Отсюда они, не будучи въ состояніи вернуться въ лагерь, такъ какъ ихъ отдѣляла рѣка, и не видя вслѣдствіе дождя, куда имъ направиться, чтобы прійти на помощь своимъ, прямымъ путемъ прослѣдовали въ Плаценцію. По ихъ примѣру было сдѣлано много попытокъ пробиться въ различныя стороны;

направившіеся къ рѣкѣ были или поглощены пучиной, или застигнуты врагами, если они не рѣшались войти въ рѣку; тѣ, которые въ безпорядочномъ бѣгствѣ разсыпались по равнинѣ, послѣдовали за отступающимъ отрядомъ и достигли Плаценціи; другимъ страхъ передъ врагами внушилъ смѣлость войти въ рѣку, и они, перешедши ее, добрались до лагеря.

У кароагенянъ слякоть и невыносимые холода погубили много людей и вьючныхъ животныхъ и почти всѣхъ слоновъ. Далѣе Требіи они врага не преслѣдовали и вернулись въ лагерь до того оцѣпенѣвшими отъ холода, что едва радовались своей побѣдѣ. Поэтому они въ слѣдующую ночь, когда воины, оставленные въ римскомъ лагерѣ для его охраны, а равно и спасшіеся туда бѣгствомъ и большею частью почти безоружные, на плотахъ переправлялись черезъ Требію [1],—или дѣйствительно ничего не замѣтили среди шума, производимаго дождемъ, или же, не будучи уже въ состояніи двигаться отъ усталости и ранъ, притворялись, что ничего не замѣчаютъ. Такимъ образомъ консулъ Сципіонъ, не будучи тревожимъ пунійцами, въ тихомъ шествіи провелъ войско въ Плаценцію и оттуда черезъ Падъ въ Кремону, чтобы зимовка двухъ войскъ не ложилась непосильной тягостью на одну колонію.

57. Ужасъ, распространившійся въ Римѣ при извѣстіи объ этомъ пораженіи, не поддается никакому описанію. Вотъ-вотъ, думали они, появятся знамена врага, приближающагося къ городу Риму, и нѣтъ надежды, нѣтъ помощи, нѣтъ возможности спасти отъ его натиска ворота и стѣны столицы. Когда одинъ консулъ былъ побѣжденъ на Тицинѣ, мы могли отозвать другого изъ Сициліи. Теперь два консула, два консульскихъ войска разбиты; откуда взять другихъ предводителей, другіе легіоны? Такъ разсуждали они въ своемъ испугѣ, какъ вдругъ вернулся консулъ Семпроній. Подвергаясь страшной опасности, онъ пробрался сквозь разсѣявшуюся повсюду для грабежа непріятельскую конницу, слѣпо полагаясь на свое счастье, а вовсе не разсчитывая, или даже надѣясь обмануть бдительность врага или оказать ему сопротивленіе, еслибы его открыли. Онъ провелъ консульскія комиціи, что было тогда

[1] Ливій, повидимому, представлялъ себѣ Плаценцію на лѣвомъ берегу Требіи; поэтому у него здѣсь Корнелій, стоявшій лагеремъ на правомъ берегу, долженъ перейти Требію, чтобы провести остатокъ войска въ Плаценцію, а выше Семпроній съ поля битвы (что на лѣвомъ берегу) „прямымъ путемъ" слѣдуетъ въ Плаценцію. Въ дѣйствительности было наоборотъ.

наиболѣе насущной потребностью, и затѣмъ вернулся на зимнія квартиры. Консулами были избраны Гн. Сервилій и Г. Фламиній.

Римлянамъ, впрочемъ, даже зимовать не дали спокойно. Всюду рыскали нумидійскіе всадники, или же—если мѣстность была для нихъ слишкомъ неровной—кельтиберы и лузитанцы. Римляне были, такимъ образомъ, отрѣзаны рѣшительно ото всѣхъ подвозовъ, кромѣ тѣхъ, которые доставлялись имъ на корабляхъ по рѣкѣ Паду. Была недалеко отъ Плаценціи торговая пристань, окруженная сильными укрѣпленіями и охраняемая многочисленнымъ гарнизономъ. Въ надеждѣ взять эту крѣпость силой, Ганнибалъ отправился, взявъ съ собой конницу и легкую пѣхоту; а такъ какъ онъ въ тайнѣ видѣлъ главный залогъ успѣшности предпріятія, то нападеніе было произведено имъ ночью. Всеже ему не удалось обмануть караульныхъ, и внезапно былъ поднятъ такой крикъ, что его было слышно даже въ Плаценціи. Такимъ образомъ на разсвѣтѣ явился консулъ съ конницей, велѣвъ легіонамъ слѣдовать за нимъ въ боевомъ порядкѣ. Еще до ихъ прибытія, обѣ конницы сразились, а такъ какъ Ганнибалъ, получивъ рану, былъ вынужденъ оставить битву, то враги пали духомъ, и гарнизонъ былъ блестящимъ образомъ спасенъ. Но отдыхъ продолжался всего нѣсколько дней. Едва давъ ранѣ время зажить, Ганнибалъ быстро двинулся къ Виктумуламъ [1], чтобы взять мѣстечко. Оно въ галльскую войну служило римлянамъ магазиномъ; затѣмъ, такъ какъ оно было укрѣплено, туда стали стекаться со всѣхъ сторонъ окрестные жители, принадлежавшіе къ различнымъ племенамъ; тогда же страхъ передъ опустошеніями заставилъ многихъ крестьянъ поселиться тамъ. И вотъ эта толпа, услышавъ о доблестной защитѣ крѣпости подъ Плаценціей, воодушевилась мужествомъ, взялась за оружіе и вышла навстрѣчу Ганнибалу. Войска встрѣтились на дорогѣ, скорѣе въ маршевомъ, чѣмъ въ боевомъ порядкѣ; а такъ какъ съ одной стороны дралась нестройная толпа а съ другой—увѣренные другъ въ другѣ вожди и войско, то 35000 людей были обращены въ бѣгство сравнительно немногими. Въ слѣдующій день городъ сдался и принялъ въ свои стѣны пуническій гарнизонъ. Горожанамъ было ве-

[1] Ганнибалъ началъ осаду этого мѣстечка еще раньше (см. гл. 45), но битва на Тицинѣ и необходимость слѣдовать за врагомъ до Требіи заставили его тогда прекратить ее. Теперь онъ на досугѣ совершаетъ свое дѣло.

лѣно выдать оружіе; они тотчасъ повиновались; вдругъ раздался сигналъ, чтобы побѣдители пошли грабить городъ, какъ будто они взяли его приступомъ. Ни одно изъ бѣдствій, которыя лѣтописцы въ подобныхъ случаяхъ считаютъ достойными упоминанія, не миновало жителей; все, что только могли придумать своеволіе, жестокость и безчеловѣчная надменность, обрушилось на этихъ несчастныхъ.

Таковы были зимніе походы Ганнибала.

58. Затѣмъ былъ данъ воинамъ кратковременный отдыхъ, пока стояли невыносимые морозы; а съ первыми, еще сомнительными, признаками приближенія весны, онъ оставилъ зимнія квартиры и повелъ войско въ страну этрусковъ, разсчитывая убѣжденіемъ или силой привлечь и этотъ народъ на свою сторону, подобно тому, какъ онъ сдѣлалъ это съ галлами и лигурами. Но во время перехода черезъ Апеннины, его застигла такая страшная буря, что въ сравненіи съ ней даже ужасы Альпъ показались почти ничѣмъ. Дождь и вѣтеръ хлестали пунійцевъ прямо въ лицо и съ такой силой, что они или были принуждены бросать оружіе, или же, если пытались сопротивляться, падали сами на земь, пораженные силой вьюги. На первыхъ порахъ они только остановились. Затѣмъ, чувствуя, что вѣтеръ захватываетъ имъ дыханіе и щемитъ грудь, они немного присѣли, повернувшись къ нему спиною. Вдругъ надъ ихъ головами застонало, заревѣло; раздались ужасающіе раскаты грома, засверкали молніи; пока они, оглушенные и ослѣпленные, отъ страха не рѣшались двинуться съ мѣста, грянулъ ливень, а вѣтеръ отъ этого подулъ еще сильнѣе. Тутъ они, наконецъ, убѣдились въ необходимости расположиться лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они были застигнуты непогодой. Но это было лишь началомъ новыхъ бѣдствій. Нельзя было ни развернуть полотно, ни водрузить столбы; а если и удавалось раскинуть палатку, то она не оставалась на мѣстѣ: все разрывалось и уносилось ураганомъ. А тутъ еще тучи, занесенныя вѣтромъ повыше холодныхъ вершинъ горъ, замерзли и стали сыпать градомъ въ такомъ количествѣ, что воины, махнувъ рукой на все, бросились на землю, будучи скорѣе зарыты своими палатками, чѣмъ прикрыты; за градомъ послѣдовалъ такой сильный морозъ, что, если кто въ этой жалкой кучѣ людей и животныхъ хотѣлъ приподняться и встать, онъ долгое время не могъ этого сдѣлать, такъ какъ жилы окоченѣли отъ стужи, и суставы едва могли сгибаться. Наконецъ, благодаря усиленному тѣлодвиженію они размяли свои члены и нѣсколько ободрились духомъ; кое-гдѣ были разведены огни; если кто чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, то онъ прибѣгалъ къ чужой помощи. Въ продолженіе двухъ дней оставались они на этомъ мѣстѣ, какъ бы въ осадѣ; погибло много людей, много вьючныхъ животныхъ, а также и семь слоновъ изъ тѣхъ, которые остались живы послѣ сраженія на Требіи.

59. Спустившись съ Апеннинъ, Ганнибалъ опять двинулся къ Плаценціи и остановился въ десяти миляхъ отъ города; въ слѣдующій день онъ повелъ противъ врага 12000 пѣхоты и 5000 конницы. Консулъ Семпроній, вернувшійся уже къ этому времени изъ Рима, не уклонился отъ боя; въ этотъ день разстояніе между обоими лагерями не превышало трехъ миль. На другой день они сразились съ замѣчательнымъ мужествомъ, но съ перемѣннымъ счастіемъ. Въ первой стычкѣ римляне имѣли рѣшительный перевѣсъ: они не только побѣдили въ полѣ, но, прогнавъ врага, преслѣдовали его до самаго лагеря, а затѣмъ произвели нападеніе и на самый лагерь. Ганнибалъ, разставивъ немногихъ защитниковъ по окопамъ и у воротъ, остальнымъ велѣлъ сплотиться вокругъ него въ средней площади лагеря и съ напряженнымъ вниманіемъ ждать сигнала къ вылазкѣ. Въ девять часовъ дня[1]) римскій полководецъ, видя, что воины только напрасно истощаютъ свои силы и что все еще нѣтъ никакой надежды взять лагерь, далъ знакъ къ отступленію. Узнавъ объ этомъ и замѣтивъ, что бой прекратился и непріятель отступаетъ отъ его лагеря, Ганнибалъ тотчасъ же изъ правыхъ и изъ лѣвыхъ воротъ выпускаетъ противъ врага конницу, а самъ съ отборной пѣхотой устремляется черезъ среднія ворота. Еслибы время дня позволяло обоимъ войскамъ дать болѣе продолжительный бой, то рѣдкое сраженіе ознаменовалось бы бо̀льшимъ ожесточеніемъ и бо̀льшимъ числомъ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ; теперь же, какъ ни храбро дрались воины, а ночь заставила ихъ разойтись. Такимъ образомъ потери было меньше, чѣмъ можно было ожидать по остервенѣнію, съ какимъ они бросились другъ на друга; а такъ какъ обѣ стороны сражались съ одинаковымъ почти успѣхомъ, то и число убитыхъ къ окончанію боя было одинаково; пало не

1) Причемъ „часомъ" предполагается время восхода, а „двѣнадцатью"— время захода солнца.

болѣе, какъ по 600 пѣхотинцевъ и въ половину противъ этого числа всадниковъ. Всеже потеря римлянъ была ощутительнѣе, чѣмъ можно было предположить, судя по одному числу павшихъ: было убито довольно много людей всадническаго сословія, пять военныхъ трибуновъ и три начальника союзниковъ. Послѣ этого сраженія, Ганнибалъ отступилъ къ лигурамъ, а Семпроній къ Лукѣ [1]). Лигуры выдали входящему въ ихъ предѣлы Ганнибалу двухъ римскихъ квесторовъ, Г. Фульвія и Л. Лукреція, которыхъ они захватили обманомъ, и, сверхъ того, двухъ военныхъ трибуновъ и пять лицъ всадническаго сословія, большею частью сыновей сенаторовъ; это они сдѣлали для того, чтобы онъ убѣдился въ ихъ мирномъ настроеніи и желаніи быть союзниками кароагенянъ.

60. Пока все это происходитъ въ Италіи, Гн. Корнелій Сципіонъ, будучи посланъ съ флотомъ и войскомъ въ Испанію, отправился отъ устьевъ Родана и, обогнувъ Пиренеи, присталъ въ Эмпоріяхъ[2]). Высадивъ здѣсь войско, онъ началъ съ леетановъ и, мало-по-малу, подчинилъ Риму все побережье до рѣки Гибера, то возобновляя прежніе союзы, то заключая новые. Пріобрѣвъ при этомъ славу кроткаго и справедливаго человѣка, онъ распространилъ свое вліяніе не только на приморскіе народы, но и на болѣе дикія племена, населявшія гористую область внутри страны, и не только заключилъ съ ними миръ, но и сдѣлалъ ихъ своими союзниками и набралъ среди нихъ нѣсколько сильныхъ вспомогательныхъ отрядовъ.

Испанія по всю сторону Гибера была провинціей Ганнона; его Ганнибалъ оставилъ защищать эту страну. Полагая, что слѣдуетъ идти на встрѣчу врагу, не дожидаясь всеобщаго отпаденія, онъ остановился лагеремъ въ виду непріятеля и вывелъ свое войско въ поле. Римскій полководецъ также счелъ лучшимъ не откладывать сраженія; зная, что ему войны съ Ганнономъ и Газдрубаломъ не миновать, онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ каждымъ порознь, чѣмъ съ обоими вмѣстѣ. Войска сражались безъ особаго напряженія; 6000 непріятелей было убито, 2000 взято въ плѣнъ, сверхъ того еще охрана лагеря, который также

1) Ошибка: Лука (нын. Lucca)—городъ близъ Пизы, южнѣе Апеннинъ, куда Семпроній проникнуть не могъ. Какъ видно изъ гл. 63, онъ вернулся въ Плаценцію. 2) Греческая колонія у подножія Пиренеевъ. Оставшись независимой послѣ завоеванія Ганнибаломъ Каталоніи, она была для римлянъ ключемъ Испаніи.

былъ взятъ, и самъ полководецъ съ нѣсколькими вельможами. При этомъ было завоевано и мѣстечко Циссисъ [1]), лежавшее недалеко отъ лагеря; впрочемъ, найденная въ немъ добыча состояла изъ предметовъ небольшой стоимости—главнымъ образомъ грубой утвари и негодныхъ рабовъ. Зато захваченная въ лагерѣ добыча обогатила римскихъ воиновъ, такъ какъ не только побѣжденное войско, но и то, которое подъ знаменами Ганнибала сражалось въ Италіи, оставило всю свою болѣе или менѣе цѣнную собственность по ту сторону Пиренеевъ, чтобы она не оказалась тяжелымъ бременемъ для несущихъ.

61. Газдрубалъ, прежде чѣмъ достовѣрная вѣсть объ этомъ пораженіи могла дойти до него, перешелъ черезъ Гиберъ съ 8000 пѣшихъ и 1000 всадниковъ въ тщетной надеждѣ выйти на встрѣчу римлянамъ при первомъ ихъ появленіи въ странѣ. Узнавъ, что кароагеняне разбиты на голову подъ Циссисомъ, и ихъ лагерь взятъ, онъ повернулъ къ морю. Недалеко отъ Тарракона онъ застигъ флотскихъ воиновъ и матросовъ, бродившихъ отдѣльными шайками по полямъ въ полной безопасности, какъ это бываетъ обыкновенно послѣ успѣха. Пустивъ противъ нихъ врассыпную свою конницу, онъ многихъ перебилъ, а остальныхъ въ крайнемъ замѣшательствѣ прогналъ къ кораблямъ. Не рѣшаясь, однако, болѣе оставаться въ этихъ мѣстахъ, чтобы его не застигъ Сципіонъ, онъ удалился за Гиберъ. Въ самомъ дѣлѣ Сципіонъ, узнавъ о прибытіи новыхъ враговъ, поспѣшно двинулся со своимъ войскомъ противъ нихъ; наказавъ нѣсколькихъ капитановъ и оставивъ въ Тарраконѣ небольшой гарнизонъ, онъ вернулся съ флотомъ въ Эмпоріи. Не успѣлъ онъ удалиться, какъ вдругъ опять появился Газдрубалъ, побудилъ къ возмущенію племя илергетовъ[2]), которое дало было Сципіону заложниковъ, и съ ихъ же молодежью сталъ опустошать поля вѣрныхъ римлянамъ союзниковъ. Но лишь только Сципіонъ выступилъ съ зимнихъ квартиръ, онъ опять оставилъ всю землю по сю сторону Гибера; Сципіонъ же вторгнулся съ войскомъ въ предѣлы илергетовъ, брошенныхъ виновникомъ ихъ возмущенія, загналъ ихъ всѣхъ въ ихъ главный городъ Атанагръ и осадилъ ихъ въ немъ. Черезъ нѣсколько дней ему удалось

1) Главное селеніе цессетановъ, недалеко отъ Тарракона. 2) Самое могущественное изъ племенъ Каталоніи, имя котораго понынѣ живетъ въ имени города Лериды (древн. Ilerda). Оно отличалось своей вѣрностью Кароагену.

снова принять въ подданство илергетовъ; онъ велѣлъ имъ поставить еще болѣе противъ прежняго заложниковъ и наказалъ ихъ сверхъ того еще денежной пеней. Отсюда онъ двинулся къ авзетанамъ, которые также были союзниками пунійцевъ, и осадилъ ихъ городъ. Когда же лацетаны поспѣшили выручать сосѣдей, онъ ночью, недалеко отъ города, когда они намѣревались войти въ него, устроилъ имъ засаду. Около 12000 было убито; почти всѣ потеряли оружіе и, разсѣявшись по полямъ, убѣжали во-свояси. Да и осажденныхъ защищала только зима, отъ которой осаждающіе терпѣли много невзгодъ. Тридцать дней продолжалась осада, и все это время глубина снѣга была рѣдко менѣе четырехъ футовъ; но зато онъ такъ закуталъ римскія ширмы и винеи, что только имъ онѣ были спасены отъ брандеровъ, которые враги неоднократно бросали въ нихъ. Въ концѣ концовъ, когда ихъ начальникъ Амузикъ спасся бѣгствомъ къ Газдрубалу, они сдались, обязавшись уплатить двадцать талантовъ серебра. Римляне вторично отправились на зимнія квартиры, на этотъ разъ въ Тарраконъ.

62. Въ Римѣ и его окрестностяхъ много тревожныхъ знаменій или дѣйствительно было замѣчено въ эту зиму, или же—какъ это обыкновенно бываетъ, коль скоро умы объяты суевѣрнымъ страхомъ—о нихъ только доносили въ большомъ числѣ, и разсказчикамъ слѣпо вѣрили. Въ числѣ прочихъ, передаютъ, будто шестимѣсячный ребенокъ свободныхъ родителей на Овощномъ рынкѣ крикнулъ „triumphe“; на Бычачьемъ рынкѣ быкъ самъ собою взобрался на третій этажъ и бросился оттуда, испуганной тревогой, которую подняли жильцы; на небѣ показались огненныя изображенія кораблей; въ храмъ Надежды, что въ Овощномъ рынкѣ, ударила молнія; въ Ланувіи копье шевельнулось [1], и воронъ влетѣлъ въ храмъ Юноны и сѣлъ какъ разъ на ложе богини; въ окрестностяхъ Амитерна во многихъ мѣстахъ показались издали привидѣнія въ бѣломъ саванѣ, но ни съ кѣмъ не повстрѣчались; въ Пиценѣ шелъ каменный дождь; въ Церѣ вѣщія дощечки [2]) сузились; въ Галліи волкъ выхватилъ у караульнаго мечъ изъ ноженъ и унесъ его. Относительно прочихъ знаменій опредѣлено, чтобы децемвиры

1) Ланувинская Юнона (Iuno Sospita), культъ который былъ признанъ государственнымъ, изображалась съ копьемъ. 2) Разумѣются дубовыя дощечки со старинными письменами, по которымъ жрецы предсказывали вопрошающимъ ихъ судьбу.

справились въ Сивиллиныхъ книгахъ; по поводу же каменнаго дождя въ Пиценѣ было объявлено девятидневное празднество. По истеченіи его, было приступлено къ другимъ очистительнымъ обрядамъ, въ которыхъ приняли участіе почти всѣ граждане. Прежде всего было произведено очищеніе города; богамъ, по опредѣленію децемвировъ, заклали извѣстное число взрослыхъ животныхъ; въ Ланувіи поднесли Юнонѣ даръ изъ сорока фунтовъ золота; а замужнія женщины посвятили Юнонѣ на Авентинѣ мѣдную статую; въ Церѣ, гдѣ вѣщія дощечки сузились, было объявлено лектистерніе [1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ молебенъ Фортунѣ на горѣ Альгидѣ; также и въ Римѣ было объявлено лектистерніе Юности и молебенъ въ храмѣ Геркулеса для опредѣленныхъ участковъ, а затѣмъ для всего народа молебствіе во всѣхъ храмахъ. Генію было заклано пять взрослыхъ животныхъ, и сверхъ того опредѣляли, чтобы преторъ Г. Атилій Серранъ произнесъ обѣты на случай, еслибы положеніе государства не измѣнилось къ худшему въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ. Эти обряды и обѣты, совершенные и произнесенные по откровенію Сивиллиныхъ книгъ, въ значительной степени успокоили взволнованные религіознымъ страхомъ умы.

63. Фламиній, одинъ изъ предназначенныхъ консуловъ, получивъ по жребію зимовавшіе въ Плаценціи легіоны, послалъ консулу при письмѣ приказъ, чтобы это войско къ мартовскимъ идамъ [2]) стояло лагеремъ въ Ариминѣ. Онъ дѣйствительно намѣревался вступить въ должность тамъ, въ провинціи, помня о своихъ старинныхъ спорахъ съ сенатомъ въ бытность свою трибуномъ, а позже и консуломъ, когда у него сначала хотѣли отнять консульство, а затѣмъ тріумфъ [3]); къ тому же ненависть къ нему сенаторовъ увеличилась по поводу новаго закона, предложеннаго народнымъ трибуномъ Г. Клавдіемъ противъ воли сената и при содѣйствіи одного только Г. Фламинія изъ среды сенаторовъ—чтобы никто изъ сенаторовъ или сыновей сенаторовъ не владѣлъ морскимъ кораблемъ вмѣстимости свыше трехъ

1) См. примѣч. къ V 13. 2) Консульскій годъ начинался тогда 15-го марта. 3) Въ качествѣ трибуна (въ 522 г.), Фламиній предложилъ аграрный законъ, который сильно не понравился знати. Будучи въ первый разъ консуломъ въ 531 г., онъ предпринялъ походъ противъ инсубровъ и далъ имъ сраженіе, не смотря на то, что сенатъ призналъ его выборъ въ консулы недѣйствительнымъ; выигравъ сраженіе, онъ получилъ тріумфъ, но не отъ сената, который ему отказалъ, а отъ народа.

сотъ амфоръ. Эта вмѣстимость считалась законодателемъ достаточной для ввоза въ городъ изъ деревни предметовъ потребленія; торговля же признавалась для сенаторовъ безусловно позорной. Законъ этотъ, поднявшій очень много шуму, доставилъ Фламинію, который отстаивалъ его, ненависть знати, но зато любовь народа и, такимъ образомъ, вторичное консульство. Въ виду этого онъ сталъ опасаться, какъ бы его не пожелали задержать въ городѣ вымышленными ауспиціями, откладываніемъ Вселатинскаго празднества [1]) и другими помѣхами, которыми обыкновенно пользовались противъ консуловъ, и поэтому, подъ предлогомъ поѣздки, въ качествѣ частнаго человѣка, тайкомъ уѣхалъ въ свою провинцію. Когда объ этомъ узнали, негодованіе сенаторовъ, и безъ того уже сильное, еще возрасло. „Г. Фламиній“, говорили они, „ведетъ войну уже не съ однимъ только сенатомъ, но и съ безсмертными богами. Еще прежде онъ, выбранный консуломъ при зловѣщихъ ауспиціяхъ, отказалъ въ повиновеніи богамъ и людямъ, когда они отзывали его съ самаго поля битвы; теперь онъ, помня о своей тогдашней непочтительности, бѣгствомъ уклонился отъ обязанности произнести въ Капитоліи торжественные обѣты. Онъ не пожелалъ въ день вступленія своего въ должность помолиться въ храмѣ всеблагого и всемогущаго Юпитера, увидѣть кругомъ себя собранный для совѣщанія сенатъ, который его ненавидитъ и ему одному ненавистенъ, назначить день Вселатинскаго празднества и совершить на горѣ торжественное жертвоприношеніе Лаціарскому Юпитеру; не пожелалъ, послѣ ауспицій, отправиться въ Капитолій для произнесенія обѣтовъ и затѣмъ въ военномъ плащѣ, въ сопровожденіи ликторовъ, уѣхать въ провинцію. Онъ предпочелъ отправиться на подобіе какого-нибудь маркитанта, безъ знаковъ своего достоинства, безъ ликторовъ, украдкой, какъ будто онъ удалялся въ изгнаніе. Повидимому, ему показалось болѣе соотвѣтствующимъ величію своей власти вступить въ должность въ Ариминѣ, чѣмъ въ Римѣ, надѣть порфировый плащъ въ какомъ-нибудь постояломъ дворѣ, чѣмъ у боговъ своего очага!“ Всѣ рѣшили, что его слѣдуетъ—честью ли, или силой—вернуть и заставить сначала лично исполнить всѣ обязанности передъ богами и людьми, а затѣмъ уже отправиться къ войску и въ провинцію. Послами (постанов-

[1]) Которое ежегодно новые консулы должны были справлять на Альбанской горѣ.

лено было отправить таковыхъ) избраны были Кв. Теренцій и М. Антистій; но ихъ слова такъ же мало подѣйствовали на него, какъ въ его первое консульство письмо сената.—Черезъ нѣсколько дней онъ вступилъ въ должность; но, когда онъ приносилъ жертву, телецъ, раненый уже, вырвался изъ рукъ священно-служителей и обрызгалъ своей кровью многихъ изъ присутствовавшихъ; вдали же смятенія и тревоги было еще больше, такъ какъ не знали, въ чемъ причина испуга. Многіе видѣли въ этомъ предзнаменованіе большихъ ужасовъ. Затѣмъ онъ принялъ два легіона отъ прошлогодняго консула Семпронія и два отъ претора Г. Атилія [1]), и повелъ свое войско по горнымъ тропинкамъ Апенниновъ въ Этрурію.

[1]) Неясно, откуда у претора Атилія, который, согласно гл. 39, передалъ свой единственный легіонъ Корнелію и, согласно гл. 62, находился въ Римѣ, взялись еще два легіона въ Галліи.

КНИГА XXII.

---

1. Уже приближалась весна, а потому Ганнибалъ двинулся съ зимнихъ квартиръ; его прежнія попытки перейти Апеннины были тщетны, вслѣдствіе невыносимыхъ холодовъ, но и пребываніе тамъ сопряжено было съ большой и страшной опасностью; ибо, когда галлы, которые поднялись въ надеждѣ на добычу и опустошенія, стали замѣчать, что, вмѣсто того, чтобы имъ самимъ грабить и угонять скотъ изъ чужой области, ихъ собственныя земли служатъ театромъ войны и эксплоатируются зимними квартирами обоихъ войскъ,— они снова обратили свою ненависть съ римлянъ на Ганнибала; неоднократно онъ подвергался опасности отъ коварныхъ замысловъ галльскихъ вождей, но его спасало то, что они обманывали другъ друга, такъ какъ они съ одинаковымъ легкомысліемъ составляли заговоры и обнаруживали ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и путемъ обмана, мѣняя то платье, то головной уборъ, Ганнибалъ тоже оберегалъ себя отъ ихъ козней. Впрочемъ, и страхъ передъ этой опасностью заставилъ его поскорѣе удалиться съ зимнихъ квартиръ.

Въ то же самое время въ мартовскія иды Гн. Сервилій вступилъ въ Римѣ въ должность консула. Тамъ снова возгорѣлась ненависть противъ Г. Фламинія, когда консулъ доложилъ о положеніи государства. Сенаторы говорили, что они избрали двухъ консуловъ, а имѣютъ только одного; вѣдь какая у него, Фламинія, законная власть, какое право производить ауспиціи? Должностныя лица получаютъ это право изъ дому, отъ государственныхъ и частныхъ пенатовъ, послѣ совершенія Вселатинскаго праздненства, послѣ жертвоприношенія на горѣ, давши обѣты въ Капитоліи, какъ того требуетъ религія; а частный человѣкъ не можетъ совершать

ауспицій, отправившись же безъ нихъ въ чужую землю, онъ не можетъ тамъ предпринимать гаданій новыхъ и полныхъ [1]). Страхъ увеличивали извѣстія о чудесныхъ знаменіяхъ, полученныя одновременно изъ многихъ мѣстъ: въ Сициліи у нѣсколькихъ воиновъ загорѣлись концы копій, а въ Сардиніи у всадника, объѣзжавшаго сторожевые посты вокругъ стѣны, загорѣлся жезлъ, который онъ держалъ въ рукѣ; на берегахъ сверкали частые огни, два щита покрылись кровавымъ потомъ, нѣсколько воиновъ было поражено молніей; казалось, что уменьшается кругъ солнца; въ Пренестѣ падали съ неба горящіе камни; въ Арпахъ явились на небѣ щиты и казалось, что солнце состязается съ луною; въ Капенѣ днемъ появилось двѣ луны; въ Церѣ потекли воды, смѣшанныя съ кровью, и даже источникъ Геркулеса покрылся кровяными пятнами; въ Антіи въ корзину къ жнецамъ падали окровавленные колосья; въ Фалеріяхъ казалось, что небо разверзлось, образовавъ какъ-бы огромную пропасть, и въ этомъ отверстіи блисталъ сильный свѣтъ. Вѣщія дощечки [2]) сами собою уменьшились, и одна изъ нихъ выпала съ такою надписью: „Марсъ потрясаетъ копьемъ"; и въ то время въ Римѣ изображеніе Марса на Аппіевой дорогѣ и изображеніе волковъ покрылись потомъ; въ Капуѣ небо казалось пылающимъ, а луна ниспадающею [3]) съ дождемъ. Въ виду этого, повѣрили и другимъ, менѣе важнымъ, знаменіямъ: у нѣкоторыхъ гражданъ козы, вмѣсто волосъ, покрылись шерстью, курица обратилась въ пѣтуха, а пѣтухъ въ курицу. Доложивъ объ этихъ знаменіяхъ, какъ о нихъ было разсказано, и введя въ курію свидѣтелей ихъ, консулъ спросилъ мнѣніе сенаторовъ относительно умилостивленія боговъ. Опредѣлено было, по поводу этихъ знаменій умилостивить боговъ жертвоприношеніемъ частью взрослыхъ жертвенныхъ животныхъ, частью питающихся молокомъ, и въ теченіе трехъ дней совершать молебствіе у ложъ всѣхъ боговъ; а по поводу прочихъ знаменій слѣдуетъ поступить такъ, какъ угодно волѣ боговъ, которую объявятъ децемвиры на основаніи священныхъ изреченій, наведя справки въ Сивиллиныхъ книгахъ. По указанію децемвировъ было рѣшено, прежде всего въ даръ Юпитеру принести золотую молнію вѣсомъ въ 50 фунтовъ,

---

1) Только тотъ, кто выѣхалъ изъ Рима къ войску по совершеніи гаданій, имѣетъ право и на чужой сторонѣ производить подобныя же гаданія, слѣдовательно и командовать арміей. Ср. XXI 63. 2) См. XXI 62. 3) Какъ при падающихъ звѣздахъ; по другому чтенію—„шерсть падающею съ дождемъ".

Юнонѣ и Минервѣ дары изъ серебра, Юнонѣ-царицѣ на Авентинѣ и Юнонѣ-спасительницѣ въ Ланувіи принесли умилостивительныя жертвы изъ взрослыхъ животныхъ; матроны, собравши столько денегъ, сколько каждая можетъ дать, должны принести даръ Юнонѣ-царицѣ на Авентинѣ, и должно быть устроено лектистерніе, и вольноотпущенницы должны собрать денегъ по своимъ достаткамъ и на эти деньги сдѣлать подарокъ Феронiи. Когда это было исполнено, децемвиры въ Ардеѣ на форумѣ принесли умилостивительныя жертвы взрослыми животными. Наконецъ, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ совершено было жертвоприношеніе у храма Сатурна въ Римѣ и приказано было устроить лектистерніе—и ложе для него постилали сенаторы— и общественное пиршество; въ городѣ денно и нощно совершались Сатурналіи, и народъ получилъ приказаніе постоянно считать этотъ день праздничнымъ и соблюдать его.

2. Пока консулъ въ Римѣ заботился объ умилостивленіи боговъ и о наборѣ войска, Ганнибалъ, снявшись съ зимнихъ квартиръ, въ виду слуховъ, что консулъ Фламиній пришелъ уже въ Арретій, направился кратчайшею дорогою чрезъ болота, болѣе обыкновеннаго залитыя въ то время водою рѣки Арна, хотя ему представлялся другой, болѣе дальній, но зато болѣе удобный путь. Впереди онъ приказалъ итти испанцамъ и африканцамъ—изъ нихъ состояла вся главная сила стараго войска—съ ихъ багажемъ, чтобы не было у нихъ недостатка въ необходимомъ, въ случаѣ, если гдѣ-нибудь имъ придется остановиться; за ними онъ приказалъ слѣдовать галламъ, чтобы такимъ образомъ они составляли средину отряда; въ арьергардѣ приказалъ идти всадникамъ; затѣмъ Магону съ легковооруженными нумидійцами онъ велѣлъ замыкать шествіе, сдерживая преимущественно галловъ, если они станутъ разбѣгаться или отставать, соскучившись, вслѣдствіе обычной этому народу изнѣженности, трудностью и продолжительностью пути. Передовые отряды, гдѣ только шли впереди проводники, слѣдовали за знаменами, хотя и приходилось идти по весьма обрывистымъ и глубокимъ пучинамъ рѣки, вязнуть и чуть не тонуть въ грязи. Галлы не могли ни удержаться, разъ поскользнувшись, ни выбраться изъ водоворота и не преодолѣвали физическаго утомленія бодростью духа, а бодрость духа не подкрѣпляли надеждою; одни съ трудомъ влачили усталые члены, а другіе, какъ только падали, потерявъ присутствіе духа, умирали среди вьючныхъ животныхъ, которыя тоже лежали повсюду. А болѣе всего изнуряло ихъ бодрствованіе въ теченіе четырехъ уже дней и трехъ ночей. Не имѣя возможности найти ни одного сухого мѣста, гдѣ бы можно было прилечь усталымъ, такъ какъ все было покрыто водой, они ложились на сваленную въ кучу въ водѣ поклажу, или же груды павшихъ тамъ и сямъ по всему пути вьючныхъ животныхъ служили необходимымъ ложемъ тѣмъ, которые для кратковременнаго отдыха искали чего-нибудь, что только выдавалось бы изъ воды. Самъ Ганнибалъ, болѣя глазами, вслѣдствіе непостоянной весенней погоды, переходовъ отъ жара къ холоду, ѣхалъ на единственномъ уцѣлѣвшемъ слонѣ, чтобы находиться повыше отъ воды; однако, вслѣдствіе невозможности уснуть, ночной сырости, тяжелаго для головы болотнаго воздуха и не имѣя ни мѣста, ни времени для лѣченія, онъ лишился одного глаза.

3. Когда наконецъ, послѣ позорной потери множества людей и вьючнаго скота, Ганнибалъ выбрался изъ болотъ, при первой возможности онъ расположился лагеремъ на сухомъ мѣстѣ и узналъ черезъ посланныхъ впередъ лазутчиковъ, что римское войско находится около стѣнъ Арретія. Затѣмъ весьма тщательно онъ сталъ разузнавать о планахъ и настроеніи консула, о положеніи областей и о дорогахъ, о запасахъ для заготовленія провіанта и обо всемъ прочемъ, о чемъ было полезно имѣть свѣдѣнія. Страна по плодородію стояла въ числѣ первыхъ странъ Италіи; то были этрусскія поля, находящіяся между Фезулами и Арретіемъ, богатыя хлѣбомъ, скотомъ и обиліемъ всѣхъ продуктовъ; консулъ гордился первымъ консульствомъ и не только не боялся величія законовъ и отцовъ, но даже и боговъ; это его врожденное безразсудство судьба усилила, даровавъ ему счастливый успѣхъ въ гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ. Поэтому было очевидно, что онъ во всемъ будетъ дѣйствовать самонадѣянно и весьма поспѣшно, не спрашивая совѣта ни у боговъ, ни у людей. А чтобы тѣмъ болѣе поощрить Фламинія въ его дурныхъ наклонностяхъ, Пуніецъ готовится подстрекать и раздражать его: оставивъ врага слѣва, онъ устремляется въ Фезулы, проходитъ по срединѣ области Этруріи съ цѣлью грабежа, убійствами и пожарами издали даетъ знать консулу о возможно большемъ опустошеніи. Фламиній не думалъ оставаться въ покоѣ, если бы

даже врагъ бездѣйствовалъ, а теперь, увидѣвши, что имущество союзниковъ почти на его глазахъ расхищается и угоняется, вмѣнялъ себѣ въ позоръ то, что Ганнибалъ бродитъ уже по срединѣ Италіи и безъ всякаго сопротивленія идетъ осаждать самыя стѣны Рима; въ то время, какъ на совѣтѣ всѣ прочіе высказали мнѣнія скорѣе благоразумныя, чѣмъ блестящія, говоря, что надо подождать товарища, чтобы вести дѣло соединенными силами, единодушно и по общему плану, а пока, при помощи конницы и вспомогательныхъ войскъ изъ легковооруженныхъ, мѣшать врагу нагло и дерзко производить грабежъ,—Фламиній, разсердившись, выбѣжалъ изъ собранія и, давъ одновременно сигналъ къ выступленію и къ сраженію, воскликнулъ: „будемъ лучше сидѣть передъ стѣнами Арретія, такъ какъ тутъ отечество и пенаты. Ганнибалъ же, выпущенный изъ рукъ, пусть въ конецъ опустошитъ Италію и идетъ къ самымъ стѣнамъ Рима, уничтожая и истребляя все огнемъ, и двинемся отсюда только тогда, когда отцы призовутъ Г. Фламинія изъ-подъ Арретія подобно тому, какъ нѣкогда Камилла изъ-подъ Вей“. [1]) Когда, произнося эти укоризненныя слова, онъ одновременно приказывалъ скорѣе двинуть знамена и самъ вскочилъ на лошадь, она вдругъ споткнулась и сбросила консула черезъ голову. Всѣ, находившіеся вблизи, были въ страхѣ, видя въ этомъ зловѣщее предзнаменованіе для начала дѣла, сверхъ того еще доложили, что знаменосецъ не можетъ поднять знамени, не смотря на всѣ усилія. Обратившись къ вѣстнику, Фламиній сказалъ: „можетъ быть, ты приносишь мнѣ и предписаніе отъ сената не вести дѣла? Поди, скажи, пусть выроютъ изъ земли знамя, если отъ страха оцѣпенѣли руки, чтобы поднять его“. Затѣмъ отрядъ началъ выступать; начальники, помимо разногласія съ мнѣніемъ главнокомандующаго, были еще напуганы двойнымъ дурнымъ предзнаменованіемъ, воины же большею частью были довольны дерзкой отвагой вождя, имѣя въ виду только одну надежду, а не основанія ея.

4. Все пространство, находящееся между городомъ Кортоною и Тразименскимъ озеромъ, Ганнибалъ подвергаетъ всѣмъ ужасамъ войны, съ цѣлью еще болѣе раздражить врага, чтобы онъ сталъ мстить за обиды, нанесенныя союзникамъ. Карѳагеняне дошли уже до мѣста, природою предназначеннаго для засады, туда, гдѣ Тразименское озеро ближе всего подходитъ къ Кортонскимъ горамъ. Между горами и озеромъ пролегаетъ только весьма узкая дорога, какъ будто это мѣсто нарочно для нея было оставлено; затѣмъ открывается равнина пошире, далѣе возвышаются холмы. Тамъ Ганнибалъ располагается лагеремъ на открытомъ мѣстѣ, чтобы засѣсть на немъ самому только съ африканцами и испанцами; балеарцевъ же и прочихъ легковооруженныхъ онъ уводитъ за горы; у самаго входа въ ущелье, подъ удобнымъ прикрытіемъ возвышенностей, онъ помѣщаетъ всадниковъ, чтобы, какъ только римляне войдутъ, всадники преградили имъ путь, и такимъ образомъ все было заперто озеромъ и горами.

Прибывъ наканунѣ при закатѣ солнца къ озеру, Фламиній на другой день безъ предварительной рекогносцировки, едва только забрезжило, перешелъ тѣснины, и, когда отрядъ началъ вступать въ болѣе открытую равнину, увидѣлъ только тѣхъ враговъ, которые находились противъ него: засады съ тыла и надъ головою онъ не замѣтилъ. Достигнувъ своей цѣли, видя врага запертымъ озеромъ и горами и окруженнымъ своими войсками, Пуніецъ подаетъ сигналъ всѣмъ къ одновременному нападенію. Когда его воины сбѣжали внизъ, гдѣ кому было ближе всего, это явилось для римлянъ тѣмъ болѣе внезапнымъ и неожиданнымъ, что поднявшійся съ озера туманъ былъ гуще на равнинѣ, чѣмъ на горахъ, и отряды карѳагенянъ, хорошо видя другъ друга, имѣли тѣмъ большую возможность одновременно спуститься внизъ съ нѣсколькихъ холмовъ. Крикъ раздался со всѣхъ сторонъ прежде, чѣмъ римляне могли различить врага, и на основаніи этого крика они поняли, что окружены; съ фронта и съ фланговъ начался бой раньше, чѣмъ они хорошенько выстроились въ боевой порядокъ и могли приготовить оружіе и обнажить мечи. **5**. Среди всеобщаго смятенія, сохраняя присутствіе духа, насколько позволяло критическое положеніе, консулъ сообразно съ временемъ и мѣстомъ, гдѣ каждый прислушивался къ крикамъ, раздававшимся съ разныхъ сторонъ, строитъ приведенные въ замѣшательство отряды, и всюду, куда только онъ могъ пройти и гдѣ могли его слышать, онъ ободряетъ и приказываетъ твердо стоять и сражаться: вѣдь отсюда, говорилъ онъ, можно выйти не при помощи обѣтовъ и молитвъ къ богамъ, а только при помощи силы и доблести. Черезъ середину

[1]) См. V 46.

вражескаго строя путь пролагается оружіемъ, и, чѣмъ меньше бываетъ боязни, тѣмъ меньше бываетъ обыкновенно опасности. Впрочемъ, изъ-за шума и замѣшательства невозможно было разслышать ни совѣтовъ, ни приказаній, и воины не только не узнавали своихъ знаменъ, рядовъ и своего мѣста, но даже едва отваживались взять оружіе и приготовить его къ сраженію, а нѣкоторыхъ оно погубило, служа имъ не столько защитою, сколько бременемъ; сверхъ того, среди густого тумана можно было больше пользоваться слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ. Воины обращали свои лица и взоры туда, гдѣ раздавались вопли раненыхъ и шумъ отъ ударовъ о тѣла и оружіе, мѣшавшіеся съ угрозами и криками ужаса; одни, обратившись въ бѣгство, наталкивались на толпу сражающихся и останавливались, другихъ, которые хотѣли вернуться въ сраженіе, увлекала толпа бѣглецовъ. Потомъ, послѣ безуспѣшныхъ нападеній во всѣ стороны, когда съ боковъ преграждали путь горы и озеро, а спереди и сзади вражеское войско, и стало очевиднымъ, что надежда на спасеніе заключается только въ личной силѣ и въ оружіи, тогда каждый сталъ для себя вождемъ и совѣтникомъ въ дѣлѣ, и опять началось новое сраженіе; оно не было распредѣлено между принципами, гастатами и тріаріями [1]), и не было организовано такъ, чтобы передовые сражались передъ знаменами, а за знаменами остальное войско, чтобы каждый воинъ находился въ своемъ легіонѣ или въ своей когортѣ, или въ своемъ манипулѣ; соединялъ случай, и личное мужество каждаго опредѣляло ему мѣсто сражаться ли впереди, или сзади; воинскій пылъ былъ такъ великъ, вниманіе до того поглощено битвой, что никто изъ сражавшихся не замѣтилъ того землетрясенія, которое разрушило значительную часть многихъ городовъ Италіи, направило въ сторону теченіе быстрыхъ рѣкъ, двинуло море въ рѣки и низвергло горы, произведя страшные обвалы.

6. Почти три часа продолжалось сраженіе, и всюду отчаянное; но болѣе ожесточенная и жаркая битва происходила около консула; и лучшіе воины слѣдовали за нимъ, да и самъ онъ энергично подавалъ помощь всюду, гдѣ только замѣчалъ стѣсненное и затруднительное положеніе своихъ; узнавая консула по блестящему вооруженію, враги нападали на него особенно сильно, но граждане защищали

1) См. VIII 8 и примѣч.

его, пока инсубрійскій всадникъ,—имя ему было Дукарій—знавшій консула также въ лицо, не закричалъ своимъ землякамъ: „вотъ это тотъ, который разбилъ наши легіоны, опустошилъ поля и городъ! вотъ я принесу его въ жертву богамъ—манамъ позорно убитыхъ согражданъ“; пришпоривъ коня, онъ нападаетъ черезъ наиболѣе густо сплоченную толпу враговъ и, убивъ сперва оруженосца, который бросился на него, пронзилъ копьемъ консула; когда же хотѣлъ снять съ него доспѣхи, то тріаріи, противопоставивъ щиты, остановили его. Это послужило началомъ бѣгства большой части римлянъ, и уже ни озеро, ни горы не сдерживали страха; какъ ослѣпленные, устремляются они черезъ всякія тѣснины и стремнины, оружіе и люди валятся стремглавъ другъ на друга; значительная часть, не видя мѣста для бѣгства, шла въ воду по ближайшимъ отмелямъ болота, и входила въ нее по плечи и даже по шею. Нѣкоторыхъ безразсудный страхъ побудилъ искать спасенія даже вплавь, но такъ какъ такое бѣгство было безпредѣльно и безнадежно, то они или, выбившись изъ силъ, были поглощены пучиною, или, напрасно утомившись, съ величайшимъ трудомъ снова возвращались къ отмелямъ и тамъ повсюду были избиваемы вражескими всадниками, которые вошли въ воду. Около 6000 римскаго авангарда, энергично проложивъ себѣ путь прямо черезъ непріятеля, выбрались изъ горъ, не зная ничего о томъ, что происходитъ за ними; остановившись на одномъ холмѣ, они слышали только крики и лязгъ оружія, но не могли ни узнать, ни видѣть изъ-за тумана, каковъ исходъ сраженія. Наконецъ, когда уже дѣло приняло несчастный оборотъ для римлянъ, усиливающійся жаръ разогналъ туманъ и стало свѣтло, тогда ярко освѣтились горы и равнины и обнаружилось полное пораженіе и позорное истребленіе римскаго войска. Поэтому, схвативъ поспѣшно знамена, они быстро удалились возможно ускореннымъ маршемъ, чтобы вражеская конница, замѣтивъ ихъ издали, не устремилась за ними. На другой день, въ виду того, что, помимо всего прочаго, имъ грозилъ еще и страшный голодъ, они сдались, такъ какъ Магарбалъ, погнавшійся за ними ночью со всею конницей, давалъ слово позволить имъ уйти въ однѣхъ одеждахъ, если они выдадутъ оружіе; это обѣщаніе было выполнено Ганнибаломъ съ пунической добросовѣстностью, и всѣ сдавшіеся были заключены въ оковы.

7. Таково извѣстное сраженіе при Тразименскомъ озерѣ и особенно замѣчательное пораженіе римскаго народа; 15000 римлянъ было убито въ сраженіи; 10000 въ бѣгствѣ разсѣялось по всей Этруріи и разными путями направилось въ городъ; враговъ погибло въ бою 2500, а впослѣдствіи многіе [съ той и другой стороны] умерли отъ ранъ. Другіе писатели передаютъ, что потеря съ той и другой стороны была еще значительнѣе: я, помимо нежеланія почерпать что-либо изъ недостовѣрныхъ источниковъ, къ которымъ обыкновенно черезчуръ склонны историки, руководствовался преимущественно показаніями Фабія, потому что онъ былъ современникомъ этой войны. Плѣнныхъ латинскаго племени Ганнибалъ отпустилъ безъ выкупа, римлянъ же заключилъ въ оковы; трупы своихъ воиновъ онъ приказалъ похоронить, выбравши ихъ изъ сваленныхъ въ кучу вражескихъ труповъ, тѣла же Фламинія не нашли, хотя и его весьма старательно искали, чтобы похоронить.

При первомъ извѣстіи объ этомъ пораженіи въ Римѣ народъ въ большомъ страхѣ и замѣшательствѣ сбѣжался на форумъ. Женщины, блуждая по улицамъ, спрашивали встрѣчныхъ, что это за извѣстіе о внезапномъ пораженіи и какова участь войска. Когда толпа, похожая на многолюдное собраніе, направившись на комицій и къ куріи, стала вызывать власти, тогда, наконецъ, преторъ М. Помпоній не задолго до захода солнца сказалъ: „мы побѣждены въ большой битвѣ“; и хотя граждане не узнали отъ него ничего болѣе достовѣрнаго, однако, наслушавшись разсказовъ другъ отъ друга, они приносятъ домой извѣстіе, что консулъ погибъ съ значительной частью войска, осталось въ живыхъ немного, и тѣ или разсѣялись въ бѣгствѣ по всей Этруріи, или взяты въ плѣнъ врагомъ. Сколько бѣдствій выпало на долю побѣжденнаго войска, столько же заботъ терзало умы тѣхъ, родственники которыхъ служили подъ начальствомъ консула Г. Фламинія, такъ какъ они не знали, какова участь каждаго изъ ихъ близкихъ, и никто достовѣрно не зналъ, на что надѣяться, или чего бояться. На другой день и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней, у воротъ города стояла толпа, состоявшая больше изъ женщинъ, чѣмъ изъ мужчинъ, ожидая или кого-нибудь изъ своихъ, или вѣстей о нихъ. Они обступали со всѣхъ сторонъ встрѣчныхъ, разспрашивая ихъ, и не могли оторваться особенно отъ знакомыхъ, прежде чѣмъ не разузнаютъ обо всемъ по порядку. Затѣмъ можно было замѣтить различныя выраженія на лицахъ тѣхъ, которые удалялись отъ вѣстниковъ, сообразно съ тѣмъ, радостная или печальная вѣсть была сообщена, а при возвращеніи домой, ихъ окружали или поздравляющіе, или утѣшающіе; особенно необыкновенны были радость и печаль у женщинъ. Говорятъ, одна, встрѣтивши неожиданно у самыхъ воротъ своего сына невредимымъ, умерла въ его объятіяхъ; другая, которой ложно сообщили о смерти сына, печально сидѣла дома и, какъ только увидѣла возвращающагося сына, испустила духъ отъ чрезвычайной радости. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, преторы не распускали сенаторовъ отъ восхода солнца до самаго захода, совѣщаясь, подъ чьимъ предводительствомъ или какими силами можно оказать сопротивленіе побѣдоноснымъ пунійцамъ.

8. Прежде чѣмъ составился достаточно опредѣленный планъ, внезапно получено было извѣстіе о другомъ пораженіи: 4000 всадниковъ съ пропретомъ Г. Центеріемъ, посланные консуломъ Сервиліемъ къ товарищу, окружены были со всѣхъ сторонъ Ганнибаломъ въ Умбріи, куда они повернули, услыхавъ о битвѣ при Тразименскомъ озерѣ. Извѣстіе объ этомъ произвело различное впечатлѣніе на населеніе: одни, умы которыхъ были заняты большимъ бѣдствіемъ, считали новую потерю всадниковъ незначительною, сравнительно съ прежними несчастіями; другіе обсуждали не фактъ самъ по себѣ, но полагали, что какъ ослабленный организмъ даже незначительную болѣзнь чувствуетъ сильнѣе, чѣмъ здоровый весьма тяжелую, такъ и въ разстроенномъ и истощенномъ государствѣ всякое несчастіе слѣдуетъ измѣрять не по его важности, но сообразно съ ослабленіемъ силъ, такъ какъ онѣ уже не могутъ выносить ничего, что еще болѣе увеличиваетъ тяжелое положеніе. Поэтому государство прибѣгло къ средству, къ которому давно уже не прибѣгали и въ которомъ давно уже не было надобности,—къ назначенію диктатора; но, въ виду отсутствія консула, который, повидимому, одинъ только могъ назначить диктатора, и трудности послать къ нему вѣстника или письмо, потому что Италія была занята вооруженными пунійцами, равнымъ образомъ, въ виду невозможности для претора избрать диктатора, назначеніе это сдѣлалъ народъ, чего до того времени никогда не бывало; диктаторомъ былъ избранъ Кв. Фабій Максимъ, а начальникомъ кон-

ницы М. Минуцiй Руфъ; сенатъ поручилъ имъ укрѣпить стѣны и башни города, расположить гарнизоны, гдѣ они признаютъ нужнымъ, и разрушить на рѣкахъ мосты,—въ томъ предположенiи, что, за невозможностью защитить Италiю, приходится сражаться за городъ и домашнiе очаги.

9. Ганнибалъ прямымъ путемъ черезъ Умбрiю пришелъ въ городу Сполетiю. Затѣмъ, когда онъ, послѣ окончательнаго опустошенiя области, приступилъ къ осадѣ города, то былъ отбитъ съ большимъ урономъ; послѣ этой неудачной попытки, сообразуясь съ силами обыкновенной колонiи, Ганнибалъ догадывался, какими средствами обороны обладаетъ городъ Римъ, а потому повернулъ въ область Пиценскую, изобиловавшую не только всякаго рода плодами, но и богатую добычею, которую жадные и обнищавшiе карѳагеняне похищали повсюду. Тамъ въ теченiе нѣсколькихъ дней стояли лагеремъ, и воины, утомленные зимними переходами, дорогою по болотамъ и сраженiемъ, удачнымъ, но стоившимъ большихъ потерь и напряженiя, отдохнули.

Когда воинамъ, наслаждавшимся не столько отдыхомъ и покоемъ, сколько добычею и грабежомъ, было дано достаточно времени, чтобы оправиться, Ганнибалъ двинулся въ путь и опустошилъ Претутiанскую и Адрiатическую области, затѣмъ земли марсовъ, марруциновъ и пелигновъ и ближайшiя области Апулiи, въ окрестностяхъ Арповъ и Луцерiи. Консулъ Гн. Сервилiй имѣлъ незначительныя стычки съ галлами и взялъ одинъ неважный городокъ; но, услыхавъ о пораженiи товарища и его войска, поспѣшно устремился къ городу, опасаясь уже за стѣны отечества и боясь, какъ-бы не оказаться въ отсутствiи въ рѣшительную минуту.

Кв. Фабiй Максимъ, выбранный диктаторомъ во второй разъ, созвалъ сенатъ въ тотъ же день, когда вступилъ въ должность; начавъ съ боговъ, онъ объяснилъ отцамъ, что Г. Фламинiй погрѣшилъ не столько вслѣдствiе безразсудства и незнанiя дѣла, сколько вслѣдствiе небреженiя священными обрядами и гаданiями, и что у самихъ боговъ слѣдуетъ спросить совѣта, какiя должны быть искупительныя жертвы для умилостивленiя ихъ гнѣва; этими объясненiями онъ добился приказа децемвирамъ справиться съ Сивиллиными книгами, а такое опредѣленiе дѣлается почти исключительно въ томъ случаѣ, если получены извѣстiя о мрачныхъ предзнаменованiяхъ. Справившись въ книгахъ судебъ, они доложили отцамъ, что обѣтъ, данный по случаю этой войны Мар-

су, не выполненъ надлежащимъ образомъ, и что необходимо его выполнить опять и притомъ въ большей степени, что въ честь Юпитера слѣдуетъ обѣщать Великiя игры, а Венерѣ Эрицинской [1] и Уму посвятить храмы, совершить молебствiе и лектистернiе, обѣщать „Священную весну“ [2], если война пойдетъ счастливо и если государство останется въ томъ же положенiи, въ какомъ оно было до войны. Такъ какъ Фабiю предстояло заняться войной, то сенатъ приказываетъ претору М. Эмилiю озаботиться своевременнымъ исполненiемъ всего этого, на основанiи опредѣленiя совѣта понтификовъ. **10.** Когда состоялись эти сенатскiя постановленiя, верховный понтификъ Л. Корнелiй Лентулъ, на запросъ претора къ коллегiи, высказался, что прежде всего слѣдуетъ спросить народъ относительно „Священной весны“; такъ какъ, по его мнѣнiю, безъ согласiя народа нельзя давать такого обѣта. Мнѣнiе народа было спрошено въ слѣдующихъ словахъ: „угодно ли и прикажете ли, чтобы это было такъ? если государство римскаго народа квиритовъ просуществуетъ до конца ближайшаго пятилѣтiя, какъ я желалъ бы, и если Юпитеръ сохранитъ его въ цѣлости отъ этихъ войнъ, отъ войны, которая ведется у народа римскаго съ карѳагенскимъ, и отъ войны съ галлами, живущими по сю сторону Альпъ, то пусть римскiй народъ принесетъ въ даръ Юпитеру то, что дастъ весна, изъ стада свиней, овецъ, козъ и быковъ и все, что не будетъ посвященнымъ [3], должно принадлежать Юпитеру съ того дня, какъ прикажетъ сенатъ и римскiй народъ. Всякiй, кто будетъ приносить жертвы, пусть приноситъ, когда захочетъ и по такому обряду, по какому захочетъ; какимъ бы образомъ онъ ни принесъ, пусть жертва считается принесенною, какъ слѣдуетъ. Если умретъ то животное, которое слѣдовало принести въ жертву, то пусть оно будетъ несвященнымъ, и да не будетъ это преступленiемъ. Если кто нечаянно повредитъ или убьетъ его, да не будетъ это обманомъ. Если кто украдетъ его, пусть не будетъ это преступленiемъ ни для народа, ни для того, у кого будетъ украдено. Если кто по невѣдѣнiю принесетъ жертву въ несчастный день, пусть

---

[1]) Отъ горы Эрикъ въ Сицилiи, гдѣ находился храмъ ея; въ Римѣ храмъ ея былъ построенъ на Капитолiи; ср. XXIII 31. [2]) Обычай, именуемый „Священная весна“ (ver sacrum), состоялъ въ томъ, что въ случаяхъ крайней опасности давался обѣтъ приносить въ жертву богамъ первыя произведенiя весны; изъ послѣдующаго видно, что имѣются въ виду прежде всего приносимыя въ жертву животныя. [3]) Подраз. „другому какому-нибудь божеству“.

считается его дѣйствіе правильнымъ. Да будетъ жертва правильна, будетъ ли она принесена днемъ или ночью, рабомъ или свободнымъ. Если жертва будетъ принесена раньше того дня, въ который прикажетъ сенатъ и римскій народъ, то да будетъ народъ разрѣшенъ и свободенъ отъ этой вины." Ради того же самаго [1]) были обѣщаны Великія игры, на которыя опредѣлено $333333\frac{1}{3}$ фунта мѣди, кромѣ того, 300 быковъ Юпитеру и многимъ другимъ богамъ бѣлые быки и другія жертвенныя животныя. Когда обѣты даны были надлежащимъ образомъ, объявлено было молебствіе; на молебствіе пошли съ женами и дѣтьми не только городскіе жители, но также и сельскіе, которыхъ, какъ имѣющихъ нѣкоторое состояніе, также касалась и забота о благополучіи государства. Затѣмъ въ теченіе трехъ дней происходило лектистерніе подъ руководствомъ децемвировъ, назначенныхъ для совершенія священныхъ обрядовъ. На виду было 6 ложъ: одно Юпитеру и Юнонѣ, другое Нептуну и Минервѣ, третье Марсу и Венерѣ, четвертое Аполлону и Діанѣ, пятое Вулкану и Вестѣ, шестое Меркурію и Церерѣ. Далѣе даны были обѣты воздвигнуть храмы: построить храмъ Венерѣ Эрицинской далъ обѣтъ диктаторъ Кв. Фабій Максимъ, потому что такъ было указано въ книгахъ судебъ, чтобы обѣтъ далъ тотъ, кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ; храмъ Уму обѣщалъ преторъ Т. Отацилій.

11. Когда такимъ образомъ было исполнено все, что относилось до религіи, тогда диктаторъ, докладывая относительно войны и положенія государства, спросилъ отцовъ, съ какими и съ какимъ количествомъ легіоновъ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ идти на встрѣчу побѣдоносному врагу. Постановлено было, чтобы диктаторъ принялъ войско отъ консула Г. Сервилія; чтобы, кромѣ того, онъ набралъ изъ гражданъ и союзниковъ столько всадниковъ и пѣхотинцевъ, сколько найдетъ нужнымъ; во всемъ прочемъ пусть онъ дѣйствуетъ и поступаетъ такъ, какъ признаетъ лучшимъ для блага государства. Фабій заявилъ, что онъ прибавитъ къ войску Сервилія два легіона. Когда начальникъ конницы набралъ ихъ, диктаторъ назначилъ имъ срокъ собраться въ Тибуръ. Отдавъ приказъ, чтобы жители неукрѣпленныхъ городовъ и мѣстечекъ переселились въ мѣста безопасныя, и чтобы выбрались изъ деревень и жители той области, по которой

[1]) Т.-е. для спасенія государства отъ грозящихъ бѣдъ.

долженъ былъ идти Ганнибалъ, предварительно предавъ огню дома и уничтоживъ плоды, чтобы не было никакихъ запасовъ,—самъ диктаторъ отправился по Фламиніевой дорогѣ на встрѣчу консулу и войску; когда же при Тибрѣ около Окрикула увидѣлъ впереди войско идущаго къ нему со всадниками консула, то послалъ вѣстового объявить ему, чтобы онъ пришелъ къ диктатору безъ ликторовъ. Тотъ повиновался приказанію, и встрѣча ихъ представляла зрѣлище, внушившее громадное уваженіе къ диктаторской власти гражданамъ и союзникамъ, почти уже забывшимъ по давности эту власть; вслѣдъ затѣмъ изъ города было получено письмо, извѣщавшее о томъ, что транспортные корабли, везшіе войску провіантъ отъ Остіи въ Испанію, захвачены кароагенскимъ флотомъ около Козанской гавани. Поэтому консулъ тотчасъ же получилъ приказъ отправиться въ Остію, посадивъ на корабли, находившіеся около города Рима или въ Остіи, воиновъ, матросовъ и гребцовъ, преслѣдовать вражескій флотъ и защищать берега Италіи. Въ Римѣ было набрано громадное множество людей; даже вольноотпущенники, имѣвшіе дѣтей и находившіеся въ лѣтахъ, позволявшихъ отбывать военную службу, были приведены къ присягѣ. Изъ этого войска, набраннаго въ Римѣ, тѣ, которые были моложе 35 лѣтъ, были посажены на корабли, а другіе были оставлены для защиты города.

12. Принявъ консульское войско отъ легата Фульвія Флакка, диктаторъ прибылъ черезъ Сабинскую область въ Тибуръ, куда назначенъ былъ день для сбора новобранцевъ. Оттуда онъ двинулся въ Пренесте и проселочными тропинками выбрался на Латинскую дорогу, откуда, разслѣдовавши съ величайшей тщательностью пути, направился къ врагу, не предполагая нигдѣ ввѣряться счастію, развѣ только въ томъ случаѣ, если заставитъ необходимость. Въ первый же день, когда диктаторъ расположился лагеремъ недалеко отъ Арповъ въ виду непріятелей, Пуніецъ безъ малѣйшаго замедленія вывелъ войска въ боевомъ порядкѣ и предоставлялъ римлянамъ возможность сразиться; но, видя, что у враговъ все спокойно, и въ лагерѣ не замѣчается ни малѣйшаго смятенія, онъ возвратился къ себѣ въ лагерь, порицая, конечно, римлянъ за то, что палъ наконецъ ихъ воинственный духъ, что война окончена и что явно римляне уступили кароагенянамъ въ доблести и славѣ; впрочемъ, въ глубинѣ души Ганнибалъ чувствовалъ безпокойство, что предстоитъ

вести дѣло съ вождемъ, вовсе не похожимъ на Фламинія и Семпронія, и что наученные бѣдствіемъ римляне, наконецъ-то, отыскали вождя, равнаго ему, Ганнибалу. Осмотрительность вновь выбраннаго диктатора сразу навела на него ужасъ; не зная еще постоянства противника, онъ началъ раздражать и испытывать его характеръ, часто передвигая лагерь и опустошая на его глазахъ поля союзниковъ; онъ то ускореннымъ маршемъ скрывался изъ виду, то вдругъ незамѣтно останавливался на какомъ-нибудь поворотѣ дороги, подстерегая, нельзя ли захватить врага, когда онъ спустится на ровное мѣсто. Фабій же велъ свое войско по возвышеннымъ мѣстамъ на небольшомъ разстояніи отъ непріятеля, такъ что не выпускалъ его изъ виду, но и не вступалъ съ нимъ въ сраженіе. Воиновъ онъ держалъ въ лагерѣ, кромѣ случаевъ крайней необходимости; на фуражировку и за дровами они выходили не въ маломъ количествѣ и не врассыпную; караульный отрядъ изъ всадниковъ и легковооруженныхъ, организованный и снаряженный на случай внезапныхъ нападеній, доставлялъ полную безопасность для его воиновъ и былъ грозою для непріятельскихъ грабителей, дѣйствовавшихъ врассыпную; не давая генеральнаго сраженія, Фабій не рисковалъ всѣмъ, а небольшія стычки, не имѣвшія рѣшающаго значенія, но предпринятыя изъ безопаснаго мѣста, куда отступить было недалеко, пріучали напуганныхъ прежними пораженіями воиновъ больше, наконецъ, уже надѣяться на свою доблесть и счастіе. Но такіе благоразумные планы диктатора встрѣтили ожесточеннаго противника не только въ лицѣ Ганнибала, но и въ лицѣ начальника конницы, которому одно только неравенство власти мѣшало погубить государство. Суровый, поспѣшный въ своихъ рѣшеніяхъ и притомъ невоздержаный на языкъ, начальникъ конницы сначала среди немногихъ лицъ, а потомъ открыто, передъ воинами, называлъ диктатора не медлителемъ, а лѣнивымъ, не осторожнымъ, а трусомъ; приписывая ему недостатки, сродные съ достоинствами, онъ старался возвысить себя, унижая высшаго: этотъ гнусный пріемъ чрезвычайно распространился благодаря тому, что удавался многимъ.

13. Изъ области гирпиновъ, Ганнибалъ переходитъ въ Самній, опустошаетъ Беневентскую область, овладѣваетъ городомъ Телезіею; сверхъ того, онъ еще нарочно раздражаетъ римскаго вождя, пытаясь, не представится ли возможности ожесточить его многочисленными обидами и пораженіями союзниковъ и тѣмъ заставить сразиться на равнинѣ. Въ числѣ множества союзниковъ италійскаго племени, взятыхъ въ плѣнъ Ганнибаломъ при Тразименскомъ озерѣ и отпущенныхъ, были три кампанскихъ всадника, которыхъ уже тогда многочисленные подарки и обѣщанія Ганнибала соблазнили склонять на его сторону своихъ земляковъ. Эти люди сообщали ему, что, если онъ двинетъ войско въ Кампанію, то возможно будетъ овладѣть Капуей, а это заставило его двинуться изъ Самнія въ Кампанію, хотя онъ колебался, попеременно то довѣряя имъ, то не довѣряя, такъ какъ надежность совѣтниковъ не соотвѣтствовала важности дѣла. Настоятельно потребовавъ отъ нихъ доказать свои обѣщанія на дѣлѣ и приказавши имъ возвратиться къ нему въ большемъ числѣ и захватить съ собою нѣсколькихъ вельможъ, онъ отпустилъ ихъ; самъ же приказываетъ проводнику вести себя въ Казинатскую область, такъ какъ хорошо знакомые съ тѣми мѣстами сообщили ему, что, если онъ захватитъ тотъ перевалъ, то тѣмъ преградитъ римлянамъ путь къ подачѣ помощи своимъ союзникамъ. Но неправильность пуническаго произношенія латинскихъ именъ привела къ тому, что проводникъ вмѣсто Казина понялъ Казилинъ и, своротивъ съ надлежащаго пути, пришелъ черезъ Каллифанскую, Аллифанскую и Каленскую область на Стеллатскую равнину. Увидѣвъ, что та страна окружена горами и рѣками, Ганнибалъ позвалъ проводника и спросилъ его: „гдѣ мы находимся?“ Когда тотъ отвѣтилъ, что въ этотъ день онъ будетъ въ Казилинѣ, тогда только открылось, что это недоразумѣніе, и что Казинъ находится совсѣмъ въ другой сторонѣ; наказавъ проводника розгами и для устрашенія остальныхъ распявъ его на крестѣ, Ганнибалъ укрѣпилъ лагерь, а Магарбала съ всадниками отправилъ въ Фалернскую область для грабежа. Опустошеніе это дошло до Синуэсскихъ водъ. Нумидійцы, произведя странное разореніе, вызвали еще большихъ размѣровъ бѣгство и панику; однако, хотя война пылала повсюду, эта паника не заставила союзниковъ нарушить вѣрность, разумѣется, потому, что они пользовались справедливымъ и благоразумнымъ управленіемъ и охотно повиновались людямъ, стоявшимъ выше ихъ, что служитъ единственнымъ залогомъ вѣрности.

14. Но, послѣ того какъ непріятельскій лагерь располо-

жился у рѣки Вольтурна, и стали опустошать огнемъ самую лучшую область Италіи, и повсюду разстилался дымъ горѣвшихъ дачъ, между тѣмъ какъ Фабій велъ войска по вершинамъ цѣпи Массика, — снова дѣло почти дошло до возмущенія. Нѣсколько дней воины оставались спокойными, потому что, въ виду большей быстроты движенія войска, они полагали, что спѣшатъ для защиты Кампаніи отъ опустошеній. Но какъ только они пришли на крайнія вершины цѣпи Массика, и на ихъ глазахъ враги сожигали дома Фалернской области и колонистовъ Синуэссы, а между тѣмъ о сраженіи не было и рѣчи, тогда Минуцій сказалъ: „развѣ мы пришли сюда услаждать свое зрѣніе избіеніемъ союзниковъ и пожарами? И если мы не стыдимся никого другого, то неужели не стыдимся мы даже тѣхъ гражданъ, которыхъ наши отцы послали колонистами въ Синуэссу, чтобы была безопасна отъ вражды самнитянъ эта область, выжигаемая теперь не сосѣдями самнитянами, а пришельцами пунійцами, которые, вслѣдствіе нашей медлительности и безпечности, уже дошли сюда изъ самыхъ крайнихъ предѣловъ вселенной? увы! неужели мы такъ непохожи на предковъ своихъ, что можемъ видѣть наполненною врагами и принадлежащею уже нумидійцамъ и маврамъ эту область, а еще недавно она принадлежала нашимъ отцамъ и они считали позоромъ для своего государства, если пуническій флотъ бродилъ у береговъ ея? Мы, которые только-что негодовали по поводу осады Сагунта и призывали въ свидѣтели не только людей, но даже союзные договоры и боговъ, теперь съ удовольствіемъ смотримъ, какъ Ганнибалъ восходитъ на стѣны римской колоніи. Дымъ пылающихъ виллъ и полей ѣстъ намъ глаза и затрудняетъ дыханіе; въ ушахъ раздаются вопли плачущихъ союзниковъ, которые чаще призываютъ на помощь насъ, чѣмъ боговъ, а мы водимъ здѣсь войско, точно скотъ, по горнымъ пастбищамъ и непроходимымъ тропинкамъ, скрываясь въ облакахъ и лѣсахъ. Если бы М. Фурій вздумалъ освободить городъ отъ галловъ, проходя по горнымъ вершинамъ и холмамъ, такъ какъ этотъ новый Камиллъ, единственный въ своемъ родѣ диктаторъ, избранный нами при затруднительныхъ обстоятельствахъ, собирается освободить Италію отъ Ганнибала, то Римъ принадлежалъ бы галламъ, и, въ виду такой нашей медлительности, я боюсь, что предки наши столько разъ спасали его для Ганнибала и пунійцевъ. Но какъ мужъ и истый

римлянинъ, въ самый день полученія въ Веяхъ извѣстія объ избраніи его диктаторомъ, съ утвержденія отцовъ и по повелѣнію народа, Фурій спустился на равнину, хотя Яникулъ достаточно высокъ, чтобы, сидя на немъ, смотрѣть на врага, и въ тотъ день разбилъ галльскія войска среди города, гдѣ теперь находятся „Галльскіе костры," а на другой день — по сю сторону Габій [1]). Далѣе, спустя много лѣтъ, когда у Кавдинскаго ущелья врагъ самнитянинъ провелъ насъ подъ ярмомъ[2]), развѣ Л. Папирій Курсоръ, проходя по вершинамъ Самнія, а не тѣсня и осаждая Луцерію и тѣмъ раздражая побѣдоноснаго врага, возложилъ на гордыхъ самнитянъ ярмо, снятое съ шеи римлянъ[3])? Въ самое недавнее время Г. Лутацію[4]) что иное даровало побѣду, какъ не быстрота дѣйствія, потому что онъ на другой день, послѣ того, какъ замѣтилъ врага, потопилъ его флотъ, тяжело нагруженный провіантомъ и обремененный всякаго рода вооруженіемъ и снарядами? Глупо вѣрить, что возможно окончить войну, сидя или давая обѣты: необходимо взяться за оружіе, спуститься на равнину и сразиться съ непріятелемъ лицомъ къ лицу. Римское государство возрасло вслѣдствіе отваги и дѣятельности, а не вслѣдствіе такой медлительности въ рѣшеніяхъ, которую трусы называютъ осторожностью." Когда Минуцій говорилъ такъ, какъ будто передъ собраніемъ, его окружала толпа трибуновъ и римскихъ всадниковъ, да и до слуха воиновъ долетали его рѣзкія слова, и они рѣшительно заявляли, что, если бы дѣло зависѣло отъ голосовъ воиновъ, то они предпочли бы избрать себѣ вождемъ Минуція вмѣсто Фабія.

15. Фабій, одновременно съ одинаковымъ вниманіемъ относившійся какъ къ своимъ, такъ и къ врагамъ, обнаруживаетъ непоколебимость сперва по отношенію къ первымъ; хотя онъ достовѣрно зналъ, что его медлительность вызываетъ дурные слухи не только въ его лагерѣ, но даже уже и въ Римѣ, однако онъ провелъ остатокъ лѣта, упорно держась одного и того же плана дѣйствій, такъ что Ганнибалъ, лишившись надежды на рѣшительное сраженіе, котораго онъ домогался всѣми силами, сталъ уже высматривать мѣсто для зимнихъ квартиръ, потому что въ той странѣ были запасы на настоящее, но не на продолжительное время, были сады и виноградники, и всѣ тѣ мѣстности

---

[1]) См. V 46—49. [2]) См. IX 5—6. [3]) См. IX 12—15. [4]) Тотъ, о которомъ упомянуто XXI 18.

были засажены не столько необходимыми, сколько пріятными плодовыми растеніями. Такія свѣдѣнія Фабій получилъ чрезъ лазутчиковъ; хорошо зная, что Ганнибалъ пойдетъ назадъ черезъ тѣ же самыя тѣснины, черезъ которыя онъ вторгнулся въ Фалернскую область, онъ занимаетъ небольшими отрядами Калликульскую гору и Казилинъ, городъ, раздѣленный рѣкою Вольтурномъ и составляющій границу Фалернской и Кампанской областей; самъ же ведетъ назадъ войско по тѣмъ же самымъ холмамъ, отправивъ на развѣдки Л. Гостилія Манцина съ 400 союзническихъ всадниковъ. Онъ былъ изъ числа юношей, часто слушавшихъ ораторствовавшаго въ рѣзкой формѣ начальника конницы; и сначала онъ подвигался впередъ, какъ лазутчикъ, наблюдая за врагомъ изъ безопаснаго мѣста; но, когда замѣтилъ, что нумидійцы разсѣялись повсюду по деревнямъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ при случаѣ даже убилъ, то вдругъ увлекся желаніемъ сразиться, забылъ наставленія диктатора, приказывавшаго ему выступать впередъ настолько, насколько возможно безъ всякой опасности, и возвращаться прежде, чѣмъ враги увидятъ его. Нумидійцы, одни наступая, другіе отступая, увлекли Манцина почти до самаго лагеря, утомивъ какъ людей, такъ и лошадей его. Оттуда Кароалонъ, главный начальникъ конницы, бросился на непріятеля во весь опоръ и, обративши его въ бѣгство прежде, чѣмъ достигъ до него на разстояніе полета стрѣлы, безостановочно преслѣдовалъ убѣгавшаго почти 5000 шаговъ. Увидѣвши, что врагъ не перестаетъ преслѣдовать, и нѣтъ надежды спастись бѣгствомъ, Манцинъ ободряетъ своихъ и начинаетъ снова бой, хотя уступалъ врагу силами во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому онъ самъ и отборные всадники были окружены и перебиты; прочіе снова разсѣялись въ бѣгствѣ и ушли сначала въ Калы, а оттуда по непроходимымъ почти тропинкамъ къ диктатору.

Какъ разъ въ этотъ день съ Фабіемъ соединился Минуцій; онъ былъ посланъ диктаторомъ для прикрытія вооруженнымъ гарнизономъ горнаго хребта, который, суживаясь выше Таррацины въ тѣсное ущелье, подходитъ къ морю, чтобы Ганнибалъ не могъ проникнуть со стороны Синуэссы по Аппіевой дорогѣ въ Римскую область. Соединивъ свои войска, диктаторъ и начальникъ конницы располагаются лагеремъ у дороги, по которой предстояло идти Ганнибалу; враги находились оттуда на разстояніи 2000 шаговъ.

16. На другой день пунійцы заняли своимъ войскомъ всю дорогу между двумя лагерями. Хотя римляне расположились подъ самымъ валомъ, на мѣстѣ, безъ сомнѣнія, болѣе удобномъ, тѣмъ не менѣе Пуніецъ подошелъ съ легковооруженными и всадниками, чтобы вызвать на бой врага. Пунійцы сражались урывками, то наступая, то отступая; римскій строй остался на своемъ мѣстѣ; сраженіе было вялое и скорѣе соотвѣтствовало желанію диктатора, чѣмъ желанію Ганнибала; со стороны римлянъ пало 200 человѣкъ, а со стороны враговъ 800. Затѣмъ, въ виду того, что дорога къ Казилину была занята, казалось, что Ганнибалъ запертъ, при чемъ римлянамъ подвозили провіантъ Капуя, Самній и большое число богатыхъ союзниковъ, находившихся въ тылу, Ганнибалу же предстояло зимовать между Форміанскими скалами, Литернскими песками и болотами и страшными лѣсами. И онъ ясно видѣлъ, что противъ него дѣйствуютъ его же средствами; поэтому, такъ какъ онъ не могъ пробраться через Казилинъ и надо было идти на горы и перейти Калликульскій хребетъ, то онъ рѣшилъ въ началѣ почти тайно подойти къ горамъ, а чтобы римляне гдѣнибудь не напали на его войско, пока оно будетъ замкнуто въ долинѣ, онъ придумалъ для обмана врага страшное на видъ зрѣлище. Организація обмана была такова: отовсюду изъ деревень собраны были факелы, пучки прутьевъ и сухого хворосту; все это привязываютъ къ рогамъ неупряжныхъ и упряжныхъ быковъ, которыхъ Ганнибалъ угонялъ изъ полей въ большомъ количествѣ въ числѣ прочей добычи; ихъ набралось почти до 2000 головъ, и Гасдрубалу было поручено въ теченіе ночи гнать къ горамъ этотъ скотъ съ пылающимъ на рогахъ хворостомъ, и особенно, если будетъ возможно, на высоты, занятыя врагомъ.

17. При наступленіи темноты кароагеняне тихо тронулись, быковъ же погнали значительно впереди знаменъ. Когда дошли до подошвы горы и до тѣснинъ, внезапно дается сигналъ—гнать скотъ съ зажженнымъ на рогахъ хворостомъ на противолежащія горы. Самый страхъ отъ свѣтящагося съ головы пламени и огонь, доходившій уже до живого мяса у основанія роговъ, гналъ быковъ, какъ будто разъяренныхъ бѣшенствомъ. Когда они вдругъ разбѣжались въ разныя стороны, всѣ окрестные кустарники загорѣлись совершенно такъ, какъ будто были зажжены лѣса на горахъ; когда же быки тщетно трясли головами, и пламя оттого разга-

ралось, то все это имѣло такой видъ, будто повсюду бѣгаютъ люди. Какъ только воины, поставленные для занятія перехода черезъ высоты, увидѣли на вершинѣ горъ и надъ собою нѣсколько огней, то, считая себя окруженными, покинули свою позицію. Устремившись на вершины горъ, гдѣ блистали наименѣе частые огни, и считая этотъ путь самымъ безопаснымъ, они, однако, натолкнулись на нѣсколько быковъ, отставшихъ отъ своего стада; и сначала, видя издали какъ будто изрыгающія пламя чудовища и пораженные этимъ, они остановились, а затѣмъ, когда обнаружился человѣческій обманъ, тогда они, рѣшивъ окончательно, что устроена засада, еще съ большимъ замѣшательствомъ обратились въ бѣгство. Наткнулись они и на легковооруженный отрядъ враговъ; впрочемъ ночь, уравнявъ опасеніе тѣхъ и другихъ, удержала обѣ стороны до разсвѣта, и онѣ не начинали битвы; между тѣмъ Ганнибалъ, переведя все войско черезъ горы и поразивъ нѣсколько враговъ въ самыхъ горахъ, расположился лагеремъ въ Аллифанской области.

18. Это смятеніе замѣтилъ Фабій: но, съ одной стороны, полагая, что это засада, а съ другой—во всякомъ случаѣ уклоняясь отъ ночного сраженія, онъ удержалъ своихъ въ укрѣпленіяхъ; на разсвѣтѣ на вершинѣ горы произошло сраженіе, въ которомъ римляне, въ виду значительнаго численнаго превосходства, безъ труда побѣдили бы отрѣзанный отъ своихъ легковооруженный отрядъ враговъ, если бы не подоспѣла когорта испанцевъ, посланная назадъ Ганнибаломъ для этой именно цѣли; она была болѣе привычна къ горамъ, болѣе способна передвигаться между скалами и утесами, отличалась какъ большей быстротою тѣлодвиженій, такъ и большей легкостью вооруженія; поэтому самый родъ битвы помогалъ ей увернуться отъ врага, привыкшаго сражаться на равнинѣ, правильнымъ строемъ и обремененнаго тяжелымъ оружіемъ; такимъ образомъ, разошедшись послѣ этого далеко неравнаго боя, они направились въ свои лагери,—испанцы почти всѣ невредимые, а римляне,—потерявъ нѣсколькихъ своихъ воиновъ.

Фабій также двинулся и, перейдя черезъ горы, расположился выше Аллифъ на возвышенномъ и укрѣпленномъ мѣстѣ; тогда Ганнибалъ, дѣлая видъ, будто онъ черезъ область самнитянъ направляется въ Римъ, возвратился въ область пелигновъ, производя опустошенія. Фабій шелъ горами посрединѣ между войскомъ враговъ и городомъ Римомъ, не отставая, но и не вступая въ сраженіе. Изъ области пелигновъ Ганнибалъ повернулъ и, направляясь обратно въ Апулію, пришелъ въ Гереоній, городъ, покинутый жителями, испугавшимися, потому что часть стѣнъ его обрушилась; диктаторъ укрѣпился лагеремъ въ Ларинатской области. Отсюда онъ былъ отозванъ въ Римъ для совершенія жертвоприношеній; уходя, онъ не только приказывалъ, но совѣтовалъ и даже почти умолялъ начальника конницы больше полагаться на благоразуміе, чѣмъ на счастіе, и болѣе подражать ему, какъ полководцу, чѣмъ Семпронію и Фламинію; пусть онъ не думаетъ, что ничего не сдѣлано, если почти въ теченіе цѣлаго лѣта были разстраиваемы планы непріятеля; врачи также иногда приносятъ болѣе пользы спокойствіемъ, чѣмъ движеніемъ и дѣятельностью; немаловажное дѣло перестать терпѣть пораженія отъ врага, столько разъ побѣждавшаго, отдохнуть отъ безпрерывныхъ пораженій. Послѣ этихъ тщетныхъ предостереженій начальнику конницы, диктаторъ отправился въ Римъ.

19. Въ началѣ того лѣта, когда происходили эти событія, началась война также и въ Испаніи на сушѣ и на морѣ. Газдрубалъ прибавилъ 10 кораблей къ тому числу, которое онъ получилъ отъ брата снаряженнымъ и готовымъ; флотъ въ 40 кораблей онъ передаетъ Гимилкону и отправляется, такимъ образомъ, изъ Карѳагена [1]); въ то время, какъ корабли остаются вблизи материка, онъ ведетъ войско по берегу, готовый сразиться со всякаго рода вражескимъ войскомъ, какое бы ни попалось ему навстрѣчу. Гн. Сципіонъ, услыхавъ, что врагъ двинулся съ зимнихъ квартиръ, сначала держался такого же плана дѣйствій [2]); но потомъ, не осмѣливаясь сразиться на сушѣ, вслѣдствіе распространившейся молвы о новыхъ вспомогательныхъ силахъ врага, онъ посадилъ на суда отборныхъ воиновъ и съ флотомъ въ 35 кораблей поспѣшилъ ему навстрѣчу. На другой день, по выходѣ изъ Тарракона, онъ прибылъ на рейдъ, находившійся на разстояніи 10000 шаговъ отъ устья рѣки Гибера. Посланные оттуда впередъ два массилійскихъ сторожевыхъ корабля донесли, что пуническій флотъ стоитъ въ устьѣ рѣки, а на берегу расположенъ ихъ лагерь. Поэтому, снявшись съ якорей, Сципіонъ устремляется на вра-

[1]) Такъ Ливій часто называетъ Новый Карѳагенъ. [2]) Т.-е. такъ же, какъ и Газдрубалъ, готовъ былъ сразиться съ первымъ встрѣтившимся войскомъ карѳагенянъ.

говъ, чтобы застигнуть ихъ врасплохъ и неожиданно навести на всѣхъ ихъ паническій страхъ. Въ Испаніи есть много башенъ, расположенныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ; ими пользуются, какъ наблюдательными и оборонительными пунктами противъ разбойниковъ. Когда оттуда замѣчены были корабли враговъ, Газдрубалу дали сигналъ, и тревога произошла прежде въ лагерѣ на сушѣ, чѣмъ около моря и близъ судовъ, такъ какъ не слышно было еще ни ударовъ веселъ, ни другого шума отъ кораблей и такъ какъ мысы скрывали еще флотъ; вдругъ посланные Газдрубаломъ одинъ за другимъ всадники приказываютъ садиться на корабли и поспѣшно браться за оружіе воинамъ, бродившимъ по берегу и отдыхавшимъ въ своихъ палаткахъ и меньше всего ожидавшимъ въ тотъ день врага или сраженія; римскій-де флотъ находится уже недалеко отъ гавани. Такія приказанія отдавали разосланные повсюду всадники; вскорѣ явился и самъ Газдрубалъ со всѣмъ войскомъ, и все наполнилось разнообразнымъ смятеніемъ, такъ какъ одновременно спѣшили на корабли гребцы и воины, похожіе скорѣе на убѣгающихъ съ суши, чѣмъ на идущихъ въ сраженіе. Едва всѣ взошли на корабли, какъ одни, отвязавъ канаты, спѣшатъ къ якорямъ и медлятъ около нихъ, а другіе, во избѣжаніе задержки, перерѣзываютъ якорные канаты, и, вслѣдствіе чрезвычайной поспѣшности приготовленія воиновъ, мѣшаютъ матросамъ исполнить свои обязанности, а суетливость матросовъ мѣшаетъ воинамъ вооружиться и приготовиться къ бою. А римляне не только уже приближались, но даже расположили корабли въ боевой порядокъ; такимъ образомъ пунійцы приведены были въ замѣшательство не столько врагомъ и сраженіемъ, сколько собственнымъ безпорядкомъ и, скорѣе сдѣлавъ попытку, чѣмъ дѣйствительно начавъ сраженіе, обратили свой флотъ въ бѣгство. И, такъ какъ суда шли широкимъ строемъ и по нѣскольку вмѣстѣ, то они не могли войти въ русло рѣки; поэтому кароагеняне повсюду гнали ихъ къ морскому берегу; попавъ—кто на мель, кто на самый берегъ, они—частію вооруженные, частію безоруженые—бѣжали къ своему войску, выстроившемуся по берегу; все-таки при первой стычкѣ 2 пуническихъ корабля было захвачено, а 4 потоплено. **20**. Хотя суша была въ рукахъ непріятеля и хотя римляне видѣли вооруженный отрядъ ихъ, растянувшійся вдоль всего берега, однако немедленно стали преслѣдовать приведенный въ замѣшательство непріятельскій флотъ; привязавъ къ кормамъ всѣ тѣ корабли, которые не проломали носа, наткнувшись на берегъ, и не сѣли килемъ на мель, увели ихъ въ море и изъ 40 захватили около 25; но не это было самымъ блестящимъ результатомъ той побѣды, а то, что римляне, благодаря одному незначительному сраженію, овладѣли всѣмъ моремъ, прилегавшимъ къ той области. Итакъ, доѣхавъ на корабляхъ до Онузы, они высадились съ кораблей на берегъ, взяли силою и разграбили городъ, а оттуда направились въ Кароагенъ [1]; опустошивъ всѣ окрестныя поля, они, наконецъ, подожгли и строенія, примыкавшія по стѣнѣ и воротамъ. Отсюда римскій флотъ, обремененный уже добычею, прибылъ къ Лонгунтикѣ, гдѣ Газдрубаломъ было собрано большое количество ковыля для корабельнаго дѣла; взявъ его столько, сколько нужно было, все остальное римляне сожгли. И флотъ римскій проплылъ не только вдоль берега материка, но переправился даже на островъ Эбузу. Тамъ римляне въ теченіе двухъ дней напрасно употребляли величайшія усилія, чтобы взять штурмомъ городъ, столицу того острова, но когда поняли, что надежды никакой нѣтъ, и что напрасно тратится время, они обратились къ опустошенію области, разграбили и сожгли нѣсколько деревень, и, когда возвратились на корабли, захвативъ больше добычи, чѣмъ съ материка, къ Сципіону явились послы съ Балеарскихъ острововъ просить мира. Оттуда флотъ поворотилъ назадъ и возвратился въ провинцію, лежащую по сю сторону Гибера [2]), куда сошлись послы отъ всѣхъ народовъ, живущихъ около Гибера, и также отъ многихъ жителей отдаленныхъ частей Испаніи. Народовъ, которые, давши заложниковъ, приняли подданство и признали власть римлянъ, было болѣе 120. Поэтому Сципіонъ, вполнѣ полагаясь и на свои сухопутныя силы, двинулся впередъ до Кастулонскихъ горъ. Газдрубалъ удалился въ Лузитанію, поближе къ берегамъ океана.

21. Послѣ этого казалось, что остальная часть лѣта пройдетъ спокойно, и такъ было бы, если бы это зависѣло только отъ враговъ пунійцевъ; но, помимо того, что характеръ самихъ испанскихъ народовъ, безпокойный и жадный до переворотовъ, Мандоній и бывшій раньше княземъ илергетовъ Индибилъ, послѣ удаленія римлянъ отъ горъ [3]) къ

[1]) См. примѣч. къ гл. 19. [2]) Ливій имѣетъ въ виду здѣсь позднѣйшее дѣленіе Испаніи на „лежащую по сю сторону" и „лежащую по ту сторону Гибера." [3]) См. кон. 20. гл.

приморской области, возмутивъ своихъ земляковъ, явились опустошать мирную страну, принадлежавшую римскимъ союзникамъ. Противъ нихъ Сципіонъ послалъ военнаго трибуна съ легковооруженными вспомогательными войсками, и они, послѣ незначительнаго сраженія, разбили всю эту шайку мятежниковъ, однихъ изъ нихъ убили, нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, а большую часть лишили оружія. Однако, этотъ переполохъ принудилъ Газдрубала вернуться съ пути къ Океану, по сю сторону Гибера, для защиты союзниковъ. Пуническій лагерь находился въ области илергавоновъ, а римскій у Новаго Флота, какъ вдругъ неожиданное извѣстіе принудило направить войну въ другую сторону. Кельтиберы, отправившіе еще раньше къ римлянамъ старѣйшинъ своей области въ качествѣ пословъ и давшіе заложниковъ, берутся за оружіе вслѣдствіе полученнаго отъ Сципіона извѣстія, и съ сильнымъ войскомъ вторгаются въ провинцію карѳагенянъ; три города они взяли штурмомъ; затѣмъ дважды доблестно сразились съ самимъ Газдрубаломъ, убили до 15000 враговъ и взяли въ плѣнъ 4000 и множество воинскихъ знаменъ.

22. Таково было положеніе дѣлъ въ Испаніи, когда въ эту провинцію прибылъ П. Сципіонъ; продливъ ему консульскую власть, сенатъ послалъ его туда съ 30 военными кораблями, 8000 воиновъ и съ большимъ запасомъ провіанта. Этотъ флотъ, казавшійся издали громаднымъ, вслѣдствіе вереницы грузовыхъ судовъ, къ большой радости гражданъ и союзниковъ, изъ открытаго моря бросилъ якорь въ Тарраконской гавани. Высадивши тамъ воиновъ, Сципіонъ отправился въ путь, соединился съ братомъ, и затѣмъ они стали вести войну съ общаго согласія и по общему плану. И такъ какъ карѳагеняне были заняты войною съ кельтиберами, то они немедленно переправляются черезъ Гиберъ и, не видя ни одного врага, устремляются въ Сагунтъ, потому что тамъ, по слухамъ, содержались въ кремлѣ, подъ охраной незначительнаго горнизона, переданные Ганнибаломъ заложники почти изъ всей Испаніи; этотъ единственный залогъ удерживалъ всѣ народы Испаніи отъ союза съ римлянами, хотя они были склонны къ нему: они боялись, что ихъ вина въ отпаденіи будетъ искуплена кровью дѣтей. Но одинъ мужъ при помощи разумнаго, но вѣроломнаго, плана освободилъ Испанію отъ этого обязательства. Въ Сагунтѣ жилъ благородный испанецъ Абелуксъ, раньше бывшій вѣрнымъ пунійцамъ, а потомъ, когда счастіе измѣнило имъ, тоже имъ измѣнившій,—такимъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ характеръ варваровъ. Впрочемъ, будучи того мнѣнія, что, если перебѣжчикъ, переходя къ врагамъ, не совершаетъ важной измѣны, то онъ является только ничтожнымъ и обезславленнымъ человѣкомъ, онъ думалъ о томъ, какъ бы возможно больше принести пользы своимъ новымъ союзникамъ. Поэтому, обозрѣвъ все, что судьба могла предоставить въ его распоряженіе, Абелуксъ обратилъ особенное вниманіе на передачу заложниковъ, полагая, что одно это чрезвычайно расположитъ старѣйшинъ Испаніи къ дружбѣ съ римлянами. Но такъ какъ онъ хорошо зналъ, что находящаяся при заложникахъ стража безъ приказанія начальника ея Бостара ничего не сдѣлаетъ, то онъ принялся за самого Бостара. Бостаръ стоялъ лагеремъ внѣ города на самомъ берегу для того, чтобы отрѣзать съ той стороны доступъ римлянъ. Тамъ Абелуксъ, отведя Бостара въ сторону, сообщаетъ ему, какъ будто онъ самъ ничего не знаетъ, въ какомъ положеніи дѣло: до настоящаго дня страхъ сдерживалъ желанія испанцевъ, такъ какъ римляне находились далеко; теперь же стоитъ по сю сторону Гибера римскій лагерь, надежная крѣпость и убѣжище для желающихъ переворота: поэтому людей, которыхъ не сдерживаетъ страхъ, необходимо привязать благодѣяніемъ и расположеніемъ. Когда Бостаръ съ удивленіемъ спрашивалъ, какой это такой даръ могъ бы внезапно привести къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ, то Абелуксъ сказалъ: „отпусти заложниковъ по общинамъ: это будетъ пріятно въ частности для родителей, имя которыхъ пользуется весьма большимъ вліяніемъ среди ихъ общинъ, и вообще для народовъ; каждый желаетъ, чтобы ему довѣряли, и оказанное довѣріе большею частью обязываетъ къ вѣрности. Трудъ доставить заложниковъ по домамъ я самъ беру на себя, чтобы и дѣломъ помочь выполненію моего плана, и придать, по возможности, больше пріятности предпріятію, которое пріятно и само по себѣ“. Какъ только Абелуксъ убѣдилъ этого человѣка, не обладавшаго хитрымъ умомъ, какъ остальные пунійцы,—онъ ночью тайно отправился къ сторожевымъ постамъ враговъ; встрѣтивъ тамъ нѣсколько испанцевъ изъ вспомогательныхъ отрядовъ, онъ приведенъ былъ ими къ Сципіону, объяснилъ ему, съ чѣмъ пришелъ, и обмѣнявшись честнымъ словомъ, назначилъ мѣсто и время для передачи заложниковъ, а затѣмъ возвратился въ Сагунтъ. Слѣдующій день онъ провелъ

съ Бостаромъ, принимая отъ него приказанія для выполненія порученія. Отпущенный Бостаромъ и рѣшивъ отправиться ночью, чтобы обмануть вражескую стражу, онъ разбудилъ тѣхъ, которые караулили дѣтей, выступилъ въ условленный съ врагами часъ и, какъ бы ничего не зная, привелъ дѣтей въ засаду, приготовленную его же коварствомъ. Они были доставлены въ римскій лагерь; все прочее относительно возвращенія заложниковъ, какъ было условлено съ Бостаромъ, было исполнено тѣмъ же порядкомъ, какъ если бы дѣло велось отъ имени кароагенянъ; при тожествѣ всѣхъ условій благодарность по отношенію къ римлянамъ была гораздо больше, чѣмъ та, которую они питали бы по отношенію къ кароагенянамъ; вѣдь можно было думать, что кароагенянъ, показавшихъ себя жестокими и высокомѣрными при удачѣ, смягчили неудача и страхъ; а римляне, неизвѣстные раньше, при первомъ приходѣ начали съ милости и щедрости; да и Абелуксъ, будучи мужемъ благоразумнымъ, повидимому, не напрасно перемѣнилъ союзниковъ; поэтому, съ величайшимъ единодушіемъ всѣ стремились къ отпаденію; и они тотчасъ взялись бы за оружіе, если бы не настала зима, которая заставила, какъ римлянъ, такъ равно и кароагенянъ удалиться въ крытыя помѣщенія.

23. Такія событія происходили въ Испаніи во второе лѣто Пунической войны, между тѣмъ какъ въ Италіи благоразумная медлительность Фабія произвела нѣкоторый перерывъ въ пораженіяхъ, наносимыхъ римлянамъ. Насколько эта осторожность Фабія сильно обезпокоивала Ганнибала, такъ какъ онъ видѣлъ, что римляне выбрали, наконецъ, главнокомандующимъ такое лицо, которое ведетъ войну не наудачу, но разумно, — настолько она же внушала презрѣніе какъ вооруженнымъ, такъ равно и мирнымъ гражданамъ, особенно послѣ того, какъ, въ отсутствіе диктатора, вслѣдствіе легкомыслія начальника конницы дано было сраженіе, правильнѣе сказать съ радостнымъ, чѣмъ со счастливымъ исходомъ [1]). Два обстоятельства еще болѣе усилили ненависть къ диктатору, одно—возникшее вслѣдствіе коварства и хитрости Ганнибала: когда перебѣжчики показали ему поле диктатора, онъ приказалъ всѣ окрестности сравнять съ землею, а только на одномъ полѣ диктатора воздержаться отъ меча, огня и всякаго насилія, такъ что это могло казаться

[1]) См. объ этой битвѣ гл. 24.

наградою за какое-то тайное соглашеніе; второе обстоятельство —поступокъ самого Фабія, сначала, можетъ быть, возбуждавшій сомнѣніе, такъ какъ онъ не обождалъ утвержденія сената, а въ концѣ-концовъ послужившій ему, несомнѣнно, къ величайшей славѣ его. При обмѣнѣ плѣнныхъ, между вождями римскимъ и пуническимъ состоялось соглашеніе, какъ и въ первую Пуническую войну, чтобы та сторона, которая больше получитъ, чѣмъ дастъ, представила за воина $2\frac{1}{2}$ фунта серебра. Такъ какъ римскій вождь получилъ плѣнныхъ на 247 человѣкъ болѣе, чѣмъ пуническій, а между тѣмъ сенатъ, мнѣніе котораго не было предварительно спрошено, медлилъ отпускомъ слѣдовавшей за нихъ суммы, хотя вопросъ объ этомъ неоднократно поднимался,—то диктаторъ, отправивши въ Римъ сына Квинта, продалъ свое поле, нетронутое врагомъ, и исполнилъ на собственный счетъ обѣщаніе, данное имъ отъ имени государства.

Ганнибалъ находился въ лагерѣ передъ стѣнами города Гереонія, который онъ взялъ и сжегъ, оставивши значительное число построекъ, чтобы пользоваться ими, какъ житницами; оттуда онъ посылалъ $^2/_3$ своего войска для заготовленія провіанта, а съ третьей частью, состоявшей изъ легковооруженныхъ, самъ оставался въ лагерѣ, какъ для прикрытія его, такъ и для наблюденія, чтобы съ какой-нибудь стороны не произошло нападенія на фуражировъ. **24**. Римское войско въ то время находилось въ Ларинатской области; во главѣ его стоялъ начальникъ конницы Минуцій, такъ какъ диктаторъ, какъ было сказано раньше, отправился въ Римъ. Впрочемъ, лагерь, который раньше находился на высокой горѣ и на безопасномъ мѣстѣ, уже переведенъ былъ на равнину; Минуцій, сообразно съ своимъ характеромъ, сталъ замышлять болѣе смѣлые планы, чтобы произвести нападеніе или на разсѣявшихся фуражировъ, или на самый лагерь, такъ какъ онъ былъ оставленъ съ незначительнымъ гарнизономъ. Да и отъ Ганнибала не скрылось, что, съ перемѣною вождя, перемѣнится и способъ веденія войны, и что враги поведутъ дѣло скорѣе съ большею смѣлостью, чѣмъ съ большею осмотрительностью; а между тѣмъ онъ самъ, чему менѣе всего можно было бы повѣрить, въ виду особенной близости врага, отпустилъ для заготовленія провіанта третью часть воиновъ, удерживая въ лагерѣ двѣ трети. Затѣмъ самый лагерь онъ перенесъ ближе къ врагу почти на 2 мили отъ Гереонія на холмъ, видимый для врага, съ цѣлью показать ему, что онъ очень заботится о за-

щитѣ фуражировъ, на случай, если бы они подвергались какому-нибудь нападенію; еще ближе къ непріятелю Ганнибалъ увидѣлъ холмъ, возвышавшійся надъ самымъ лагеремъ римлянъ; для занятія этой возвышенности, тайно ночью были посланы нумидійцы, и они взяли ее, потому что, пойди они открыто днемъ,—врагъ несомнѣнно предупредилъ бы ихъ, воспользовавшись кратчайшею дорогою. Презирая многочисленность тѣхъ, которые заняли это мѣсто, римляне на другой день прогнали ихъ и сами перенесли туда свой лагерь. Тогда, конечно, валы находились на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, да и это пространство почти все было занято римскимъ войскомъ; одновременно съ этимъ изъ заднихъ воротъ [1]) римскаго лагеря, чтобы не видно было изъ лагеря Ганнибала, была выслана конница съ легковооруженнымъ отрядомъ на фуражировъ, обратила ихъ въ бѣгство и произвела избіеніе разсѣявшихся непріятелей на значительномъ пространствѣ. И Ганнибалъ не осмѣлился сразиться, потому что, при такой малочисленности, онъ съ трудомъ могъ защитить лагерь, еслибы его стали осаждать; тогда онъ началъ вести войну по способу Фабія,—часть войска отсутствовала, такъ какъ уже ощущался недостакокъ въ съѣстныхъ припасахъ [2]),—а именно: оставался на одномъ мѣстѣ и медлилъ, да и воиновъ своихъ возвратилъ въ прежній лагерь, который находился передъ стѣнами Геронія. Нѣкоторые историки передаютъ, что произошло и регулярное сраженіе, и оба войска сошлись другъ съ другомъ; при первомъ столкновеніи пунійцы были поражены и прогнаны до самаго лагеря; оттуда они внезапно сдѣлали вылазку и навели ужасъ на римлянъ, но затѣмъ, вслѣдствіе вмѣшательства самнитянина Нумерія Децима, сраженіе было возобновлено. Онъ по происхожденію и богатству былъ первымъ лицомъ не только въ Бовіанѣ, откуда былъ родомъ, но и во всемъ Самніи; когда по приказанію диктатора онъ велъ въ лагерь 8000 пѣхоты и всадниковъ и показался въ тылу Ганнибала, то оба войска приняли это за новое подкрѣпленіе, идущее съ Кв. Фабіемъ изъ Рима. Ганнибалъ, опасаясь еще какой-нибудь засады, отступилъ со своими, а римляне преслѣдовали его и при помощи Самнитянина, овладѣли въ тотъ день двумя укрѣпленіями; враговъ пало 6000, римлянъ съ лишкомъ 5000; хотя уронъ былъ почти одинаковъ, однако въ

1) См. IV 19; IX 36. 2) Это тѣ воины, которые высланы были для фуражировки, чѣмъ объясняется и малочисленность войска Ганнибала.

Римъ пришло извѣстіе о блистательной побѣдѣ вмѣстѣ съ еще болѣе хвастливымъ письмомъ начальника конницы.

25. Объ этомъ событіи весьма часто толковали и въ сенатѣ, и въ народномъ собраніи. Когда при радостномъ настроеніи государства одинъ только диктаторъ не вѣрилъ ни слуху, ни письму и говорилъ, что, хотя бы все это было справедливо, однако онъ болѣе опасается удачъ, чѣмъ неудачъ,—тогда народный трибунъ М. Метеллъ заявляетъ, что это уже невыносимо; диктаторъ не только своимъ личнымъ присутствіемъ противодѣйствовалъ удачному веденію дѣла, но даже и отсутствуя противодѣйствуетъ, когда оно уже сдѣлано, и преднамѣренно тратитъ время, чтобы затянуть войну, съ цѣлью дольше остаться въ должности и одному пользоваться властью, какъ въ Римѣ, такъ и среди войска; вѣдь одинъ изъ консуловъ погибъ въ сраженіи, другой, подъ видомъ преслѣдованія пуническаго флота, отосланъ далеко отъ Италіи; два претора заняты въ Сициліи и Сардиніи, хотя ни одна изъ этихъ провинцій въ настоящее время не нуждается въ преторѣ; начальникъ конницы М. Минуцій содержался чуть не подъ стражею, чтобы не видѣть врага и не заниматься войною. Поэтому, клянусь Геркулесомъ, опустошенъ не только Самній, который уступленъ пунійцамъ, какъ будто онъ находится уже по ту сторону Гибера, но также Кампанская, Каленская, Фалернская области, въ то время какъ диктаторъ сидитъ въ Кезилинѣ и легіонами народа римскаго защищаетъ свое поале и войско, страстно желающее сразиться, и начальника конницы держатъ почти въ заключеніи за лагернымъ валомъ: у нихъ, какъ будто у плѣнныхъ враговъ, отнято оружіе; наконецъ, лишь только диктаторъ оттуда удалился, воины, какъ-бы освободившись отъ осады, вышли изъ-за лагернаго вала и разбили врага на-голову. Въ виду этого, если бы у римскаго народа оставался древній духъ, то онъ, Метеллъ, смѣло внесъ бы предложеніе о лишеніи власти Кв. Фабія; теперь же онъ внесетъ умѣренное предложеніе—объ уравненіи правъ начальника конницы и диктатора; но и при этомъ условіи Кв. Фабія не слѣдуетъ посылать къ войску прежде, чѣмъ онъ назначитъ консула на мѣсто Г. Фламинія. Диктаторъ остался вдали отъ народныхъ собраній, гдѣ онъ не угодилъ бы народу, если бы вступилъ въ пренія; да и въ сенатѣ его слушали вполнѣ безпристрастно, когда онъ въ своихъ рѣчахъ восхвалялъ врага, напоминалъ

о пораженіяхъ, въ теченіе двухъ лѣтъ понесенныхъ вслѣдствіе непредусмотрительности и неопытности вождей, и требовалъ, чтобы начальникъ конницы далъ отчетъ въ томъ, что онъ сразился вопреки его распоряженію. Если въ его рукахъ будетъ верховная власть и руководство войною, то онъ скоро докажетъ людямъ, что при хорошемъ главнокомандующемъ не имѣетъ большого значенія счастіе, что господствуетъ умъ и разсудительность и что больше славы во-время и безъ позора сохранить войско, чѣмъ погубить много тысячъ враговъ. Тщетно диктаторъ говорилъ рѣчи въ такомъ духѣ; послѣ избранія консуломъ М. Атилія Регула, онъ ночью, наканунѣ внесенія предложенія, отправился къ войску, чтобы лично не спорить о правѣ власти. Когда на разсвѣтѣ созвано было народное собраніе, люди находились подъ вліяніемъ скрытой ненависти къ диктатору и расположенія къ начальнику конницы, но не осмѣливались выступить съ предложеніемъ, желательнымъ для всѣхъ, и хотя численный перевѣсъ былъ на сторонѣ предложенія, однако ему недоставало вліятельной поддержки. Нашелся одинъ только человѣкъ, который совѣтовалъ принять этотъ законъ,—Г. Теренцій Варронъ, бывшій въ предыдущемъ году преторомъ, человѣкъ не только не знатнаго, но даже низкаго происхожденія; говорятъ, его отецъ былъ мясникомъ, самъ разносилъ свой товаръ и пользовался услугами этого своего сына при занятіи этимъ рабскимъ ремесломъ. **26.** Лишь только деньги, нажитыя такого рода ремесломъ и оставленныя отцомъ подали этому юношѣ надежду на лучшее положеніе, и ему понравилась тога и форумъ[1]), то онъ, произнося рѣчи за людей низкаго происхожденія и отстаивая ихъ интересы противъ интересовъ и добраго имени знатныхъ, сначала пріобрѣлъ извѣстность у народа, а потомъ достигъ и почетныхъ должностей. Послѣ должностей квестора, эдила плебейскаго и курульнаго, а наконецъ и претора, онъ сталъ уже питать надежду на полученіе консульства, весьма ловко воспользовался общею ненавистью къ диктатору для снисканія расположенія народа и одинъ получилъ благодарность за этотъ плебисцитъ[2]). Кромѣ самого диктатора, всѣ граждане, находившіеся какъ въ Римѣ, такъ и въ войскѣ, какъ безпристрастные, такъ и пристрастные, смотрѣли на это предложеніе, какъ на унизительное для диктатора·

[1]) Т. е. политическая карьера. [2]) См. примѣч. къ IV 48.

самъ онъ съ тѣмъ же величіемъ духа перенесъ несправедливость неистовствовавшаго противъ него народа, съ какимъ перенесъ раньше обвиненія, возводимыя на него врагами его передъ народомъ; получивъ на дорогѣ письменное сенатское постановленіе объ уравненіи власти, но, будучи вполнѣ увѣренъ, что съ уравненіемъ права власти вовсе не уравнено и искусство управлять, онъ возвратился къ войску, не допустивъ ни враговъ, ни гражданъ побѣдить его духъ.

27. А Минуцій, котораго уже и раньше едва можно было выносить, благодаря его удачамъ и любви народа, теперь совсѣмъ неумѣренно и нескромно сталъ хвастаться не столько побѣдою надъ Ганнибаломъ, сколько надъ Кв. Фабіемъ, говоря, что Фабій—вождь, признанный единственнымъ при трудныхъ обстоятельствахъ и равнымъ Ганнибалу, будучи старшимъ, уравненъ въ правахъ по приказанію народа съ младшимъ, будучи диктаторомъ, уравненъ съ начальникомъ конницы, чему нельзя найти ни одного примѣра въ лѣтописяхъ; и это произошло въ томъ государствѣ, гдѣ начальники конницы обыкновенно трепетали и страшились прутьевъ и сѣкиръ диктатора: вотъ насколько онъ, Минуцій, отличился своимъ счастьемъ и доблестью. Поэтому, онъ будетъ слѣдовать за своимъ счастьемъ, если диктаторъ будетъ упорствовать въ своей медлительности и нерѣшительности, осужденной приговоромъ боговъ и людей. Итакъ, въ первый день, при первой встрѣчѣ съ Кв. Фабіемъ, онъ говоритъ, что прежде всего необходимо рѣшить, какимъ образомъ имъ пользоваться уравненною властью: онъ, Минуцій, считаетъ за самое лучшее предоставить верховное право и начальствованіе каждому или черезъ день, или, если угодно, то черезъ большіе промежутки времени, чтобы, если представится случай предпринять что-нибудь, быть равнымъ врагу не только сообразительностью, но и силами. Это вовсе не правилось Кв. Фабію: ибо, по его словамъ, все, что будетъ предоставлено его безразсудному товарищу, будетъ зависѣть отъ счастья; онъ долженъ былъ раздѣлить свою власть съ другимъ, но она не отнята у него: поэтому, онъ никогда добровольно не отступитъ отъ разумнаго управленія той частью, на которую онъ имѣетъ право; онъ не станетъ раздѣлять съ нимъ времени или дней власти, а раздѣлитъ войско, и, не имѣя возможности спасти всего, спасетъ при помощи своихъ плановъ то, что можетъ. Такимъ образомъ онъ достигъ того, что они раздѣлили между собою легіоны,

подобно тому, какъ это дѣлаютъ обыкновенно консулы: первый и четвертый достались Минуцію, второй и третій—Фабію; поровну-же они раздѣлили и всадниковъ и вспомогательныя войска союзниковъ и латинянъ. Начальникъ конницы пожелалъ также отдѣлить и свой лагерь.

28. Вслѣдствіе этого для Ганнибала была двойная радость—ибо ничего изъ того, что происходило у враговъ, отъ него не ускользало, такъ какъ многое доносили перебѣжчики, а равно онъ получалъ свѣдѣнія и черезъ своихъ лазутчиковъ:—съ одной стороны онъ воспользуется по-своему ничѣмъ не ограничиваемой самонадѣянностью Минуція, а съ другой стороны у искуснаго Фабія силы уменьшились на половину. Между лагеремъ Минуція и лагеремъ пунійцевъ находился холмъ; было несомнѣнно, что тотъ, кто захватитъ его, сдѣлаетъ для врага мѣстность менѣе удобною. Ганнибалъ хотѣлъ не столько завладѣть этимъ холмомъ безъ боя, хотя и это имѣло значеніе, сколько создать поводъ къ сраженію съ Минуціемъ, который, какъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, поспѣшитъ помѣшать ему. Все поле, находившееся между обоими лагерями, на первый взглядъ было не подходящимъ для засады, потому что не только не было покрыто лѣсомъ, но даже и кустарникомъ, на самомъ же дѣлѣ оно было какъ-бы предназначено для прикрытія засады, тѣмъ болѣе, что въ открытой равнинѣ невозможно было опасаться ничего подобнаго; въ поворотахъ ея находились такія пещеры, что нѣкоторыя изъ нихъ могли вмѣстить по 200 вооруженныхъ воиновъ. Въ эти скрытыя мѣста Ганнибалъ спряталъ 5000 пѣхотинцевъ и всадниковъ, по скольку могло удобно засѣсть въ каждой пещерѣ. Однако, чтобы или движеніе какого-нибудь неосторожно вышедшаго воина, или блескъ оружія не обнаружилъ обмана на такой открытой равнинѣ, онъ отвлекъ вниманіе враговъ, пославши на разсвѣтѣ нѣсколькихъ людей для занятія того холма, о которомъ мы упомянули раньше. Римляне при первомъ взглядѣ тотчасъ отнеслись съ пренебреженіемъ къ малочисленности враговъ, и каждый сталъ добиваться себѣ позволенія прогнать ихъ оттуда и занять это мѣсто; самъ полководецъ въ числѣ наиболѣе безразсудныхъ и ярыхъ зоветъ въ оружію и, посылая пустыя угрозы, бранитъ врага. Сначала Минуцій выпускаетъ отрядъ легковооруженныхъ, потомъ посылаетъ сомкнутый строй всадниковъ, наконецъ, видя, что и къ врагамъ идутъ вспомогательные отряды, онъ

выступаетъ съ построенными въ боевой порядокъ легіонами. И Ганнибалъ, въ виду затруднительнаго положенія его воиновъ, по мѣрѣ того, какъ бой усиливался, посылалъ то одни, то другія вспомогательныя силы пѣхотинцевъ и всадниковъ, образовалъ уже полный боевой строй, и съ обѣихъ сторонъ сражалось все войско. Легковооруженный отрядъ римлянъ, подходившій съ болѣе низкаго мѣста къ ранѣе захваченному холму, раньше всѣхъ былъ отраженъ и обращенъ въ бѣгство; распространивъ панику среди слѣдовавшей за нимъ конницы, онъ бѣжалъ къ знаменамъ легіоновъ. Среди всеобщаго смущенія, неустрашимой оставалась только пѣхота, и казалось, что, если бы сраженіе было правильное и нападеніе послѣдовало съ фронта, то счастье во всякомъ случаѣ оказалось бы равнымъ; столько мужества придала римлянамъ битва, происшедшая за немного дней передъ тѣмъ! Но вдругъ появились находившіеся въ засадѣ воины и, нападая съ обѣихъ сторонъ и съ тылу, произвели такое смятеніе и ужасъ, что у римлянъ не осталось не только смѣлости сражаться, но даже надежды спастись бѣгствомъ.

29. Тогда Фабій, услыхавъ сначала крикъ испуганныхъ римлянъ, а потомъ замѣтивъ издали приведенное въ замѣшательство войско, сказалъ: „такъ и есть; какъ разъ такъ скоро, какъ я опасался, судьба поразила самонадѣянность. Уравненный съ Фабіемъ въ правахъ власти, видитъ, что Ганнибалъ превосходитъ его доблестью и счастіемъ. Но для брани и для гнѣва будетъ другое время, а теперь выносите знамена за валъ; исторгнемъ у врага побѣду, а у согражданъ сознаніе въ ошибкѣ“. Въ то время, какъ одни большею частью были уже избиты, а другіе озирались, куда бѣжать, вдругъ показалось войско Фабія, какъ будто ниспосланнаго съ неба на помощь. Поэтому, прежде чѣмъ прійти на разстояніе полета стрѣлы или вступить въ рукопашный бой, онъ и своихъ удержалъ отъ безпорядочнаго бѣгства, и враговъ отъ крайне ожесточеннаго боя. Тѣ, которые, разстроивъ ряды, разбѣжались вразбродъ, со всѣхъ сторонъ спѣшили къ отряду Фабія, явившемуся съ свѣжими силами; тѣ же, которые обратились въ бѣгство одновременно въ большомъ количествѣ, поворотившись лицомъ къ врагу и сомкнувшись, то стали медленно отступать, то, собравшись въ кучу, начали оказывать и сопротивленіе. И уже побѣжденное и свѣжее войска почти соединились въ одно и начали наступать на врага, какъ вдругъ Пуніецъ приказалъ

дать сигналъ къ отступленію, открыто тѣмъ заявляя, что онъ побѣдилъ Минуція, но побѣжденъ Фабіемъ. Проведя такимъ образомъ большую часть дня при перемѣнномъ счастіи, войска возвратились въ лагерь, и Минуцій, созвавши воиновъ, сказалъ: „я часто слыхалъ, воины, что первый мужъ тотъ, который самъ разумѣетъ, что полезно, а второй— тотъ, кто повинуется подающему мудрый совѣтъ; послѣднее же мѣсто по уму занимаетъ тотъ, кто не умѣетъ ни самъ сообразить, ни повиноваться другому. Такъ какъ намъ судьба отказала въ первой способности души и ума, то будемъ держаться второй и средней и, учась повелѣвать, рѣшимъ повиноваться благоразумному. Соединимъ свой лагерь съ лагеремъ Фабія; когда мы принесемъ знамена къ его палаткѣ, я назову его отцомъ, чего онъ заслуживаетъ своимъ благодѣяніемъ по отношенію къ намъ и своимъ величіемъ, а вы, воины, привѣтствуйте патронами тѣхъ, которые только-что съ оружіемъ въ рукахъ защитили васъ, и если этотъ день не далъ намъ ничего иного, то пусть, по крайней мѣрѣ, онъ дастъ намъ славу людей благодарныхъ“. **30.** Затѣмъ по данному сигналу раздалась команда собираться въ путь; когда они отправились и стройно шли къ лагерю диктатора, они привели въ изумленіе какъ его самаго, такъ и всѣхъ, окружавшихъ его. Какъ только знамена были поставлены передъ трибуналомъ, начальникъ конницы, выступивши впередъ, назвалъ Фабія отцомъ, а стоявшихъ кругомъ воиновъ воины Фабія привѣтствовали патронами; при этомъ Марцій сказалъ: „родителямъ своимъ, диктаторъ, съ которыми я только-что поставилъ наравнѣ тебя, назвавъ тебя единственнымъ существующимъ для этого въ языкѣ наименованіемъ, я обязанъ только жизнью,—тебѣ же я обязанъ спасеніемъ, какъ своимъ, такъ и всѣхъ этихъ воиновъ. Поэтому плебесцитъ, который не столько возвысилъ, сколько обременилъ меня, я первый отмѣняю и отвергаю, возвращаюсь подъ твою верховную власть и начальство, и — да послужитъ это къ благу для тебя, для меня и для этихъ твоихъ войскъ, спасеннаго и спасшаго,—возвращаю тебѣ эти знамена и легіоны. Ты, пожалуйста, умилостивься и вели мнѣ сохранить начальство надъ конницею, а этимъ воинамъ свои мѣста“. Затѣмъ послѣдовало рукопожатіе, собраніе было распущено, и воиновъ Минуція радушно и дружественно приглашали въ гости воины — знакомые и незнакомые,—и день, который еще недавно былъ весьма печальнымъ и чуть не роковымъ, сталъ радостнымъ. Въ Римѣ, какъ только разнеслась молва объ этомъ событіи, а затѣмъ ее подтвердили письма какъ самихъ главнокомандующихъ, такъ особенно воиновъ изъ того и другого войска, всѣ стали превозносить до небесъ Максима; такова же была слава его у Ганнибала и у враговъ пунійцевъ; тогда только они поняли, что ведутъ войну съ римлянами и притомъ въ Италіи; ибо въ теченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ они презирали римскихъ полководцевъ и воиновъ и едва вѣрили, что воюютъ съ тѣмъ же самымъ народомъ, страшные разсказы о которомъ они слышали отъ своихъ отцовъ. Говорятъ также, что Ганнибалъ, возвращаясь изъ сраженія, сказалъ: „наконецъ-то облако, которое обыкновенно находилось на вершинахъ горъ, разразилось дождемъ съ грозою“.

31. Пока эти событія происходили въ Италіи, консулъ Гн. Сервилій Геминъ съ флотомъ въ 120 кораблей, объѣхавши берега Сардиніи и Корсики и получивши заложниковъ изъ той и другой, переправился въ Африку; прежде чѣмъ высадиться на материкъ, онъ опустошилъ островъ Менигу, взялъ съ жителей Церцины 10 талантовъ серебра за то, чтобы не подвергать огню и разграбленію и ихъ область, и, приставъ къ берегамъ Африки, высадилъ войско. Отсюда онъ повелъ воиновъ и матросовъ опустошать поля, и они разбрелись, какъ будто грабятъ недостаточно населенные острова. Поэтому-то они попали по неосмотрительности въ засаду, такъ какъ многочисленные и хорошо знакомые съ мѣстностью враги окружили римлянъ, бродившихъ въ невѣдѣніи вразсыпную и они были прогнаны назадъ къ кораблямъ, послѣ большого кровопролитія постыдно обратившись въ бѣгство. Потерявъ почти 1000 человѣкъ, а въ числѣ ихъ квестора Семпронія Блеза, флотъ, торопливо отплывъ отъ береговъ, занятыхъ врагами, направилъ путь въ Сицилію. Въ Лилибеѣ онъ былъ переданъ претору Т. Отацилію, чтобы легатъ его—П. Сура отвелъ его къ Риму: самъ же Сервилій, прошедши сухимъ путемъ черезъ Сицилію, переправился по проливу въ Италію, такъ какъ Кв. Фабій призывалъ письмомъ его самого и товарища его М. Атилія принять отъ него войска, въ виду того, что шестимѣсячный срокъ его власти почти уже истекалъ. Почти всѣ лѣтописи передаютъ, что Фабій велъ войну противъ Ганнибала въ званіи диктатора; Целій даже пишетъ, что онъ былъ первымъ, котораго народъ избралъ въ диктаторы; но отъ вни-

манія, какъ Целія, такъ и другихъ ускользнуло то обстоятельство, что право избранія диктатора принадлежало одному консулу Гн. Сервилію, который тогда находился въ отдаленной провинціи Галліи; такъ какъ государство, напуганное уже пораженіемъ, не могло допустить этого замедленія [1]), то прибѣгли къ избранію народомъ лица, которое бы было вмѣсто диктатора; затѣмъ, въ виду подвиговъ и отмѣнной славы этого полководца, потомки, преувеличивая перечень титуловъ подъ изображеніемъ его [2]), легко дошли до того, что замѣстителя диктатора стали признавать за диктатора.

32. Консулъ Атилій принялъ войско Фабія, а Геминъ Сервилій войско Минуція. Скоро, укрѣпивъ зимнія квартиры,—осень была въ половинѣ—они съ величайшимъ единодушіемъ повели войну, держась способа Фабія. Всякій разъ, когда Ганнибалъ выходилъ для заготовленія провіанта, они во-время являлись въ разныхъ мѣстахъ, тревожили его войска и захватывали разсѣявшихся воиновъ; до генеральнаго сраженія, исходъ котораго былъ невѣренъ, они дѣла не доводили, чего всѣми мѣрами добивался врагъ; и недостатокъ провіанта до такой степени стѣснялъ Ганнибала, что, не бойся онъ необходимости отступленія, похожаго на бѣгство, онъ удалился бы въ Галлію, такъ какъ для него не оставалось никакой надежды прокормить войско въ тѣхъ мѣстахъ, если послѣдующіе консулы поведутъ войну тѣмъ же способомъ.

Когда военныя дѣйствія около Гереонія остановились, такъ какъ продолженію ихъ мѣшала зима, въ Римъ прибыли неаполитанскіе послы. Они принесли въ курію сорокъ золотыхъ тяжеловѣсныхъ чашъ и сказали слѣдующее: „мы знаемъ, что казну римскаго народа истощаетъ война, и такъ какъ она ведется столько же за города и области союзниковъ, сколько за столицу и оплотъ Италіи, городъ Римъ, и его власть, то неаполитанцы сочли справедливымъ помочь римскому народу тѣмъ золотомъ, которое оставлено намъ предками, какъ для украшенія храмовъ, такъ и для помощи въ случаѣ несчастія; если вы сочтете возможною еще какую-нибудь помощь отъ насъ, то мы вамъ окажемъ ее съ тою же готовностью; римскіе отцы и народъ доставятъ намъ удовольствіе, если всѣ средства неаполитанцевъ будутъ считать своими, и притомъ если признаютъ достойнымъ

[1]) Т. е. государство не могло ждать прибытія въ Римъ консула, находившагося такъ далеко; см. гл. 8. [2]) См. примѣч. къ I 34.

принять даръ, не столько важный и цѣнный по стоимости своей, сколько по настроенію и готовности добровольно приносящихъ его“. Посламъ выражена была благодарность за подарокъ и за усердіе, а принята была чаша наименьшаго вѣса.

33. Въ тѣ же самые дни въ Римѣ былъ схваченъ карѳагенскій лазутчикъ, скрывавшійся въ теченіе двухъ лѣтъ; ему отрубили обѣ руки и отпустили; и 25 рабовъ были распяты на крестѣ за то, что составили заговоръ на Марсовомъ полѣ; донесшему дана была свобода и 20000 мѣдныхъ ассовъ [1]); были отправлены послы и къ Филиппу, царю македонскому, съ требованіемъ выдачи Деметрія Фарійскаго, который, потерпѣвъ пораженіе на войнѣ, бѣжалъ къ нему, а также отправлены были другіе послы къ лигурамъ, съ требованіемъ удовлетворенія за то, что они оказали помощь Ганнибалу своими средствами и вспомогательными войсками; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были посмотрѣть на мѣстѣ, что происходитъ въ области боевъ и инсубровъ. Отправлены были послы также въ Иллирію, къ царю Пинею потребовать дани, срокъ уплаты которой прошелъ, или, если онъ пожелаетъ отсрочки, то взять заложниковъ. Не смотря на то, что у римлянъ лежала на плечахъ такая страшная война, они до такой степени не упускали изъ виду заботу обо всѣхъ своихъ интересахъ на всей землѣ, даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ ея! Возникло также религіозное опасеніе по случаю того, что до сихъ поръ еще не сданъ былъ подрядъ на постройку храма богини Согласія, который обѣщалъ построить преторъ Л. Манлій по случаю военнаго бунта въ Галліи два года тому назадъ; поэтому избранные для этой цѣли городскимъ преторомъ М. Эмиліемъ децемвиры, Г. Пупій и Цезонъ Квинктій Фламининъ, сдали подрядъ на постройку храма въ кремлѣ. Тѣмъ же самымъ преторомъ, по постановленію сената, были отправлены письма консуламъ,—не угодно ли одному изъ нихъ прибыть въ Римъ для избранія консуловъ; при этомъ онъ заявлялъ, что къ указанному ими дню онъ назначитъ комиціи. На это консулы отвѣтили, что безъ ущерба для государства невозможно удалиться отъ врага; а потому пусть лучше выборы произведетъ междуцарь, чѣмъ отзывать для этого одного изъ консуловъ съ мѣста военныхъ дѣйствій. Отцы признали бо-

[1]) См. I 43 примѣч.

лѣе правильнымъ, чтобы консулъ назначилъ диктатора для предсѣдательствованія въ комиціяхъ; диктаторомъ былъ назначенъ Л. Ветурій Филонъ, избравшій начальникомъ конницы М. Помпонія Маѳона. Такъ какъ они были ненадлежаще избраны [1]), то на четырнадцатый день имъ было приказано сложить съ себя должность, и дѣло дошло до междуцарствія.

34. Консуламъ была продолжена власть на годъ. Отцы объявили междуцарями Г. Клавдія, сына Аппія, Центона, а потомъ П. Корнелія Азину. Во время управленія послѣдняго, состоялись комиціи при ожесточенной борьбѣ патриціевъ съ плебеями. Плебеи стремились возвести въ консулы Г. Теренція Варрона, человѣка ихъ сословія, который угодилъ имъ преслѣдованіемъ вельможъ и мѣрами, къ какимъ прибѣгаютъ демагоги; онъ прославился тѣмъ, что поколебалъ могущество и диктаторскую власть Фабія, и вообще тѣмъ, что возбуждалъ ненависть къ другимъ [2]); патриціи же всѣми силами старались воспрепятствовать этому, для того, чтобы люди не пріучались, преслѣдуя аристократію, достигать равнаго съ ней положенія. Народный трибунъ Кв. Бебій Геренній, родственникъ Г. Теренція, обвиняя не только сенатъ, но и авгуровъ за то, что они помѣшали диктатору довести комиціи до конца, вызывая ненависть къ нимъ, снискивалъ расположеніе къ своему кандидату, говоря, что знатные люди въ теченіе многихъ лѣтъ искали войны и такимъ образомъ привели Ганнибала въ Италію; что они же коварнымъ образомъ затягиваютъ войну, имѣя возможность сразу покончить ее. Въ то время, какъ удачная битва, данная Минуціемъ въ отсутствіе Фабія, доказала, что войну можно вести успѣшно, располагая четырьмя легіонами вмѣстѣ, два легіона сперва были брошены на избіеніе врагу, а затѣмъ вырваны изъ самой рѣзни для того, чтобы получилъ названіе отца и патрона тотъ человѣкъ, который сперва помѣшалъ римлянамъ одерживать побѣды, а потомъ уже быть побѣжденными. Послѣ того консулы, пользуясь способами Фабія, затягивали войну, хотя могли ее окончить. Между всѣми знатными людьми состоялось такое соглашеніе, что война не кончится прежде, чѣмъ будетъ избранъ въ консулы настоящій плебей, т. е. человѣкъ новый [3]), ибо знатные плебеи уже участвуютъ въ однихъ и тѣхъ же священодѣйствіяхъ и начали презирать плебеевъ съ того времени, какъ сами перестали служить предметомъ презрѣнія для патриціевъ. Кому не очевидно, что они добивались и стремились довести дѣло до междуцарствія съ той цѣлью, чтобы комиціи были во власти патриціевъ? Этого добивались оба консула, оставаясь при войскѣ; потомъ, когда для предсѣдательства въ комиціяхъ, противъ ихъ воли, былъ избранъ диктаторъ, они добились того, что авгуры признали диктатора ненадлежаще избраннымъ. И вотъ они имѣютъ междуцарствіе; по крайней мѣрѣ одно консульское мѣсто принадлежитъ плебеямъ, и народъ, свободно располагая имъ, вручитъ его тому, кто своевременную побѣду предпочтетъ продолжительной власти.

[1]) См. примѣч. VI 27. [2]) См. гл. 25, 26. [3]) См. I 34 примѣч.

35. Не смотря на то, что консульства искали три патриція,—П. Корнелій Меренда, Л. Манлій Вольсонъ и М. Эмилій Лепидъ, и два знатныхъ человѣка, но по происхожденію плебеи,—Г. Атилій Серранъ и Кв. Элій Петъ, изъ которыхъ одинъ былъ понтификомъ, а другой авгуромъ, возбужденные рѣчами Геренния плебеи избрали консуломъ только одного Г. Теренція, такъ что комиціи для выбора его товарища были въ его рукахъ. Тогда знать, убѣдившись на дѣлѣ, что въ соперникахъ Теренція мало силы, послѣ продолжительнаго и упорнаго отказа, склоняетъ искать консульства Л. Эмилія Павла, врага плебеевъ, который былъ консуломъ вмѣстѣ съ М. Ливіемъ и вслѣдствіе осужденія товарища едва не пострадалъ и самъ [1]). Въ ближайшій день комицій всѣ тѣ, которые оспаривали консульство у Варрона, отступились, и Л. Эмилій Павелъ былъ избранъ не столько въ товарищи, сколько въ противники другому консулу. Вслѣдъ затѣмъ происходили комиціи для выбора преторовъ: были избраны: М. Помпоній Маѳонъ и П. Фурій Филъ; Филу досталось по жребію производить судъ въ городѣ Римѣ, а Помпонію—между римскими гражданами и негражданами. Прибавили двухъ преторовъ, М. Клавдія Марцелла для Сициліи и Л. Постумія Альбина для Галліи. Всѣ они были избраны заочно, и ни одному изъ нихъ, кромѣ консула Теренція, не была вручена должность, которой бы онъ уже раньше не исправлялъ; при выборѣ обошли нѣкоторыхъ храбрыхъ и дѣятельныхъ мужей, потому что признавалось нецѣлесообразнымъ въ такое время поручать кому-либо незнакомую ему должность.

[1]) Консулы 534 г. М. Ливій былъ преданъ суду за неправильный дѣлежъ добычи, взятой въ войнѣ съ Димитріемъ Фаросскимъ.

36. Войска также были увеличены, но сколько именно было прибавлено пѣхоты и конницы, у писателей показанія относительно численности и рода войскъ до такой степени разнорѣчивы, что я не осмѣливаюсь принять что-нибудь за вполнѣ достовѣрное. Одни говорятъ, что набрано было 10,000 новобранцевъ въ видѣ подкрѣпленія; другіе — что набрали 4 новыхъ легіона, съ цѣлью вести войну восьмью легіонами; нѣкоторые утверждаютъ, что увеличенъ былъ и численный составъ пѣхоты и конницы въ легіонахъ, причемъ къ каждому легіону было прибавлено 1000 пѣхотинцевъ и 100 всадниковъ, такъ что каждый легіонъ состоялъ изъ 5000 пѣхотинцевъ и 300 всадниковъ; союзники должны были доставлять двойное число всадниковъ, а пѣхоты одинаковое число съ гражданами (въ римскомъ лагерѣ во время битвы при Каннахъ находилось вооруженныхъ силъ 87,200 человѣкъ). Въ одномъ существуетъ полное согласіе, что дѣло велось съ большею настойчивостью и стремительностью, чѣмъ въ прежніе годы, потому что диктаторъ внушилъ надежду на возможность побѣдить врага. Впрочемъ, прежде чѣмъ новымъ легіонамъ двинуться отъ города, децемвиры получили приказаніе обратиться къ книгамъ [1]) и справиться съ ними, потому что народъ былъ напуганъ новыми чудесными знаменіями: было получено извѣстіе, что въ одно и то же время въ Римѣ на Авентинѣ и въ Ариціи прошелъ каменный дождь, въ области сабинянъ изображенія боговъ покрылись въ изобиліи кровью, въ Цедіяхъ въ тепломъ источникѣ потекла холодная, какъ ледъ, вода, и это послѣднее наводило тѣмъ большій ужасъ, чѣмъ чаще повторялось. Да и на улицѣ съ арками, находящейся у Марсова поля, нѣсколько человѣкъ было на смерть сожжено молніей. По поводу этихъ знаменій были принесены умилостивительныя жертвы согласно указанію книгъ. Изъ Песта послы принесли въ Римъ золотыя чаши. Ихъ, какъ и неаполитанцевъ, поблагодарили, но золота не приняли.

37. Около того же времени въ Остію отъ Гіерона прибылъ флотъ съ обильнымъ провіантомъ. Введенные въ сенатъ послы сообщили, что вѣсть о гибели консула Г. Фламинія и его войска [2]) чрезвычайно огорчила царя Гіерона, и никакая бѣда его собственная или его царства не могла его болѣе потрясти. Поэтому, хотя онъ хорошо знаетъ, что

[1]) Сивиллинымъ; см. III 10 примѣч. [2]) При Тразименскомъ озерѣ; см. XXII 3—6, 7.

величіе римскаго народа заслуживаетъ чуть-ли не большаго удивленія при несчастіи, чѣмъ при счастіи, однако онъ послалъ все, чѣмъ обыкновенно добрые и вѣрные союзники помогаютъ въ войнѣ; онъ весьма усердно проситъ сенаторовъ не отказываться принять это приношеніе. Прежде всего ради благопріятнаго предзнаменованія они приносятъ золотое изображеніе Побѣды, вѣсомъ въ 220 фунтовъ; пусть сенаторы примутъ это изображеніе, владѣютъ имъ и считаютъ его своей собственностью навсегда. Они привезли еще 300,000 мѣръ пшеницы и 200,000 мѣръ ячменя, чтобы у римлянъ не было недостатка въ провіантѣ, а сколько кромѣ того еще понадобится, они готовы доставить, куда имъ прикажутъ. Они знаютъ, что римскій народъ пользуется пѣхотою и конницею только римскою и латинскою, а вспомогательныя войска легковооруженныхъ они видѣли также и иноземныя въ римскомъ лагерѣ; поэтому, они прислали 1000 стрѣлковъ и пращниковъ — отрядъ, пригодный противъ балеарцевъ и мавровъ и другихъ племенъ, сражающихся метательнымъ оружіемъ. Къ этимъ дарамъ они присоединили еще совѣтъ, чтобы преторъ, которому достанется провинція Сицилія, переправилъ флотъ въ Африку: пусть врагъ и въ своей землѣ ведетъ войну и имѣетъ менѣе возможности подсылать вспомогательныя войска Ганнибалу. Сенатъ далъ царю слѣдующій отвѣтъ: „Гіеронъ — благородный мужъ и прекрасный союзникъ, съ того момента, какъ онъ вошелъ въ дружбу съ римскимъ народомъ, безпрерывно соблюдалъ вѣрность и всегда и вездѣ щедро оказывалъ помощь римскому государству. Это пріятно римскому народу, какъ и должно быть. Золота, присланнаго и другими государствами римскій народъ не принялъ, оцѣнивъ однако доброе расположеніе; изображеніе Побѣды и доброе предзнаменованіе онъ принимаетъ и мѣстомъ для этой богини назначаетъ и посвящаетъ Капитолій, храмъ всеблагого и всемогущаго Юпитера. Освященная въ этой твердынѣ города Рима, она будетъ для римскаго народа благосклонною, милостивою, постоянною и нерушимою. Пращниковъ и стрѣлковъ, а также хлѣбъ, передали консуламъ. Къ флоту, состоявшему изъ 50 кораблей [1]) и находившемуся въ Сициліи съ пропреторомъ Т. Отациліемъ, было прибавлено 25 пентеръ и Отацилію позволено переправиться въ Африку, если онъ найдетъ это сообразнымъ съ интересами государства.

[1]) Число возстановлено на основаніи XXI 51 — флотъ претора М. Эмилія.

38. По окончаніи набора, консулы обождали нѣсколько дней, пока придутъ воины отъ союзниковъ и отъ латинянъ; тогда военные трибуны привели воиновъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ собираться по приказанію консуловъ и безъ ихъ распоряженія не будутъ расходиться: никогда прежде этого не дѣлалось, такъ какъ до того времени существовала только общая присяга и уже, собравшись по декуріямъ или по центуріямъ, воины сами добровольно давали другъ другу клятву—всадники по декуріямъ, а пѣхотинцы по центуріямъ—въ томъ, что они не будутъ уходить ради бѣгства и изъ страха и будутъ покидать строй только для того, чтобы взять оружіе или найти его, а ровно для того, чтобы поразить врага или спасти согражданина. Эту клятву, основанную на добровольномъ и взаимномъ уговорѣ между воинами, было поручено принимать трибунамъ, и она стала узаконеннымъ актомъ приведенія къ присягѣ. Прежде чѣмъ знамена двинулись изъ города, консуломъ Варрономъ было произнесено передъ народомъ много смѣлыхъ рѣчей; онъ заявлялъ, что война, которую знать навела на Италію, останется въ нѣдрахъ государства, если будетъ побольше полководцевъ Фабіевъ, а что онъ положитъ ей конецъ въ тотъ день, когда увидитъ врага. Его товарищемъ Павломъ, наканунѣ выступленія изъ города, была произнесена одна рѣчь, скорѣе правдивая, чѣмъ пріятная народу; въ ней онъ, нисколько не обижая Варрона, выразилъ только удивленіе, какимъ образомъ полководецъ, не зная еще ни своего, ни вражескаго войска, ни мѣстоположенія, ни природы страны, уже теперь, одѣтый въ одежду мирнаго гражданина и находясь въ городѣ, знаетъ, что ему надо дѣлать, когда онъ будетъ вооруженъ, и можетъ даже предсказать день, когда онъ сразится съ врагомъ; онъ, Павелъ, не будетъ преждевременно опредѣлять планъ дѣйствій, такъ какъ обстоятельства указываютъ его людямъ, а не наоборотъ; онъ желаетъ, чтобы осторожныя и обдуманныя дѣйствія имѣли довольно счастливый успѣхъ; самонадѣянность, помимо того, что она глупа, до сихъ поръ приводила еще и къ несчастіямъ. Этимъ само собою Павелъ показывалъ, что онъ будетъ предпочитать осторожные планы опрометчивымъ, а чтобы онъ тѣмъ настойчивѣе держался этого направленія, Кв. Фабій Максимъ, говорятъ, обратился къ нему, при отъѣздѣ его, съ слѣдующей рѣчью:

39. „Еслибы твой товарищъ, Л. Эмилій, былъ похожъ на тебя, чего я болѣе желалъ бы, или, если бы ты былъ похожъ на своего товарища, то моя рѣчь была бы излишнею, потому что, съ одной стороны, будучи оба благонамѣренными, вы, и безъ моей рѣчи, все дѣлали бы сообразно съ интересами государства и вашей добросовѣстностью, съ другой стороны, будучи оба дурными, вы не обратили бы вниманія на мои слова и не приняли бы моихъ совѣтовъ; теперь же, когда я понимаю, какъ твоего товарища, такъ и тебя, то моя рѣчь всецѣло обращена къ тебѣ, такъ какъ я вижу, что ты напрасно будешь благонамѣреннымъ человѣкомъ и гражданиномъ, если государство въ другомъ консулѣ будетъ имѣть плохого слугу, и если одинаковы будутъ право и власть для выполненія дурныхъ плановъ и для выполненія хорошихъ. Вѣдь ты ошибаешься, Л. Павелъ, если думаешь, что у тебя меньше борьбы будетъ съ Г. Теренціемъ, чѣмъ съ Ганнибаломъ; и, пожалуй, тебя ждетъ большее озлобленіе со стороны перваго твоего противника, чѣмъ со стороны второго, врага отечества; съ послѣднимъ тебѣ придется бороться только въ строю, а съ этимъ во всѣхъ мѣстахъ и при всякихъ обстоятельствахъ; противъ Ганнибала и его легіоновъ тебѣ предстоитъ сражаться при помощи своихъ всадниковъ и пѣхотинцевъ, а полководецъ Варронъ будетъ дѣйствовать противъ тебя при помощи твоихъ же воиновъ. Даже во избѣжаніе дурного предзнаменованія для тебя, я не желалъ бы воспоминать о Г. Фламиніи; однако, онъ, уже будучи консуломъ и находясь въ провинціи, у своего войска, началъ неистовствовать; а этотъ безумствовалъ прежде, чѣмъ домогаться консульства, затѣмъ въ то время, какъ домогался его, безумствуетъ и и теперь, будучи консуломъ, не видя еще ни лагеря, ни врага. Что, по твоему мнѣнію, станетъ дѣлать среди вооруженнаго юношества и тамъ, гдѣ за словомъ тотчасъ слѣдуетъ дѣло, тотъ человѣкъ, который уже теперь поднимаетъ такія бури среди мирныхъ гражданъ, играя сраженіями и арміями? И если Варронъ тотчасъ сразится, что онъ, по его заявленію, и намѣренъ сдѣлать, то или я не знаю военнаго дѣла, этого рода войны, этого врага, или явится другое мѣсто, которое пріобрѣтетъ еще большую извѣстность нашими пораженіями, чѣмъ Тразименское озеро. Не время хвастаться, когда ты тутъ одинъ[1]), и я скорѣе готовъ пере-

[1]) Фабій хочетъ сказать, что хвалить себя имѣло бы смыслъ предъ сенатомъ или народнымъ собраніемъ, передъ однимъ же человѣкомъ это безцѣльно.

ступить мѣру, презирая славу, чѣмъ стремясь къ ней; но дѣло такъ обстоитъ: одинъ только есть способъ вести войну противъ Ганнибала,—это тотъ, какимъ я велъ ее; и не только результатъ, которымъ руководствуются только глупцы, но и разумный разсчетъ доказываютъ это, а вѣдь разсчетъ былъ и будетъ неизмѣннымъ, пока обстоятельства будутъ оставаться одними и тѣми же. Мы ведемъ войну въ Италіи, у себя дома, въ своей странѣ; все кругомъ занято гражданами и союзниками; они помогаютъ и будутъ помогать намъ оружіемъ, людьми, лошадьми и провіантомъ: этого рода доказательство своей вѣрности они уже обнаруживали при нашемъ несчастіи; насъ же обстоятельства и время совершенствуютъ въ военномъ дѣлѣ, дѣлаютъ болѣе благоразумными и болѣе постоянными. Ганнибалъ, напротивъ, находится въ чужой, вражеской странѣ, его окружаетъ непріязнь и вражда, онъ вдали отъ родины, вдали отъ отечества; нѣтъ для него мира ни на сушѣ, ни на морѣ; ни одинъ городъ, никакія стѣны его не принимаютъ; онъ нигдѣ ничего не видитъ своего; изо дня въ день онъ живетъ грабежомъ; у него едва остается треть того войска, которое онъ переправилъ черезъ рѣку Иберъ; больше воиновъ погибло отъ голода, чѣмъ отъ меча, да и для этихъ немногихъ недостаетъ уже пропитанія. Итакъ, ужели ты сомнѣваешься, что мы, стоя лагеремъ, побѣдимъ того, который слабѣетъ со дня на день, у котораго нѣтъ ни провіанта, ни вспомогательныхъ войскъ, ни денегъ? Какъ долго онъ сидитъ передъ стѣнами Гереонія, незначительной крѣпости Апуліи, какъ будто передъ стѣнами Каѳагена? Но даже передъ тобою я не буду хвалиться[1]); обрати вниманіе, какимъ образомъ надъ нимъ издѣвались послѣдніе консулы Гн. Сервилій и Атилій? Это единственный, Л. Павелъ, путь спасенія, и его затруднятъ тебѣ и сдѣлаютъ опаснымъ не столько враги, сколько граждане, такъ какъ твои воины будутъ хотѣть того же, чего и враги. Римскій консулъ Варронъ будетъ желать того же, чего и пуническій главнокомандующій Ганнибалъ. Тебѣ одному необходимо оказывать сопротивленіе двумъ полководцамъ, но ты окажешь это сопротивленіе, если будешь твердо стоять противъ молвы и людскихъ разговоровъ, если на тебя не будетъ дѣйствовать ни суетная слава товарища, ни твое ложное без-

[1]) Хотя я и не рискую, что ты ложно истолкуешь мою похвалу своему образу дѣйствій, но и передъ тобой я не стану хвалиться.

славіе. Говорятъ, что истина слишкомъ часто страдаетъ, но никогда не уничтожается; кто будетъ пренебрегать славой, тотъ достигнетъ истинной славы; пусть называютъ тебя трусомъ вмѣсто осторожнаго, медлительнымъ вмѣсто разсудительнаго, невоинственнымъ вмѣсто опытнаго въ военномъ дѣлѣ. Я предпочитаю, чтобы тебя боялся разумный врагъ, чѣмъ восхваляли глупые сограждане. Ганнибалъ будетъ пренебрегать тобой, если ты будешь идти на все, и будетъ бояться, если ты ни въ чемъ не будешь дѣйствовать неосмотрительно; и я не совѣтую тебѣ бездѣйствовать, но совѣтую, чтобы твоими дѣйствіями руководила разсудительность, а не счастіе; пусть всегда будутъ въ твоей власти ты и всѣ твои дѣйствія, будь вооруженъ и внимателенъ, не упускай удобнаго для тебя случая и не давай врагу воспользоваться удобнымъ для него случаемъ. Для того, кто не спѣшитъ, все будетъ ясно и вѣрно, поспѣшность же неосмотрительна и слѣпа."

40. Отвѣтная рѣчь консула, конечно, была невесела, такъ какъ онъ сознавался, что слова диктатора скорѣе правдивы, чѣмъ удобоисполнимы. Для диктатора былъ невыносимъ начальникъ конницы [1]); какая сила и какой авторитетъ будетъ у консула противъ безпокойнаго и безразсуднаго товарища? Въ первое консульство онъ избѣжалъ взрыва народнаго негодованія, хотя и сильно пострадалъ отъ него; онъ желаетъ во всемъ счастливаго исхода; но если случится какое-нибудь несчастіе, то онъ скорѣе готовъ подставить свою голову подъ стрѣлы враговъ, чѣмъ отдать ее на голосованіе своихъ разгнѣванныхъ согражданъ. Послѣ этой рѣчи Павелъ, какъ передаютъ, отправился въ сопровожденіи первыхъ изъ патриціевъ; консула плебея провожали преданные ему плебеи, толпа болѣе внушительная, хотя и не было въ ней людей съ вѣсомъ.

По прибытіи въ лагерь, новое войско смѣшано было со старымъ и сдѣлано было два лагеря такъ, что новый, меньшій, лагерь былъ ближе къ Ганнибалу, а въ старомъ находилась большая часть силъ и притомъ весь цвѣтъ ихъ. Затѣмъ изъ консуловъ предыдущаго года, М. Атилія, ссылавшагося на свой преклонный возрастъ, новые консулы отправили въ Римъ, Гемина Сервилія назначили начальникомъ надъ римскимъ легіономъ и двумя тысячами союзной пѣхоты

[1]) Рѣчь идетъ о М. Минуціи Руфѣ; см. гл. 14 и слѣд.

и конницы, находившимися въ меньшемъ лагерѣ. Хотя Ганнибалъ видѣлъ, что силы враговъ увеличены въ полтора раза, однако онъ былъ чрезвычайно радъ приходу консуловъ, ибо не только ничего не оставалось изъ провіанта, который кареагеняне грабили на день, но даже не оставалось мѣста, откуда бы можно было грабить, потому что весь хлѣбъ, въ виду недостаточной безопасности полей, отовсюду былъ свезенъ въ укрѣпленные города, такъ что едва на десять дней сталось провіанта у Ганнибала, какъ узнали впослѣдствіи, и вслѣдствіе недостатка провіанта затѣвался переходъ испанцевъ на сторону римлянъ, еслибы послѣдніе пожелали выждать удобнаго момента.

41. По неосмотрительному и слишкомъ торопливому по характеру консулу Варрону дала пищу сама судьба: мѣшая кареагенянамъ производить грабежъ, римляне затѣяли съ ними безпорядочное сраженіе, начавшееся безъ подготовки и не по приказанію вождей, а скорѣе потому, что воины забѣжали впередъ, и исходъ этой битвы былъ далеко не одинаковъ для пунійцевъ и для римлянъ: пунійцевъ было убито до 1700 человѣкъ, римлянъ и ихъ союзниковъ не болѣе 100. Но консулъ Павелъ, которому въ тотъ день принадлежало главное начальствованіе (они командовали поочередно), опасаясь засады, удержалъ побѣдителей, вразсыпную преслѣдовавшихъ непріятелей, хотя Варронъ негодовалъ и громко заявлялъ, что врагъ выпущенъ изъ рукъ, и что войну можно было окончить, еслибы не впадать въ бездѣятельность. Ганнибалъ не особенно огорчался этой потерей; напротивъ того, онъ думалъ, что этимъ онъ далъ какъ бы пищу неосмотрительности болѣе пылкаго консула и, главнымъ образомъ, неопытнымъ новобранцамъ. И все, что происходило у непріятелей, было ему такъ же хорошо извѣстно, какъ его собственныя дѣла: онъ зналъ, что командуютъ лица разныхъ характеровъ и несогласныя между собою, что почти двѣ трети воиновъ въ войскѣ составляютъ новобранцы. Поэтому, признавъ мѣсто и время удобнымъ для засады, Ганнибалъ въ слѣдующую ночь вывелъ воиновъ только съ оружіемъ, а лагерь оставилъ наполненнымъ всякаго рода имуществомъ, какъ общественнымъ, такъ и частнымъ; за ближайшими горами по лѣвую сторону онъ спряталъ выстроенныхъ въ боевой порядокъ пѣхотинцевъ, а по правую сторону всадниковъ, обозъ же перевелъ черезъ лежащую въ серединѣ [1]) долину; это дѣлается для того, чтобы застигнуть непріятеля врасплохъ въ то время, когда онъ будетъ занятъ грабежомъ лагеря, какъ бы брошеннаго бѣжавшими кареагенянами. Въ лагерѣ было оставлено много огней съ цѣлью увѣрить римлянъ, что обманчивымъ видомъ лагеря (такъ удалось ему провести въ прошедшемъ году Фабія [2]) онъ желалъ удержать консуловъ на мѣстѣ и тѣмъ выиграть время, чтобы бѣжать подальше.

42. Лишь только развѣло, римлянъ удивило сначала отсутствіе сторожевыхъ постовъ, а потомъ, когда они стали подходить ближе, необыкновенная тишина. Въ точности уже удостовѣрившись, что лагерь пустъ, къ палаткамъ консуловъ стекаются воины и объявляютъ, что враги бѣжали съ величайшей поспѣшностью, оставивъ въ лагерѣ палатки неснятыми и многочисленные костры, съ цѣлью еще болѣе скрыть свое бѣгство. Затѣмъ поднялся крикъ, чтобы консулы приказали выносить впередъ знамена и вели воиновъ преслѣдовать враговъ и немедленно грабить ихъ лагерь. Одинъ изъ консуловъ былъ точно членомъ волнующейся толпы воиновъ; а Павелъ все повторялъ, что необходимо быть осмотрительными и принять мѣры предосторожности; наконецъ, не имѣя другого средства удержать возмущеніе и его предводителя, онъ отправляетъ на развѣдки префекта Марія Статилія съ луканскимъ эскадрономъ. Тотъ, подъѣхавъ къ воротамъ приказалъ всѣмъ воинамъ остаться внѣ укрѣпленій, а самъ съ двумя всадниками перешелъ валъ и, тщательно осмотрѣвъ все, объявилъ, что во всякомъ случаѣ существуетъ засада: костры оставлены въ той части лагеря, которая обращена къ врагамъ, палатки открыты и всѣ дорогія вещи брошены на виду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они видѣли серебро, небрежно раскиданное по дорогѣ, какъ бы для приманки. Что было объявлено съ цѣлью сдержать увлеченіе воиновъ, то только разожгло его, такъ какъ поднялся крикъ, что, если не дадутъ сигнала къ нападенію, то они пойдутъ безъ вождей; а тутъ же оказался на лицо и вождь, потому что Варронъ тотчасъ подалъ сигналъ къ выступленію. Павелъ, который и по своему убѣжденію медлилъ, не получилъ благопріятнаго предзнаменованія отъ куръ [3]) и приказалъ объ-

[1]) Разсказъ Ливія въ даномъ мѣстѣ непослѣдователенъ: упоминаніе объ обозѣ противорѣчитъ заявленію, что все имущество осталось въ лагерѣ. [2]) См. гл. 16. Сравненіе касается исключительно обмана зрѣнія, такъ какъ прочія обстоятельства совершенно непохожи. [3]) См. VIII 30 примѣч.

явить объ этомъ товарищу въ то время, когда тотъ уже выносилъ знамена за ворота. Хотя это сообщеніе раздосадовало Варрона, однако воспоминаніе о недавнемъ несчастіи Фламинія [1] и объ извѣстномъ морскомъ пораженіи консула Клавдія въ первую Пуническую войну внушило ему религіозный страхъ. Почти сами боги скорѣе отсрочили въ этотъ день, чѣмъ уничтожили грозившую римлянамъ гибель: случайно, когда воины не хотѣли повиноваться приказанію консула нести знамена назадъ въ лагерь, два раба, одинъ формiанскаго, а другой сидицинскаго всадника, въ консульство Сервилія и Атилія [2] захваченные нумидійцами между фуражирами, въ тотъ день убѣжали къ своимъ господамъ. Когда ихъ привели къ консуламъ, они объявили, что все войско Ганнибала сидитъ въ засадѣ по ту сторону ближайшихъ горъ. Благовременный приходъ этихъ людей вернулъ консуламъ ихъ власть, послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ честолюбія, допустилъ вредное потворство воинамъ и тѣмъ поколебалъ прежде всего свой же авторитетъ въ ихъ глазахъ.

43. Замѣтивъ, что римляне необдуманно пришли въ возбужденное состояніе, но не увлеклись до крайняго безразсудства, Ганнибалъ возвратился въ лагерь, ничего не достигнувъ, такъ какъ его замыселъ былъ открытъ. Тамъ онъ не могъ оставаться особенно долго вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ, и ежедневно возникали новые планы не только у воиновъ, набранныхъ изъ смѣшенія всѣхъ народностей, но даже и у самого вождя. Ибо, когда сначала возникъ ропотъ, а потомъ раздались громкія заявленія воиновъ, требовавшихъ заслуженнаго жалованья и сѣтовавшихъ сначала на дороговизну пропитанія, наконецъ на голодъ, и стали носиться слухи, что наемники, преимущественно испанскаго племени, задумали перейти на сторону римлянъ, даже самъ Ганнибалъ, говорятъ, иногда подумывалъ о бѣгствѣ въ Галлію такъ, чтобы, оставивши всю пѣхоту, прорваться съ всадниками. Такъ какъ въ лагерѣ возникали такіе планы, и было такое настроеніе умовъ, то Ганнибалъ рѣшилъ оттуда двинуться въ болѣе теплыя мѣста Апуліи, гдѣ, поэтому, скорѣе созрѣваетъ жатва; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ въ виду, что, чѣмъ далѣе онъ уйдетъ отъ врага, тѣмъ затруднительнѣе будетъ легкомысленнымъ людямъ переходить на сторону римлянъ. Выступилъ Ганнибалъ ночью, оставивши для вида костры и нѣсколько палатокъ, чтобы подобно тому, какъ раньше, страхомъ засады удержать римлянъ; но, когда, произведя рекогносцировку во всѣхъ мѣстахъ за лагеремъ и по ту сторону горъ, тотъ же луканецъ Статилій донесъ, что отрядъ враговъ виденъ вдали, тогда римляне начали обдумывать планъ преслѣдованія его. Оба консула оставались при тѣхъ же убѣжденіяхъ, какъ и всегда раньше, но Варрону сочувствовали почти всѣ, Павлу же никто, кромѣ Сервилія, консула предыдущаго года, а потому, по рѣшенію большинства, какъ бы гонимые рокомъ, они отправились, чтобы прославить Канны пораженіемъ римлянъ. Вблизи этой деревни расположился лагеремъ Ганнибалъ, тыломъ къ вѣтру Волтурну, который несетъ облака пыли по полямъ, изсушеннымъ зноемъ. Такое расположеніе было весьма удобно, какъ для самого лагеря, такъ особенно оно должно было быть благодѣтельно, когда кароагеняне выстроятся въ боевой порядокъ: сами они будутъ обращены къ вѣтру спиною и будутъ сражаться съ врагомъ, ослѣпленнымъ несущейся пылью.

44. Развѣдавъ въ достаточной степени пути, консулы преслѣдовали Ганнибала и, какъ только дошли до Каннъ, укрѣпились двумя лагерями въ виду непріятеля почти на одномъ и томъ же разстояніи одинъ отъ другого, какъ и при Гереоніи, [1] раздѣливши войска, какъ это дѣлалось раньше. Рѣка Ауфидій протекала у обоихъ лагерей, и въ мѣстахъ, наиболѣе удобныхъ для каждаго лагеря, къ ней можно было подходить за водой, но не безъ боя; однако, изъ меньшаго лагеря, расположеннаго по ту сторону Ауфидія, римляне добывали воду безпрепятственнѣе, потому что на противоположномъ берегу рѣки не было ни одного вражескаго поста. Получивъ надежду, что консулы дадутъ возможность сразиться на мѣстахъ, предназначенныхъ природою для коннаго сраженія, въ которомъ онъ былъ непобѣдимъ, Ганнибалъ выстраиваетъ войско и, выпуская нумидійцевъ впередъ, вызываетъ врага на бой. Тутъ въ римскомъ лагерѣ опять начались безпорядки вслѣдствіе волненія среди воиновъ и разногласія консуловъ, такъ какъ Павелъ выставлялъ на видъ Варрону опрометчивость Семпронія и Фламинія, а Варронъ указывалъ Павлу на Фабія, какъ на отмѣнный при-

[1] См. гл. 3—6. [2] Въ 537 г.; см. гл. 1.

[1] См. гл. 24.

мѣръ для вождей трусливыхъ и нерѣшительныхъ, и, призывая въ свидѣтели боговъ и людей, отрицалъ даже малѣйшую долю виновности своей въ томъ, что Ганнибалъ сталъ уже какъ будто хозяиномъ Италіи; онъ говорилъ, что его связываетъ товарищъ, что у разгнѣванныхъ и страстно желающихъ сразиться воиновъ отнимаютъ мечи и оружіе; а Павелъ заявлялъ, что, если случится какое нибудь несчастіе съ легіонами, безразсудно и неосторожно выведенными на сраженіе и какъ бы измѣннически преданными, то онъ слагаетъ съ себя всякую вину, но будетъ принимать участіе въ предпріятіи, каковъ бы ни былъ исходъ его; пусть однако Варронъ позаботится, чтобы тѣ, у кого такъ смѣлъ и безразсуденъ языкъ, обнаружили такую же силу руки въ битвѣ.

45. Пока консулы проводили время не столько въ обсужденіи плановъ дѣйствія, сколько въ спорахъ, Ганнибалъ, продержавъ войско значительную часть дня въ боевомъ порядкѣ, повелъ всѣ силы назадъ въ лагерь, а нумидійцевъ послалъ на другую сторону рѣки, чтобы они напали на римлянъ, ходившихъ по воду изъ меньшаго лагеря. Едва только нумидійцы вышли на берегъ, какъ крикомъ и угрозами обратили въ бѣгство эту нестройную толпу и подскакали къ самому сторожевому посту, находившемуся передъ валомъ, и почти къ самымъ воротамъ. Римляне были возмущены, что уже ихъ лагерю начинаетъ угрожать нестройный вспомогательный отрядъ враговъ; отъ немедленнаго перехода черезъ рѣку и выступленія въ боевомъ порядкѣ удержала римлянъ только одна та причина, что въ тотъ день главная власть была въ рукахъ Павла. Поэтому на слѣдующій день Варронъ, которому былъ чередъ командовать, совсѣмъ не посовѣтовавшись съ товарищемъ, далъ сигналъ и переправилъ черезъ рѣку выстроенныя въ боевой порядокъ войска; Павелъ послѣдовалъ за нимъ, потому что онъ могъ только не одобрять его рѣшеніе, но не могъ оставить его безъ помощи. Переправившись черезъ рѣку, они присоединяютъ къ себѣ и тѣ войска, которыя были въ меньшемъ лагерѣ, и выстраиваются въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ—онъ былъ ближе къ рѣкѣ—помѣщаютъ римскихъ всадниковъ, затѣмъ пѣхотинцевъ; лѣвый флангъ заняли на самомъ краю всадники союзниковъ, ближе стояла пѣхота, примыкавшая въ центрѣ къ римскимъ легіонамъ. Передовой отрядъ составляли метатели вмѣстѣ съ прочими легковооруженными вспомогательными войсками. Консулы начальствовали надъ флангами—Теренцій лѣвымъ, Эмилій правымъ; центръ боевой линіи былъ порученъ командѣ Гемина Сервилія.

46. На разсвѣтѣ, отправивъ впередъ балеарцевъ и другія легковооруженныя силы, Ганнибалъ переправился черезъ рѣку и по мѣрѣ того, какъ воины переходили ее, онъ выстраивалъ ихъ въ боевой порядокъ; галльскихъ и испанскихъ всадниковъ онъ помѣстилъ на лѣвомъ флангѣ, близъ берега противъ римской конницы, правый флангъ былъ назначенъ нумидійскимъ всадникамъ; центръ составляла пѣхота, такъ что оба края его занимали африканцы, а между ними располагались галлы и испанцы. Африканцевъ можно было принять за римскій отрядъ: такъ они были вооружены оружіемъ, отнятымъ у римлянъ при Требіи [1]), но главнымъ образомъ при Тразименѣ [2]). У галловъ и испанцевъ щиты были почти одной и той же формы, мечи же различные и непохожіе одни на другіе, у галловъ—весьма длинные и безъ острія на концѣ, у испанцевъ, привыкшихъ скорѣе колоть, чѣмъ рубить при нападеніи на непріятеля,—короткіе, а потому удобные, и остроконечные. Правда, и въ другихъ отношеніяхъ эти племена были страшны, какъ громадностью роста, такъ и всей своей наружностью: галлы были обнажены до пояса, а испанцы были одѣты, въ затканныя пурпуромъ полотняныя туники замѣчательной бѣлизны и блеска. Число всѣхъ пѣхотинцевъ, находившихся тогда въ строю, было 40000, всадниковъ 10000. Флангами командовали полководцы: лѣвымъ Газдрубалъ, правымъ Магарбалъ; центръ строя удержалъ за собой самъ Ганнибалъ съ братомъ Магономъ. Нарочно-ли обѣ арміи такъ были помѣщены, или случайно такъ стояли, но солнце весьма кстати освѣщало ту и другую косыми лучами, такъ какъ римляне были обращены лицомъ къ югу, пунійцы же къ сѣверу; вѣтеръ — обитатели той области называютъ его Волтурномъ—дулъ противъ римлянъ и, неся массу пыли прямо въ лицо имъ, лишалъ ихъ возможности смотрѣть впередъ.

47. Поднявъ воинскій крикъ, выбѣжали впередъ вспомогательныя войска, и завязали сраженіе сначала легковооруженные; затѣмъ лѣвый флангъ, состоявшій изъ галльскихъ

---

[1]) См. XXI 54—56. [2]) См. XXII 3—6.

и испанскихъ всадниковъ, сошелся съ правымъ римскимъ флангомъ, причемъ бой вовсе не похожъ былъ на конное сраженіе: ибо всадникамъ приходилось сражаться лицомъ къ лицу, такъ какъ съ одной стороны ихъ запирала рѣка, а съ другой стороны отрядъ пѣхоты, и не оставалось никакого пространства, чтобы дѣлать обходныя движенія. Такимъ образомъ движеніе происходило все въ прямомъ направленіи; когда же лошади стали и были сбиты въ кучу, то воины обхватывали другъ друга и стаскивали съ коней. Поэтому, сраженіе стало уже большею частью пѣшимъ; однако, оно было не столь продолжительно, какъ ожесточенно, и пораженная римская конница обратила тылъ. Подъ конецъ коннаго сраженія началась битва пѣхотинцевъ, сначала равная и по силамъ, и по храбрости, пока держались ряды испанцевъ и галловъ; наконецъ, послѣ продолжительныхъ и многократныхъ усилій, римляне своимъ плотнымъ строемъ, представлявшимъ косую линію, сломили выдававшуюся изъ остального строя непріятельскую фалангу, которая имѣла малое число рядовъ, а потому была весьма слаба. Затѣмъ, когда пораженные враги въ страхѣ попятились назадъ, римляне стали наступать на нихъ и, двигаясь черезъ толпу бѣглецовъ, потерявшихъ отъ ужаса голову, разомъ проникли сперва въ середину строя, а наконецъ, не встрѣчая никакого сопротивленія, добрались до стоявшихъ сзади отрядовъ африканцевъ, которые первоначально выстроились нѣсколько отступя на обѣихъ сторонахъ центра, такъ какъ самый центръ, занятый прежде галлами и испанцами, значительно выдавался впередъ. Когда воины, составлявшіе этотъ выступъ, были обращены въ бѣгство и такимъ образомъ линія фронта сперва выпрямилась, а затѣмъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго отступленія, образовала въ серединѣ еще изгибъ, то африканцы уже выдвинулись впередъ по бокамъ и окружили флангами римлянъ, которые неосмотрительно неслись въ центръ враговъ; вытягивая фланги далѣе, кароагеняне скоро заперли враговъ и съ тылу. Съ этого момента римляне, окончивъ безполезно одно сраженіе и оставивъ галловъ и испанцевъ, задніе ряды которыхъ они сильно били, начинаютъ новую битву съ африканцами, неравную не только потому, что окруженные сражались съ окружавшими, но также и потому, что уставшіе боролись съ врагомъ, силы котораго были свѣжи и бодры.

48. Уже и на лѣвомъ флангѣ римлянъ, гдѣ стояли

союзническіе всадники противъ нумидійцевъ, завязалось сраженіе, сначала вялое, въ которомъ пунійцы начали дѣйствовать коварнымъ образомъ. Почти 500 нумидійцевъ, имѣя кромѣ обыкновеннаго оружія и стрѣлъ скрытые подъ панцырями мечи, подъ видомъ перебѣжчиковъ, со щитами за спиной подъѣхали отъ своихъ къ римлянамъ, вдругъ соскочили съ коней и, бросивъ къ ногамъ враговъ щиты и метательныя копья, были приняты въ центръ строя, затѣмъ отведены къ арріергарду и получили приказаніе расположиться тамъ въ тылу, и пока сраженіе завязывалось со всѣхъ сторонъ, они оставались спокойными; но послѣ того, какъ вниманіе и взоры всѣхъ сосредоточены были на битвѣ, тогда нумидійцы, схвативъ щиты, валявшіеся всюду между грудами мертвыхъ тѣлъ, напали сзади на римскій отрядъ и, поражая римлянъ въ спины и рубя ихъ колѣна, причинили страшный уронъ и произвели еще большую панику и смятеніе. Въ то время какъ въ одномъ мѣстѣ происходило бѣгство испуганныхъ римлянъ, а въ другомъ отчаянная борьба, хотя уже съ плохой надеждой на успѣхъ, Газдрубалъ, который командовалъ тою частью, вывелъ изъ центра строя нумидійцевъ, такъ какъ они вяло сражались со стоявшими напротивъ нихъ римлянами, и послалъ ихъ преслѣдовать повсюду бѣгущихъ враговъ, а испанскихъ и галльскихъ всадниковъ присоединилъ къ африканцамъ, которые уже почти изнемогали не столько отъ сраженія, сколько отъ рѣзни.

49. На другой сторонѣ поля битвы консулъ Павелъ, въ самомъ началѣ сраженія тяжело раненный пращею, тѣмъ не менѣе, съ густою толпою воиновъ неоднократно наступалъ на Ганнибала и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возстановлялъ сраженіе; его прикрывали римскіе всадники, подъ конецъ оставившіе коней, такъ какъ у консула не стало хватать силъ даже управлять конемъ. Тогда, говорятъ, Ганнибалъ, получивъ извѣстіе, что консулъ приказалъ всадникамъ спѣшиться, сказалъ: „мнѣ было бы еще пріятнѣе, если бы онъ передалъ мнѣ ихъ связанными!“ Спѣшившіеся всадники сражались такъ, какъ сражаются, когда побѣда враговъ уже не подлежитъ сомнѣнію: побѣжденные предпочитали умереть на мѣстѣ, чѣмъ бѣжать, побѣдители, раздраженные задержкою побѣды, рубили тѣхъ, кого не могли принудить къ отступленію. Однако, когда римлянъ оставалось уже немного, и они изнемогали отъ усталости и ранъ, тогда они были обращены въ бѣгство, затѣмъ всѣ разсѣялись и, кто могъ,

старались найти своихъ лошадей, чтобы бѣжать. Когда военный трибунъ Гн. Лентулъ, проѣзжая верхомъ, увидѣлъ окровавленнаго консула сидящимъ на камнѣ, то сказалъ: „боги должны были бы позаботиться о тебѣ, Л. Эмилій, такъ какъ ты одинъ только неповиненъ въ сегодняшнемъ пораженіи; возьми моего коня, пока у тебя есть еще сколько-нибудь силъ, и я, сопровождая тебя, могу поддержать и защитить тебя. Не допусти, чтобы это сраженіе было еще омрачено смертью консула: и безъ этого достаточно слезъ и горя". На это консулъ отвѣтилъ: „исполать тебѣ, Гн. Корнелій, за твою доблесть; но въ напрасномъ состраданіи не потеряй того незначительнаго времени, которое остается тебѣ, чтобы уйти изъ рукъ враговъ! Иди, возвѣсти всѣмъ вообще сенаторамъ, пусть они укрѣпятъ городъ Римъ и обезопасятъ его гарнизонами прежде, чѣмъ придетъ побѣдоносный врагъ, а въ частности Кв. Фабію передай, что Эмилій и жилъ, и умираетъ, помня его наставленія; мнѣ же позволь умереть среди этихъ моихъ павшихъ воиновъ, чтобы мнѣ не пришлось изъ консуловъ стать снова обвиняемымъ, или же явиться обвинителемъ товарища, съ цѣлью обвиненіемъ другого прикрыть свою невинность". Пока они вели этотъ разговоръ, сначала нахлынула толпа бѣгущихъ согражданъ, потомъ враги: они засыпали консула стрѣлами, не зная, кто онъ, а Лентула среди замѣшательства унесъ конь. Тогда римляне побѣжали со всѣхъ сторонъ врассыпную. 7000 человѣкъ прибѣжало въ меньшій лагерь, 10000 въ большій, а почти 2000 въ самую деревню Канны; эти послѣдніе немедленно были окружены Карѳалономъ и его всадниками, такъ какъ деревня Канны не была защищена никакими укрѣпленіями. Другой консулъ, случайно-ли, или намѣренно, не присоединился ни къ одному отряду бѣглецовъ, но приблизительно съ 50 всадниками бѣжалъ въ Венузію. Говорятъ, что было перебито 45500 пѣхотинцевъ, 2700 всадниковъ, и притомъ почти столько же гражданъ, сколько и союзниковъ; въ числѣ этихъ убитыхъ было два консульскихъ квестора—Л. Атилій и Л. Фурій Бибакулъ, 29 военныхъ трибуновъ, нѣсколько бывшихъ консуловъ, преторовъ и эдиловъ—въ числѣ ихъ считаютъ Гн. Сервилія Гемина и М. Минуція, который въ предыдущемъ году былъ начальникомъ конницы, а нѣсколько лѣтъ [1]) раньше

[1]) Въ 533 г.

консуломъ,—кромѣ того 80 или сенаторовъ, или лицъ, занимавшихъ такія должности, послѣ которыхъ они должны были быть избраны въ сенатъ; всѣ они добровольно поступили воинами въ легіоны. Въ плѣнъ, говорятъ, взято было въ этомъ сраженіи 3000 пѣхотинцевъ и 1500 всадниковъ.

50. Таково было сраженіе при Каннахъ, столь же извѣстное, какъ и пораженіе при Алліи [1]); впрочемъ, насколько по послѣдствіямъ оно менѣе важно, потому что врагъ бездѣйствовалъ, настолько болѣе тяжко и позорно, вслѣдствіе избіенія войска; ибо бѣгство при Алліи, предавъ городъ, спасло войско; при Каннахъ же за бѣжавшимъ консуломъ послѣдовало едва 50 человѣкъ, почти все остальное войско принадлежало другому консулу, погибшему вмѣстѣ съ нимъ.

Когда полувооруженная толпа римскихъ воиновъ, лишенная вождей, находилась въ двухъ лагеряхъ, то тѣ, которые были въ большемъ лагерѣ, посылаютъ вѣстника, приглашая перейти къ нимъ, пока враги, сперва утомленные сраженіемъ, а затѣмъ перепившіеся на радостяхъ, будутъ спать; такимъ-де образомъ они вмѣстѣ уйдутъ въ Канузій. Это предложеніе одни отвергали совершенно, говоря, почему тѣ, которые призываютъ, не идутъ сами, такъ какъ все равно и такъ можно соединиться; разумѣется, потому, что все пространство между нами занято врагами, и они предпочитаютъ подвергнуть такой большой опасности жизнь другихъ, а не свою. Другіе не порицали предложенія, но у нихъ не хватало мужества. Тогда военный трибунъ П. Семпроній Тудитанъ сказалъ: „слѣдовательно, вы предпочитаете, чтобы васъ взялъ въ плѣнъ въ высшей степени жадный и жестокій врагъ, чтобы ваши головы оцѣнивались и чтобы для опредѣленія платы за нихъ васъ спрашивали: римскій ты гражданинъ, или латинскій союзникъ, поставивъ цѣлью такимъ образомъ опозорить и унизить тебя и почтить другого? Конечно, нѣтъ, если только вы сограждане консула Л. Эмилія, который предпочелъ умереть, чѣмъ позорно жить, и тѣхъ многочисленныхъ храбрыхъ мужей, которые массою лежатъ около него. Но прежде чѣмъ разсвѣтетъ, и большія вражескія полчища преградятъ путь, пробьемся черезъ этихъ воиновъ, которые въ безпорядкѣ, не построившись, шумятъ около воротъ. Мечъ и смѣлость пролагаютъ путь даже и черезъ сомкнутые ряды враговъ; построившись фалангой,

[1]) См. V 37.

мы можемъ разметать этотъ нестройный и безпорядочный отрядъ, какъ будто нѣтъ никакого препятствія. Итакъ, идите со мною тѣ, кто хочетъ спасти и себя, и отечество". Сказавши это, онъ обнажаетъ мечъ и, образовавши фалангу, устремляется черезъ середину враговъ; а такъ какъ въ правый флангъ, который былъ открытъ, нумидійцы стали бросать стрѣлы, то они взяли щиты въ правыя руки, и такимъ образомъ до 600 человѣкъ прошло въ большій лагерь, а оттуда, соединившись по пути съ другимъ большимъ отрядомъ, они невредимо достигли Канузія. Такъ дѣйствовали побѣжденные, не столько руководясь собственнымъ планомъ или чьимъ либо приказаніемъ, сколько подъ вліяніемъ минутной вспышки, вызванной или характеромъ каждаго, или случайностью.

51. Когда всѣ полководцы, окруживши побѣдителя Ганнибала, поздравляли его и совѣтовали, чтобы онъ послѣ такого сраженія остальную часть дня и слѣдующую ночь далъ отдыхъ себѣ и усталымъ воинамъ, предводитель конницы Магарбалъ, считая неумѣстнымъ медлить, сказалъ: „напротивъ, чтобы ты зналъ результатъ этого сраженія, я заявляю тебѣ, что на пятый день ты будешь пировать побѣдителемъ въ Капитоліи; послѣдуй за мной: я пойду впередъ со всадниками, чтобы враги прежде узнали о моемъ приходѣ, чѣмъ о намѣреніи придти". Ганнибалу этотъ совѣтъ показался черезчуръ блестящимъ и слишкомъ величественнымъ, чтобы сразу уразумѣть его; поэтому онъ похвалилъ желаніе Магарбала, но заявилъ, что для обсужденія его предложенія необходимо время. Тогда Магарбалъ сказалъ: „не все, конечно, боги даютъ одному человѣку: ты, Ганнибалъ, умѣешь побѣждать, но не умѣешь пользоваться побѣдою". Всѣ признаютъ, что бездѣйствіе этого дня послужило спасеніемъ для города и для римскаго государства.

На слѣдующій день, лишь только разсвѣло, карѳагеняне усердно принялись собирать военную добычу и обозрѣвать мѣсто отвратительнаго даже для враговъ избіенія римлянъ. Лежало столько тысячъ римлянъ, пѣхотинцы и всадники вперемежку, кого съ кѣмъ соединилъ случай, или сраженіе, или бѣгство. Нѣкоторые, приведенные въ чувство вызванною утреннимъ холодомъ болью ранъ, окровавленные, приподнимались изъ груды труповъ, но враги ихъ добивали. Нѣкоторыхъ карѳагеняне нашли еще живыми, лежащими съ перерубленными бедрами и колѣнями; они обнажали шею и горло и просили лишить ихъ послѣдней крови. Нѣкоторыхъ нашли съ зарытыми въ землю головами; очевидно было, что они сами вырывали для себя ямы и, засыпая лицо валившеюся сверху землею, душили себя. Особенно вниманіе всѣхъ обратилъ на себя нумидіецъ, живымъ еще, съ истерзаннымъ носомъ и ушами, лежавшій подъ мертвымъ римляниномъ; не будучи въ состояніи взять руками оружіе, онъ въ ярости рвалъ врага зубами и въ такомъ положеніи испустилъ духъ.

52. Проведя значительную часть дня въ собираніи доспѣховъ, Ганнибалъ приступилъ къ осадѣ меньшаго лагеря и прежде всего, устроивши окопъ, преградилъ имъ доступъ къ рѣкѣ. Впрочемъ, такъ какъ всѣ осажденные были истощены трудомъ, бодрствованіемъ и сверхъ того ранами, то сдача послѣдовала скорѣе, чѣмъ того ожидалъ самъ Ганнибалъ. Заключено было условіе, что римляне должны выдать оружіе и лошадей, уплатить за римлянина по 300 серебряныхъ динаріевъ [1]), за союзника по 200, а за раба по 100, и что, заплативши этотъ выкупъ, они могутъ уйти въ одной одеждѣ; подъ этими условіями они приняли враговъ въ лагерь, и всѣ были отданы подъ стражу, римскіе граждане и союзники отдѣльно. Пока карѳагеняне тратили тамъ время, изъ большаго римскаго лагеря тѣ, у кого было достаточно силы и храбрости, около 4000 пѣхотинцевъ и 200 всадниковъ, убѣжали въ Канузій, одни сомкнутымъ строемъ, а другіе разсѣявшись по полямъ тамъ и сямъ, что было не менѣе безопасно, а самый лагерь раненые и робкіе воины сдали на тѣхъ же условіяхъ, какъ меньшій. Враги получили огромную добычу, и вся она была отдана на разграбленіе, кромѣ лошадей, людей и серебра, сколько его было, а было его очень много на сбруѣ лошадей, такъ какъ столовая посуда изъ серебра была мало въ употребленіи, особенно у тѣхъ, кто состоялъ на военной службѣ. Затѣмъ Ганнибалъ приказалъ собрать въ одно мѣсто трупы своихъ павшихъ воиновъ для погребенія. Говорятъ, ихъ было около 8000 храбрѣйшихъ мужей. Нѣкоторые передаютъ, что было также отыскано и предано погребенію тѣло римскаго консула.

Бѣжавшіе въ Канузій были только приняты жителями въ городъ и въ дома, но одна апулійская женщина, по имени

[1]) См. XXI 41 примѣч.

Буза, извѣстная своимъ знатнымъ происхожденіемъ и богатствомъ, оказала имъ помощь хлѣбомъ, одеждою и деньгами на дорогу; за эту щедрость послѣ, по окончаніи войны, сенатъ воздалъ ей почести. **53**. Въ то время, какъ тамъ въ числѣ бѣжавшихъ находились 4 военныхъ трибуна (изъ перваго легіона Фабій Максимъ, отецъ котораго въ предыдущемъ году былъ диктаторомъ [1]), изъ второго легіона Л. Публицій Бибулъ и П. Корнелій Сципіонъ, а изъ третьяго Ап. Клавдій Пульхеръ, который очень недавно былъ эдиломъ), съ общаго согласія, главное начальство было ввѣрено П. Сципіону, хотя онъ былъ очень молодъ, и Ап. Клавдію. Когда они совѣщались въ немногочисленномъ собраніи о положеніи дѣлъ,—сынъ бывшаго консула, П. Фурій Филъ заявляетъ, что они напрасно лелѣютъ надежду, когда все потеряно; положеніе государства безнадежно печальное; нѣкоторые знатные юноши, съ Л. Цециліемъ Метелломъ во главѣ, обращаютъ свои взоры на море и суда, чтобы, покинувши Италію, бѣжать къ какому-нибудь царю. Эта бѣда, не говоря о томъ, что она была ужасна, послѣ стольких несчастій представлялась еще небывалой; присутствующіе оцѣпенѣли отъ изумленія и считали необходимымъ созвать по этому поводу собраніе; но Сципіонъ—юноша, судьбою назначенный быть вождемъ той войны, сказалъ, что нѣтъ надобности въ совѣщаніи; въ такомъ страшномъ несчастіи, полагалъ онъ, надобно быть смѣлымъ и дѣйствовать, а не совѣщаться: пусть тѣ, кто желаетъ спасенія государства, вооружатся и идутъ немедленно съ нимъ; нѣтъ мѣста, которое съ большимъ правомъ можно назвать вражескимъ лагеремъ, чѣмъ то, гдѣ обсуждаются подобные замыслы. Въ сопровожденіи немногихъ, Сципіонъ направляется въ квартиру Метелла и находитъ у него собраніе юношей, о которомъ было сообщено; обнаживъ мечъ надъ головами совѣщавшихся, онъ сказалъ: „съ искреннимъ убѣжденіемъ клянусь, что, какъ самъ я не измѣню отечеству, такъ и другого римскаго гражданина не допущу до этого; если я завѣдомо обманываю, то ты, всеблагой и всемогущій Юпитеръ, порази самою страшною гибелью меня, мой домъ, мое семейство и все мое достояніе; этой клятвы я требую отъ тебя, Л. Цецилій, и отъ прочихъ, здѣсь присутствующихъ; кто не поклянется, тотъ пусть знаетъ, что на него обнаженъ этотъ мечъ“. Всѣ, испугавшись совершенно такъ же, какъ будто видѣли передъ собою побѣдителя Ганнибала, поклялись и сами отдались Сципіону подъ охрану.

[1]) См. гл. 8.

54. Въ то время, какъ это происходило въ Канузіи, въ Венузію къ консулу пришло около 4500 пѣхотинцевъ и всадниковъ, которые въ бѣгствѣ разсѣялись по полямъ. Венузинцы распредѣлили всѣхъ ихъ по своимъ домамъ, чтобы оказать имъ благосклонный пріемъ и попеченіе, дали на каждаго всадника по тогѣ, туникѣ и по 25 серебряныхъ динаріевъ, а каждому пѣхотинцу по 10-ти; также надѣлили оружіемъ тѣхъ, у кого его не было; во всемъ прочемъ старались, какъ на общественный счетъ, такъ и на частныя средства, оказывать гостепріимство и заботились, чтобы венузинскій народъ въ отношеніи услужливости не уступалъ канузинской женщинѣ. Но многочисленность прибывшихъ, число которыхъ доходило уже до 10000, дѣлала бремя Бузы болѣе тяжелымъ. Аппій и Сципіонъ, узнавъ, что второй консулъ невредимъ, тотчасъ отправляютъ вѣстника сообщить, сколько съ ними находится войска, пѣхоты и конницы, и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, прикажетъ-ли онъ привести это войско въ Венузію, или оставаться ему въ Канузіи. Варронъ самъ перевелъ войско въ Канузій, и уже было нѣкоторое подобіе консульскаго войска, и казалось, что они могутъ защищаться отъ врага, если не оружіемъ, то, по крайней мѣрѣ, стѣнами.

Въ Римъ пришло извѣстіе, что нѣтъ даже этихъ остатковъ гражданъ и союзниковъ, но что вся армія окончательно истреблена вмѣстѣ съ двумя консулами, и уничтожены всѣ военныя силы. Никогда, пока Римъ былъ цѣлъ [1]), въ стѣнахъ его не было такого ужаса и смятенія. Поэтому я не возьму на себя этого труда и не стану разсказывать о томъ, что при подробномъ изложеніи могу изобразить слабѣе дѣйствительности. Послѣ того, какъ въ прошедшемъ году погибъ консулъ и войско при Тразименскомъ озерѣ [2]), настоящее пораженіе не было ударомъ, послѣдовавшимъ за ударомъ, а тяжкимъ бѣдствіемъ, такъ какъ приходили вѣсти, что вмѣстѣ съ обоими консулами погибли оба консульскія войска, что нѣтъ уже ни одного римскаго лагеря, ни одного вождя, ни одного воина; что Апулія, Самній и почти уже вся Италія сдѣлалась собственностью Ганнибала.

[1]) Исключенія бывали, напр., V. 39. [2]) См. 3—6 и 7.

Конечно, никакой другой народъ не вынесъ бы бремени такого тяжкаго пораженія. Можно сравнить пораженіе карѳагенянъ въ морскомъ сраженіи при Эгатскихъ островахъ; сокрушенные имъ, они уступили Сицилію и Сардинію, а затѣмъ согласились сдѣлаться нашими данниками; или пораженіе въ Африкѣ, которому впослѣдствіи подвергся этотъ самый Ганнибалъ. Ихъ можно сравнивать съ настоящимъ пораженіемъ развѣ только въ томъ отношеніи, что они были перенесены съ меньшимъ мужествомъ. **55.** Преторы П. Фурій Филъ и М. Помпоній созвали сенатъ въ Гостиліеву курію, чтобы посовѣтоваться относительно охраны города; ибо они не сомнѣвались, что врагъ, уничтоживши римскія войска, приступитъ къ осадѣ Рима, такъ какъ оставалось сдѣлать только это одно дѣло. При этихъ несчастіяхъ, настолько же страшныхъ, насколько и не выясненныхъ, не знали даже, на что рѣшиться; крикъ плачущихъ женщинъ заглушалъ голоса сенаторовъ, и, не смотря на неизвѣстность, почти по всѣмъ домамъ оплакивали вмѣстѣ и живыхъ, и умершихъ; тогда Кв. Фабій Максимъ высказалъ мнѣніе, что необходимо отправить по Аппіевой и Латинской дорогѣ легковооруженныхъ всадниковъ, чтобы разспросить встрѣчныхъ—несомнѣнно, вездѣ найдутся нѣкоторые спасшіеся бѣгствомъ—и донести, какова участь консуловъ и ихъ войскъ, и, если безмертные боги, сжалившись надъ государствомъ, спасли какой-нибудь остатокъ того, что носитъ римское имя, то гдѣ находится это войско; куда удалился Ганнибалъ послѣ сраженія, къ чему готовится, что дѣлаетъ и что намѣренъ предпринять? Разслѣдовать и разузнать это надо черезъ энергичныхъ молодыхъ людей; а такъ какъ должностныхъ лицъ мало, то самимъ отцамъ слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы успокоить страхъ и смятеніе въ городѣ, запретить матронамъ являться въ общественныя мѣста и заставить каждую изъ нихъ сидѣть у себя дома, прекратить оплакиваніе родственниковъ, водворить въ городѣ спокойствіе, позаботиться о томъ, чтобы вѣстники съ разными сообщеніями были препровождаемы къ преторамъ, а жители, каждый у себя дома, ожидали увѣдомленія о постигшей ихъ родныхъ участи; кромѣ того, расположить у воротъ стражу, которая не позволяла бы никому выходить изъ города и внушала бы жителямъ, что надѣяться на спасеніе можно только въ томъ случаѣ, если городъ и его стѣны будутъ цѣлы. Съ прекращеніемъ смятенія, отцовъ слѣдуетъ снова собрать въ курію и совѣщаться объ охранѣ города.

56. Когда всѣ, не ожидая опроса мнѣній, стали на сторону этого предложенія, и, по удаленіи съ форума должностными лицами толпы народа, отцы разошлись въ разныя стороны успокоивать волненіе, тогда только было получено письмо отъ консула Г. Теренція съ сообщеніемъ, что консулъ Л. Эмилій убитъ и его войско истреблено; что онъ, Теренцій, находится въ Канузіи и собираетъ остатки войска послѣ такого страшнаго пораженія, какъ будто послѣ кораблекрушенія; у него около 10000 воиновъ, но они не распредѣлены ни по родамъ оружія, ни по частямъ. Пуніецъ сидитъ около Каннъ, занимаясь оцѣнкой плѣнныхъ и прочей добычи и ведя торгъ, несообразный ни съ духомъ побѣдителя, ни съ обычаями великаго полководца. Тогда распространились извѣстія и о потеряхъ, понесенныхъ отдѣльными семьями, и печаль овладѣла всѣмъ городомъ до такой степени, что ежегодное празднество Цереры не состоялось, потому что тѣмъ, которые находились въ траурѣ, запрещено было совершать его, а въ ту печальную пору не было ни одной матроны, которая не была бы поражена тяжкимъ горемъ. Поэтому, чтобы и другія празднества, общественныя или частныя, не были отмѣнены, сенатскимъ постановленіемъ трауръ былъ ограниченъ 30-ю днями. Впрочемъ, когда, послѣ прекращенія смятенія въ городѣ, отцы были снова призваны въ курію, было получено еще другое письмо изъ Сициліи отъ пропретора Т. Отацилія съ извѣщеніемъ, что пуническій флотъ опустошаетъ царство Гіерона; когда же онъ хотѣлъ, согласно просьбѣ Гіерона, оказать ему помощь, то получилъ сообщеніе, что готовый и снаряженный другой карѳагенскій флотъ стоитъ у Эгатскихъ острововъ, съ цѣлью напасть немедленно на Лилибей и другую римскую провинцію, какъ только станетъ извѣстно, что онъ отправился защищать сиракузскій берегъ; поэтому, является необходимость во флотѣ, если сенаторы желаютъ защищать союзнаго царя и Сицилію.

57. По прочтеніи писемъ консула и претора, сенаторы рѣшили претора М. Клавдія, который начальствовалъ надъ флотомъ, стоявшимъ у Остіи, отправить къ войску въ Канузій, а консулу написать, чтобы онъ, сдавши войско претору, какъ можно скорѣе, насколько это позволятъ интересы государства, явился въ Римъ. Кромѣ такихъ страшныхъ

пораженій, граждане были напуганы еще, какъ другими знаменіями, такъ и тѣмъ, что въ томъ году двѣ весталки, Опимія и Флоронія, были уличены въ прелюбодѣяніи, и одна изъ нихъ, по обычаю, была казнена зарытіемъ въ землю у Коллинскихъ воротъ, а другая сама наложила на себя руки. Л. Кантилія, секретаря понтифика, которыхъ теперь называютъ младшими понтификами, совершившаго прелюбодѣяніе съ Флороніей, верховный понтификъ наказывалъ на комиціи розгами до тѣхъ поръ, пока онъ подъ ударами не испустилъ духъ. Такъ какъ это безбожное дѣло среди столькихъ бѣдствій, по обыкновенію, было признано знаменіемъ, то децемвиры получили приказаніе справиться съ книгами, и Кв. Фабій Пикторъ былъ отправленъ въ Дельфы спросить у оракула, какими молитвами и жертвами римляне могутъ умилостивить боговъ, и какой будетъ конецъ такихъ великихъ несчастій. Между тѣмъ, по указанію книгъ судебъ, было совершено нѣсколько чрезвычайныхъ жертвоприношеній, въ томъ числѣ на Бычачьемъ рынкѣ, на мѣстѣ, выложенномъ камнемъ и ранѣе уже обагренномъ кровью человѣческихъ жертвъ (этого рода священнодѣйствіе вовсе не согласно съ римскими обычаями), живыми были зарыты галлъ, галльская женщина, грекъ и гречанка. Когда боги, казалось, были достаточно умилостивлены, М. Клавдій Марцеллъ посылаетъ изъ Остіи въ Римъ для защиты города 1500 воиновъ, набранныхъ имъ для флота; а самъ, отправивъ напередъ флотскій легіонъ—то былъ третій легіонъ—съ военными трибунами въ Тэанъ Сидицинскій и передавши флотъ своему товарищу П. Фурію Филу, спустя немного дней ускореннымъ маршемъ направляется въ Канузій. Затѣмъ, съ утвержденія отцовъ, былъ избранъ диктаторомъ М. Юній, а начальникомъ конницы Т. Семпроній; объявивъ наборъ, они записываютъ въ войско молодыхъ людей съ семнадцатилѣтняго возраста, а нѣкоторыхъ даже носившихъ еще претексту [1]). Изъ нихъ составилось 4 легіона и 1000 всадниковъ. Также отправили къ союзникамъ и латинянамъ, чтобы принять отъ нихъ воиновъ, согласно спискамъ лицъ, способныхъ носить оружіе. Издаютъ приказъ приготовить оружіе и все прочее, снимаютъ съ храмовъ и портиковъ древніе трофеи, отнятые у враговъ. Недостатокъ свобод-

[1]) По достиженіи 16 лѣтъ, юноша мѣнялъ претексту на мужскую тогу.

ныхъ гражданъ и необходимость заставила произвести небывалый наборъ иного рода: вооружили 8000 сильныхъ юношей изъ рабовъ, прежде спросивъ каждаго въ отдѣльности, желаетъ-ли онъ поступить въ военную службу, и выкупивъ ихъ на общественный счетъ. Этого рода воинамъ оказано было предпочтеніе, хотя представлялась возможность выкупить плѣнныхъ за болѣе дешевую цѣну.

58. Ибо Ганнибалъ, послѣ такого счастливаго сраженія при Каннахъ, былъ занятъ болѣе заботами, приличествующими побѣдителю, чѣмъ ведущему войну: когда были приведены плѣнные и раздѣлены, онъ обратился къ союзникамъ съ благосклонною рѣчью и отпустилъ ихъ безъ выкупа, какъ сдѣлалъ это раньше при Требіи [1]) и при Тразименскомъ озерѣ [2]); римлянъ онъ также призвалъ и, чего раньше никогда не бывало, обратился къ нимъ съ кроткою рѣчью: у него-де съ римлянами война не ради избіенія римскихъ гражданъ, но онъ состязается изъ-за чести и власти: предки его уступили римской доблести, а онъ стремится къ тому, чтобы римляне въ свою очередь уступили его счастію и доблести; поэтому, онъ предоставляетъ плѣннымъ возможность выкупить себя: за всадника плата будетъ по 500 динаріевъ, за пѣхотинца по 300, а за раба по 100 [3]). Хотя къ платѣ за всадниковъ была сдѣлана значительная прибавка противъ той цѣны, на какой они условились сдаваясь [4]), однако, они съ радостью приняли какое бы ни было условіе мира. Путемъ голосованія они рѣшили избрать 10 человѣкъ, чтобы отправить ихъ въ Римъ въ сенатъ, и Ганнибалъ не взялъ никакого другого залога, кромѣ клятвеннаго обѣщанія возвратиться. Съ ними отправленъ былъ знатный карѳагенянинъ Карѳалонъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, если случайно у римлянъ обнаружится склонность къ миру, предложилъ мирныя условія. Когда они вышли изъ лагеря, то одинъ изъ нихъ, человѣкъ вовсе не римскаго склада ума, подъ предлогомъ, будто онъ что-то забылъ въ лагерѣ, возвратился туда, съ цѣлью освободиться отъ клятвы, и до наступленія ночи догналъ своихъ спутниковъ. Когда въ Римѣ стало извѣстно, что они идутъ, навстрѣчу Карѳалону былъ посланъ ликторъ объявить ему отъ имени диктатора, чтобы онъ до наступленія ночи удалился изъ римскихъ предѣловъ.

59. Диктаторъ далъ аудіенцію въ сенатѣ посламъ отъ плѣн-

[1]) См. XXI 54—56. [2]) См. гл. 3—6, 7. [3]) См. XXI 41 примѣч. [4]) См. гл. 52.

ныхъ. Глава ихъ М. Юній, сказалъ: „сенаторы! всякій изъ насъ хорошо знаетъ, что ни у одного государства плѣнные никогда не имѣли меньшую цѣну, чѣмъ у нашего; впрочемъ, если только мы не стоимъ за наше дѣло болѣе, чѣмъ слѣдуетъ,—то никогда еще во власть враговъ не попадали люди, менѣе заслужившіе ваше презрѣніе, чѣмъ мы. Ибо мы не выдали оружія въ бою страха ради, а возвратились въ лагерь, протянувъ почти до ночи сраженіе, стоя на грудахъ тѣлъ убитыхъ; остатокъ дня и слѣдующую ночь мы, изнемогая отъ трудовъ и ранъ, защищали валъ; на слѣдующій день, когда побѣдоносное войско окружило насъ и не допускало къ водѣ, когда уже не было никакой надежды прорваться сквозь сплошные ряды враговъ, и мы не считали грѣхомъ, чтобы, послѣ гибели 50000 человѣкъ изъ нашего строя, осталось сколько-нибудь римскихъ воиновъ отъ сраженія при Каннахъ, тогда только мы согласились на выкупъ, по уплатѣ котораго мы могли быть отпущены, и выдали врагу оружіе, въ которомъ уже не было никакой помощи. Мы слышали, что и предки наши откупились золотомъ отъ галловъ [1]), и отцы ваши, весьма строго относившіеся къ условіямъ мира, отправили, однако, пословъ въ Тарентъ выкупать плѣнныхъ. А вѣдь оба сраженія—и при Аліи съ галлами [2]), и при Гераклеѣ съ Пирромъ—безславны не столько избіеніемъ римлянъ, сколько робостью ихъ и бѣгствомъ, и поля при Каннахъ покрыты грудами римскихъ труповъ, да и мы не остались бы въ живыхъ послѣ этого сраженія, если-бы у враговъ хватило оружія и силъ истребить насъ. И среди насъ есть нѣкоторые такіе, которые не бѣжали изъ строя, но были оставлены для защиты лагеря и попали во власть враговъ, когда сдавался лагерь; я не завидую ни счастію, ни судьбѣ ни одного изъ согражданъ, ни одного изъ сослуживцевъ, и не желаю, унижая другого, возвышать себя; но, если не существуетъ награды за быстроту ногъ и бѣга, то тѣ, которые, убѣгая большею частью безоружными изъ строя, остановились только въ Венузіи или Канузіи, не могли бы по справедливости поставить себя выше насъ и похвалиться, что въ нихъ больше пользы для государства, чѣмъ въ насъ. Но вы воспользуетесь и тѣми добрыми и храбрыми воинами, и нами, еще болѣе готовыми сражаться за

[1]) См. V 48. [2]) См. V 37.

отечество, такъ какъ вашимъ благодѣяніемъ мы будемъ выкуплены и возвращены въ отечество. Вы набираете воиновъ всякаго возраста и состоянія; я слышу, что вооружаютъ 8000 рабовъ [1]). И насъ не меньше, и насъ можно выкупить не за бо́льшую цѣну, чѣмъ купить тѣхъ: вѣдь если я стану сравнивать себя съ ними, то тѣмъ нанесу обиду римскому имени. Но, по моему мнѣнію, сенаторы, если уже вы желаете быть очень строгими къ намъ, чего мы вовсе не заслужили, то, обсуждая это дѣло, вы должны обратить вниманіе также и на то, какому врагу вы насъ оставите. Конечно, Пирру, который съ плѣнными обращался, какъ со своими гостями, а не варвару и Пунійцу, о которомъ едва ли можно рѣшить, чего въ немъ больше,—жадности или жестокости? Еслибы вы видѣли цѣпи, грязь и безобразный видъ своихъ согражданъ, то, конечно, это зрѣлище васъ тронуло бы не менѣе, чѣмъ если бы съ другой стороны вы видѣли свои легіоны распростертыми на каннскихъ поляхъ; вы можете видѣть безпокойство и слезы стоящихъ въ преддверіи куріи нашихъ родственниковъ, ожидающихъ вашего отвѣта. Когда они изъ-за насъ и изъ-за тѣхъ, которые отсутствуютъ, такъ встревожены и опечалены, то каково, по вашему мнѣнію, душевное состояніе самихъ тѣхъ, жизнь и свобода которыхъ поставлена на карту? Но, клянусь богомъ, хотя самъ Ганнибалъ, вопреки своему характеру, желалъ бы обращаться съ нами снисходительно, однако, мы готовы думать, что намъ вовсе не нужна жизнь, такъ какъ вы признали насъ недостойными выкупа. Возвратились нѣкогда въ Римъ плѣнные, отпущенные Пирромъ безъ выкупа; но они возвратились съ послами, первыми вельможами государства, отправленными для выкупа ихъ. Развѣ возвращусь въ отечество я, если вы признаете меня за гражданина, не стоящаго 300 монетъ? Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, сенаторы; я знаю, что моя жизнь и тѣло постановлены на карту; но я больше опасаюсь за свое доброе имя, за то, что мы уйдемъ отсюда осужденными и отвергнутыми вами: ибо никто не повѣритъ, что вы поскупились на выкупъ“.

60. Когда М. Юній окончилъ, тотчасъ толпа, находившаяся на комиціи, подняла крикъ и плачъ, и всѣ простирали руки къ куріи, съ мольбою возвратить дѣтей, брать-

[1]) См. гл. 57.

евъ и родственниковъ. Страхъ и гнетущія обстоятельства присоединили къ толпѣ мужчинъ на форумѣ также и женщинъ. По удаленіи постороннихъ свидѣтелей, сенаторы были приглашены высказать свое мнѣніе. Голоса раздѣлились: одни полагали, что плѣнныхъ слѣдуетъ выкупить на казенный счетъ, другіе—что не должно производить никакихъ расходовъ изъ общественной казны, но и не слѣдуетъ препятствовать выкупать ихъ на частныя средства: если же у кого недостанетъ денегъ въ настоящее время, то справедливо выдать деньги изъ казны взаймы, обезпечивъ народъ поручительствомъ и недвижимою собственностью; тогда Т. Манлій Торкватъ, сторонникъ старинной и, по мнѣнію большинства, крайней строгости, на предложенный ему вопросъ о его мнѣніи, говорятъ, сказалъ слѣдующее: „еслибы послы ходатайствовали только о выкупѣ тѣхъ, которые находятся во власти непріятелей, то я, не нападая ни на кого изъ нихъ, кратко высказалъ бы свое мнѣніе; ибо мнѣ оставалось бы только напомнить вамъ о необходимости соблюдать обычай, переданный вашими предками, руководствуясь примѣромъ, необходимымъ въ военномъ дѣлѣ. Теперь же, такъ какъ они уже похвастались тѣмъ, что сдались врагамъ, и сочли справедливымъ поставить себя выше не только взятыхъ въ плѣнъ врагами въ бою, но и тѣхъ, которые ушли въ Венузію и Канузій, и даже выше самого консула Г. Теренція, то я, сенаторы, не потерплю, чтобы вы оставались въ невѣдѣніи относительно того, что тамъ происходило. О, если бы то, что я собираюсь говорить передъ вами, я говорилъ въ Канузіи передъ самимъ войскомъ, лучшимъ свидѣтелемъ малодушія и доблести каждаго, или еслибы здѣсь присутствовалъ хоть одинъ П. Семпроній, послѣдовавъ за которымъ, эти люди были бы теперь воинами въ римскомъ лагерѣ, а не плѣнными во власти враговъ! Но, хотя враги, утомленные битвой и, въ восторгѣ отъ побѣды, большею частью возвратившіеся въ свой лагерь, оставили нашимъ воинамъ свободную ночь, чтобы сдѣлать вылазку, и хотя 7000 вооруженныхъ воиновъ могли бы пробиться даже сквозь сплошные ряды враговъ, однако они ни сами не попытались сдѣлать этого, и не пожелали послѣдовать съ другими. Почти цѣлую ночь П. Семпроній Тудитанъ не переставалъ всячески уговаривать ихъ послѣдо-

[1]) См. гл. 50.

вать за нимъ, пока около лагеря было немного враговъ, пока все было тихо и спокойно, пока ночь могла прикрыть ихъ замыселъ: до разсвѣта-де они могутъ прійти въ безопасныя мѣста, въ города союзниковъ. На памяти нашихъ дѣдовъ военный трибунъ П. Декій въ Самніи [1]), въ дни нашей юности, во время первой Пунической войны, Кальпурній Фламма, ведя 300 добровольцевъ для занятія холма, расположеннаго среди враговъ, сказалъ имъ: „умремъ, воины, и своею смертью освободимъ отъ осады окруженные врагами легіоны наши!“ Еслибы это сказалъ П. Семпроній и еслибы не нашлось ни одного спутника въ такомъ доблестномъ дѣлѣ, то я не сталъ бы считать васъ ни мужами, ни римлянами. Но онъ указывалъ путь не къ славѣ, а къ спасенію, онъ велъ васъ назадъ въ отечество, къ родителямъ, къ женамъ и дѣтямъ; для собственнаго спасенія у васъ не хватило присутствія духа; что вы сталибы дѣлать, если бы пришлось умереть за отечество? 50000 гражданъ и союзниковъ, убитыхъ въ тотъ самый день, лежало вокругъ васъ; если столько примѣровъ доблести не дѣйствуютъ на васъ, то ничто никогда не подѣйствуетъ; если такое страшное пораженіе не заставило васъ не дорожить жизнью, то уже никакое не заставитъ. Пока вы свободны и сохраняете всѣ права, желайте видѣть отечество; мало того, стремитесь къ нему, пока оно вамъ отечество, пока вы состоите его гражданами: но слишкомъ поздно вы теперь вздыхаете по немъ, такъ какъ вы неполноправны — вы лишены права гражданства и стали рабами карѳагенянъ. Вы хотите при помощи выкупа возвратиться туда, откуда ушли изъ-за своей трусости и негодности? Вы не послушались своего согражданина П. Семпронія, когда онъ приказывалъ взяться за оружіе и слѣдовать за нимъ; а немного спустя послушались приказанія Ганнибала сдать лагерь и выдать оружіе. Впрочемъ, я обвиняю ихъ въ трусости, въ то время какъ могъ бы обвинять въ преступленіи. Вѣдь они не только отказались слѣдовать за человѣкомъ, подававшимъ добрый совѣтъ, но даже попытались сопротивляться и удержать его, и только храбрѣйшіе мужи, обнаживъ мечи, отстранили трусовъ. П. Семпронію, говорю я, пришлось пробиться сперва сквозь ряды своихъ согражданъ, а потомъ уже сквозь ряды враговъ. По этимъ ли гражданамъ тоскуетъ отечество? Если-

[1]) См. VII 34.

бы прочіе были похожи на нихъ, то сегодня отечество не имѣло бы ни одного гражданина изъ тѣхъ, которые сражались при Каннахъ. Изъ 7000 вооруженныхъ нашлось 600, которые осмѣлились сдѣлать вылазку, которые возвратились въ отечество свободными и вооруженными, и этимъ 600 не оказали сопротивленія столько тысячъ враговъ: насколько безопасенъ, по вашему мнѣнію, былъ путь для отряда, состоявшаго почти изъ двухъ легіоновъ? Вы имѣли бы, сенаторы, въ настоящее время 20000 вооруженныхъ въ Канузіи, мужей храбрыхъ и вѣрныхъ. А теперь какимъ образомъ эти люди могутъ быть добрыми и вѣрными гражданами—храбрыми они даже сами себя не назвали? Впрочемъ, можетъ быть, кто-нибудь въ состояніи повѣрить, что, попытавшись помѣшать вылазкѣ, они помогли тѣмъ, которые хотѣли сдѣлать ее, или что они не завидуютъ ихъ невредимости и славѣ, пріобрѣтенной доблестью, такъ какъ сознаютъ, что причина ихъ постыднаго рабства заключается въ ихъ страхѣ и малодушіи. Въ то время, какъ представлялся случай среди ночной тишины сдѣлать вылазку, они, прячась въ палаткахъ, предпочли ожидать разсвѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ прибытія врага. Но у нихъ не хватило отваги сдѣлать вылазку изъ лагеря, для храброй же защиты лагеря у нихъ было мужество. Окруженные врагами, они нѣсколько дней и ночей защищали лагерный валъ оружіемъ, а сами себя обезопасили валомъ; наконецъ, отважившись на крайнія средства и вытерпѣвъ величайшія невзгоды, они уступили не столько оружію, сколько человѣческимъ потребностямъ, такъ какъ у нихъ вышли всѣ жизненные припасы, и такъ какъ, изнуренные голодомъ, они не могли уже держать оружія. Съ восходомъ солнца врагъ подступилъ къ валу; до наступленія второго часа [1]), не испытавъ вовсе счастія въ сраженіи, они выдали оружіе и сами сдались. Вотъ вамъ ихъ служба въ теченіе двухъ дней. Когда слѣдовало стоять въ строю и сражаться, тогда они убѣжали въ лагерь; когда надо было сражаться, защищая лагерный валъ, эти люди, безполезные и въ бою, и въ лагерѣ, сдали лагерь. И я стану выкупать васъ? Когда слѣдуетъ сдѣлать вылазку изъ лагеря, вы медлите и остаетесь на мѣстѣ; когда необходимо оставаться, защищать оружіемъ лагерь,—вы отдаете врагу и лагерь, и оружіе, и самихъ себя. По моему мнѣнію,

[1]) Т. е. ранѣе 7 час. утра.

сенаторы, этихъ людей такъ же не слѣдуетъ выкупать, какъ не слѣдуетъ выдавать Ганнибалу тѣхъ, которые пробились изъ лагеря чрезъ центръ непріятельскаго войска и, благодаря величайшей доблести, возвратили себя отечеству.“

61. Манлій кончилъ; хотя большинство сенаторовъ также находилось въ родственныхъ отношеніяхъ съ плѣнными, однако, помимо примѣра, подаваемаго государствомъ, которое уже съ древнихъ временъ вовсе не потворствовало плѣннымъ, они обратили вниманіе и на сумму денегъ, которою не желали истощать казны, въ виду того, что уже большая сумма была вытребована на покупку и вооруженіе для военной службы рабовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они не желали обогащать Ганнибала, по слухамъ, крайне нуждавшагося въ средствахъ. Когда данъ былъ грустный отвѣтъ—не выкупать плѣнныхъ, и къ прежнему горю присоединилось новое—потеря столькихъ гражданъ, народъ съ громкими воплями и жалобами проводилъ пословъ до воротъ. Одинъ изъ нихъ ушелъ домой, считая, что притворное возвращеніе въ лагерь освободило его отъ клятвы. Лишь только объ этомъ стало извѣстно, и было доведено до свѣдѣнія сената, всѣ сенаторы высказались за то, чтобы схватить его и по распоряженію государства подъ стражею препроводить къ Ганнибалу.

Существуетъ и другой разсказъ о плѣнныхъ: пришло 10 знатнѣйшихъ лицъ; сенатъ колебался, допускать-ли ихъ въ городъ, или нѣтъ, и они были допущены, но подъ условіемъ, чтобы не давать имъ аудіенціи въ сенатѣ. Потомъ, когда депутаты плѣнныхъ остались слишкомъ долго противъ всеобщаго ожиданія, то сверхъ ихъ пришло еще три посла—Л. Скрибоній, Г. Кальпурній и Л. Манлій; тогда только народный трибунъ, родственникъ Скрибонія, сдѣлалъ докладъ о выкупѣ плѣнныхъ, но сенатъ рѣшилъ, что ихъ не слѣдуетъ выкупать; и три послѣднихъ посла возвратились къ Ганнибалу, а десять прежнихъ остались, считая себя свободными отъ обязательства, такъ какъ они возвращались съ дороги къ Ганнибалу подъ предлогомъ провѣрить имена плѣнныхъ; въ сенатѣ произошли бурныя пренія по вопросу о выдачѣ ихъ, и незначительное большинство превысило мнѣнія сторонниковъ выдачи; впрочемъ, слѣдующіе цензоры до такой степени преслѣдовали ихъ всякаго рода замѣчаніями и штрафами, что нѣкоторые изъ нихъ немедленно наложили на себя руки, а остальные въ теченіе всей послѣдующей жизни

почти не показывались не только на форумѣ, но даже при дневномъ свѣтѣ и въ общественныхъ мѣстахъ.] Тутъ скорѣе можно удивляться такому сильному разногласію между историками, чѣмъ различить, гдѣ истина. А насколько пораженіе при Каннахъ было серіознѣе предшествовавшихъ пораженій, доказательствомъ этого можетъ служить уже то обстоятельство, что вѣрность союзниковъ, которая до того дня стояла твердо, тогда начала колебаться, конечно, только потому, что они потеряли надежду на сохраненіе римской власти. Къ пунійцамъ отпали слѣдующіе народы: ателланы, калатины, гирпины, часть апулійцевъ, самнитяне, кромѣ пентровъ, всѣ бруттіи, луканы, кромѣ этихъ, узентины и почти вся приморская область грековъ—тарентинцы, метапонтинцы, кротонцы и локры и почти всѣ предъальпійскіе галлы. Однако, эти пораженія и отпаденіе союзниковъ не заставили римлянъ гдѣ-нибудь упомянуть о мирѣ, ни до прибытія консула въ Римъ, ни послѣ того, какъ онъ возвратился и снова напомнилъ о понесенномъ пораженіи. Въ это самое время великодушіе римскаго государства было такъ велико, что многочисленная толпа людей всѣхъ сословій вышла навстрѣчу консулу, возвращавшемуся послѣ такого страшнаго пораженія, понесеннаго главнымъ образомъ по его винѣ, и ему была выражена благодарность за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи государства; еслибы онъ былъ вождемъ карѳагенянъ, то онъ понесъ бы самое страшное наказаніе.

КНИГА XXIII.

1. Послѣ сраженія при Каннахъ, Ганнибалъ, захвативъ римскій лагерь, разграбилъ его и тотчасъ двинулся изъ Апуліи въ Самній: онъ былъ вызванъ въ область гирпиновъ Статіемъ Требіемъ, обѣщавшимъ передать ему городъ Компсу. Требій былъ знатный компсскій гражданинъ, но его преслѣдовала партія рода Мопсіевъ, пользовавшагося вліяніемъ, благодаря расположенію къ нему римлянъ. По полученіи извѣстія о сраженіи при Каннахъ, когда вслѣдствіе разсказовъ Требія распространился слухъ о приближеніи Ганнибала, сторонники Мопсіевъ вышли изъ города, городъ же сдался безъ боя Пунійцу и впустилъ карѳагенскій гарнизонъ. Оставивъ здѣсь всю добычу и обозъ, Ганнибалъ раздѣлилъ войско на двѣ части: Магону онъ приказалъ занимать всѣ города этой страны, которые добровольно отпадали отъ римлянъ, а тѣ, которые отказывались перейти на сторону карѳагенянъ, принуждать къ отпаденію, самъ же направился черезъ Кампанскую область къ Нижнему *) морю съ цѣлью взять Неаполь, чтобы имѣть приморскій городъ. Вошедши въ неаполитанскіе предѣлы, онъ расположилъ часть нумидійцевъ въ засадѣ въ удобныхъ мѣстахъ— это были большею частью извилистыя дороги и скрытыя ущелья,—а другимъ приказалъ гнать впереди себя награбленную въ поляхъ добычу и, хвастаясь ею, направиться къ воротамъ. На эту небольшую и безпорядочную толпу напалъ эскадронъ всадниковъ; но нумидійцы, отступая умышленно назадъ, завлекли его въ засаду и окружили. Ни одинъ человѣкъ изъ отряда не уцѣлѣлъ, если бы вблизи находящееся море и замѣченныя недалеко отъ берега лодки, большею

*) Тирренскому.

частью рыбацкія, не дали возможности спастись воинамъ, умѣвшимъ плавать. Все-таки въ этомъ сраженіи было взято въ плѣнъ и убито нѣсколько знатныхъ юношей, въ числѣ ихъ былъ начальникъ всадниковъ Гегей, слишкомъ яро преслѣдовавшій отступавшихъ. Отъ осады города Пунійца удержалъ видъ стѣнъ, которыя не легко было взять.

2. Затѣмъ Ганнибалъ повернулъ въ Капую, которая утопала въ роскоши, благодаря продолжительному счастію и потворству судьбы, но особенно ослабѣла среди всеобщей испорченности, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своеволія плебеевъ, которые неумѣренно пользовались свободой [1]), сенатъ же подчинилъ себѣ и плебеямъ Пакувій Калавій; это былъ человѣкъ знатный и въ то же время любимецъ народа, достигшій, впрочемъ, могущества дурными средствами. Случайно онъ занималъ высшую должность въ годъ несчастнаго сраженія при Тразименскомъ озерѣ. Онъ разсчитывалъ, что народъ, давно уже враждебный сенату, воспользовавшись удобнымъ случаемъ произвести переворотъ, рѣшится на смѣлый шагъ, и если Ганнибалъ явится въ эти мѣста съ побѣдоноснымъ войскомъ, перебьетъ сенаторовъ и передастъ Капую пунійцамъ. Онъ былъ безчестный человѣкъ, но не вполнѣ испорченный: предпочитая сдѣлаться властителемъ въ цѣлой, а не въ разрушенной общинѣ и будучи при этомъ того мнѣнія, что община безъ общественнаго совѣта не можетъ существовать, Пакувій придумалъ планъ спасти сенатъ и въ то же время подчинить его себѣ и плебеямъ. Созвавъ сенатъ, онъ объявилъ предварительно, что согласится отпасть отъ римлянъ только въ случаѣ крайней необходимости, такъ какъ у него есть дѣти отъ дочери Ап. Клавдія, и дочь его въ Римѣ замужемъ за М. Ливіемъ; но, заявилъ онъ далѣе, предстоитъ дѣло болѣе важное и опасное: плебеи имѣютъ въ виду устранить сенатъ изъ общины не путемъ отпаденія отъ Рима, но желаютъ освободить общину отъ сенаторовъ, убивъ ихъ, и затѣмъ передать ее Ганнибалу и пунійцамъ. Отъ этой опасности онъ-де можетъ избавить сенатъ, если послѣдній поручитъ ему это дѣло и довѣрится ему, забывъ о политическихъ распряхъ. Когда всѣ въ страхѣ соглашались на такое предложеніе, онъ сказалъ: „я запру васъ въ куріи и, дѣлая видъ, что участвую въ задуманномъ преступленіи и одобряю планъ народа, противиться которому было бы съ моей стороны безполезно, такимъ образомъ найду вамъ путь къ спасенію. Возьмите съ меня въ этомъ слово, какое желаете“. Давъ слово, онъ вышелъ изъ куріи, велѣлъ ее запереть и оставилъ въ преддверіи караулъ, чтобы безъ его разрѣшенія никто не могъ ни войти въ курію, ни выйти изъ нея. **3**. Затѣмъ онъ созвалъ народное собраніе и сказалъ такъ: „Кампанцы! давнишнее ваше желаніе—наказать безчестный и ненавистный сенатъ—вы имѣете возможность осуществить безопасно и безпрепятственно; нѣтъ нужды вамъ производить бунтъ и, подвергая себя величайшей опасности, брать приступомъ домъ каждаго сенатора въ отдѣльности, когда ихъ охраняютъ гарнизоны изъ ихъ клиентовъ и рабовъ. Берите ихъ: они всѣ заперты въ куріи, одни и безоружные. Но не дѣйствуйте поспѣшно или наудачу и необдуманно; я дамъ вамъ возможность высказать ваше мнѣніе о каждомъ сенаторѣ въ отдѣльности, чтобы всякій изъ нихъ понесъ заслуженное наказаніе. Однако, прежде всего вы должны давать волю своему гнѣву въ той мѣрѣ, чтобы ваше собственное благо и выгоды стояли выше его. Вѣдь вы, кажется, ненавидите только этихъ сенаторовъ, а не желаете вообще не имѣть никакого сената, такъ какъ необходимо имѣть или царя, отъ чего избави васъ богъ, или сенатъ, этотъ единственно возможный совѣтъ въ свободной общинѣ. Такимъ образомъ вамъ необходимо одновременно дѣлать два дѣла: устранять прежнихъ сенаторовъ и на ихъ мѣсто избирать новыхъ. Я прикажу вызвать каждаго сенатора въ отдѣльности, чтобы спросить ваше мнѣніе объ его участи; ваше постановленіе о каждомъ изъ нихъ будетъ исполнено; но, прежде чѣмъ наказывать виновнаго, вы должны избрать на его мѣсто въ сенаторы человѣка энергичнаго и дѣятельнаго.“ Затѣмъ онъ сѣлъ, велѣлъ бросить дощечки съ именами сенаторовъ въ урну и вызвать и вывести изъ куріи того сенатора, имя котораго выпало первымъ по жребію. Услышавъ имя, всѣ закричали наперерывъ, что это—человѣкъ дурной, безчестный, заслуживающій казни. Тутъ Пакувій замѣтилъ: „я вижу вашъ приговоръ относительно этого сенатора; поэтому предложите, вмѣсто дурного и безчестнаго, хорошаго и честнаго сенатора.“ Сначала всѣ молчали, такъ какъ затруднялись въ выборѣ лучшаго человѣка; затѣмъ, когда кто-либо, отбросивъ застѣнчивость, называлъ одного кандидата, то подымался еще большій крикъ,

[1]) Изъ послѣдующаго видно, что вольность въ Капуѣ появилась вслѣдствіе паденія аристократіи и авторитета сената.

причемъ одни говорили что не знаютъ его, а другіе упрекали его въ позорныхъ дѣлахъ, въ низкомъ происхожденіи, въ непристойной бѣдности и постыдномъ для сенатора ремеслѣ или занятіи. При вызовѣ второго и третьяго сенатора повторялось то же самое, но въ большей степени, такъ что ясно было, что народъ, будучи недоволенъ настоящимъ сенаторомъ, не имѣлъ кандидата на его мѣсто, такъ какъ, съ одной стороны, безполезно было называть уже названныхъ, которыхъ называли для того, чтобы опозорить ихъ, съ другой,—остальные были низшаго происхожденія и менѣе извѣстны, чѣмъ тѣ, имена которыхъ первыми приходили на умъ. Такимъ образомъ народъ разошелся, говоря, что всякое извѣстное зло легче перенести, и приказывая выпустить сенаторовъ изъ-подъ ареста.

4. Такъ какъ Пакувій спасъ жизнь сенаторовъ и этимъ заставилъ ихъ питать большую благодарность къ нему, нежели къ плебеямъ, то онъ сталъ властвовать, не прибѣгая къ оружію и уже съ общаго согласія. Съ этого времени сенаторы, забывъ о своемъ достоинствѣ и самостоятельности, стали льстить плебеямъ: привѣтствовали ихъ, любезно приглашали, роскошно угощали, брали на себя веденія такихъ тяжбъ, стояли всегда за ту партію, въ качествѣ судей рѣшали споръ въ пользу той стороны, которая была болѣе любима народомъ и могла скорѣе расположить его къ нимъ. Уже въ сенатѣ стали обсуждаться всѣ дѣла совершенно такъ, какъ если бы тамъ было собраніе плебеевъ. Граждане, и раньше склонные къ роскоши, не только вслѣдствіе испорченности своей, но также вслѣдствіе избытка въ удовольствіяхъ и приманокъ ко всякаго рода наслажденіямъ на морѣ и на сушѣ, въ то время, вслѣдствіе угодничества передъ ними знати и вольности плебеевъ, стали до того распущены, что не знали мѣры ни въ своихъ прихотяхъ, ни въ расходахъ. Къ презрѣнію законовъ, должностныхъ лицъ и сената въ то время, послѣ сраженія при Каннахъ, присоединилось еще и пренебреженіе народа къ римской власти, которая до того внушала къ себѣ нѣкоторое почтеніе. Немедленному ихъ отпаденію мѣшало только то, что, въ силу давно установленнаго права заключать брачные союзы, многія знатныя и вліятельныя семейства породнились съ римлянами [1]); но самую крѣпкую связь, помимо того, что извѣст-

[1]) Какъ напр., Пакувій Калавій; см. гл. 2.

ное число ихъ несло военную службу у римлянъ, составляли 300 знатнѣйшихъ кампанскихъ всадниковъ, выбранныхъ и отправленныхъ римлянами для защиты сицилійскихъ городовъ. **5**. Родители и родственники послѣднихъ съ трудомъ настояли на томъ, чтобы отправить пословъ къ римскому консулу. Эти застали консула еще не на пути въ Канузій, но въ Венузіи [1]) съ небольшимъ и на половину вооруженнымъ отрядомъ, притомъ въ такомъ видѣ, что въ вѣрныхъ союзникахъ онъ вызывалъ сожалѣніе, а на гордыхъ и невѣрныхъ, каковыми были кампанцы,—пренебреженіе. Сверхъ того, презрѣніе къ своему положенію и лично къ себѣ консулъ усилилъ откровенными разсказами о своемъ пораженіи; ибо, когда послы выразили сожалѣніе сената и народа кампанскаго по поводу нѣкоторой неудачи, постигшей римлянъ, и обѣщали имъ все необходимое для войны, то консулъ сказалъ: „Кампанцы! если вы предлагаете намъ требовать отъ васъ всего необходимаго для войны, то вы говорите съ нами такъ, какъ обычно говорятъ съ союзниками, а не имѣете въ виду наше положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какія силы остались у насъ послѣ сраженія при Каннахъ, чтобы намъ, въ виду того, что у насъ нѣчто есть, желать пополненія недостатка союзниками? требовать отъ васъ пѣхоты,—точно у насъ есть конница? сказать вамъ о недостаткѣ въ денежныхъ средствахъ,—точно только въ нихъ недостатокъ? судьба намъ ничего не оставила, даже чего-либо такого, что мы могли бы пополнить. Легіоны, конница, оружіе, знамена, кони и люди, деньги, съѣстные припасы—все погибло или во время сраженія, или на слѣдующій день послѣ потери обоихъ лагерей. Такимъ образомъ, вы должны не помогать намъ въ войнѣ, но почти взять на себя войну вмѣсто насъ. Вспомните, какъ мы нѣкогда [2]) приняли подъ свое покровительство и защитили при Сатикулѣ вашихъ предковъ, когда они въ страхѣ не только передъ самнитянами, но и передъ сидицинами, оттѣснены были въ городъ, и какъ мы начатую изъ-за васъ войну вели почти сто лѣтъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Прибавьте къ этому и то, что мы заключили съ вами, хотя вы добровольно сдались намъ, союзный договоръ [3]), по которому вы стали равными съ нами, что

[1]) См. XXII 54. [2]) 411 г. отъ осн. Р.—См. VII 29 и слѣд. [3]) Римляне предоставили имъ управленіе ихъ общиной, а всадническому сословію дали права гражданства, но безъ права подачи голоса (civitatem sine suffragio); см. VIII 14.

мы оставили вамъ ваши законы, наконецъ, что по крайней мѣрѣ до каннскаго пораженія было весьма важно, мы дали большой части изъ васъ права гражданства, сдѣлавъ ихъ общими для насъ и васъ. Поэтому, вы должны смотрѣть на пораженіе, которое мы потерпѣли, какъ на общее, и быть того мнѣнія, что вамъ слѣдуетъ защищать общее отечество. Дѣло у насъ не съ самнитянами или этрусками, такъ что, еслибы мы и лишились власти, то она все-таки оставалась бы въ Италіи: нѣтъ, врагъ—Пуніецъ, даже не африканскаго происхожденія, ведетъ съ собою войско съ отдаленныхъ краевъ земли, съ пролива у океана и столбовъ Геркулеса [1]), войско, незнакомое ни съ какими законами, незнакомое съ условіями жизни и даже почти съ языкомъ, на которомъ говорятъ люди. Воиновъ этихъ, уже отъ природы и по характеру безжалостныхъ и дикихъ, сверхъ того еще самъ вождь сдѣлалъ звѣрями тѣмъ, что изъ массы человѣческихъ тѣлъ строилъ мосты и плотины и, что даже противно сказать, училъ питаться человѣческимъ мясомъ. Видѣть и имѣть своими господами людей, которые выкормлены такой неслыханной пищей, и съ которыми даже приходить въ соприкосновеніе грѣшно, получать законы изъ Африки и притомъ изъ Кароагена, терпѣть, чтобы Италія стала провинціей нумидійцевъ и мавровъ—кому только изъ уроженцевъ Италіи не было бы это противно? Славно будетъ снова поднять и спасти вашей вѣрностью и силами римское государство, униженное пораженіемъ. 30000 пѣхоты и 4000 всадниковъ, я думаю, можно набрать изъ Кампаніи; денежныя же средства и хлѣбъ у васъ въ избыткѣ. Если ваша вѣрность равна вашимъ средствамъ, то Ганнибалъ не почувствуетъ, что онъ побѣдитель, а римляне—что они побѣжденные.

6. Непосредственно послѣ этой рѣчи консула, послы были отпущены, и на возвратномъ пути домой одинъ изъ нихъ, Вибій Виррій, заявилъ, что настало время, когда кампанцы могутъ не только возвратить землю, нѣкогда несправедливо отнятую у нихъ римлянами [2]), но даже завладѣть господствомъ въ Италіи: они-де могутъ заключить съ Ганнибаломъ союзный договоръ на какихъ угодно условіяхъ: и когда, по окончаніи войны, самъ побѣдитель уйдетъ съ войскомъ въ Африку, то безспорно оставитъ господство надъ Италіей имъ. Всѣ согласились съ такимъ заявленіемъ Виррія и пред-

[1]) Гибралтарскій проливъ. [2]) См. VIII 11.

ставили результатъ посольства въ такомъ видѣ, что всѣ признали римскій народъ погибшимъ. Тотчасъ плебеи и большая часть сената стали думать объ отпаденіи, но дѣло это пріостановилось на нѣсколько дней, благодаря авторитетному мнѣнію старѣйшихъ. Наконецъ, получило перевѣсъ мнѣніе большинства—отправить къ Ганнибалу тѣхъ же пословъ, которые ходили къ римскому консулу. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ я нахожу извѣстіе, что, до отправленія пословъ и твердаго рѣшенія отпасть, кампанцы отправили въ Римъ пословъ съ требованіемъ, чтобы одинъ консулъ выбирался изъ кампанцевъ, если римлянамъ угодно получить отъ нихъ помощь; римляне, будто бы, возмутившись этимъ требованіемъ, приказали удалить пословъ изъ куріи и отправили ликтора, который бы вывелъ ихъ изъ города и велѣлъ имъ въ тотъ же день ночевать за предѣлами римскаго государства. Такъ какъ это требованіе совершенно одинаково съ требованіемъ, нѣкогда предъявленнымъ латинянами [1]) и такъ какъ Целій [2]) и прочіе писатели не безъ основанія умолчали о немъ, то я не рѣшился принять его за достовѣрное. **7**. Послы прибыли къ Ганнибалу и заключили съ нимъ союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: ни военный, ни гражданскій чиновникъ кароагенскій не долженъ имѣть никакого права надъ кампанскимъ гражданиномъ; кампанскаго гражданина нельзя принуждать нести военную или вообще какую бы то ни было службу; Капуя остается при своихъ законахъ и своихъ должностныхъ лицахъ. Пуніецъ долженъ выдать кампанцамъ по ихъ собственному выбору изъ римскихъ плѣнниковъ 300 человѣкъ для обмѣна ихъ на кампанскихъ всадниковъ, служащихъ въ Сициліи. Вотъ что выговорили себѣ кампанцы. Сверхъ выговореннаго, они совершили слѣдующее преступленіе по отношенію къ римлянамъ: всѣхъ начальниковъ союзниковъ и другихъ римскихъ гражданъ, отчасти несшихъ какія-нибудь военныя обязанности, отчасти занятыхъ частными дѣлами, народъ вдругъ приказалъ схватить и запереть подъ видомъ ареста въ бани, гдѣ, задохнись отъ удушливаго жара, они погибли самымъ ужаснымъ образомъ. Децій Магій употреблялъ еще ранѣе всѣ средства, чтобы предупредить этотъ случай, а равно и отправленіе посольства къ Ганнибалу; человѣкъ этотъ обла-

[1]) См. VIII 5. [2]) Целій Антипатръ за столѣтіе до Ливія написалъ исторію 2-й Пунической войны въ 7 книгахъ. Ливій, очевидно, считалъ его авторитетнымъ историкомъ.

далъ всѣми качествами, нужными для рѣшительнаго вліянія на теченіе государственныхъ дѣлъ; не хватало только здраваго разсудка у его сограждапъ. Но какъ только онъ заслышалъ, что Ганнибалъ шлетъ гарнизонъ, то, напоминая для примѣра о гордомъ господствѣ Пирра и жалкомъ рабствѣ тарентинцевъ, онъ сперва громко заявилъ, что не слѣдуетъ принимать гарнизонъ; затѣмъ, когда гарнизонъ былъ принятъ, требовалъ или изгнать его, или, если кампанцы хотятъ недоброе дѣло — отпаденіе отъ древнѣйшихъ и породнившихся съ ними союзниковъ — искупить отважнымъ и достопамятнымъ подвигомъ, то перебить пунійцевъ и, такимъ образомъ, снова вернуться къ союзу съ римлянами. Когда слухъ объ этомъ предложеніи Магія дошелъ до Ганнибала, — Магій не дѣлалъ изъ своего совѣта тайны — онъ послалъ прежде всего пригласить Магія къ себѣ въ лагерь, и затѣмъ, когда тотъ неустрашимо отказался явиться къ нему, такъ какъ-де Ганнибалъ не имѣетъ права надъ кампанскимъ гражданиномъ, то, разгнѣвавшись, приказалъ его схватить и связаннымъ привести къ себѣ. Затѣмъ, изъ опасенія, какъ бы при такомъ насильственномъ образѣ дѣйствія не вспыхнулъ мятежъ, и, вслѣдствіе возбужденнаго настроенія, граждане необдуманно не завязали сраженія, онъ, отправивъ къ кампанскому претору, Марію Блоссію, извѣстіе, что на слѣдующій день самъ прибудетъ въ Капую, выступилъ изъ лагеря съ небольшимъ отрядомъ. Марій созвалъ собраніе и предписалъ выйти навстрѣчу Ганнибалу большой толпою съ женами и дѣтьми. Всѣ не только послушались приказанія Марія, но даже исполняли его съ большимъ рвеніемъ, тѣмъ болѣе, что народъ былъ къ нему расположенъ и желалъ видѣть главнокомандующаго, прославившагося уже столькими побѣдами. Децій Магій не пошелъ ему навстрѣчу, но и не остался дома, такъ какъ этимъ онъ могъ обнаружить нѣкоторый страхъ передъ Ганнибаломъ, какъ бы сознавая себя неправымъ. Онъ спокойно гулялъ съ сыномъ и немногими кліентами на площади, въ то время какъ всѣ граждане суетились, въ виду пріема и встрѣчи Ганнибала. Послѣдній, вступивъ въ городъ, тотчасъ потребовалъ засѣданія сената, но, вслѣдствіе просьбы кампанскихъ представителей не предпринимать ничего серіознаго въ этотъ день, а съ искреннимъ весельемъ отпраздновать торжество своего прибытія, онъ, хотя по природѣ своей былъ склоненъ къ гнѣву, но, чтобы не начать съ отказа, провелъ большую часть дня въ осмотрѣ города.

8. Ганнибалъ остановился у братьевъ Нинніевъ Целеровъ, Стенія и Пакувія, извѣстныхъ знатнымъ происхожденіемъ и богатствомъ. Пакувій Калавій, ранѣе упомянутый[1]), глава той партіи, которая убѣждала общину перейти на сторону пунійцевъ, привелъ сюда юнаго сына своего, оторвавши его насильно отъ Деція Магія, вмѣстѣ съ которымъ онъ велъ ожесточенную борьбу за римскій союзъ противъ союзнаго договора съ пунійцами; однако, ни сочувствіе, обнаруженное общиной къ противной партіи, ни отцовская власть не могли заставить его отказаться отъ своихъ взглядовъ. Этому юношѣ отецъ выпросилъ прощеніе у Ганнибала, не столько приводя оправданія въ пользу его, сколько умоляя за него. Тронутый просьбами и слезами отца, Ганнибалъ даже приказалъ пригласить его съ отцомъ на обѣдъ, на который онъ не намѣренъ былъ принимать ни одного кампанца, кромѣ хозяевъ и прославившагося на войнѣ Вибеллія Тавреи. Начали они пировать еще днемъ; пиръ устроенъ былъ не по пуническому и не по военному обычаю, а обставленъ всякими соблазнами, какъ то было обычно въ общинѣ и притомъ въ домѣ богатомъ и привыкшемъ къ расточительности. Только Калавія-сына не могли заставить выпить вина ни приглашенія хозяевъ, ни даже иногда самого Ганнибала: онъ извинялъ себя нездоровьемъ, а отецъ ссылался на вполнѣ естественное смущеніе сына. Около времени захода солнца, Калавій-отецъ оставилъ пиръ, а за нимъ послѣдовалъ и сынъ; когда они пришли въ уединенное мѣсто, — садъ находился сзади дома — послѣдній сказалъ: „отецъ! предлагаю тебѣ свой планъ, при помощи котораго мы, кампанцы, можемъ снискать у римлянъ не только прощеніе за свой проступокъ — отпаденіе къ Ганнибалу, но даже пріобрѣсть еще большую честь и расположеніе, чѣмъ когда-либо“. Когда отецъ въ удивленіи спросилъ, что это за планъ, онъ, сбросивъ съ плеча тогу, обнажилъ бокъ, препоясанный мечомъ. „Вотъ“, сказалъ онъ, „я запечатлѣю кровью Ганнибала союзный договоръ съ римлянами. Я только хотѣлъ предупредить тебя на случай, если ты предпочтешь не присутствовать при исполненіи моего замысла“. **9.** Какъ только старикъ услыхалъ о желаніи сына и увидѣлъ у него мечъ, онъ обезумѣлъ отъ страха, точно присутствовалъ уже при исполненіи того, о чемъ слышалъ, и сказалъ:

[1]) См. гл. 2.

„умоляю тебя, сынъ, ради всѣхъ правъ, связывающихъ дѣтей съ родителями, оставь свое намѣреніе совершить неслыханное преступленіе и понести за него соотвѣтствующее наказаніе на глазахъ отца. Нѣсколько часовъ тому назадъ, мы, поклявшись всѣми богами, подали Ганнибалу руки и обязались быть вѣрными, и неужели для того, чтобы послѣ разговора съ нимъ тотчасъ же поднять на него руки, освященныя этимъ обѣщаніемъ? Ты всталъ изъ-за гостепріимнаго стола, къ которому ты былъ приглашенъ Ганнибаломъ, какъ третій изъ кампанцевъ,—ужели для того, чтобы этотъ же самый столъ обагрить кровью хозяина? Я, какъ отецъ, могъ примирить Ганнибала съ своимъ сыномъ, ужели же я не могу примирить сына съ Ганнибаломъ? Но положимъ, нѣтъ ничего святого, нѣтъ вѣрности, нѣтъ религіознаго обязательства, нѣтъ любви къ родителямъ: рѣшайся на страшное дѣло, если съ преступленіемъ не связана наша гибель. Ты одинъ намѣренъ напасть на Ганнибала? А эта толпа свободныхъ и рабовъ, эти глаза, устремленные на него одного, эти десницы—неужели онѣ оцѣпенѣютъ при исполненіи твоего безумнаго плана? Неужели ты выдержишь взглядъ самого Ганнибала, котораго не могутъ выдержать вооруженныя войска, передъ которымъ содрагается римскій народъ? Допустимъ, никто другой не окажетъ помощи: неужели ты рѣшишься пронзить меня, если я защищу Ганнибала своимъ тѣломъ? И въ самомъ дѣлѣ, сквозь мою грудь придется тебѣ пронзить его. Но лучше тебѣ здѣсь отказаться отъ своего замысла, нежели тамъ быть побѣжденнымъ: пусть будутъ дѣйствительны мои просьбы предъ тобой, какъ онѣ сегодня были дѣйствительны за тебя“. Когда отецъ увидѣлъ, что юноша плачетъ, онъ обнялъ его и, цѣлуя, не переставалъ просить, пока не довелъ его до того, что тотъ бросилъ мечъ и далъ слово не дѣлать ничего подобнаго. Послѣ этого сынъ сказалъ: „любовь, которую я обязанъ питать къ отечеству, я пожертвую отцу. Но мнѣ жаль тебя, надъ которымъ тяготѣетъ обвиненіе въ троекратной измѣнѣ отечеству—во-первыхъ, когда ты совѣтовалъ отпасть отъ римлянъ, во-вторыхъ,—заключить миръ съ Ганнибаломъ, въ-третьихъ,—сегодня, когда ты замедляешь и даже мѣшаешь возвратить Капую римлянамъ. Ты, отечество, возьми обратно этотъ мечъ, вооружившись которымъ, я вошелъ въ это жилище непріятельскаго вождя, такъ какъ отецъ отнимаетъ его у меня“. Съ этими словами, онъ бросилъ мечъ через ограду сада на улицу и, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, вернулся на пиръ.

10. На слѣдующій день устроено было для Ганнибала многолюдное сенатское засѣданіе. Въ началѣ своей рѣчи Ганнибалъ былъ очень ласковъ и благосклоненъ: онъ благодарилъ кампанцевъ за то, что они предпочли дружественный союзъ съ нимъ союзу съ римлянами, и въ числѣ многихъ важныхъ обѣщаній сказалъ, что Капуя вскорѣ будетъ столицей всей Италіи, и что и римскій народъ, наравнѣ съ прочими народами, будетъ получать законы отъ нея. Исключается-де изъ дружбы съ пунійцами и заключеннаго съ ними Ганнибаломъ союзнаго договора только одинъ Децій Магій, который не кампанецъ и не долженъ быть называемъ таковымъ: онъ-де требуетъ выдачи его, доклада о немъ въ сенатѣ въ своемъ присутствіи и сенатскаго постановленія о немъ. Всѣ присоединились къ рѣшенію Ганнибала, хотя большинство считало того человѣка не заслужившимъ такой злой участи и видѣло, что съ самаго начала значительно ограничивается право свободы. Ганнибалъ вышелъ изъ куріи, сѣлъ на священномъ мѣстѣ, назначенномъ для должностныхъ лицъ [1]), приказалъ схватить Деція Магія, привести къ себѣ и заставилъ оправдываться [2]). Когда же неустрашимый Децій заявилъ, что по условіямъ союзнаго договора Ганнибалъ не имѣетъ права его принуждать, послѣдній велѣлъ наложить на него цѣпи и приказалъ отвести его, подъ конвоемъ ликтора, въ лагерь. Пока онъ шелъ съ открытой головой, онъ говорилъ точно народный ораторъ и такъ кричалъ сбѣжавшейся отовсюду толпѣ: „Кампанцы! вотъ та свобода, которой вы домогались: на площади, среди бѣла дня, на вашихъ глазахъ связали меня, хотя я не ниже любого кампанца, и влекутъ на казнь. Какое большее насиліе могло бы быть, еслибы Капуя была взята? Ступайте навстрѣчу Ганнибалу, украшайте городъ и сдѣлайте праздникомъ день его прибытія, чтобы видѣть его тріумфъ надъ вашимъ согражданиномъ“. Такъ какъ подобныя слова Деція, видимо, производили впечатлѣніе на народъ, то приказано было замотать ему голову и скорѣе вытащить его за ворота. Такимъ образомъ его привели въ лагерь, тотчасъ посадили на корабль и отправили въ Кар-

---

[1]) Имѣется въ виду трибуналъ; ср. II 56 прим. [2]) Децій судилъ самъ Ганнибалъ, а не кампанскій судья, такъ какъ онъ выданъ былъ Ганнибалу сенатомъ и, слѣдовательно, уже не считался кампанскимъ гражданиномъ.

ѳагенъ, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь народнаго движенія, вызваннаго въ Капуѣ такимъ возмутительнымъ образомъ дѣйствій Ганнибала, и сенатъ не пожалѣлъ о выдачѣ однаго изъ представителей города, и чтобы, если явится посольство требовать выдачи его назадъ, не пришлось Ганнибалу или обидѣть своихъ новыхъ союзниковъ отказомъ въ ихъ первой просьбѣ, или, исполнивъ ее, оставить въ Капуѣ виновника возстанія и волненій. Буря занесла корабль въ городъ Кирены, бывшій тогда подъ властью царей. Когда Магій подбѣжалъ къ статуѣ царя Птоломея, ища у нея спасенія, сторожа привели его въ Александрію къ Птоломею. Объяснивъ царю, что онъ былъ заключенъ въ оковы Ганнибаломъ противъ условій союзнаго договора, онъ былъ раскованъ и получилъ разрѣшеніе, по желанію, возвратиться въ Римъ или въ Капую. Но Магій заявилъ, что Капуя для него не безопасна, а въ Римѣ, во время войны между римлянами и кампанцами, скорѣе мѣсто для перебѣжчика, чѣмъ для гостя, и что онъ предпочитаетъ жить въ царствѣ того, въ комъ онъ находитъ спасителя и защитника его свободы.

11. Въ это время возвратился въ Римъ изъ Дельфъ посолъ Кв. Фабій Пикторъ [1]) и прочиталъ записанный имъ отвѣтъ оракула. Тамъ поименованы были боги и богини, которымъ слѣдовало помолиться, и указанъ способъ, какъ это сдѣлать. Далѣе слѣдовало: „если вы такъ поступите, римляне, то ваше положеніе улучшится и облегчится, дѣла вашего государства будутъ болѣе соотвѣтствовать вашимъ желаніямъ, и побѣда на войнѣ достанется римскому народу. Когда дѣла вашего государства пойдутъ хорошо, оно будетъ спасено, и вы добьетесь удачи, то пришлите даръ Пиѳійскому Аполлону и почтите его изъ добычи, изъ выручки отъ нея и доспѣховъ, снятыхъ съ непріятеля; воздержитесь отъ необузданной радости [2])“. Прочитавъ этотъ отвѣтъ оракула, переведенный имъ съ греческаго языка [3]), посолъ заявилъ, что, по выходѣ изъ прорицалища, онъ немедленно принесъ всѣмъ тѣмъ богамъ въ жертву ѳиміамъ и вино и, по указанію предстоятеля храма, сѣлъ на корабль въ томъ же лавровомъ вѣнкѣ, въ которомъ прибылъ къ оракулу и въ которомъ принесъ жертву, и не снималъ его до прибытія въ Римъ; что, исполнивъ всѣ порученія весьма добро-

1) См. XXII 57. 2) Въ счастіи люди бываютъ чрезвычайно рады и забываютъ благодарить боговъ, предаваясь противному религіи веселью. 3) Фабій Пикторъ зналъ греческій языкъ: ср. I 44 примѣч.

совѣстно и старательно, онъ возложилъ вѣнокъ въ Римѣ на жертвенникъ Аполлона. Сенатъ рѣшилъ немедленно же со тщаніемъ принести указанныя жертвы и устроить молебствіе.

Таковы были дѣла въ Римѣ и въ Италіи. Въ то же время прибылъ въ Карѳагенъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ при Каннахъ сынъ Гамилькара Магонъ, посланный братомъ своимъ не непосредственно послѣ битвы, но послѣ того, какъ пробылъ нѣсколько дней въ Италіи, по случаю пріема переходившихъ къ нему общинъ бруттіевъ [1]). Получивъ аудіенцію въ сенатѣ, онъ доложилъ о всѣхъ дѣяніяхъ своего брата: онъ-де сразился въ открытомъ бою съ 6 главнокомандующими — четверо изъ нихъ были консулы, а прочіе два — одинъ диктаторъ, а другой начальникъ конницы — и съ 6 консульскими войсками; непріятелей пало свыше 200000, взято въ плѣнъ свыше 50000. Изъ 4 консуловъ — двое пали, а изъ двухъ другихъ — одинъ бѣжалъ раненымъ, а другой потерялъ все войско и спасся едва только съ 50 человѣками. Начальникъ конницы, власть котораго равна консульской власти [2]), былъ разбитъ на-голову; диктаторъ считается отличнымъ вождемъ, такъ какъ никогда не вступалъ въ сраженіе. Бруттіи, апулійцы, часть самнитянъ и лукановъ отпали къ пунійцамъ. Капуя, столица Кампаніи, а послѣ пораженія римлянъ при Каннахъ, столица и Италіи, передалась Ганнибалу. За столь многія и столь важныя побѣды слѣдуетъ отъ всего сердца воздать благодарность богамъ. **12.** Затѣмъ, для удостовѣренія такихъ радостныхъ вѣстей онъ приказалъ высыпать въ преддверіи куріи золотыя кольца. Колецъ оказалась такая масса, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, ими наполнили болѣе $3\frac{1}{2}$ модіевъ; по болѣе вѣроятному преданію, ихъ было не болѣе одного модія. Далѣе, чтобы придать еще больше значенія пораженію римлянъ, Магонъ прибавилъ, что такое отличіе носятъ только всадники, да и то знатнѣйшіе. Въ своей рѣчи онъ старался главнымъ образомъ доказать, что, чѣмъ ближе надежда на окончаніе войны, тѣмъ болѣе слѣдуетъ всячески оказывать помощь Ганнибалу, такъ какъ онъ ведетъ войну вдали отъ родины, въ непріятельской странѣ, расходуетъ огромное количество хлѣба и денегъ, и столь многія сраженія, уни-

1) См. XXII 61. 2) Магонъ преувеличиваетъ: начальникъ конницы не имѣлъ консульской власти, а былъ подчиненъ диктатору и только въ отсутствіе послѣдняго занималъ его мѣсто.

чтоживъ непріятельскія войска, въ то же время уменьшили значительно и силы побѣдителя. Поэтому слѣдуетъ послать Ганнибалу подкрѣпленіе, а воинамъ, такъ доблестно поддержавшимъ честь пуническаго имени, денегъ на жалованье и хлѣба.

Послѣ этихъ словъ Магона всѣ обрадовались. Но Гимильконъ, принадлежавшій къ Баркинской партіи, усматривая удобный случай напасть на Ганнона, сказалъ ему: „что же, Ганнонъ? и теперь еще слѣдуетъ раскаиваться, что начата война съ римлянами? предложи выдать Ганнибала, не позволяй при такомъ счастіи воздавать благодареніе безсмертнымъ богамъ; послушаемъ римскаго сенатора въ кареагенской куріи.“ На это Ганнонъ сказалъ: сенаторы! сегодня я ничего не говорилъ бы, чтобы не нарушать общей вашей радости указаніемъ на менѣе утѣшительныя для насъ обстоятельства; но такъ какъ меня спрашиваетъ сенаторъ, слѣдуетъ ли и теперь еще раскаиваться въ войнѣ съ римлянами, то мое молчаніе докажетъ или мою гордость, или виновность: но первая свойственна тому, кто забываетъ о свободѣ другихъ, вторая—тому, кто забываетъ о своей свободѣ. Поэтому я отвѣчу Гимилькону, что я не пересталъ раскаиваться въ войнѣ съ римлянами и не перестану обвинять вашего непобѣдимаго главнокомандующаго до тѣхъ поръ, пока не увижу, что война окончена при болѣе или менѣе терпимыхъ условіяхъ; тоску мою по прежнемъ мирѣ утолитъ только новый миръ. Все то, чѣмъ только-что хвастался Магонъ, уже радуетъ Гимилькона и прочихъ прихвостней Ганнибала; меня это можетъ радовать только потому, что военныя удачи доставятъ намъ болѣе выгодный миръ, если мы пожелаемъ воспользоваться нашимъ счастьемъ: вѣдь, если мы пропустимъ этотъ моментъ, когда можетъ казаться, что мы даемъ миръ, а не принимаемъ, то я опасаюсь, что и эта радость окажется чрезмѣрной и, какъ тщетная, рушится. Впрочемъ, и теперь какова она? Я разбилъ непріятельскія войска—пришлите мнѣ воиновъ. Чего другого просилъ бы ты, еслибы былъ побѣжденъ? Я де взялъ два непріятельскихъ лагеря,—конечно, полныхъ добычи и провіанта;—дайте мнѣ хлѣба и денегъ. Чего другого ты просилъ бы, еслибы былъ ограбленъ и лишенъ лагеря? Но чтобы все это не мнѣ одному только казалось страннымъ,—вѣдь по всѣмъ человѣческимъ и божескимъ правамъ, и я могу предложить вопросъ Гимилькону, такъ какъ я

отвѣтилъ ему, — я бы желалъ, чтобы Гимильконъ или Магонъ отвѣтили мнѣ на слѣдующее: если сраженіе при Каннахъ имѣло результатомъ гибель римскаго государства и если достовѣрно извѣстно, что вся Италія готова отпасть отъ римлянъ, то, во-первыхъ, перешелъ ли къ намъ хоть одинъ народъ латинскаго происхожденія, и, во-вторыхъ, есть-ли у Ганнибала хотя одинъ перебѣжчикъ изъ 35 трибъ? Когда Магонъ далъ отрицательный отвѣтъ на оба вопроса, то Ганнонъ продолжалъ: „такимъ образомъ враговъ остается еще слишкомъ много. Но я бы хотѣлъ знать настроеніе и надежды ихъ“. **13**. Когда Магонъ отвѣтилъ, что онъ этого не знаетъ, Ганнонъ сказалъ: „нѣтъ ничего легче узнать объ этомъ: посылали-ли римляне пословъ къ Ганнибалу съ предложеніемъ мира? или дошелъ-ли до васъ слухъ, что въ Римѣ вообще упоминали о мирѣ?“ Когда же Магонъ отвѣтилъ, что и этого не знаетъ, то Ганнонъ продолжалъ: „такимъ образомъ война у насъ въ томъ же невыясненномъ видѣ, въ какомъ она была въ день перехода Ганнибала въ Италію! Еще живо большинство изъ насъ, которые помнятъ, какъ измѣнчиво было счастье въ первую Пуническую войну; кажется, наше положеніе на сушѣ и на морѣ никогда не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ оно было до консульства Г. Лутація и А. Постумія, въ консульство же Лутація и Постумія мы были совершенно разбиты при Эгатскихъ островахъ. Если и теперь счастье наше нѣсколько измѣнится,—да не обратятъ боги этихъ моихъ словъ въ дурное предзнаменованіе!—то надѣетесь-ли вы, въ случаѣ нашего пораженія, на миръ, котораго теперь, когда мы побѣждаемъ, намъ никто не предлагаетъ? Если кто-нибудь впослѣдствіи спроситъ о мирѣ, все равно, слѣдуетъ ли его предложить врагамъ, или принять отъ нихъ, то я знаю свое мнѣніе впередъ; если вы поднимаете вопросъ о требованіяхъ Магона, то я того мнѣнія, что не слѣдуетъ посылать помощь, если они побѣдители; если же они напрасно обманываютъ насъ призрачной надеждой, то тѣмъ менѣе слѣдуетъ оказывать имъ помощь“. Рѣчь Ганнона произвела впечатлѣніе на весьма немногихъ: ибо, съ одной стороны, вслѣдствіе соперничества его съ Барками, ему не вполнѣ довѣряли, а съ другой стороны, упоенные въ тотъ моментъ радостью не желали слышать ничего такого, что могло бы умалить ее, и были того мнѣнія, что, если пожелать употребить еще нѣкоторое усиліе, то война вскорѣ окончится. Поэтому,

огромнымъ большинствомъ сдѣлано было слѣдующее сенатское постановленіе: отправить Ганнибалу для подкрѣпленія 4000 нумидійцевъ, 40 слоновъ и * [1]) талантовъ серебра. Вмѣстѣ съ Магономъ посланъ былъ впередъ въ Испанію диктаторъ; чтобы нанять 20000 пѣхотинцевъ и 4000 всадниковъ для пополненія находившихся въ Испаніи и Италіи войскъ.

14. Впрочемъ, всѣ эти распоряженія карѳагеняне исполняли лѣниво и медленно, какъ это обыкновенно бываетъ при счастьи; напротивъ того, римляне, помимо врожденнаго имъ рвенія, не могли медлить вслѣдствіе своего опаснаго положенія. Дѣйствительно, и консулъ выполнилъ все, что ему слѣдовало сдѣлать, и диктаторъ Юній Пера, совершивъ жертвоприношенія и спросивъ по обычаю у народа позволенія сѣсть на коня, не считая 2 городскихъ легіоновъ, набранныхъ консулами въ началѣ года, рабовъ и когортъ, набранныхъ въ Пиценской и Галльской областяхъ, обратился къ крайнему средству дошедшаго почти до отчаянія государства, когда приходится жертвовать честью для выгоды: онъ издалъ эдиктъ, что прикажетъ всѣхъ, находящихся въ заключеніи за уголовныя преступленія и долги, освободить отъ наказанія и уплаты денежной пени, если они поступятъ въ войска. 6000 такихъ людей онъ вооружилъ галльскими доспѣхами, доставленными въ Римъ во время тріумфальнаго шествія Г. Фламинія. Такимъ образомъ, диктаторъ отправился изъ города съ 25000 вооруженныхъ.

Когда Ганнибалъ, занявъ Капую, во второй разъ напрасно попытался склонить неаполитанцевъ на свою сторону, то возбуждая въ нихъ надежды, то грозя имъ, онъ перевелъ войско въ Ноланскую область, не думая сразу обойтись съ ея жителями, какъ съ врагами, такъ какъ не отчаивался въ ихъ добровольной сдачѣ, но въ то же время имѣя въ виду, въ случаѣ, если они не оправдаютъ его надежды, прибѣгнуть ко всякимъ ужасамъ и угрозамъ. Сенаторы, и въ особенности знатнѣйшіе изъ нихъ, упорно оставались вѣрными римскому союзу, народъ же, по обыкновенію, чрезвычайно склоненъ былъ къ переворотамъ и потому всецѣло преданъ Ганнибалу: онъ думалъ о предстоящемъ опустошеніи полей и множествѣ угрожающихъ ему страданій и несправедливостей, которыя ему придется испытать при оса-

[1]) Числа нѣтъ въ рукописяхъ Ливія.

дѣ. Были и зачинщики отпаденія. Такимъ образомъ, когда сенаторами овладѣлъ страхъ, что, если они выскажутъ открыто свой взглядъ, то не будутъ въ состояніи оказать сопротивленіе возбужденной толпѣ, они сдѣлали видъ, что согласны съ мнѣніемъ ея, и тѣмъ отсрочили зло. Они заявили, что готовы перейти на сторону Ганнибала, но окончательно-де не рѣшили, на какихъ условіяхъ заключить этотъ новый дружественный союзъ. Выигравъ такимъ образомъ время, сенаторы немедленно отправили пословъ къ римскому претору Марцеллу Клавдію, который находился съ войскомъ въ Казилинѣ, и увѣдомили его объ опасномъ положеніи Нолы: область-де уже въ рукахъ Ганнибала и пунійцевъ, и та же участь постигнетъ городъ, если не будетъ оказана помощь. Чрезвычайно поспѣшное отпаденіе сенатъ-де предотвратилъ тѣмъ, что заявилъ народу о готовности своей отложиться, когда ему будетъ угодно. Марцеллъ похвалилъ ноланцевъ и приказалъ имъ такимъ же притворствомъ протянуть дѣло до его прихода, а тѣмъ временемъ держать въ секретѣ переговоры съ нимъ и всякую надежду на римскую помощь. Самъ онъ направился изъ Казилина въ Каятію, перешелъ рѣку Вольтурнъ и прибылъ черезъ области Сатикуланскую и Требіанскую, повыше Свессулы, по горамъ въ Нолу.

15. Вскорѣ послѣ прибытія римскаго претора, Ганнибалъ выступилъ изъ Ноланской области и спустился къ морю весьма недалеко отъ Неаполя, желая завладѣть приморскимъ городомъ, куда бы могли безпрепятственно входить корабли изъ Африки. Однако, узнавъ, что Неаполь занятъ римскимъ префектомъ М. Юніемъ Силаномъ, котораго призвали сами неаполитанцы, онъ отказался и отъ Неаполя, какъ отъ Нолы, и направился въ Нуцерію. Обложивъ городъ на нѣкоторое время осадою, Ганнибалъ то штурмовалъ его, то старался склонить плебеевъ или знать города на свою сторону, но тщетно, и, наконецъ, голодомъ принудилъ городъ сдаться подъ условіемъ, чтобы жители вышли безоружными въ одной одеждѣ. Затѣмъ, такъ какъ онъ съ самаго начала желалъ казаться милостивымъ ко всѣмъ италійцамъ, кромѣ римлянъ, то предложилъ награды и почетныя должности всѣмъ тѣмъ, которые останутся и будутъ на службѣ у него. Но никто не соблазнился этими обѣщаніями: всѣ разбѣжались по городамъ Кампаніи, преимущественно въ Нолу и Неаполь, куда ихъ влекли гостепріимныя отношенія, или же заносилъ случай. Около 30 сенаторовъ, и какъ

разъ самыхъ знатныхъ, прибыли въ Капую, но не были приняты за то, что заперли ворота передъ Ганнибаломъ, и направились въ Кумы. Добыча въ Нуцеріи предоставлена была воинамъ: городъ былъ разграбленъ и зажженъ.

Марцеллъ держался въ Нолѣ не столько благодаря увѣренности въ своемъ гарнизонѣ, сколько благодаря расположенію къ нему знати. Опасеніе возбуждали плебеи, и особенно Бантій, котораго участіе въ попыткѣ къ отпаденію и страхъ предъ римскимъ преторомъ подстрекали то предать отечество, то, въ случаѣ неудачи въ этомъ, стать перебѣжчикомъ. Это былъ пламенный юноша и между союзниками того времени чуть ли не знатнѣйшій всадникъ. Полуживымъ нашли его при Каннахъ въ кучѣ труповъ. Радушно вылѣчивъ его и даже одаривъ, Ганнибалъ отпустилъ его на родину. Въ благодарность за это благодѣяніе онъ хотѣлъ ноланскую общину вполнѣ подчинить Ганнибалу, и преторъ видѣлъ, какъ его тревожила и безпокоила забота произвести переворотъ. Такъ какъ его приходилось или удержать отъ этого наказаніемъ, или привлечь на свою сторону благодѣяніемъ, то преторъ предпочелъ снискать себѣ такого смѣлаго и энергичнаго союзника, а не отнять только его у врага. Поэтому онъ призвалъ его къ себѣ и обратился къ нему съ такою ласковой рѣчью: „Между твоими соотечественниками у тебя много завистниковъ; это легко заключить изъ того, что ни одинъ ноланскій гражданинъ не указалъ мнѣ, сколько у тебя славныхъ военныхъ подвиговъ. Но кто служитъ въ римскомъ войскѣ, храбрость того не можетъ остаться въ неизвѣстности. Многіе, служившіе съ тобою, разсказываютъ мнѣ, что ты за человѣкъ, какимъ опасностямъ и сколько разъ подвергался ты за спасеніе и честь римскаго народа, и какъ въ битвѣ при Каннахъ ты пересталъ сражаться только тогда, когда, истекая кровью, заваленъ былъ тяжестью падавшихъ на тебя людей, лошадей и оружія. Поэтому, исполать тебѣ за твою доблесть! У меня ты получишь всякій почетъ и награду и, чѣмъ чаще ты будешь со мной, тѣмъ болѣе будешь убѣждаться, что это доставляетъ тебѣ честь и выгоду.“ Юноша обрадовался этимъ обѣщаніямъ, а Марцеллъ далъ ему въ подарокъ прекраснаго коня и приказалъ квестору отсчитать ему 500 бигатовъ [1]), а ликторамъ—допускать его къ нему,

[1]) Бигатъ—динарій съ изображеніемъ колесницы о двухъ лошадяхъ. Эта серебряная монета появилась въ Пуническія войны.

когда ему будетъ угодно. **16**. Такою обходительностью Марцеллъ такъ расположилъ къ себѣ пылкаго юношу, что съ этого времени ни одинъ союзникъ не защищалъ римское дѣло такъ отважно и вѣрно, когда Ганнибалъ стоялъ у воротъ,—онъ вернулся назадъ изъ Нуцеріи въ Нолу,—и ноланскіе плебеи снова задумывали отложиться.

При приближеніи непріятелей, Марцеллъ удалился въ городъ, не потому, что боялся за лагерь, но чтобы не дать случая предать городъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидали весьма многіе. Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ начали строиться войска: римскія передъ стѣнами Нолы, а пуническія передъ своимъ лагеремъ. Съ этого времени между городомъ и лагеремъ завязывались незначительныя сраженія съ перемѣннымъ счастіемъ, такъ какъ вожди не желали останавливать воиновъ, если они не въ большомъ числѣ и безъ опредѣленнаго плана вызывали врага на бой, но и не желали давать сигнала къ рѣшительному бою. Въ то время, какъ войска выступали такимъ образомъ уже ежедневно одно противъ другого, знатные ноланцы довели до свѣдѣнія Марцелла, что плебеи и пунійцы по ночамъ ведутъ между собою переговоры и рѣшили, когда римское войско, вышедши изъ воротъ, будетъ находиться внѣ города, разграбить обозъ и ручной багажъ его, затѣмъ запереть ворота и занять стѣны, чтобы, получивъ возможность располагать собой и городомъ, принять пунійцевъ вмѣсто римлянъ. Узнавъ объ этомъ, Марцеллъ похвалилъ сенаторовъ Нолы и рѣшилъ, прежде чѣмъ возникнетъ какое-нибудь волненіе въ городѣ, попытать счастіе въ сраженіи. Раздѣливъ войско на три части, онъ выстроилъ его у трехъ воротъ, обращенныхъ къ непріятелю; обозу онъ приказалъ слѣдовать сзади, а обознымъ слугамъ, маркитантамъ и слабосильнымъ воинамъ нести колья [1]). У среднихъ воротъ онъ поставилъ отборныхъ воиновъ легіоновъ и римскихъ всадниковъ, а у двухъ другихъ воротъ рекрутовъ, легковооруженныхъ и союзническихъ всадниковъ. Ноланцамъ было запрещено приближаться къ стѣнамъ и воротамъ; назначенное для резерва войско оставлено было для защиты обоза, чтобы предупредить нападеніе на него въ то время, когда легіоны будутъ заняты сраженіемъ. Выстроившись такимъ образомъ, римляне стояли внутри воротъ. Ганнибалъ держалъ войско большую часть дня подъ знаменами въ строю, какъ

[1]) На случай, если онъ будетъ отрѣзанъ отъ города, и ему придется устроить лагерь.

онъ это дѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней; сначала онъ удивлялся, что римское войско не выходитъ изъ воротъ, что на стѣнахъ нѣтъ ни одного вооруженнаго. Затѣмъ, полагая, что переговоры его съ ноланскими плебеями выданы, и что римляне отъ страха бездѣйствуютъ, онъ отослалъ часть воиновъ назадъ въ лагерь, приказавъ имъ поскорѣе вынести въ переднюю линію всѣ снаряды для осады города, такъ какъ былъ вполнѣ увѣренъ, что плебеи поднимутъ въ городѣ бунтъ, если онъ нападетъ на римлянъ, когда они будутъ въ нерѣшительности. Въ то время, какъ всѣ торопились на свои мѣста въ первые ряды, и войско подвигалось къ стѣнамъ города, Марцеллъ вдругъ, открывъ ворота, приказалъ дать сигналъ къ сраженію и сначала пѣхотинцамъ, а затѣмъ всадникамъ съ крикомъ сдѣлать возможно сильный натискъ на врага. Не мало смущенія и замѣшательства произвелъ онъ въ центрѣ кароагенскаго войска, какъ вдругъ изъ обоихъ сосѣднихъ воротъ на фланги враговъ ударили легаты П. Валерій Флаккъ и Г. Аврелій. Къ тому же маркитанты, обозные и прочая толпа, приставленная для защиты обоза, подняли такой крикъ, что неожиданно произвели на пунійцевъ впечатлѣніе большого войска, между тѣмъ какъ они презирали римлянъ главнымъ образомъ въ виду ихъ малочисленности. Я не смѣю утверждать того, что сообщаютъ нѣкоторые писатели, именно, что непріятелей пало 2800, а римлянъ не болѣе 500. Но была ли побѣда такъ велика, или меньше, во всякомъ случаѣ, въ этотъ день совершенъ былъ великій и, пожалуй, величайшій подвигъ въ этой войнѣ: ибо не понести пораженія отъ Ганнибала было въ то время для побѣдителей труднѣе, нежели потомъ побѣдить его.

17. Когда Ганнибалъ потерялъ надежду овладѣть Нолой и возвратился въ Ацерры, Марцеллъ приказалъ тотчасъ запереть ворота, поставилъ стражу, чтобы никто не вышелъ изъ города, и произвелъ на площади разслѣдованіе о всѣхъ тѣхъ, которые вели тайные переговоры съ непріятелемъ [1]). Болѣе 70 человѣкъ, оказавшихся виновными, онъ приказалъ казнить и имущество ихъ объявилъ собственностью римскаго народа. Передавъ управленіе городомъ сенату, Марцеллъ вышелъ со всѣмъ войскомъ и расположился лагеремъ выше Свессулы. Сначала Ганнибалъ пытался склонить жителей Ацерръ къ добровольной сдачѣ, но, видя ихъ непреклонность, сталъ готовиться къ осадѣ и штурму города. Впрочемъ ацерранцы были мужественны, но имѣли мало войска; при видѣ возводимыхъ вокругъ города окоповъ, они отчаялись въ возможности защитить его и, прежде чѣмъ враги оцѣпили ихъ стѣны непрерывномъ валомъ, бѣжали среди ночной тишины черезъ промежутки между укрѣпленіями, по мѣстамъ, гдѣ не было стражи. Разбредшись по дорогамъ и бездорожнымъ мѣстамъ, куда кого привело опредѣленное намѣреніе или ошибка, они прибыли въ города Кампаніи, которые, какъ имъ было точно извѣстно, не измѣнили римлянамъ.

[1]) Хотя въ Нолѣ были свои чиновники, но судъ производилъ самъ Марцеллъ, потому что измѣнники нарушили союзъ съ римлянами.

Разграбивъ и сжегши Ацерры, Ганнибалъ получилъ изъ Казина извѣстіе, что римскій диктаторъ и легіоны должны прибыть * [1]), а потому повелъ войско къ Казилину, чтобы близость непріятельскаго лагеря не вызвала паники и въ Капуѣ. Въ Казилинѣ было въ это время 500 пренестинцевъ съ небольшимъ числомъ римлянъ и латинянъ, которыхъ привели туда слухи о каннскомъ пораженіи. Такъ какъ наборъ въ Пренесте не былъ законченъ къ опредѣленному сроку, то они вышли изъ дому нѣсколько позже и прибыли въ Казилинъ до полученія извѣстія о несчастномъ сраженіи; когда же къ нимъ стали присоединяться другіе римляне и союзники, и такимъ образомъ изъ Казилина двинулось довольно большое войско, то извѣстіе о каннскомъ сраженіи заставило ихъ повернуть обратно, въ Казилинъ. Тутъ они провели нѣсколько дней, причемъ возбуждали подозрѣніе въ кампанцахъ, но и сами ихъ боялись, такъ какъ должны были беречься отъ засадъ съ ихъ стороны и въ свою очередь сами строили имъ засады; узнавъ же почти навѣрно, что дѣло клонится къ отпаденію Капуи и къ вступленію туда Ганнибала, они ночью перебили горожанъ и заняли часть города по сю сторону рѣки Вольтурна—этой рѣкой городъ раздѣляется на двѣ части. Таковъ былъ римскій гарнизонъ въ Казилинѣ. Къ нему присоединилась перузинская когорта въ 460 человѣкъ, собравшихся въ Казилинъ нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдствіе того же извѣстія, подъ вліяніемъ котораго прибыли и пренестинцы. Вооруженныхъ было достаточно для обороны такого незначительнаго города, защищеннаго съ одной стороны рѣкою, а въ виду недостатка хлѣба, людей было, повидимому, даже слишкомъ много.

[1]) Пропущено названіе мѣста, куда звалъ диктатора Марцеллъ.

18. Когда Ганнибалъ находился уже недалеко отъ Казилина, онъ послалъ впередъ гетуловъ съ ихъ начальникомъ Исалкой и приказалъ имъ сперва, если представится возможность повести переговоры, ласковыми рѣчами склонять жителей къ тому, чтобы они отворили ворота и приняли гарнизонъ; если же они будутъ упорствовать, то употребить силу и попытаться, нельзя ли напасть на городъ съ какой-нибудь стороны. Какъ только они подступили къ стѣнамъ, то имъ показалось, что городъ покинутъ, такъ какъ въ немъ царила тишина; полагая, что жители отъ страха очистили городъ, варваръ принялся ломать ворота и сокрушать запоры, какъ вдругъ они открылись, и оттуда съ страшнымъ шумомъ бросились двѣ когорты, выстроенныя внутри города именно для этой цѣли, и произвели избіеніе непріятелей. Когда такимъ образомъ отражены были первые ряды враговъ, посланъ былъ Магарбалъ съ бо́льшимъ числомъ отборнаго войска, но и онъ также не могъ выдержать натиска римлянъ. Наконецъ, Ганнибалъ, разбивъ лагерь передъ самыми стѣнами, принялся штурмовать малый городъ и незначительный гарнизонъ изо всѣхъ силъ со всѣми войсками. Но въ то время, какъ онъ вызывающимъ образомъ подступалъ къ городу, окруживъ его со всѣхъ сторонъ кольцомъ, онъ лишился нѣсколькихъ воиновъ и притомъ самыхъ храбрыхъ, которые были убиты со стѣны и башенъ. Однажды, когда и горожане сами попытались сдѣлать вылазку, онъ выставилъ противъ нихъ рядъ слоновъ [1]) и чуть было не отрѣзалъ ихъ отъ города; въ большомъ замѣшательствѣ онъ погналъ ихъ обратно въ городъ, причемъ, сообразно съ такимъ небольшимъ гарнизономъ, убито было довольно большое число. Убито было бы еще больше, еслибы ночь не прервала сраженія. На слѣдующій день всѣ воины воспламенились желаніемъ штурмовать городъ, особенно когда выставили золотой „стѣнной“ вѣнокъ [2]), и самъ полководецъ упрекалъ завоевателей Сагунта въ лѣнивой осадѣ укрѣпленія, лежащаго на ровной мѣстности, напоминая каждому въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ о Каннахъ, Тразименскомъ озерѣ и Требіи. Послѣ этого стали подвигать винеи [3]) и дѣлать подкопы. Но противъ разнообразныхъ попытокъ враговъ оказалось достаточно силы и искусства: союзники римлянъ воз-

---

¹) Ливій забылъ упомянуть, что Ганнибалъ получилъ новый транспортъ слоновъ изъ Африки, такъ какъ послѣ сраженія при Требіи у него остался только одинъ слонъ (XXII 2). ²) См. VI 20 примѣч. ³) См. примѣч. къ II 17.

двигли противъ навѣсовъ брустверы [1]), непріятельскія мины уничтожали контрминами, принимали мѣры противъ явныхъ и тайныхъ начинаній враговъ, пока, между прочимъ, и чувство стыда не отклонило Ганнибала отъ его предпріятія; но чтобы не подумали, что онъ совсѣмъ отказался отъ своего намѣренія, онъ укрѣпилъ лагерь, оставилъ въ немъ достаточный гарнизонъ и отправился на зимнія квартиры въ Капую.

Тамъ большую часть зимы онъ продержалъ въ крытыхъ помѣщеніяхъ свое войско, которое, благодаря частымъ случайностямъ и продолжительному походу, закалено было противъ всѣхъ человѣческихъ невзгодъ и, не испытавъ удобствъ, не привыкло къ нимъ. И вотъ людей, которыхъ не сокрушили никакія страданія, погубили излишнія удобства и неумѣренныя удовольствія, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ съ большею жадностью они съ непривычки бросились на нихъ. Именно—сонъ, вино, пиры, развратъ, бани и праздность, въ силу привычки со дня на день все болѣе и болѣе прельщавшая ихъ, такъ обезсилили ихъ физически и нравственно, что впослѣдствіи ихъ болѣе поддерживали прошлыя побѣды, чѣмъ наличныя силы, и люди, опытные въ военномъ дѣлѣ, считали это со стороны полководца бо́льшимъ промахомъ, чѣмъ то, что, послѣ сраженія при Каннахъ, онъ не повелъ тотчасъ войска на Римъ [2]); ибо бездѣйствіе того времени, какъ могло казаться, только отсрочило побѣду, а настоящая ошибка лишила силъ, чтобы побѣждать. Такимъ образомъ, клянусь Геркулесомъ, Ганнибалъ нигдѣ и ни въ чемъ не могъ удержать прежней дисциплины, точно онъ вывелъ изъ Капуи другое войско: большая часть воиновъ увлеклась любовницами и возвратилась въ Капую, и, какъ только ихъ стали держать опять въ палаткахъ, и пришлось выносить переходы и прочія военныя невзгоды, у нихъ, какъ у новобранцевъ, не хватило ни тѣлесныхъ силъ, ни душевной бодрости. Затѣмъ во время лѣтняго похода большая часть воиновъ, не испросивъ отпуска, покидала знамена, и для дезертировъ не было другого пристанища, какъ въ Капуѣ.

19. Но когда зима стала мягче, онъ вывелъ войско изъ зимнихъ квартиръ и возвратился въ Казилинъ, гдѣ, хотя прекратили штурмъ, но постоянной осадой довели горожанъ и гарнизонъ до крайней нужды. Надъ римскимъ лагеремъ [3]) начальствовалъ Тиб. Семпроній, такъ какъ диктаторъ

---

¹) Оборонительныя укрѣпленія. ²) См. XXII 51. ³) Римскій лагерь находился къ В. отъ Казилина.

отправился въ Римъ для повторенія авспицій [1]). Марцеллу, который также желалъ оказать помощь осажденнымъ, мѣшали, съ одной стороны, разливъ Вольтурна, а съ другой—просьбы жителей Нолы и Ацерръ, которые опасались кампанцевъ, въ случаѣ отступленія римскаго гарнизона. Гракхъ, находившійся только вблизи Казилина, но бездѣйствовавшій вслѣдствіе запрещенія диктатора предпринимать что бы то ни было въ его отсутствіе, не трогался съ мѣста, хотя изъ Казилина доходили сообщенія, которыя могли превозмочь всякое терпѣніе, такъ какъ было извѣстно, что нѣкоторые, не будучи въ силахъ переносить голодъ, бросались со стѣнъ, а другіе становились на стѣны, подставляя обнаженную грудь подъ метательныя копья. Гракхъ съ болью въ сердцѣ терпѣлъ такое положеніе и потому, что вслѣдствіе запрещенія диктатора не смѣлъ завязывать сраженіе,—что сразиться придется, если онъ захочетъ открыто доставить осажденнымъ хлѣбъ, это онъ видѣлъ,—и потому, что не надѣялся на возможность доставить имъ хлѣбъ тайно; поэтому онъ велѣлъ собрать съ окрестныхъ полей пшеницу, наполнить ею много бочекъ и далъ знать въ Казилинѣ городскому управленію, чтобы жители перехватывали бочки, которыя принесетъ имъ теченіе. Въ слѣдующую ночь, когда всѣ напряженно смотрѣли на рѣку въ надеждѣ на помощь, обѣщанную римскимъ вѣстникомъ, приплыли бочки, пущенныя по срединѣ рѣки: хлѣбъ былъ раздѣленъ поровну между всѣми. То же повторилось на второй и на третій день: ночью пускали бочки и ночью же онѣ приплывали; такъ обманывали римляне непріятельскую стражу. Спустя нѣкоторое время, вслѣдствіе постоянныхъ дождей, усилилось противъ обыкновеннаго теченіе рѣки, косымъ направленіемъ котораго бочки прибило къ берегу, охраняемому непріятелями. Тутъ онѣ завязли въ росшемъ у берега ивнякѣ и были замѣчены врагами; доложили объ этомъ Ганнибалу и стали зорче слѣдить, чтобы римляне ничего не посылали тайно по Вольтурну въ городъ. Но изъ римскаго лагеря высыпали орѣхи, которые по срединѣ рѣки неслись къ Казилину и тамъ были перехватаемы плетенками. Наконецъ, голодъ принялъ такіе крайніе размѣры, что горожане пробовали жевать ремни и снятую со щитовъ кожу, размягченные въ кипяткѣ, не воздерживались и отъ крысъ и другихъ животныхъ и вырывали всякую зелень и корни въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ у городского вала. Такъ какъ непріятели перепахали за стѣною все поле, покрытое травою, то жители города набросали туда сѣмена рѣпъ, такъ что Ганнибалъ воскликнулъ: „неужели мнѣ суждено сидѣть у Казилина до тѣхъ поръ, пока не выростетъ рѣпа?“ И вотъ Ганнибалъ, который прежде не хотѣлъ слушать ни о какихъ условіяхъ, теперь, наконецъ, позволилъ начать съ собою переговоры о выкупѣ свободныхъ гражданъ. Условленная выкупная плата за человѣка было 7 унцій [1]) золота. Заручившись клятвеннымъ увѣреніемъ Ганнибала, жители сдались. До выплаты всего количества золота ихъ держали въ оковахъ, а затѣмъ, вполнѣ согласно съ обѣщаніемъ, отпустили. Такая участь ихъ болѣе вѣроятна, чѣмъ извѣстіе, что они были убиты всадниками, посланными противъ нихъ въ то время, когда они уходили изъ Казилина. Большая часть ихъ были пренестинцы. Изъ 570 человѣкъ, состоявшихъ въ гарнизонѣ, погибло отъ меча и голода менѣе половины, прочіе благополучно вернулись въ Пренесте со своимъ преторомъ М. Аниціемъ, бывшимъ раньше писцомъ. Доказательствомъ сказаннаго служила поставленная ему на площади въ Пренесте статуя въ панцырѣ, въ тогѣ, съ покрытой головой, и 3 статуи боговъ съ подписью на мѣдной плитѣ: „М. Аницій соорудилъ это по обѣту за спасеніе воиновъ, состоявшихъ въ казилинскомъ гаризонѣ“. Та же надпись находилась подъ 3 изображеніями боговъ, поставленными въ храмѣ Фортуны. **20**. Городъ Казилинъ былъ возвращенъ [2]) кампанцамъ и укрѣпленъ гарнизономъ въ 700 человѣкъ изъ войска Ганнибала, для того, чтобы, по удаленіи пунійцевъ, римляне не осадили его. Римскій сенатъ назначилъ пренестинскимъ воинамъ двойное жалованье [3]) и освободилъ ихъ на 5 лѣтъ отъ военной службы. Отъ предложенныхъ же за храбрость правъ гражданства [4]) они отказались. Извѣстіе объ участи перузинцевъ болѣе смутны, такъ какъ они не удостовѣрены никакимъ ихъ памятникомъ и никакимъ постановленіемъ со стороны римлянъ.

Въ то же самое время петелиновъ, единственный народъ

[1]) См. VIII 30 примѣч.

[1]) Около 150 руб. [2]) Казилинъ былъ давно отнятъ римлянами у кампанцевъ. Ср. VIII 11, 12. [3]) Двойное жалованье за походъ выплачивалось изъ римской казны. [4]) Принимать права гражданства не принуждали; свободный гор. Пренесте имѣлъ свои законы, и потому упомянутые здѣсь пренестинцы предпочли остаться гражданами своего города; въ противномъ случаѣ, имъ пришлось-бы сдѣлаться римскими гражданами.

въ Бруттіи, остававшійся вѣрнымъ римской дружбѣ, осаждали не только карѳагеняне, бывшіе въ этой странѣ, но и прочіе бруттіи за то, что они отдѣлились отъ своихъ. Такъ какъ петелины не въ силахъ были отстранить такой бѣды, то отправили въ Римъ пословъ просить помощи. Когда имъ предложено было самимъ позаботиться о себѣ, они въ преддверіи куріи съ плачемъ жаловались на свою участь. Ихъ слезныя просьбы вызвали въ сенаторахъ и въ народѣ [1]) чрезвычайное состраданіе. На вторичный вопросъ претора Эмилія сенаторы, всесторонне обсудивъ силы государства, вынуждены были признаться, что они уже не могутъ оказать никакой помощи отдаленнымъ союзникамъ, и предложили имъ возвратиться домой и, хотя они до послѣдняго момента оставались вѣрными римскому союзу, на будущее время, сообразно съ настоящимъ положеніемъ, самимъ заботиться о себѣ. Когда послы возвратились съ такимъ отвѣтомъ, сенаторами ихъ вдругъ овладѣла такая печаль и такой ужасъ, что одни предлагали бѣжать, куда кто можетъ и покинуть городъ, а другіе, въ виду измѣны старинныхъ союзниковъ, присоединиться къ прочимъ бруттіямъ и при ихъ посредствѣ сдаться Ганнибалу. Однако, верхъ одержали тѣ, которые полагали не принимать никакихъ рѣшеній второпяхъ и на удачу, но обсудить этотъ вопросъ вторично. На слѣдующій день знатнѣйшіе сенаторы разсмотрѣли дѣло спокойнѣе и настояли на томъ, чтобы собрать все съ полей и укрѣпить городъ и стѣны.

21. Почти въ то же время присланы были въ Римъ письма изъ Сициліи и Сардиніи. Прежде прочитано было въ сенатѣ письмо пропретора Отацилія изъ Сициліи, въ которомъ сообщалось, что преторъ П. Фурій съ флотомъ прибылъ изъ Африки въ Лилибей, что самъ преторъ тяжело раненъ и жизнь его въ крайней опасности; воины и матросы не получаютъ въ срокъ ни жалованья, ни хлѣба [2]), и неоткуда взять его; что онъ, Отацилій, убѣдительно совѣтуетъ какъ можно скорѣе выслать то и другое и, если сенату угодно, прислать замѣстителя ему изъ новыхъ преторовъ. Почти то же сообщалъ о жалованьи и о хлѣбѣ изъ Сардиніи пропреторъ А. Корнелій Маммула [3]). Обоимъ данъ

1) Народъ, стоявшій на площади, могъ видѣть пословъ въ преддверіи куріи. 2) Жалованье выдавалось въ концѣ года или по полугодіямъ, а провизія помѣсячно. 3) О времени отправленія Корнелія въ Сардинію Ливій не сообщаетъ.

былъ отвѣтъ, что прислать имъ нечего, и предложено самимъ позаботиться о флотѣ и войскѣ. Т. Отацилій послалъ къ Гіерону, единственному благодѣтелю римскаго народа, пословъ и получилъ отъ него необходимую сумму денегъ на жалованье и хлѣба на 6 мѣсяцевъ. Корнелію въ Сардиніи благосклонно оказали помощь союзныя государства. И въ Римѣ, также вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, по предложенію народнаго трибуна М. Минуція назначены были тріумвиры, завѣдывающіе банкомъ [1]): Л. Эмилій Папъ, бывшій консуломъ и цензоромъ, М. Атилій Регулъ, бывшій два раза консуломъ, и М. Скрибоній Либонъ, бывшій тогда народнымъ трибуномъ. Избраны были также дуумвиры М. и Г. Атиліи, которые освятили храмъ Согласія, обѣщанный преторомъ Л. Манліемъ [2]). Наконецъ, избраны были три понтифика—Кв. Цецилій Метеллъ, Кв. Фабій Максимъ и Кв. Фульвій Флакъ, вмѣсто умершаго Скантина и павшихъ въ сраженіи при Каннахъ консула Л. Эмилія Павла и Кв. Элія Пета.

22. Когда отцы, насколько это было въ человѣческихъ силахъ, пополнили всѣ прочіе пробѣлы, образовавшіеся вслѣдствіе постоянныхъ пораженій, то обратили, наконецъ, вниманіе и на себя, на опустѣвшую курію и небольшое число собирающихся на государственныя совѣщанія. Вѣдь со времени цензорства Л. Эмилія и Г. Фламинія не производилось выборовъ въ сенатъ, не смотря на то, что несчастныя сраженія, а сверхъ того и несчастные случаи съ отдѣльными лицами въ теченіе 5 лѣтъ погубили такое большое число сенаторовъ. Такъ какъ диктаторъ послѣ потери Казилина уже отправился къ войску [3]), то преторъ М. Эмилій, по требованію всѣхъ сенаторовъ, сдѣлалъ объ этомъ докладъ; и тогда Сп. Карвилій сказалъ длинную рѣчь, въ которой жаловался не только на недостатокъ сенаторовъ, но и на малочисленность гражданъ [4]), которыхъ можно было бы выбрать въ отцы. Далѣе онъ настоятельно совѣтовалъ, съ цѣлью пополнить сенатъ и установить болѣе тѣсное единеніе латинскаго племени съ римскимъ, дать по выбору римскихъ отцовъ права гражданства двумъ сенаторамъ изъ каждаго латинскаго народа и выбрать ихъ въ сенаторы на мѣ-

1) Вслѣдствіе недостатка денегъ у частныхъ лицъ, былъ учрежденъ банкъ, гдѣ можно было за поручительствомъ получить ссуды; ср. VII 21 примѣч. Вообще же банкъ у римлянъ былъ учрежденіемъ временнымъ и открывался при исключительныхъ обстоятельствахъ. Ср. XXVI 36. 2) См. XXII 33. 3) См. гл. 19. 4) Во время царей въ сенаторы выбирали изъ патриціевъ, со временъ Сервія Туллія и первыхъ консуловъ—и изъ всадниковъ.

сто умершихъ. Сенаторы выслушали это предложеніе съ такимъ же неудовольствіемъ, какъ нѣкогда требованіе самихъ латинянъ [1]), во всей куріи слышны были негодующіе голоса, особенно голосъ Т. Манлія, заявившаго, что и теперь еще есть человѣкъ [2]) того рода, изъ котораго происходилъ консулъ, грозившій нѣкогда въ Капитоліи убить собственноручно латинянина, котораго увидитъ въ куріи. Тутъ Кв. Фабій Максимъ заявилъ, что никогда еще въ сенатѣ не поднимали ни одного вопроса болѣе не кстати, чѣмъ въ настоящее время, когда при такомъ напряженномъ состояніи и колебаніи союзниковъ затрогиваютъ то, что еще болѣе можетъ ихъ взволновать. Поэтому эту безразсудную рѣчь одного человѣка слѣдуетъ уничтожить всеобщимъ молчаніемъ и, если въ куріи поднимали когда-либо какой-нибудь тайный, священный вопросъ, о которомъ слѣдовало молчать, то прежде всего слѣдуетъ этотъ вопросъ скрыть, утаить, забыть и считать не возбужденнымъ. Такимъ образомъ упоминаніе объ этомъ вопросѣ было подавлено, и было рѣшено назначить въ диктаторы старѣйшаго изъ бывшихъ нѣкогда цензорами и оставшихся еще въ живыхъ, для того, чтобы произвести выборъ сенаторовъ, и приказано пригласить консула Г. Теренція для назначенія диктатора. Консулъ оставилъ гарнизонъ въ Апуліи, быстро возвратился въ Римъ и, по обычаю, въ слѣдующую же ночь, на основаніи сенатскаго постановленія, назначилъ М. Фабія Бутеона диктаторомъ на 6 мѣсяцевъ безъ начальника конницы. **23.** Когда диктаторъ въ сопровожденіи ликторовъ взошелъ на каѳедру, то заявилъ, что не одобряетъ ни выбора двухъ диктаторовъ, чего прежде никогда не бывало, ни выбора диктатора безъ начальника конницы, ни передачи цензорской власти одному лицу и притомъ одному и тому же во второй разъ, ни предоставленія власти на 6 мѣсяцевъ диктатору, если онъ не выбранъ для веденія войны. Неограниченную власть диктатора, вызванную случаемъ и затруднительнымъ положеніемъ государства, онъ ограничитъ; онъ не исключитъ изъ сената никого изъ тѣхъ, которыхъ выбрали въ сенаторы цензоры Г. Фламиній и Л. Эмилій, но прикажетъ только переписать ихъ имена въ другіе списки и прочитать ихъ, чтобы одинъ человѣкъ не судилъ и не рѣшалъ вопроса о добромъ имени и нравственности сенатора.

[1]) См. VIII 5. [2]) Т. Манлій (кон. 519 и 530 гг.) имѣетъ въ виду себя.

выборъ сенаторовъ на мѣсто умершихъ онъ произведетъ такъ, что предпочтеніе явно будетъ отдано сословію передъ сословіемъ, а не человѣку передъ человѣкомъ. По прочтеніи списковъ прежнихъ сенаторовъ, онъ избралъ на мѣсто умершихъ сенаторовъ прежде всего тѣхъ, которые послѣ цензорства Л. Эмилія и Г. Фламинія занимали курульную должность и еще не были выбраны въ сенатъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ каждый былъ выбранъ на эту должность; затѣмъ тѣхъ, которые были эдилами, народными трибунами и квесторами, наконецъ изъ не занимавшихъ такихъ должностей тѣхъ, у которыхъ дома на стѣнахъ висѣли снятые съ непріятеля доспѣхи или которые имѣли гражданскій вѣнокъ [1]). Выбравъ такимъ образомъ 177 человѣкъ въ сенаторы при чрезвычайномъ одобреніи присутствующихъ, онъ тотчасъ же сложилъ съ себя должность и сошелъ съ каѳедры въ качествѣ простого гражданина, приказавъ ликторамъ удалиться. Онъ замѣшался въ толпу людей, занятыхъ своими частными дѣлами, и нарочно проводилъ тамъ время, не желая дать повода народу оставить форумъ для того, чтобы сопровождать его домой. Не смотря на такую проволочку, участіе граждaнъ къ нему не охладѣло, и большая толпа сопровождала его домой. Въ слѣдующую ночь консулъ отправился обратно къ своему войску, не увѣдомивъ о томъ сенатъ, чтобы его не удерживали въ городѣ для созыва комицій.

24. На слѣдующій день сенатъ, спрошенный преторомъ М. Помпоніемъ, рѣшилъ написать диктатору, чтобы онъ вмѣстѣ съ начальникомъ конницы и преторомъ М. Марцелломъ прибылъ въ Римъ для выбора консуловъ, если считаетъ это полезнымъ для блага государства; имѣлось въ виду, чтобы сенаторы могли лично отъ нихъ узнать, въ какомъ положеніи государство, и соотвѣтственно этому принять мѣры. Всѣ на зовъ явились, оставивъ легатовъ для командованія легіонами. Диктаторъ говорилъ о себѣ мало, и притомъ скромно, приписывая большую часть славы начальнику конницы, Тиб. Семпронію Гракху, и назначилъ комиціи, на которыхъ избраны были въ консулы управлявшій тогда провинціей Галліей Л. Постумій, заочно въ третій разъ, и Тиб. Семпроній Гракхъ, бывшій тогда начальникомъ конницы и курульнымъ эдиломъ. Затѣмъ въ преторы избраны были М. Валерій Левинъ во второй разъ, Ап. Клавдій Пульхеръ, Кв.

[1]) См. VI 20 примѣч.

Фульвій Флаккъ, Кв. Муцій Сцевола. Послѣ выборовъ диктаторъ возвратился на зимнія квартиры въ Теанъ къ войску, оставивъ въ Римѣ начальника конницы, съ тѣмъ, чтобы онъ, такъ какъ онъ долженъ былъ по истеченіи нѣсколькихъ дней вступить въ должность, спросилъ мнѣніе отцовъ о наборѣ и о снаряженіи войскъ на слѣдующій годъ.

Въ то время, какъ римляне особенно заняты были выборами, получено было извѣстіе о новомъ пораженіи—въ этотъ годъ судьба посылала одно пораженіе за другимъ—именно, будто предназначенный консулъ Л. Постумій [1]) со всѣмъ войскомъ погибъ въ Галліи. Лѣсъ,—галлы его называли Литанскимъ—по которому онъ хотѣлъ провести войско, былъ великъ. Въ этомъ лѣсу съ правой и лѣвой стороны дороги галлы такъ подпилили деревья, что, если ихъ не трогать, то они стояли неподвижно, при малѣйшемъ же толчкѣ падали. У Постумія было два римскихъ легіона и столько союзниковъ, набранныхъ имъ въ областяхъ у Адріатическаго моря [2]), что онъ ввелъ въ непріятельскую страну 25000 вооруженныхъ. Галлы расположились кругомъ на опушкѣ лѣса и, какъ только войско вошло въ лѣсъ, толкнули крайнія изъ подпиленныхъ деревьевъ. Эти деревья падали на другія, которыя сами по себѣ не были устойчивы и еле-еле держались при помощи другихъ, и они съ обѣихъ сторонъ повалились на людей, оружіе и лошадей, такъ что спаслось едва только 10 человѣкъ. Большая часть была убита стволами деревьевъ и отломившимися вѣтвями, прочіе же, смущенные этой неожиданностью, были перебиты вооруженными галлами, засѣвшими вокругъ всего лѣса, причемъ изъ такого большого числа взяты были въ плѣнъ немногіе, которые устремились къ мосту на рѣкѣ, но были отрѣзаны, такъ какъ мостъ былъ уже занятъ врагами. Тутъ палъ Постумій, сражавшійся изо всѣхъ силъ, чтобы не попасть въ плѣнъ. Доспѣхи вождя и его отрубленную голову бои съ торжествомъ отнесли въ свой самый священный храмъ. Затѣмъ голову эту очистили, а черепъ, по обычаю, оправили въ золото и, какъ священный сосудъ, употребляли въ торжественныхъ случаяхъ для возліяній, а для жрецовъ и предстоятелей храма онъ служилъ и чашей. Добыча галловъ была такъ же велика, какъ и побѣда: хотя большая часть животныхъ была задавлена упавшими деревьями, зато

[1]) Постумій былъ консуломъ въ 525 и 529 гг. [2]) Въ Умріи и Пиценумѣ.

прочія вещи найдены были лежащими по всей линіи павшаго войска, такъ какъ ничего не было потеряно во время бѣгства.

25. По полученіи извѣстія объ этомъ пораженіи, государство много дней находилось въ такомъ страхѣ, что лавки были заперты, и въ городѣ царила тишина, точно ночью, вслѣдствіе чего сенатъ поручилъ эдиламъ обойти городъ и приказать открыть лавки и уничтожить въ городѣ знаки общественнаго траура. Послѣ этого Тиб. Семпроній собралъ сенатъ, успокаивалъ сенаторовъ и уговаривалъ ихъ, разъ они могли вынести каннское пораженіе, не падать духомъ при меньшемъ несчастіи. Лишь бы только-де съ врагами кареагенянами и Ганнибаломъ все обстояло благополучно, на что онъ надѣется, а войну съ галлами можно съ одинаковою безопасностью и оставить безъ вниманія, и отложить; месть за этотъ обманъ останется во власти боговъ и римскаго народа. Надо посовѣтоваться и принять мѣры относительно враговъ пунійцевъ и того войска, при помощи котораго слѣдуетъ вести эту войну. Прежде всего онъ самъ изложилъ, сколько въ войскѣ диктатора пѣхотинцевъ, всадниковъ, граждан и союзниковъ; затѣмъ Марцеллъ представилъ численность своего войска, а о количествѣ войска въ Апуліи у консула Г. Теренція спросилъ людей, знающихъ его составъ. Не находили только возможности набрать консуламъ войска, достаточно сильнаго для веденія такой серіозной войны; поэтому рѣшено было въ этомъ году отказаться отъ войны съ Галліей, хотя и побуждалъ къ ней основательный гнѣвъ. Войско диктатора назначено было консулу. Что касается войска Марцелла, то рѣшено было тѣхъ воиновъ его, которые бѣжали послѣ битвы при Каннахъ, переправить въ Сицилію и заставить ихъ тамъ служить все время войны въ Италіи. Туда же рѣшено было послать слабѣйшихъ воиновъ изъ войска диктатора Юнія, не опредѣляя напередъ срока службы сверхъ узаконеннаго числа походовъ. Два городскихъ легіона были назначены другому консулу, который имѣетъ замѣстить Л. Постумія, и рѣшено было избрать таковаго, какъ только это можно будетъ сдѣлать, не нарушая авспицій. Сверхъ того, рѣшено было какъ можно скорѣе вызвать изъ Сициліи два легіона, изъ коихъ консулъ, которому достались городскіе легіоны, долженъ былъ взять столько воиновъ, сколько ему понадобится; консулу Г. Теренцію продлить власть на одинъ

годъ и нисколько не уменьшать войско, которое у него было для защиты Апуліи.

26. Таковы были мѣропріятія и приготовленія въ Италіи; въ то же время римляне не съ меньшей энергіей вели войну въ Испаніи, но пока болѣе счастливо. Между тѣмъ какъ П. и Гн. Сципіоны раздѣлили между собою войско такъ, что Кней велъ войну на сушѣ, а Публій на морѣ, пуническій главнокомандующій Газдрубалъ, не довѣрявшій особенно ни тому, ни другому роду своего войска, держался вдали отъ врага, увѣренный въ своей безопасности только благодаря разстоянію и природѣ мѣстности, пока на многократныя и продолжительныя просьбы его ему не выслали изъ Африки подкрѣпленія, въ 4000 пѣхотинцевъ и 1000 всадниковъ. Затѣмъ, когда, наконецъ, надежды его оживились, онъ подошелъ ближе къ непріятелю и съ своей стороны приказалъ флоту снарядиться и приготовиться къ защитѣ острововъ [1]) и приморскаго побережья. Въ самый разгаръ новыхъ приготовленій къ войнѣ, его напугала измѣна начальниковъ союзнаго флота, которые никогда не были вѣрны ни вождю, ни интересамъ карѳагенянъ послѣ суроваго упрека, сдѣланнаго имъ за то, что они вслѣдствіе трусости покинули флотъ у Гибера. Эти перебѣжчики произвели бунтъ среди тартезіевъ [2]): подъ ихъ вліяніемъ отпало нѣсколько городовъ, а одинъ даже былъ взятъ ими штурмомъ. Противъ этого народа вмѣсто римлянъ начата была война. Газдрубалъ двинулся съ готовымъ къ бою войскомъ въ непріятельскую страну и рѣшилъ напасть на знатнаго вождя тартезіевъ—Халба, который съ сильнымъ войскомъ держался лагеремъ передъ стѣнами города, взятаго нѣсколько дней тому назадъ. И вотъ онъ послалъ впередъ легковооруженныхъ, чтобы выманить непріятеля на бой, а часть конницы разослалъ въ разныя стороны для опустошенія страны и для того, чтобы ловить разсѣявшихся враговъ. Одновременно произошло замѣшательство въ лагерѣ Халба и въ поляхъ бѣгство и избіеніе; затѣмъ, когда враги со всѣхъ сторонъ вернулись разными путями въ лагерь, то они быстро оправились отъ страха, и у нихъ хватило мужества не только защищать укрѣпленія, но и вызывать врага на бой. И вотъ они, по обычаю, съ пляской выскочили изъ лагеря и своею неожиданною смѣлостью внушили страхъ непріятелю, который недавно самъ вызывалъ ихъ на бой. Поэтому Газдрубалъ тоже отвелъ войско на довольно крутой холмъ, защищенный сверхъ того протекающей передъ нимъ рѣкой, и стянулъ туда же посланныхъ впередъ легковооруженныхъ и разсѣявшихся всадниковъ; кромѣ того, не полагаясь вполнѣ ни на рѣку, ни на холмъ, онъ укрѣпилъ лагерь палисадомъ. При такомъ обоюдномъ страхѣ, дано было нѣсколько сраженій; но нумидійскіе всадники уступали испанскимъ, а маврскіе метатели—воинамъ, вооруженнымъ легкими щитами; послѣдніе, обладая одинаковою съ ними ловкостью, значительно превосходили ихъ мужествомъ и силою. **27**. Постоявъ передъ лагеремъ пунійцевъ и не будучи въ состояніи вызвать ихъ на бой, испанцы, въ виду трудности штурма лагеря, взяли приступомъ городъ Аскую, куда Газдрубалъ, при вступленіи въ непріятельскую страну, свезъ хлѣбъ и прочіе запасы, и завладѣли окрестнымъ пространствомъ. Съ этого времени никакая власть не могла сдержать ихъ ни во время похода, ни въ лагерѣ. Какъ только Газдрубалъ замѣтилъ со стороны враговъ безпечность, которая обыкновенно бываетъ результатомъ удачи, онъ уговорилъ воиновъ напасть на враговъ, разсѣявшихся безъ знаменъ [1]), сошелъ съ холма и повелъ войско въ боевомъ порядкѣ къ лагерю. Когда вѣстники и воины, сбѣжавшіе съ наблюдательныхъ пунктовъ и сторожевыхъ постовъ, въ тревогѣ дали знать о прибытіи Газдрубала, было приказано готовиться къ бою. Каждый, какъ только схватилъ оружіе, безъ команды, безъ сигнала, безъ строя и въ безпорядкѣ бросался въ сраженіе. Передовые уже вступили въ бой, между тѣмъ какъ другіе только бѣжали толпами, а иные и не выступили еще изъ лагеря. Не смотря на это, они въ началѣ одной своею храбростью напугали врага, затѣмъ, когда небольшимъ отрядомъ они устремились на сомкнутую массу враговъ и вслѣдствіе своей малочисленности оказались въ опасномъ положеніи, то они стали искать взорами одинъ другого и, гонимые со всѣхъ сторонъ, сбились въ кучу. Тѣснясь другъ къ другу и соединяя оружіе съ оружіемъ, они такъ были скучены, что имъ негдѣ было дѣйствовать оружіемъ. Тутъ карѳагеняне окружили ихъ кольцомъ, и большую часть дня происходило избіеніе. Небольшой отрядъ пробился и устремился въ лѣсъ и горы. Подъ вліяніемъ того же страха, по-

[1]) Балеарскихъ и Питіусскихъ. [2]) Другое названіе турдетановъ или турдуловъ.

[1]) Т.-е. воины не находились каждый въ своей части, а бродили въ безпорядкѣ.

кинутъ былъ лагерь, и весь народъ на слѣдующій день сдался кароагенянамъ.

Но недолго продолжался миръ. Вскорѣ пришелъ изъ Кароагена приказъ, чтобы Газдрубалъ какъ можно скорѣе велъ войско въ Италію. Только-что распространился слухъ объ этомъ по Испаніи, какъ почти всѣ стали склоняться на сторону римлянъ. Поэтому Газдрубалъ тотчасъ же отправилъ въ Кароагенъ письмо съ увѣдомленіемъ, какой вредъ причинилъ слухъ объ его отправленіи; онъ сообщалъ, что, если дѣйствительно тронется оттуда, то Испанія еще до перехода его черезъ Гиберъ окажется въ рукахъ римлянъ: не говоря уже о томъ, что у него нѣтъ ни гарнизона, ни вождя, котораго онъ могъ бы оставить вмѣсто себя,—римскіе главнокомандующіе такъ хороши, что, даже при равенствѣ силъ, имъ едва можно оказывать сопротивленіе. Поэтому онъ просилъ кароагенянъ, если имъ Испанія хоть сколько-нибудь дорога, прислать ему замѣстителя съ сильнымъ войскомъ, прибавляя, что, если даже все будетъ обстоять благополучно, то все таки провинція доставитъ ему не мало хлопотъ. **28.** Хотя это письмо въ началѣ произвело на сенатъ глубокое впечатлѣніе, однако никакихъ измѣненій въ распоряженіяхъ относительно Газдрубала и его войска не послѣдовало, такъ какъ забота объ Италіи была для нихъ важнѣе и настоятельнѣе. Гимильконъ посланъ былъ съ формально набраннымъ войскомъ и усиленнымъ флотомъ занять Испанію съ суши и съ моря и защищать ее. Какъ только онъ переправилъ сухопутное и морское войско, онъ укрѣпилъ лагерь, вытащилъ корабли на берегъ [1]) и окружилъ ихъ валомъ, а самъ съ отборными всадниками возможно поспѣшно прибылъ къ Газдрубалу, проходя съ одинаковою осторожностью среди народовъ, вѣрность которыхъ была сомнительна, и среди народовъ отпавшихъ. Изложивъ ему постановленіе и порученіе сената и въ свою очередь выслушавъ его наставленіе, какъ вести войну въ Испаніи, онъ возвратился въ лагерь, ограждая себя отъ опасности главнымъ образомъ своей быстротой, такъ какъ отовсюду удалялся прежде, чѣмъ нѣсколько народовъ успѣвало согласиться напасть на него. Не выступая еще въ походъ, Газдрубалъ потребовалъ денегъ отъ всѣхъ народовъ, бывшихъ подъ властью кароагенянъ, зная хорошо, что Ганнибалъ

1) Вблизи Новаго Кароагена.

купилъ за деньги позволеніе пройти черезъ нѣкоторые проходы и имѣлъ только наемныя галльскія вспомогательныя войска. Онъ былъ того мнѣнія, что, еслибы Ганнибалъ безъ денегъ предпринялъ такой походъ, то врядъ ли онъ дошелъ бы до Альпъ; поэтому, быстро взыскавъ деньги, онъ направился къ Гиберу.

Какъ только дошелъ до римлянъ слухъ о рѣшеніи кароагенянъ и о походѣ Газдрубала, оба вождя, оставивъ все прочее безъ вниманія, приготовились соединенными силами идти ему на встрѣчу и пресѣчь его замыселъ. Они были того убѣжденія, что, если Газдрубалъ и находившееся въ Испаніи кароагенское войско соединятся съ Ганнибаломъ, съ которымъ однимъ едва справляется Италія, то результатомъ будетъ конечная гибель римскаго государства. Тревожимые этою мыслью, они соединили свои войска у Гибера, перешли рѣку и, послѣ долгихъ совѣщаній: стать ли лагеремъ противъ непріятельскаго лагеря, или удовлетвориться задержаніемъ врага отъ предположеннаго похода, нападая на кароагенскихъ союзниковъ, начали штурмовать богатѣйшій въ то время городъ въ этой странѣ Гибера, названный такъ по имени ближайшей рѣки. Какъ только узналъ объ этомъ Газдрубалъ, онъ, вмѣсто того, чтобы оказать помощь союзникамъ, самъ приступилъ къ штурму недавно сдавшагося подъ покровительство римлянъ города. Вслѣдствіе этого, римляне отказались отъ начатой уже осады и обратили войну противъ самаго Газдрубала. **29.** Нѣсколько дней оба лагеря находились одинъ отъ другого на разстояніи 5000 шаговъ, причемъ, хотя войска и завязывали легкія стычки, но до сраженія дѣло не доходило. Наконецъ, въ одинъ и тотъ же день, точно по уговору, въ обоихъ лагеряхъ выставленъ былъ сигналъ къ сраженію, и всѣ войска вышли на равнину. Римское войско выстроилось въ три шеренги [1]); одна половина легковооруженныхъ [2]) была помѣщена между передовыми, а другая позади знаменъ, на флангахъ же стояли всадники. Газдрубалъ укрѣпилъ центръ войска испанцами, на правомъ флангѣ помѣстилъ пунійцевъ, а на лѣвомъ африканцевъ [3]) и наемныя вспомогательныя войска [4]); изъ всадниковъ — нумидійскихъ онъ по-

1) Объ этомъ строѣ см. VII 23, примѣч.; ср. VIII 8. 2) Обыкновенно легковооруженные стояли впереди строя, чтобы начинать сраженіе. 3) Африканцы— жители Африки, не принадлежавшіе къ пунійцамъ. 4) Испанцы и африканцы, какъ подчиненные, выставляли свои войска, и сверхъ того были еще наемные испанцы, нумидійцы, галлы и др.

ставилъ къ пунической пѣхотѣ, остальныхъ—на флангѣ у африканцевъ. Но не всѣ нумидійцы помѣщены были на правомъ флангѣ, а только тѣ, которые, въ родѣ опытныхъ наѣздниковъ, имѣли по двѣ лошади и, по обычаю, часто по пылу сраженія въ полномъ вооруженіи перепрыгивали съ утомленной лошади на свѣжую: такъ ловки были эти наѣздники и такъ пріучены были ихъ лошади! Когда такимъ образомъ выстроились обѣ стороны, надежды вождей были почти равны, такъ какъ оба войска немногимъ разнились одно отъ другого численностью и родомъ воиновъ, но мужество обѣихъ армій было весьма различно. Римлянъ вожди легко убѣдили, что, хотя они сражаются вдали отъ отечества, но сражаются за Италію и городъ Римъ; поэтому войско твердо рѣшилось или побѣдить, или умереть, считая, что ихъ возвращеніе на родину зависитъ отъ этого рѣшительнаго боя. Менѣе упорные люди были въ непріятельскомъ войскѣ, такъ какъ большую часть его составляли испанцы, которые предпочитали быть побѣжденными въ Испаніи, чѣмъ, побѣдивши, тащиться въ Италію. Поэтому въ первый же стычкѣ, едва только римляне бросили копья, какъ центръ непріятельскаго войска отступилъ и, вслѣдствіе сильнаго натиска враговъ, обратился въ бѣгство. Не смотря на это, на флангахъ сражались съ жаромъ: съ одной стороны тѣснили римлянъ пунійцы, съ другой—африканцы, и нападали на нихъ съ двухъ фронтовъ, какъ будто они были окружены. Но когда все римское войско сдвинулось уже въ центръ, то у него оказалось достаточно силъ, чтобы держать врозь непріятельскіе фланги. Такимъ образомъ произошло два сраженія въ разныхъ мѣстахъ. Въ томъ и другомъ несомнѣнными побѣдителями остались римляне, такъ какъ, разбивъ уже раньше центръ непріятельскаго войска, они превосходили враговъ численностью и силою. Тутъ убито было много людей и, если бы испанцы въ началѣ же сраженія не разбѣжались въ разныя стороны, то изъ всего войска осталось бы весьма немного. Коннаго сраженія собственно вовсе не было, потому что, лишь только мавры и нумидійцы замѣтили, что центръ подался, какъ тотчасъ же пустились бѣжать, оставивъ фланги открытыми и угнавъ слоновъ. Самъ Газдрубалъ, присутствовавшій въ сраженіи до послѣдней минуты, бѣжалъ съ немногими изъ этого кровопролитнаго боя. Римляне завладѣли лагеремъ и разграбили его. Благодаря этому сраженію, присоединились къ римлянамъ тѣ испанскіе народы, которые еще колебались присоединиться къ нимъ, и Газдрубалъ лишился не только надежды переправить войско въ Италію, но и возможности безопасно оставаться въ Испаніи. Когда объ этомъ стало извѣстно въ Римѣ изъ писемъ Сципіоновъ, то народъ радовался не столько побѣдѣ, сколько тому, что Газдрубалу помѣшали перейти въ Италію.

30. Во время этихъ событій, въ Испаніи взята была Гимильакономъ, префектомъ Ганнибала, Петелія въ Бруттіи, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала осады. Побѣда эта стоила пунійцамъ многихъ убитыхъ и раненыхъ, и городъ взятъ былъ не столько силою, сколько голодомъ. Послѣ того, какъ вышли всѣ припасы—хлѣбъ и всякого рода мясо четвероногихъ, обыкновенно употребляемое и не употребляемое [1]) въ пищу, жители питались подъ конецъ кожею, травою, корнями, молодою древесною корою и листьями и сдались только тогда, когда у нихъ не стало силъ стоять на стѣнахъ и держать оружіе. Взявъ Петелію, Гимильконъ повелъ войско на Консентію, которая защищалась съ меньшимъ упорствомъ и сдалась черезъ нѣсколько дней. Почти въ то же время бруттійское войско окружило греческій городъ Кротону, нѣкогда многолюдный и богатый войскомъ, но въ то время до того уже ослабѣвшій отъ многихъ тяжелыхъ пораженій, что въ общемъ въ немъ осталось менѣе 2000 гражданъ всякаго возраста. Поэтому непріятели легко завладѣли беззащитнымъ городомъ. Остался за жителями только кремль, куда спаслись немногіе изъ кровопролитнаго боя во время замѣшательства при взятіи города. Отпали и локрійцы къ бруттіямъ и пунійцамъ, когда знать измѣнила народу. Въ этой области только регинцы остались до конца вѣрными римлянамъ и независимыми. Такая же склонность къ отпаденію проникла и въ Сицилію: даже домъ Гіерона не весь воздержался отъ измѣны: старшій сынъ его Гелонъ [2]), не взирая на преклонные годы отца, а послѣ пораженія при Каннахъ и на союзъ съ римлянами, перешелъ къ пунійцамъ и произвелъ бы въ Сициліи переворотъ, если бы въ то время, какъ онъ вооружалъ народъ и подстрекалъ союзниковъ, его не сразила смерть; она случилась такъ кстати для римлянъ, что въ ней заподозрили и его отца.

[1]) Т.-е. собакъ, крысъ и мышей; кошки до 4 в. по Р. Х. составляли рѣдкость. [2])У Гіерона были дѣти—сынъ Гелонъ и двѣ дочери, былъ и внукъ отъ 40-лѣтняго сына.

Таковы были событія, совершившіяся въ этомъ году съ перемѣннымъ счастіемъ въ Италіи, Африкѣ, Сициліи и Испаніи.

Въ концѣ года Кв. Фабій Максимъ просилъ у сената позволенія освятить храмъ Венеры Эрицинской [1]), который онъ далъ обѣтъ построить въ бытность свою диктаторомъ. По постановленію сената, предназначенный консулъ Тиб. Семпроній, по вступленіи въ должность, долженъ былъ войти съ предложеніемъ къ народу, чтобы онъ повелѣлъ Кв. Фабію быть дуумвиромъ для освященія храма. И въ честь М. Эмилія Лепида, который былъ два раза консуломъ и авгуромъ, три сына его, Луцій, Маркъ и Квинтъ, устроили на форумѣ трехдневныя погребальныя игры и гладіаторскій бой 22 паръ. Курульные эдилы,—Г. Леторій и Тиб. Семпроній Гракхъ, предназначенный консулъ, бывшій во время исполненія должности эдила начальникомъ конницы, устроили Римскія игры, которыя продолжались три дня. Плебейскія игры эдиловъ М. Аврелія Котты и М. Клавдія Марцелла повторены были три раза.

По прошествіи третьяго года Пунической войны консулъ Тиб. Семпроній вступилъ въ должность въ мартовскія иды [2]). 539 г.
Преторъ Кв. Фульвій Флаккъ, который былъ раньше два раза консуломъ и цензоромъ, получилъ по жребію право суда надъ гражданами, а М. Валерій Левинъ—надъ иностранцами. Ап. Клавдій Пульхеръ получилъ по жребію Сицилію, а Кв. Муцій Сцевола—Сардинію. М. Марцеллу народъ далъ проконсульскую власть, такъ какъ послѣ каннскаго пораженія онъ одинъ только изъ римскихъ вождей велъ счастливо войну. **31**. Въ первый же день слѣдующаго года въ засѣданіи, происходившемъ на Капитоліи [3]), сенатъ рѣшилъ назначить въ этомъ году двойную подать и ординарную взыскать немедленно, чтобы уплатить жалованье за прошлый годъ всѣмъ воинамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые участвовали въ сраженіи при Каннахъ. Относительно войскъ сенатъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: двумъ городскимъ легіонамъ консулъ Тиб. Семпроній долженъ назначить день для сбора въ Калы, откуда эти легіоны должны быть отведены въ Клавдіевъ лагерь выше Свессулы [4]); находящіеся тамъ легіоны—то было большею частью каннское войско—преторъ Ап. Клавдій Пульхеръ долженъ переправить въ

[1]) См. XXII 9 и примѣч. [2]) Т.-е 15-го марта. [3]) Первое засѣданія происходило въ храмѣ Юпитера на Капитолійскомъ холмѣ. [4]) См. гл. 17.

Сицилію, а сицилійскіе должны быть переведены въ Римъ. Къ войску, которому назначенъ былъ день для сбора въ Калы, посланъ былъ М. Клавдій Марцеллъ съ приказаніемъ отвести городскіе легіоны въ Клавдіевъ лагерь. Для пріема прежняго войска и доставленія его изъ Клавдіева лагеря въ Сицилію, отправленъ былъ Ап. Клавдіемъ легатъ Тиб. Меціллій Кротонъ. Сначала сенаторы молча ожидали, что консулъ назначитъ комиціи для выбора сотоварища, а затѣмъ, когда увидѣли, что М. Марцеллъ, котораго они очень желали избрать въ консулы на слѣдующій годъ за прекрасную службу его въ должности претора, точно нарочно отосланъ, то въ куріи поднялся ропотъ. Консулъ, замѣтивши это, сказалъ: „Сенаторы! для государства было полезно то и другое: и отправленіе М. Клавдія въ Кампанію для обмѣна войскъ, и назначеніе комицій лишь по возвращеніи его оттуда и по выполненіи возложеннаго на него порученія; такимъ образомъ вы будете имѣть возможность избрать въ консулы того, кого наиболѣе желаете и кого требуетъ положеніе дѣлъ въ государствѣ". Поэтому до возвращенія Марцелла не было рѣчи о комиціяхъ. Между тѣмъ Кв. Фабій Максимъ и Т. Отацилій Крассъ избраны были въ дуумвиры для освященія храмовъ, Отацилій—Уму, Крассъ—Венерѣ Эрицинской. Оба храма находятся въ Капитоліи и отдѣлены только рвомъ. Также относительно 300 кампанскихъ всадниковъ, прибывшихъ въ Римъ послѣ вѣрной службы въ Сициліи, предложено было народу наградить ихъ правами римскаго гражданства [1]) и причислить къ муниципаламъ Кумъ со дня, предшествовавшаго отпаденію кампанцевъ отъ римскаго народа [2]). Внести это предложеніе побудило главнымъ образомъ то обстоятельство, что они, по ихъ собственнымъ словамъ, покинувъ прежній родной городъ и не будучи приписаны къ новому отечеству, въ которое они прибыли на возвратномъ пути, не знали, къ какому народу принадлежать. По возвращеніи Марцелла изъ войска, назначены были комиціи для выбора одного консула на мѣсто Л. Постумія. Съ замѣчательнымъ единодушіемъ избранъ былъ Марцеллъ, съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно вступилъ въ должность. Такъ какъ при вступленіи его въ должность раздался громъ, то при-

[1]) Какъ граждане Кумъ, они не имѣли права голоса въ народномъ собраніи и не могли быть выбираемы на должности въ Римѣ. [2]) Это было необходимо, чтобы во время отпаденія кампанцевъ эти всадники уже не считались гражданами Капуи и не несли возложенной на послѣднихъ кары.

званы были авгуры, которые и объяснили, что, по ихъ мнѣнію, онъ ненадлежаще избранъ [1]). Отцы въ общемъ высказывались въ томъ смыслѣ, что богамъ не угодно послѣдовавшее тогда впервые избраніе обоихъ консуловъ изъ плебеевъ. На мѣсто Марцелла, отказавшагося отъ должности, избранъ былъ въ третій разъ Кв. Фабій Максимъ. Въ этомъ году море было въ огнѣ; вблизи Синуессы корова родила ребенка; съ изображеній боговъ въ Ланувіи у храма Юноны Спасительницы капала кровь; вокругъ этого храма шелъ каменный дождь, по поводу котораго, согласно обычаю, приносили жертвы въ теченіе девяти дней; по случаю прочихъ знаменій, старательно были принесены умилостивительныя жертвы.

32. Консулы раздѣлили между собою войска. Фабію досталось войско въ Теанѣ, надъ которымъ начальствовалъ диктаторъ М. Юній, Семпронію—находившіеся тамъ добровольцы изъ бывшихъ рабовъ и 25000 союзниковъ; претору М. Валерію назначены были легіоны, которые должны были возвратиться изъ Сициліи; М. Клавдій, въ званіи проконсула, отправленъ былъ къ войску, назначенному защищать Нолу выше Свессулы. Преторы отправились въ Сицилію и Сардинію. Консулы издали эдиктъ, чтобы при всякомъ приглашеніи въ сенатъ сенаторы и тѣ, которые [2]) имѣли право голоса въ сенатѣ, собирались у Капенскихъ воротъ; преторы, имѣвшіе судебную власть, помѣстили свои трибуналы у общественнаго рыбнаго пруда: туда приказано было представлять поручительства [3]) на явку въ судъ, и тамъ въ этомъ году происходило судоговореніе.

Магонъ, братъ Ганнибала, собирался переправить въ Италію 12000 человѣкъ пѣхоты, 1500 всадниковъ, 20 слоновъ, 1000 талантовъ серебра съ эскадрой въ 60 военныхъ кораблей, когда въ Карѳагенъ пришло извѣстіе о неудачахъ въ Испаніи и объ отпаденіи почти всѣхъ народовъ этой провинціи къ римлянамъ. Нѣкоторые желали, оставивъ Италію, отправить Магона съ его флотомъ и войскомъ въ Испанію, какъ вдругъ блеснула надежда на возвращеніе Сардиніи: тамъ-де стоитъ небольшое римское войско; прежній преторъ

[1]) См. примѣч. къ VI 27. [2]) Занимавшіе курульную должность считались кандитами на сенаторское званіе (ср. гл. 23) и имѣли право голоса еще до утвержденія ихъ въ этомъ званіи цензорами. [3]) Истецъ требовалъ съ обвиняемаго извѣстную сумму денегъ или, по крайней мѣрѣ, поручительство на нее, чтобы гарантировать явку его въ судъ; въ случаѣ неявки обвиняемаго, залогъ поступалъ въ пользу истца.

А. Корнелій, знавшій провинцію, уходитъ оттуда, а на его мѣсто ожидаютъ другого; къ тому же сардинцевъ утомило продолжительное господство римлянъ [1]), которые въ послѣдній годъ обращались съ ними жестоко, грабили ихъ, угнетали тяжкими податями, незаконными поставками хлѣба; такимъ образомъ недостаетъ только вождя, къ которому они могли бы отпасть. Старѣйшины Сардиніи тайно отправили посольство съ такого рода порученіемъ, главнымъ образомъ по иниціативѣ Гампсикоры, который въ то время, по своему значенію и богатству, считался первымъ въ странѣ. Почти одновременное прибытіе этихъ извѣстій [2]) встревожило и ободрило карѳагенянъ, и они отправили въ Испанію Магона съ флотомъ и войскомъ, а въ Сардинію выбрали вождемъ Газдрубала, которому назначили почти столько же войска, сколько и Магону.

И въ Римѣ консулы, окончивъ всѣ дѣла въ городѣ, стали уже готовиться къ войнѣ. Тиб. Семпроній назначилъ воинамъ день сбора въ Синуессу, а Кв. Фабій, спросивъ предварительно мнѣніе сената, приказалъ всѣмъ собрать хлѣбъ съ полей и до іюньскихъ календъ [3]) свезти въ укрѣпленные города, а кто этого не сдѣлаетъ, тому грозилъ опустошить его землю, продать рабовъ съ публичнаго торга и сжечь дома. Даже преторы, которые избраны были творить судъ, не были освобождены отъ участія въ войнѣ [4]): претора Валерія сенатъ рѣшилъ отправить въ Апулію, чтобы принять войско отъ Теренція; легіоны, которые должны были прибыть изъ Сициліи, употребить главнымъ образомъ для защиты этой страны, войско же Теренція отправить съ какимъ-нибудь легатомъ въ Тарентъ. М. Валерію дано было также 25 кораблей, чтобы онъ могъ защищать морской берегъ между Брундизіемъ и Тарентомъ. Такое же число кораблей назначено было городскому претору Кв. Фульвію для защиты берега вблизи города. Проконсулу Г. Теренцію поручено было произвести наборъ въ Пиценской области и защищать эту страну. Т. Отацилій Крассъ, освятивши храмъ Уму въ Капитоліи, съ полномочіями главнокомандующаго отправленъ былъ въ Сицилію начальствовать надъ флотомъ.

33. Эта борьба двухъ могущественнѣйшихъ въ мірѣ народовъ обратила на себя вниманіе всѣхъ царей и племенъ,

[1]) Сардинцы находились подъ властью римлянъ 20 лѣтъ. [2]) Изъ Испаніи и Сардиніи. [3]) Т.-е. до 1-го іюня. [4]) Такое соединеніе двухъ должностей было необычно.

и между прочимъ македонскаго царя Филиппа, главнымъ образомъ потому, что онъ находился весьма близко отъ Италіи, отъ которой отдѣляло его только Іонійское море. Узнавъ по слухамъ о переходѣ Ганнибала через Альпы, онъ, хотя и радовался войнѣ вспыхнувшей между римлянами и пунійцами, но, колебался, какому народу предпочтительно желать побѣды, такъ какъ боевыя силы ихъ еще не выяснились. Послѣ третьяго сраженія, когда побѣда въ третій разъ осталась за пунійцами, онъ склонился на сторону того народа, которому покровительствовало счастіе, и отправилъ къ Ганнибалу пословъ. Послѣдніе, минуя гавани Брундизія и Тарента, охраняемыя римскими сторожевыми кораблями, высадились у храма Лацинійской [1]) Юноны. Отсюда они направились по Апуліи въ Капую, но на пути наткнулись на римскій сторожевой постъ и были отведены къ претору Валерію Левину, стоявшему лагеремъ въ окрестностяхъ Луцеріи. Тутъ Ксенофанъ, бывшій во главѣ посольства, безстрашно заявилъ, что онъ посланъ царемъ Филиппомъ заключить съ римскимъ народомъ дружественный союзъ и имѣетъ на это порученіе къ консуламъ, сенату и римскому народу. Въ виду отпаденія старыхъ союзниковъ, преторъ очень обрадовался новому союзу съ такимъ знаменитымъ царемъ, принялъ враговъ ласково, какъ гостей, и далъ имъ проводниковъ, чтобы указать точную дорогу, объяснить, какія мѣста и горы заняты римлянами и какія карѳагенянами. Среди римскихъ гарнизоновъ, Ксенофанъ прибылъ въ Кампанію, а оттуда ближайшимъ путемъ въ лагерь Ганнибала, съ которымъ заключилъ дружественный союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: царь Филиппъ долженъ переправиться съ возможно большимъ флотомъ (предполагали, что онъ можетъ выставить 200 кораблей) въ Италію, опустошать побережье и вообще по мѣрѣ возможности вести войну на сушѣ и на морѣ; по окончаніи войны, вся Италія съ самымъ городомъ Римомъ должна остаться за карѳагенянами и Ганнибаломъ, вся добыча должна достаться Ганнибалу; послѣ покоренія Италіи, обѣ арміи должны переправиться въ Грецію и вести войну съ тѣми, съ кѣмъ угодно будетъ царю, причемъ государства, находящіяся на материкѣ, и острова, прилегающіе къ Македоніи, должны остаться за Филиппомъ и его царствомъ. **34**. На такихъ приблизительно условіяхъ заключили союзный договоръ пуническій вождь и македонскіе послы; съ послѣдними отправлены были послы—Гизгонъ, Бостаръ и Магонъ, чтобы услышать отъ самого царя клятвенное подтвержденіе союза, и прибыли къ тому же храму Юноны Лацинійской, гдѣ на рейдѣ скрытъ былъ македонскій корабль. Когда они отчалили оттуда и уже плыли по открытому морю, то ихъ замѣтили съ римскаго флота, оберегавшаго берега Калабріи. Валерій Флаккъ послалъ легкія суда преслѣдовать непріятельскій корабль и вернуть его. Царскіе послы сначала попытались бѣжать, но, замѣтивъ, что уступаютъ римлянамъ въ быстротѣ, сдались имъ и были приведены къ начальнику флота. На вопросъ его, кто они, откуда и куда держатъ путь, Ксенофанъ сперва прибѣгъ къ обману, который уже однажды удался ему: онъ заявилъ, что посланъ царемъ Филиппомъ къ римлянамъ и прибылъ къ М. Валерію, путь къ которому единственно былъ безопасенъ; пройти же черезъ Кампанію онъ не могъ, такъ какъ она занята непріятельскими гарнизонами. Но пуническая одежда и видъ возбудили подозрѣніе противъ пословъ Ганнибала, а рѣчь ихъ, когда они отвѣчали на предложенные вопросы, выдала ихъ; поэтому ихъ спутниковъ подвергли допросу поодиночкѣ и припугнули, а тогда найдено было и письмо Ганнибала къ Филиппу, и договоръ македонскаго царя съ пуническимъ вождемъ. Послѣ этого римляне сочли за лучшее какъ можно скорѣе препроводить плѣнныхъ вмѣстѣ съ ихъ слугами въ Римъ къ сенату или консуламъ, гдѣ бы послѣдніе ни находились. Для этой цѣли выбраны были пять самыхъ быстроходныхъ кораблей и отправлены подъ начальствомъ Л. Валерія Антіата, которому было поручено размѣстить пословъ поодиночкѣ подъ карауломъ на всѣхъ пяти корабляхъ и не допускать ихъ переговариваться другъ съ другомъ и дѣлиться своими планами.

Въ то же время возвратился изъ провинціи Сардиніи А. Корнелій Маммула и доложилъ въ Римѣ о положеніи дѣлъ на островѣ: всѣ-де только и думаютъ о войнѣ и отпаденіи; замѣстившій его Кв. Муцій тотчасъ по прибытіи вслѣдствіе нездороваго воздуха и дурной воды заболѣлъ не столько опасною, сколько продолжительною болѣзнью и долго не будетъ годенъ для исполненія военныхъ обязанностей; находящееся тамъ войско, вполнѣ достаточное для защиты умиротворенной провинціи, никоимъ образомъ не достаточно для войны, которая должна вспыхнуть. Поэтому отцы приказали

[1]) Лацинiй—мысъ къ югу отъ Кротона.

Кв. Фульвію Флакку набрать 5000 пѣхотинцевъ и 400 всадниковъ, распорядиться переправить этотъ отрядъ при первой возможности въ Сардинію и послать туда, съ полномочіями главнокомандующаго, вождя по его собственному выбору, который бы принялъ на себя дѣла до выздоровленія Муція. Съ этою цѣлью командированъ былъ Т. Манлій Торкватъ, бывшій два раза консуломъ и цензоромъ и покорившій въ свое консульство сардинцевъ. Почти въ то же время отправленъ былъ флотъ изъ Кароагена въ Сардинію подъ начальствомъ Газдрубала, по прозвищу Плѣшиваго; но страшная буря разразилась надъ кораблями и прибила ихъ къ Балеарскимъ островамъ; такъ какъ были повреждены не только снасти, но и кили, то корабли были вытащены на землю, и прошло не мало времени, пока ихъ починили.

35. Послѣ сраженія при Каннахъ, война въ Италіи шла вяло, такъ какъ одна сторона ослабѣла, а другая изнѣжилась, и вслѣдствіе этого кампанцы рѣшились безъ помощи кароагенянъ подчинить себѣ куманскую общину. Сначала они подстрекали ее къ отпаденію отъ римлянъ, но, не успѣвъ въ этомъ, придумали хитрость, чтобы уловить ихъ. Всѣ кампанцы приносили ежегодно жертвы въ Гамахъ. Они дали знать куманцамъ, что туда прибудетъ кампанскій сенатъ, и просили прибыть также и куманскій сенатъ для совмѣстнаго совѣщанія, чтобы тотъ и другой народъ имѣлъ однихъ и тѣхъ же союзниковъ и враговъ; при этомъ они обѣщали поставить тамъ вооруженную стражу во избѣжаніе опасности со стороны римлянъ или пунійцевъ. Хотя куманцы и подозрѣвали здѣсь обманъ, однако просьбы не отклонили, думая этимъ скрыть свой собственный хитрый замыселъ. Между тѣмъ римскій консулъ Тиб. Семпроній произвелъ смотръ войску въ Синуессѣ, гдѣ онъ назначилъ ему день сбора, переправился чрезъ рѣку Вольтурнъ и разбилъ лагерь вблизи Литерна. Такъ какъ въ лагерѣ у него было много свободнаго времени, то онъ заставлялъ войско часто упражняться, чтобы новобранцы—большею частью добровольцы изъ бывшихъ рабовъ—привыкли слѣдовать за знаменами и находить въ строю свои мѣста. При этомъ самъ вождь особенно заботился и въ этомъ смыслѣ далъ указаніе легатамъ и трибунамъ, чтобы никому изъ воиновъ не ставилось въ упрекъ его прошлое, и чтобы это не вносило раздора въ ряды войска: старый воинъ долженъ быть совершенно равенъ новобранцу, свободный [1]) — бывшему рабу; довольно почтенными и благородными должны считаться всѣ тѣ, которымъ римскій народъ довѣрилъ свое оружіе и знамена; обстоятельства, принудившія его прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, заставляютъ поддерживать ее. Эти указанія соблюдались вождями и воинами со всею точностью, и въ короткое время такое единодушіе соединило всѣхъ, что почти забыли, изъ какого сословія вышелъ каждый воинъ. Въ то время, какъ Гракхъ занятъ былъ этимъ дѣломъ, куманскіе послы увѣдомили его, какое посольство приходило къ нимъ нѣсколько дней тому назадъ отъ кампанцевъ и что они ему отвѣтили: черезъ три дня, говорили они, будетъ этотъ праздникъ, и на немъ будетъ не только весь сенатъ, но и лагерь и войско кампанское. Гракхъ приказалъ куманцамъ свезти все съ полей въ городъ и оставаться внутри стѣнъ, а самъ наканунѣ торжественнаго жертвоприношенія у кампанцевъ двинулся въ Кумы. Гамы отстоятъ оттуда на 3000 шаговъ. Уже кампанцы собрались туда по условію въ большомъ числѣ, и недалеко оттуда въ скрытомъ мѣстѣ стоялъ лагеремъ съ 14-тысячнымъ вооруженнымъ отрядомъ Марій Алфій, medix tuticus—такъ называется у кампанцевъ высшій начальникъ; онъ былъ занятъ гораздо болѣе приготовленіемъ жертвоприношенія и организаціей коварнаго плана, который ему предстояло выполнить во время жертвоприношенія, чѣмъ укрѣпленіемъ лагеря или принятіемъ какихъ-нибудь военныхъ мѣръ. Жертвоприношенія у Гамъ продолжались три дня. Торжество происходило ночью, но кончалось до полуночи. Гракхъ, думая воспользоваться этимъ временемъ для засады, поставилъ у воротъ стражу, чтобы никто не могъ выдать его намѣреніе, велѣлъ всѣмъ воинамъ до десятаго часа дня подкрѣпиться пищей и сномъ, чтобы въ началѣ сумерекъ они могли собраться по банному сигналу; около первой стражи онъ приказалъ поднять знамена и выступилъ, соблюдая полную тишину. Къ Гамамъ онъ прибылъ около полуночи и напалъ одновременно на всѣ ворота кампанскаго лагеря, остававшагося вслѣдствіе всенощнаго бдѣнія не защищеннымъ: однихъ кампанцевъ онъ убилъ въ то время, какъ они спали, а другихъ—когда они безъ оружія возвращались послѣ жертвоприношенія. При этой ночной тревогѣ убито было болѣе 2000 человѣкъ вмѣ-

[1]) Союзники были свободны, добровольцы—рабы.

стѣ съ самимъ вождемъ ихъ Маріемъ Алфіемъ, взято въ плѣнъ *, военныхъ значковъ захвачено 34.

36. Завладѣвъ непріятельскимъ лагеремъ и потерявъ при этомъ менѣе ста человѣкъ, Гракхъ поспѣшно возвратился въ Кумы изъ опасенія передъ Ганнибаломъ, который стоялъ лагеремъ выше Капуи, на горѣ Тифатахъ. И онъ не обманулся въ своей предусмотрительности: ибо, какъ только въ Капуѣ стало извѣстно объ этомъ пораженіи, Ганнибалъ разсчитывалъ, что непріятельское войско необыкновенно обрадовано удачей и, состоя большею частью изъ новобранцевъ и рабовъ, грабитъ побѣжденныхъ и увозитъ добычу; полагая поэтому найти его у Гамъ, онъ прошелъ быстрымъ маршемъ мимо Капуи и приказалъ спасавшихся бѣгствомъ кампанцевъ, которые встрѣтились ему на пути, подъ карауломъ отвести въ Капую, а раненыхъ доставить туда на повозкахъ. Въ лагерѣ при Гамахъ онъ не нашелъ враговъ, а лишь слѣды недавней рѣзни и повсюду разбросанные трупы союзниковъ. Нѣкоторые совѣтовали ему тотчасъ направиться оттуда въ Кумы и осадить городъ. Хотя Ганнибалъ, не будучи въ состояніи завладѣть Неаполемъ, страстно желалъ имѣть по крайней мѣрѣ Кумы, приморскій городъ, однако онъ возвратился въ свой лагерь выше Тифатской горы, такъ какъ войско второпяхъ ничего не захватило съ собою, кромѣ оружія. Оттуда, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ кампанцевъ, онъ на слѣдующій день возвратился къ Кумамъ со всѣми орудіями, необходимыми для осады города. Опустошивъ окрестности Кумъ, онъ разбилъ лагерь на разстояніи 1000 шаговъ отъ города, Гракхъ же остался на мѣстѣ, не столько потому, что вполнѣ надѣялся на свое войско, сколько потому, что стыдился оставить въ такомъ отчаянномъ положеніи союзниковъ, умолявшихъ о помощи его и римскій народъ. Равнымъ образомъ и другой консулъ, Фабій, стоявшій лагеремъ у Калъ, не рѣшался переправить войско черезъ рѣку Вольтурнъ, такъ какъ былъ занятъ прежде всего повтореніемъ авспицій [1]), затѣмъ умилостивительными жертвами по поводу знаменій, о которыхъ безпрестанно доносили ему; при этомъ гаруспики [2]) объявили, что трудно ожидать благопріятнаго исхода жертвоприношеній.

37. Эти обстоятельства задержали Фабія, а между тѣмъ Семпроній былъ окруженъ, и его уже тѣснили осадными сооруженіями. Противъ огромной деревянной башни, придвинутой къ городу, римскій консулъ выстроилъ на самой стѣнѣ другую, значительно выше, такъ какъ основаніемъ для нея служила стѣна, сама по себѣ высокая, а на нее были положены крѣпкія балки [1]). Съ этой башни защитники обороняли стѣну и городъ сначала камнями, кольями и другими метательными снарядами, а затѣмъ, когда замѣтили, что непріятели мало-по-малу пододвинули башню вплоть къ стѣнѣ, зажгли ее заразъ во многихъ мѣстахъ, бросивъ въ нее горящіе факелы. Толпа вооруженныхъ, напуганная пожаромъ, бросалась съ башни, а въ это время горожане, сдѣлавши вылазку одновременно изъ обоихъ воротъ, прогнали непріятельскіе посты обратно въ лагерь, такъ что въ этотъ день Ганнибалъ имѣлъ видъ скорѣе осажденнаго, чѣмъ осаждавшаго. Убито было около 1300 карѳагенянъ, живыми взято въ плѣнъ 59 человѣкъ; эти были застигнуты врасплохъ, такъ какъ, стоя небрежно и безпечно на постахъ вокругъ стѣнъ, менѣе всего ждали вылазки. Прежде чѣмъ непріятели оправились отъ неожиданнаго страха, Гракхъ приказалъ дать сигналъ къ отступленію и удалился съ войскомъ обратно въ городъ. На слѣдующій день Ганнибалъ выстроилъ войско между лагеремъ и городомъ, предполагая, что консулъ, довольный удачей, дастъ настоящее сраженіе; но, замѣтивъ, что никто въ городѣ не трогается съ обычнаго поста, и что ничего не предпринимаютъ, питая безумныя надежды, онъ безуспѣшно вернулся къ Тифатамъ.

Въ то же самое время, когда съ Кумъ была снята осада, счастливо сразился съ пунійцемъ Ганнономъ въ Луканіи при Грументѣ Тиб. Семпроній [2]), по прозвищу Длинный. Онъ избилъ свыше 2000 враговъ, между тѣмъ какъ самъ потерялъ только 280 воиновъ; военныхъ значковъ захватилъ до 41. Ганнонъ, прогнанный изъ Луканіи, вернулся обратно въ Бруттій. Три города, Верцеллій, Весцеллій и Сициллинъ, отпавшіе отъ римлянъ, отняты были силою у гирпиновъ преторомъ М. Валеріемъ; виновники отпаденія были обезглавлены. Болѣе 5000 плѣнныхъ продано было въ рабство, остальная добыча была предоставлена воинамъ, и войско отведено въ Луцерію.

38. Во время этихъ происшествій въ странѣ лукановъ и гирпиновъ, пять кораблей, на которыхъ везли плѣнныхъ

---

[1]) См. VIII 30 примѣч. [2]) См. V 1 примѣч.

[1]) Эти балки, положенныя поперекъ стѣны, вѣроятно, были подперты сваями со стороны города. [2]) Тиберій Семпроній, бывшій консуломъ въ первый годъ войны, теперь, повидимому, состоялъ легатомъ Валерія Левина, о которомъ см. гл. 33.

македонскихъ и пуническихъ пословъ въ Римъ, объѣхали почти все прибрежье Италіи отъ Верхняго до Нижняго моря. Когда корабли проходили мимо Кумъ, Гракхъ, не зная навѣрно, непріятельскія ли это суда, или союзныя, выслалъ имъ навстрѣчу корабли своего флота. Когда изъ взаимныхъ разспросовъ выяснилось, что консулъ въ Кумахъ, то корабли пристали къ городу, плѣнные были отведены къ консулу и письма переданы ему. Прочитавъ письма Филиппа и Ганнибала, консулъ запечаталъ ихъ и отправилъ сухимъ путемъ сенату, а плѣнныхъ приказалъ отвезти на корабляхъ. Письма и послы прибыли въ Римъ почти одновременно. Когда послѣ допроса оказалось, что устныя показанія согласны съ письмами, отцы были сначала очень озабочены, такъ какъ, съ трудомъ выдерживая Пуническую войну, видѣли, что имъ грозитъ тяжелая война съ македонянами. Однако, они не только оставили свои опасенія, но даже стали немедленно совѣщаться, какъ начать наступательную войну, чтобы тѣмъ отвлечь врага отъ Италіи. Приказавъ плѣнныхъ заключить въ тюрьму, а ихъ провожатыхъ продать въ рабство, они рѣшили въ дополненіе къ 25 кораблямъ, надъ которыми начальствовалъ П. Валерій Флаккъ, снарядить еще 25. Когда корабли были снаряжены, спущены и къ нимъ присоединены 5 кораблей, на которыхъ доставлены были плѣнные послы, то всего 30 кораблей отправились изъ Остіи въ Тарентъ. П. Валерій получилъ приказаніе посадить на корабли Варроновыхъ воиновъ, бывшихъ въ Тарентѣ подъ начальствомъ легата Л. Апустія, и, имѣя флотъ въ 50 кораблей, не только оберегать прибрежье Италіи, но и собирать свѣдѣнія о Македонской войнѣ: если намѣренія Филиппа окажутся согласными съ письмами и съ показаніями пословъ, то онъ долженъ письменно увѣдомить претора М. Валерія, а этотъ, передавъ войско своему легату Л. Апустію, направиться въ Тарентъ къ флоту, какъ можно скорѣе переправиться въ Македонію и постараться задержать Филиппа въ его царствѣ. На содержаніе флота и расходы по Македонской войнѣ назначены были тѣ деньги, которыя отправлены были Ап. Клавдію въ Сицилію для возвращенія царю Гіерону; онѣ были доставлены въ Тарентъ легатомъ Л. Антистіемъ. Въ то же время Гіеронъ прислалъ 200000 модіевъ [1]), пшеницы и 100000 модіевъ ячменя.

[1]) См. IV 16 пр.

39. Во время этихъ приготовленій римлянъ, одинъ изъ плѣнныхъ кораблей, которые отправлены были въ Римъ [1]), съ дороги ушелъ обратно къ Филиппу; благодаря этому, стало извѣстно, что послы съ письмами захвачены. Вслѣдствіе этого, царь, не зная, къ какому соглашенію пришли его послы съ Ганнибаломъ, и что должны были сообщить ему кароагенскіе послы, отправилъ второе посольство съ такимъ же порученіемъ. Послами къ Ганнибалу были отправлены Гераклитъ, по прозванію Темный, Критонъ Бэотіецъ и Сосифей Магнезіецъ. Они благополучно выполнили порученіе и доставили отвѣтъ. Но прежде, чѣмъ царь могъ предпринять что-нибудь, лѣто окончилось. Такое огромное вліяніе на отсрочку угрожавшей римлянамъ войны имѣло взятіе въ плѣнъ одного корабля съ послами.

Въ окрестностяхъ Капуи оба консула также начали войну, послѣ того какъ Фабій окончилъ, наконецъ, умилостивительное жертвоприношеніе по случаю знаменій и перешелъ Вольтурнъ. Онъ взялъ штурмомъ города Комбултерію, Требулу и Австикулу, которые отпали къ пунійцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ взяты были въ плѣнъ гарнизоны Ганнибала и много кампанцевъ. Въ Нолѣ, какъ и въ прошломъ году, сенатъ держалъ сторону римлянъ, плебеи—сторону Ганнибала; тайно составлялись планы избіенія знати и передачи города. Чтобы помѣшать выполненію такихъ замысловъ, Фабій прошелъ между Капуей и лагеремъ Ганнибала, на Тифатской горѣ, и расположился выше Свессулы въ Клавдіевомъ лагерѣ; оттуда онъ послалъ для защиты Нолы пропретора М. Марцелла съ бывшими у него войсками.

40. И въ Сардиніи Т. Манлій началъ войну, которая была прервана, послѣ того какъ преторъ Кв. Муцій впалъ въ тяжкую болѣзнь [2]). Манлій велѣлъ вытащить военные корабли на берегъ у Каралъ, вооружилъ матросовъ, чтобы вести войну на сушѣ, и, принявъ войско отъ претора, собралъ всего 22000 пѣхотинцевъ и 1200 всадниковъ. Съ этимъ пѣшимъ и коннымъ войскомъ онъ отправился въ непріятельскую страну и расположился лагеремъ вблизи лагеря Гампсикоры. Послѣдній отправился какъ разъ въ это время къ пеллитскимъ [3]) сардинцамъ, чтобы вооружить мо-

[1]) Мѣсто не вполнѣ понятное, такъ какъ раньше не указано Ливіемъ, что были отправлены въ Римъ плѣнные корабли. [2]) См. гл. 34. [3]) Древнѣйшіе обитатели Сардиніи, названные такъ по своей одеждѣ изъ козьяго мѣха.

лодыхъ воиновъ и ими усилить свое войско; начальникомъ лагеря былъ его сынъ, по имени Гостій. Какъ человѣкъ молодой и неустрашимый, онъ необдуманно завязалъ сраженіе и былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Около 3000 сардинцевъ пало въ этомъ сраженіи и около 800 взято было въ плѣнъ. Остальное войско сначала въ бѣгствѣ разсѣялось по полямъ и лѣсамъ, а затѣмъ собралось въ главный городъ этой страны Корнъ, куда, по слухамъ, бѣжалъ вождь. Этимъ сраженіемъ и окончилась бы война въ Сардиніи, еслибы во-время не прибылъ подъ начальствомъ Газдрубала пуническій флотъ, отброшенный бурею къ Балеарскимъ островамъ, и не подалъ надежды на возможность возобновить войну. Манлій, услышавъ о прибытіи пуническаго флота, возвратился въ Каралы, что дало возможность Гампсикорѣ соединиться съ пунійцами. Газдрубалъ высадилъ свое войско, а флотъ отослалъ обратно въ Карѳагенъ. Въ сопровожденіи Гампсикоры, онъ отправился опустошать страну союзнаго съ римлянами народа и прибылъ бы въ Каралы, еслибы Манлій не выступилъ противъ него со своимъ войскомъ и не помѣшалъ ему произвести опустошеніе на обширномъ пространствѣ. Сначала оба лагеря расположились одинъ противъ другого на небольшомъ разстояніи, затѣмъ воины стали выбѣгать впередъ, и начались легкія стычки съ перемѣннымъ счастіемъ; наконецъ, дѣло дошло до сраженія: оба войска выступили одно противъ другого и вели правильное сраженіе въ продолженіе четырехъ часовъ. Хотя сардинцы обыкновенно скоро уступали, но пунійцы долгое время дѣлали сраженіе нерѣшительнымъ; наконецъ и они были разбиты, находясь подъ вліяніемъ окружавшаго ихъ пораженія и бѣгства сардинцевъ. Во время ихъ бѣгства, римляне окружили и задержали ихъ тѣмъ флангомъ, которымъ разбили сардинцевъ. Тутъ произошла скорѣе рѣзня, чѣмъ сраженіе: 12000 сардинцевъ и пунійцевъ было убито, почти 3700 взято въ плѣнъ и захвачено 27 значковъ. **41.** Особенно блистательно и достопамятно было это сраженіе потому, что взяты были въ плѣнъ главнокомандующій Газдрубалъ и два знаменитыхъ карѳагенянина, Ганнонъ и Магонъ: первый происходилъ изъ рода Барки и былъ въ близкомъ родствѣ съ Ганнибаломъ, второй былъ виновникомъ возстанія въ Сардиніи и, безъ сомнѣнія, зачинщикомъ этой войны. Но немало блеска придала этой побѣдѣ и гибель сардинскихъ вождей: сынъ Гампсикоры Гостій палъ

въ бою, а самъ Гампсикора, бѣжавшій съ немногими всадниками, когда услыхалъ, помимо неудачнаго исхода сраженія, еще о смерти сына, лишилъ себя жизни ночью, чтобы кто-нибудь своимъ приходомъ не помѣшалъ ему исполнить свое намѣреніе. Прочіе вожди спаслись бѣгствомъ, какъ и прежде, въ городъ Корнъ. Манлій напалъ на этотъ городъ со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и взялъ его въ нѣсколько дней. Затѣмъ сдались и другія общины, отпавшія къ Гампсикорѣ и пунійцамъ, и представили заложниковъ. Приказавъ каждой изъ нихъ, сообразно со средствами и виной, уплатить дань и доставить хлѣбъ, онъ отвелъ войско въ Каралы. Спустивъ военные корабли и посадивъ на нихъ приведенныхъ съ собою воиновъ, Манлій направился въ Римъ, гдѣ сообщилъ отцамъ о покореніи Сардиніи и передалъ квесторамъ дань, эдиламъ хлѣбъ, а претору Фульвію плѣнныхъ.

Въ то же самое время преторъ Т. Отацилій переправился съ флотомъ изъ Лилибея въ Африку и опустошилъ Карѳагенскую область. Направляясь оттуда въ Сардинію, въ виду слуха, что Газдрубалъ переплылъ недавно туда отъ Балеарскихъ острововъ, онъ встрѣтилъ возвращавшійся въ Африку флотъ и въ незначительномъ сраженіи въ открытомъ морѣ захватилъ семь кораблей съ матросами. Прочіе корабли вслѣдствіе страха, точно вслѣдствіе бури, разсѣялись въ разныя стороны.

Почти въ то же время прибылъ въ Локры Бомилькаръ съ воинами, посланными изъ Карѳагена для подкрѣпленія, со слонами и съѣстными припасами. Чтобы напасть на него врасплохъ, Ап. Клавдій быстро перевелъ войско въ Мессану, подъ предлогомъ объѣзда провинціи, и, благодаря попутному вѣтру и теченію, прибылъ въ Локры. Но Бомилькаръ уже успѣлъ уйти въ Бруттій къ Ганнону, и локрійцы заперли передъ римлянами ворота. Аппій, не сдѣлавъ ничего, не смотря на большія усилія, вернулся въ Мессану.

Въ то же лѣто Марцеллъ изъ Нолы, гдѣ онъ стоялъ съ гарнизономъ, дѣлалъ частыя нападенія на страну гирпиновъ и кавдинскихъ самнитянъ и такъ опустошилъ ее огнемъ и мечемъ, что напомнилъ самнитянамъ о прежнихъ пораженіяхъ [1]). **42.** Поэтому немедленно были отправлены къ Ганнибалу одновременно отъ обоихъ народовъ послы, ко-

[1]) Объ этомъ разсказано въ VII кн. и слѣд.

торые обратились къ нему со слѣдующею рѣчью: „Ганнибалъ! мы одни были врагами римскаго народа, пока могли защищаться своимъ оружіемъ и своими силами. Затѣмъ, потерявъ надежду на нихъ, мы присоединились къ царю Пирру, но, покинутые имъ, вынуждены были заключить съ римлянами миръ и соблюдали его почти 50 лѣтъ, до твоего прибытія въ Италію. Столько же своей доблестью и счастіемъ, сколько своимъ ласковымъ обхожденіемъ и добротою къ нашимъ плѣннымъ гражданамъ, которыхъ ты вернулъ намъ, ты такъ расположилъ насъ къ себѣ, что, пока ты, нашъ другъ, живъ и здоровъ, мы не боялись не только римлянъ, но даже, если не грѣшно такъ выразиться, гнѣва боговъ. Но, поистинѣ, когда ты не только полонъ силъ и побѣдитель, но и близокъ къ намъ и могъ бы почти слышать плачъ нашихъ женъ и дѣтей и видѣть пламя нашихъ домовъ, мы въ это лѣто подверглись нѣсколько разъ такимъ разореніямъ, что побѣдителемъ при Каннахъ можно считать М. Марцелла, а не Ганнибала, и римляне съ торжествомъ высказываются, что у тебя хватаетъ силъ только для одного удара, а затѣмъ, точно потерявъ жало, ты теряешь мощь. Въ теченіе 100 лѣтъ [1]) воевали мы съ римскимъ народомъ безъ помощи посторонняго вождя или войска, если не считать того, что, въ продолженіе двухъ лѣтъ [2]), Пирръ не столько защищалъ насъ своими силами, сколько подкрѣплялъ свои силы нашими воинами. Я [3]) не буду хвастаться нашими удачами, какъ мы провели подъ ярмомъ двухъ консуловъ и два консульскія войска [4]), и вообще тѣми радостными и славными дѣлами, которыя выпали на нашу долю. О тогдашнихъ несчастіяхъ и невзгодахъ мы можемъ говорить съ меньшимъ негодованіемъ, чѣмъ о нынѣшнихъ. Великіе диктаторы со своими начальниками конницы, по два консула съ двумя консульскими арміями вступали въ нашу страну; послѣ предварительной рекогносцировки, размѣстивъ резервныя войска, подъ знаменами шли они производить опустошенія; теперь же мы являемся добычей одного пропретора и небольшого гарнизона, назначеннаго для защиты Нолы; уже и не манипулами, а какъ разбойники, рыскаютъ они по всей нашей странѣ безпечнѣе, чѣмъ еслибы они бродили по римской землѣ. Вызывается же это тѣмъ, что

1) Собственно 54 г. (съ 482 по 536 г.) 2) Съ 474—475 г. 3) Представитель посольства говоритъ отъ своего лица. 4) Въ 433 г. при Кавдинскомъ ущельи; см. IX 6.

ты не защищаешь насъ, а наша молодежь, которая защитила бы насъ, еслибы была дома, вся служитъ подъ твоими знаменами. Я не зналъ бы ни тебя, ни твоего войска, еслибы не думалъ, что ты, разбившій и истребившій столько римскихъ войскъ, легко можешь раздавить разсѣявшихся разорителей нашихъ, которые бродятъ безъ знаменъ [1]), повсюду, куда только манитъ ихъ, хотя бы тщетная, надежда на добычу. Они станутъ добычей немногихъ нумидійцевъ, и ты одновременно освободишь отъ римскаго гарнизона насъ и ноланцевъ, если только, признавъ насъ заслуживающими быть твоими союзниками и принявъ насъ подъ свое покровительство, ты сочтешь насъ достойными защиты". **43.** На это Ганнибалъ отвѣтилъ, что гирпины и самнитяне все дѣлаютъ заразъ—объявляютъ о своихъ пораженіяхъ, и просятъ помощи, и жалуются на то, что оставлены безъ защиты и въ пренебреженіи. А между тѣмъ сначала имъ бы слѣдовало сдѣлать заявленіе, затѣмъ просить помощи и, наконецъ, только въ случаѣ безуспѣшности просьбы, жаловаться, что напрасно умоляли о защитѣ. Войско свое онъ не поведетъ въ область гирпиновъ и самнитянъ, чтобы, подобно римлянамъ, тоже не быть имъ въ тягость, но поведетъ его въ мѣста сосѣднія, къ союзникамъ римскаго народа; разоряя ихъ, онъ обогатитъ своихъ воиновъ и, наводя такимъ образомъ страхъ, удержитъ враговъ вдали отъ нихъ. Что касается войны съ римлянами, то, если сраженіе при Тразименскомъ озерѣ было славнѣе сраженія при Требіи, а сраженіе при Каннахъ славнѣе сраженія при Тразименскомъ озерѣ, то и это послѣднее онъ затмитъ большей и славнѣйшей побѣдой.

Давъ такой отвѣтъ посламъ, Ганнибалъ богато наградилъ ихъ и отпустилъ, а самъ, оставивъ небольшой отрядъ на Тифатахъ, двинулся по направленію къ Нолѣ. Туда же прибылъ изъ области бруттіевъ Ганнонъ съ дополнительнымъ войскомъ и слонами, присланными изъ Карѳагена. Ставъ невдалекѣ лагеремъ, онъ произвелъ точную рекогносцировку и убѣдился, что все обстоитъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ слышалъ отъ пословъ союзниковъ: Марцеллъ не предпринималъ ничего такого, чтобы о немъ можно было сказать, будто онъ полагается на счастіе или необдуманно довѣряется врагу: онъ выходилъ на добычу послѣ предварительной

1) Не цѣлыми отрядами, когда каждый воинъ занимаетъ свое мѣсто, а какъ попало; ср. гл. 27.

рекогносцировки, подъ крѣпкимъ прикрытіемъ, обезопасивъ себѣ обратный путь и принявъ всѣ мѣры предосторожности, точно Ганнибалъ былъ вблизи. Замѣтивъ приближеніе непріятеля, онъ задержалъ войско въ стѣнахъ города, а ноланскимъ сенаторамъ приказалъ ходить по стѣнамъ и наблюдать кругомъ за всѣмъ, что дѣлается у непріятелей. Ганнонъ подошелъ къ стѣнѣ, пригласилъ Геренія Басса и Герія Петтія для переговоровъ и, когда они вышли съ разрѣшенія Марцелла, обратился къ нимъ черезъ переводчика. Онъ возвеличивалъ доблесть и счастіе Ганнибала и вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ, какъ погибающія, могущество и достоинство римскаго народа. Еслибы эти качества, говорилъ онъ, были, какъ нѣкогда, одинаковы у кароагенянъ и римлянъ, то все-таки вамъ, какъ по опыту знающимъ, насколько тяжка римская власть для союзниковъ и насколько велика снисходительность Ганнибала даже по отношенію ко всѣмъ плѣннымъ италійскаго происхожденія, слѣдуетъ предпочесть дружественный союзъ съ пунійцами союзу съ римлянами. Еслибы оба консула съ своими арміями находились при Нолѣ, то все-таки они не могли бы сравняться силами съ Ганнибаломъ, какъ то было и при Каннахъ; тѣмъ болѣе не въ состояніи защитить Нолу одинъ преторъ съ небольшимъ числомъ воиновъ, притомъ еще новобранцевъ. Болѣе въ нашихъ интересахъ, чѣмъ въ интересахъ Ганнибала, возьметъ ли онъ Нолу приступомъ, или она будетъ сдана ему; ибо онъ во всякомъ случаѣ овладѣетъ ею, какъ овладѣлъ Нуцеріей и Капуей, а разницу въ судьбѣ Капуи и Нуцеріи вы сами знаете, живя почти по срединѣ между этими городами. Какая участь постигнетъ взятый городъ, я не желаю вамъ предсказывать, но готовъ скорѣе обѣщать, что, если вы выдадите Марцелла съ гарнизономъ и городъ, то никто другой, кромѣ васъ самихъ, не продиктуетъ вамъ условій дружественнаго союза съ Ганнибаломъ. **44.** На это Гереній Бассъ отвѣтилъ, что уже много лѣтъ существуетъ дружба между римлянами и ноланцами, и до сихъ поръ обѣ стороны довольны ей: что если бы съ перемѣною счастія слѣдовало перемѣнить вѣрность, то теперь это уже поздно; еслибы они намѣрены были сдаться Ганнибалу, то развѣ слѣдовало призывать римскій гарнизонъ? Съ тѣми, которые пришли къ нимъ на помощь, у нихъ все общее и будетъ общимъ до конца.

Такіе переговоры лишили Ганнибала надежды занять Нолу посредствомъ измѣны. Поэтому онъ окружилъ городъ сплошною цѣпью воиновъ, чтобы напасть одновременно со всѣхъ сторонъ на укрѣпленія. Марцеллъ, замѣтивъ, что непріятель подошелъ къ стѣнамъ, выстроилъ войско предъ воротами въ городѣ и съ большимъ шумомъ сдѣлалъ вылазку. При первомъ натискѣ нѣсколько кароагенскихъ воиновъ было застигнуто врасплохъ и убито; затѣмъ, когда всѣ сбѣжались къ мѣсту сраженія, и силы сравнялись, начался горячій бой. Битва эта была бы весьма знаменательна, еслибы сражающихся не разогналъ проливной дождь съ страшной бурей. Въ тотъ день послѣ незначительнаго сраженія, разгорячившаго воиновъ, римляне вернулись въ городъ, а пунійцы въ лагерь; во время первой вылазки пунійцевъ пало не болѣе 30, римлянъ 50. Дождь шелъ непрерывно всю ночь до третьяго часа слѣдующаго дня. Поэтому, хотя обѣ стороны жаждали сразиться, однако, этотъ день держались въ укрѣпленіяхъ. На третій день Ганнибалъ выслалъ часть войска въ окрестности Нолы для грабежа. Какъ только Марцеллъ замѣтилъ это, то тотчасъ же вывелъ войско, и Ганнибалъ не уклонился отъ боя. Между городомъ и лагеремъ было приблизительно 1000 шаговъ; на этомъ пространствѣ — кругомъ Нолы все мѣсто ровное — они дали сраженіе. Поднявшійся съ обѣихъ сторонъ крикъ вернулъ къ начавшемуся уже сраженію ближайшихъ воиновъ изъ тѣхъ когортъ, которыя отправились въ поля для грабежа. Ноланцы усилили римскіе ряды; Мерцеллъ ободрилъ ихъ и приказалъ имъ оставаться въ резервѣ, уносить раненыхъ съ поля битвы и не вступать въ бой, пока онъ не дастъ имъ сигнала. **45.** Сраженіе было нерѣшительно: вожди усердно ободряли воиновъ, а воины сражались изо всѣхъ силъ. Марцеллъ приказывалъ наступать на побѣжденныхъ имъ три дня тому назадъ, прогнанныхъ нѣсколько дней тому назадъ отъ Кумъ, отбитыхъ въ прошломъ году съ другимъ войскомъ отъ Нолы. Не всѣ-де непріятели участвуютъ въ сраженіи; они разбрелись по полямъ для грабежа, а тѣ, которые сражаются, обезсилѣли отъ кампанской роскоши: ихъ доканало вино, развратныя женщины и, вообще, распутный образъ жизни въ теченіе цѣлой зимы. Исчезла та сила и выносливость, рушилась крѣпость тѣла и духа, благодаря которой они перешли пиренейскія и альпійскія вершины. Теперь сражаются только остатки прежнихъ воиновъ, которые съ трудомъ могутъ держать оружіе и поддерживать свои члены. Капуя

обратилась для Ганнибала въ Канны: тамъ погибли военная доблесть, дисциплина, слава прошлаго времени и надежды на будущее. Въ то время, какъ Марцеллъ, такъ порицая непріятелей, ободрялъ своихъ воиновъ, Ганнибалъ бранилъ своихъ еще сильнѣе, говоря, что узнаетъ оружіе и знамена, которыя видѣлъ и имѣлъ при Требіи, Тразименскомъ озерѣ и, наконецъ, при Каннахъ, но войско привелъ на зимнія квартиры въ Капую совсѣмъ не такое, какимъ выводилъ оттуда. „Неужели, говорилъ онъ воинамъ, вы при большомъ напряженіи силъ съ трудомъ выдерживаете бой съ римскимъ легатомъ, съ однимъ легіономъ и однимъ коннымъ отрядомъ, тогда какъ прежде противъ васъ никогда не могли устоять два консульскихъ войска. Неужели Марцеллъ съ своими новобранцами и ноланскими резервами уже во второй разъ безнаказанно вызываетъ насъ на бой? Гдѣ тотъ мой воинъ, который стащилъ консула Г. Фламинія съ коня и снесъ ему голову [1])? Гдѣ тотъ, который убилъ Л. Павла при Каннахъ [2])? или мечи теперь тупы? онѣмѣли руки? или съ вами случилось какое другое чудо? Вы, которые обыкновенно въ небольшомъ числѣ побѣждали большое число, теперь, будучи въ большемъ числѣ, съ трудомъ можете выдерживать натискъ меньшаго войска. Храбрые на словахъ, вы хвалились, что завоюете Римъ, если васъ кто поведетъ туда; а вотъ дѣло менѣе трудное: здѣсь я хочу испытать вашу силу и храбрость. Завоюйте Нолу, городъ, лежащій въ равнинѣ, не огражденный ни рѣкою, ни моремъ. Отсюда, когда вы нагрузите себя добычею и трофеями такого богатаго города, я васъ поведу или послѣдую за вами туда, куда вы пожелаете". **46.** Ни добрыя, ни ѣдкія слова не содѣйствовали оживленію бодрости духа. Такъ какъ кареагенянъ тѣснили со всѣхъ сторонъ, а у римлянъ мужество росло, благодаря не только ободренію вождя, но и тому, что ноланцы своимъ крикомъ, выражая расположеніе, воспламенили пылъ къ бою, то пунійцы обратились въ бѣгство и были загнаны въ лагерь. Римское войско желало взять лагерь штурмомъ, но Марцеллъ отвелъ его обратно въ Нолу къ великой радости и торжеству даже плебеевъ, которые ранѣе склонялись больше на сторону пунійцевъ. Въ этотъ день убито было непріятелей болѣе 5000, 600 живыми взято въ плѣнъ, захвачено 19 военныхъ значковъ и два

[1]) См. XXII 6. [2]) О смерти его см. XXII 49.

слона, а четыре убито въ сраженіи; римлянъ убито менѣе 1000. Слѣдующій день при перемиріи, установившемся само собой, оба войска провели въ погребеніи павшихъ въ сраженіи. Непріятельскіе доспѣхи Марцеллъ сжегъ, какъ жертву Вулкану. На третій день послѣ этого—вслѣдствіе ли нѣкотораго недовольства, или надежды на болѣе выгодную службу—272 нумидійскихъ и испанскихъ всадника перебѣжали къ Марцеллу. Римляне часто пользовались въ этой войнѣ ихъ отважною и вѣрною помощью. Послѣ войны за храбрость испанцы получили землю въ Испаніи, а нумидійцы въ Африкѣ.

Отославъ Ганнона съ тѣми войсками, съ которыми онъ прибылъ, изъ Нолы въ страну бруттіевъ, самъ Ганнибалъ поспѣшилъ на зимнія квартиры въ Апулію и расположился вокругъ Арпъ. Какъ только Кв. Фабій услыхалъ объ удаленіи Ганнибала въ Апулію, онъ приказалъ свезти хлѣбъ изъ Нолы и Неаполя въ лагерь выше Свессулы, усилилъ укрѣпленія, оставилъ для защиты этого мѣста въ зимнее время достаточный гарнизонъ, а самъ подошелъ ближе къ Капуѣ и опустошалъ огнемъ и мечемъ Кампанскую страну, пока не заставилъ кампанцевъ выйти изъ воротъ, хотя они совсѣмъ не надѣялись на свои силы, и стать лагеремъ въ открытомъ мѣстѣ передъ городомъ. У непріятелей было 6000 войска: пѣхота была слаба, конница была лучше, вслѣдствіе чего они и тревожили римлянъ кавалерійскими нападеніями. Въ числѣ многихъ знатныхъ кампанскихъ всадниковъ, былъ Церринъ Вибеллій, по прозвищу Таврея. Онъ былъ гражданинъ Капуи же, одинъ изъ храбрѣйшихъ кампанскихъ всадниковъ, такъ что, во время его службы у римлянъ, только одинъ римлянинъ, Клавдій Азеллъ, не уступалъ ему въ славѣ кавалериста. Въ то время Таврея долго объѣзжалъ непріятельскіе эскадроны, осматривая ихъ, и наконецъ, когда наступила тишина, спросилъ, гдѣ Клавдій Азеллъ; почему онъ, часто оспаривавшій у него славу храбрости, не желаетъ рѣшить спора мечемъ и, уступивъ побѣду, выдать ему „тучные доспѣхи" [1]) или, побѣдивъ, получить таковые же? **47.** Какъ только извѣстіе объ этомъ сообщено было Азеллу въ лагерь, онъ только спросилъ консула, можно ли ему внѣ рядовъ воинскихъ сразиться съ непріятелемъ, вызывающимъ его на бой. Получивъ разрѣше-

[1]) См. I 10 примѣч.

ніе, онъ тотчасъ же взялъ оружіе, миновалъ верхомъ передовые посты, назвалъ Таврею по имени и предложилъ ему помѣриться силами, гдѣ ему угодно. Римляне вышли ужъ изъ лагеря въ большомъ числѣ посмотрѣть на бой, и кампанцы, наблюдавшіе за боемъ, заняли не только валъ, но и городскія стѣны. Возбудивъ уже раньше своимъ дерзкимъ разговоромъ интересъ къ бою, они теперь, съ копьями, готовыми поразить, пришпорили коней; затѣмъ, отражая удары въ открытомъ полѣ, они, не ранивъ другъ друга, затягивали сраженіе. Тутъ кампанецъ сказалъ римлянину: „Это будетъ бой коней, а не всадниковъ, если мы съ открытаго поля не спустимся на эту дорогу въ ложбину. Тамъ не будетъ мѣста увиливать, и мы вступимъ въ рукопашный бой". Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ Клавдій бросился на конѣ въ ложбину; Таврея, храбрый болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, воскликнулъ: „только, пожалуйста, не въ ровъ съ конемъ!" [1] Съ этого времени слова эти вошли въ поговорку у крестьянъ. Клавдій долго ѣхалъ по этой дорогѣ, но, не встрѣтивъ никакого врага, выѣхалъ опять въ открытое поле, бранилъ врага за малодушіе и къ великой радости и торжеству своихъ вернулся побѣдителемъ въ лагерь. Нѣкоторые лѣтописцы прибавляютъ къ этому единоборству во всякомъ случаѣ удивительное обстоятельство, о справедливости котораго предоставляется судить всякому, а именно: Клавдій, преслѣдуя убѣгающаго къ городу Таврею, въѣхалъ въ открытыя ворота непріятельскаго лагеря и среди оцѣпенѣвшихъ отъ удивленія враговъ невредимо ускакалъ въ другія ворота. **48.** Съ этого времени въ лагерѣ царило спокойствіе. Консулъ даже подвинулся назадъ, чтобы дать возможность кампанцамъ произвести посѣвъ, и опустошилъ ихъ поля только тогда, когда высокіе стебли посѣвовъ могли уже доставить кормъ лошадямъ. Кормъ этотъ онъ свезъ въ Клавдіевъ лагерь выше Свессулы и тамъ устроилъ бараки для зимнихъ квартиръ. Проконсулу М. Клавдію онъ приказалъ, оставивъ въ Нолѣ необходимый для защиты города гарнизонъ, прочихъ воиновъ отпустить въ Римъ, чтобы не обременять союзниковъ [2] и не вводить го-

[1] Таврея не предполагалъ, что Клавдій приметъ его предложеніе. Когда Клавдій спустился въ ложбину, сконфуженный Таврея объяснилъ свое предложеніе шуткой: безъ нужды-де не слѣдуетъ подвергать себя такой опасности, въ какой бываетъ конь во рву. Я, Таврея, во всякомъ случаѣ не послѣдую за Клавдіемъ. [2] Союзники должны были поставлять войску квартиру и содержаніе.

сударство въ расходъ [1]. Тиб. Гракхъ, отведя легіоны изъ Кумъ въ Луцерію, въ Апулію, послалъ оттуда претора М. Валерія съ войскомъ, которое у него было въ Луцеріи, въ Брундизій, приказавъ оберегать прибрежье Саллентинской области и принимать мѣры противъ Филиппа и Македонской войны.

Въ концѣ того лѣта, въ которое совершились описанныя нами событія, пришли извѣстія отъ Гн. и П. Сципіоновъ о важныхъ и удачныхъ дѣйствіяхъ въ Испаніи, но при этомъ они сообщили, что у нихъ нѣтъ денегъ для уплаты жалованья и для обмундированія, нѣтъ провіанта для войска и всего необходимаго для матросовъ. Что касается жалованья, то, если въ казнѣ нѣтъ денегъ, они надѣются принять какія-либо мѣры, чтобы достать средства отъ испанцевъ; все же прочее должно быть непремѣнно выслано изъ Рима, такъ какъ иначе нельзя ни содержать войска, ни удержать за собою провинцію. По прочтеніи письма, всѣ сенаторы признали сообщеніе правдивымъ и требованіе справедливымъ; но приходило на мысль, какое большое сухопутное и морское войско приходится имъ содержать, и какой большой флотъ придется вскорѣ снарядить, въ случаѣ Македонской войны; Сицилія и Сардинія, до войны платившія подать, едва содержатъ войска, защищающія эти провинціи; расходы покрываются военнымъ налогомъ, но число платящихъ его уменьшилось вслѣдствіе такихъ значительныхъ пораженій при Тразименскомъ озерѣ и при Каннахъ; если же немногихъ оставшихся плательщиковъ обременить усиленнымъ налогомъ, то они погибнутъ отъ другого рода зла [2]. Такимъ образомъ, если не придетъ на помощь государству кредитъ, то на свои средства оно не въ состояніи будетъ существовать. Преторъ-де Фульвій долженъ выступить предъ народнымъ собраніемъ, объявить народу настоятельную нужду государства и убѣдить тѣхъ, которые увеличили свое наслѣдственное имущество посредствомъ подрядовъ, продлить государству, благодаря которому они разбогатѣли, срокъ уплаты и принять на себя поставку всего нужнаго испанскому войску на томъ условіи, что, когда въ казнѣ будутъ деньги, имъ будетъ уплачено прежде всѣхъ. Преторъ объявилъ въ народномъ собраніи объ этомъ, а равно о днѣ, въ который онъ будетъ сдавать подрядъ на поставку обмундировки и

[1] Въ такомъ случаѣ воины получали неполное содержаніе. [2] Т. е. будутъ терпѣть недостатокъ и тѣмъ подорвутъ здоровье.

провіанта испанскому войску и всего необходимаго для матросовъ. **49.** Когда насталъ этотъ срокъ, три компаніи, состоявшія изъ 19 человѣкъ, изъявили готовность взять на себя подрядъ, но при этомъ заявили два условія: во-первыхъ, они требовали, чтобы во время этой службы государству они были освобождены отъ военной повинности [1]), во-вторыхъ, — чтобы государство приняло отвѣтственность за убытки, которые могутъ причинить враги или буря всему тому, что будетъ нагружено на корабли. Требованія эти были уважены, и компаніи взяли на себя подрядъ; такимъ образомъ государственные расходы были покрыты частными средствами. Такія чувства гражданъ и такая любовь ихъ къ отечеству обнаружились одновременно во всѣхъ сословіяхъ. Съ какимъ великодушіемъ приняты были всѣ подряды, съ такою же величайшею добросовѣстностью они были выполнены, и потому въ содержаніи не дѣлалось никакихъ сокращеній, какъ будто бы воины продовольствовались богатой, какъ нѣкогда, казной. Когда подрядъ былъ доставленъ въ Испанію, Газдрубалъ, Магонъ и Ганнибалъ, сынъ Бомилькара, осаждали городъ Илитурги за то, что онъ отпалъ къ римлянамъ. Послѣ горячаго боя и пораженія противниковъ, Сципіоны сквозь тройной непріятельскій лагерь прибыли въ городъ союзниковъ, доставили провіантъ, въ которомъ чувствовался недостатокъ, уговорили горожанъ защищать свои стѣны съ такимъ же мужествомъ, какое они увидятъ въ римскомъ войскѣ, когда оно будетъ сражаться за нихъ, и отправились штурмовать главный лагерь, бывшій подъ командой Газдрубала. Туда же прибыли два карѳагенскихъ вождя съ войсками, такъ какъ видѣли, что главное дѣло будетъ тамъ. И вотъ сраженіе началось вылазкой изъ лагеря, Въ битвѣ въ этотъ день было 60000 враговъ, на сторонѣ римлянъ около 16000. Тѣмъ не менѣе побѣда римлянъ была такъ рѣшительна, что они убили непріятелей больше, чѣмъ было ихъ самихъ, взяли въ плѣнъ болѣе 3000 человѣкъ, захватили нѣсколько менѣе 1000 лошадей, 59 военныхъ значковъ, 7 слоновъ, и 5 убито было въ сраженіи. Въ тотъ день они завладѣли тремя лагерями. Снявъ осаду съ города Илитурги, пуническія войска направились осаждать городъ Интибилъ, такъ какъ ихъ силы пополнены были войскомъ въ провинціи, которая болѣе другихъ была падка до войны, лишь бы только была добыча или плата, и въ то время располагала очень многими способными въ службѣ юношами. Снова оба войска сразились, и результаты битвы были тѣ же. Болѣе 13000 враговъ было убито, взято въ плѣнъ болѣе 2000 съ 42 значками и 9 слонами. Тогда-то почти всѣ испанскіе народы перешли на сторону римлянъ, и въ это лѣто совершились въ Испаніи гораздо болѣе важныя событія, чѣмъ въ Италіи.

[1]) Военная служба могла бы помѣшать имъ исполнить взятый подрядъ; обыкновенно же освобождались отъ военной службы сенаторы и жрецы.

КНИГА XXIV.

---

1. Возвратившись изъ Кампаніи въ Бруттійскую область, Ганнонъ, съ помощью бруттіевъ и по ихъ указанію, напалъ на греческіе города, которые тѣмъ охотнѣе оставались въ союзѣ съ римлянами, что видѣли переходъ на сторону карѳагенянъ бруттіевъ, которыхъ они ненавидѣли и боялись. Прежде всего онъ напалъ на Регій и потерялъ тутъ нѣсколько дней. Между тѣмъ локры быстро свезли въ городъ съ полей хлѣбъ, дрова и всѣ предметы первой необходимости, имѣя въ виду и то, чтобы не оставить врагамъ никакой добычи. Съ каждымъ днемъ изъ всѣхъ воротъ выходило большое число жителей; наконецъ, въ городѣ остались только тѣ, которые должны были поправлять стѣны и ворота и сносить метательные снаряды въ оборонительныя укрѣпленія. Противъ этой толпы, состоявшей изъ людей разнаго возраста и сословія и бродившей по полямъ большею частью безъ оружія, пуніецъ Гальмикаръ выслалъ всадниковъ; получивъ приказаніе никого не обижать, они такъ выстроились, чтобы разсѣявшихся отрѣзать отъ города. Самъ вождь, занявъ возвышенное мѣсто, чтобы видѣть оттуда поля и городъ, приказалъ бруттійской когортѣ подвинуться къ стѣнѣ города, вызвать локрійскихъ старѣйшинъ для переговоровъ и, обѣщая имъ дружбу Ганнибала, склонить ихъ къ передачѣ города. Сначала локрійцы не вѣрили словамъ бруттіевъ, но вскорѣ, когда на холмахъ показались пунійцы, и немногіе возвратившіеся жители города доносили, что вся прочая толпа во власти непріятелей, они, подъ вліяніемъ страха, отвѣтили, что посовѣтуются съ народомъ. Тотчасъ созвано было собраніе. Такъ какъ всѣ легкомысленные предпочитали перемѣну и новый союзъ, тѣ же, родственники которыхъ были отрѣзаны за городомъ непріятелемъ, чувствовали себя

связанными, точно дали заложниковъ, и только немногіе скорѣе молча одобряли вѣрность союзу съ римлянами, чѣмъ открыто ратовали за свои убѣжденія, то и послѣдовала сдача пунійцамъ, причемъ казалось, что общее согласіе не подлежитъ сомнѣнію. Препроводивъ тайно начальника гарнизона Л. Атилія и бывшихъ съ нимъ римскихъ воиновъ въ гавань и посадивъ ихъ на корабли для переправы въ Регій, локрійцы приняли въ городъ Гальмикара и пунійцевъ подъ условіемъ, чтобы немедлено былъ заключенъ союзный договоръ на равныхъ правахъ. Но пунійцы чуть было не нарушили обѣщанія, даннаго сдавшимся локрійцамъ, ставя имъ въ вину то обстоятельство, что они коварно дозволили выйти изъ города римскому отряду, но послѣдніе утверждали, что отрядъ ушелъ самъ. Даже посланы были въ погоню всадники, на случай, если теченіе въ проливѣ задержитъ корабли или прибьетъ ихъ къ берегу. Преслѣдуемыхъ они не настигли, но видѣли другіе корабли, переправлявшіеся по проливу изъ Мессаны въ Регій. То были римскіе воины, посланные преторомъ Клавдіемъ для занятія города гарнизономъ. Вслѣдствіе этого, враги тотчасъ же отступили отъ Регія. По приказанію Ганнибала съ локрійцами заключенъ былъ миръ: имъ предоставлено было жить свободно по своимъ законамъ, городъ долженъ былъ оставаться открытымъ для пунійцевъ, гавань во власти локрійцевъ; въ основаніи союза должна была лежать взаимная помощь въ мирное и военное время.

2. Такимъ образомъ пунійцы удалились отъ пролива къ неудовольствію бруттіевъ, такъ какъ послѣдніе должны были оставить нетронутыми города Регій и Локры, которые они рѣшили разграбить. Вслѣдствіе этого, они набрали самостоятельно 15000 молодежи, вооружили ее и отправились осаждать Кротонъ, тоже греческій приморскій городъ, полагая, что, если завладѣютъ укрѣпленнымъ городомъ съ гаванью, то этимъ значительно увеличатъ свое могущество. Безпокоило ихъ то, что они не смѣли не пригласить на помощь пунійцевъ, чтобы не показалось, что они поступаютъ не по-союзнически, но они опасались также, что въ случаѣ, если Пуніецъ явится опять посредникомъ мира, а не помощникомъ въ войнѣ, то они напрасно будутъ бороться за свободу Кротона, какъ нѣкогда боролись за свободу Локръ. Поэтому они сочли за лучшее отправить къ Ганнибалу пословъ и обезпечить себѣ то, что Кротонъ будетъ принадле-

жать бруттіямъ, если они завладѣютъ имъ. Ганнибалъ отвѣтилъ, что рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ тѣмъ, которые находятся на мѣстѣ, и отослалъ ихъ къ Ганнону; но отъ послѣдняго они не получили никакого опредѣленнаго отвѣта: онъ не желалъ видѣть славный и богатый городъ разрушеннымъ и надѣялся, что, если бруттіи начнутъ штурмъ города, а пунійцы видимо будутъ противъ этого и не помогутъ имъ, то городъ тѣмъ скорѣе перейдетъ на сторону карѳагенянъ. [Въ Кротонѣ у жителей не было единодушія ни въ планѣ, ни въ настроеніи; всѣ общины Италіи страдали, такъ сказать, одною болѣзнью: плебеи не соглашались съ оптиматами, сенатъ стоялъ за римлянъ, а плебеи стремились къ союзу съ пунійцами. Объ этомъ разногласіи въ городѣ увѣдомилъ бруттіевъ одинъ перебѣжчикъ. Онъ сообщилъ имъ, что во главѣ плебеевъ стоитъ Аристомахъ, который совѣтуетъ выдать городъ, что въ обширномъ опустѣвшемъ городѣ, въ которомъ укрѣпленія лежатъ на далекомъ разстояніи одно отъ другого, только немного сенаторскихъ постовъ и карауловъ, а что вездѣ, гдѣ на стражѣ стоятъ плебеи, открытъ доступъ въ городъ. По совѣту и указанію перебѣжчика, бруттіи окружили городъ, были впущены плебеями и при первомъ натискѣ завладѣли всѣмъ городомъ, кромѣ кремля. Кремль былъ въ рукахъ оптиматовъ, которые уже раньше приготовили себѣ это убѣжище, на случай подобнаго несчастія. Туда же убѣжалъ Аристомахъ, точно онъ совѣтовалъ передать городъ пунійцамъ, а не бруттіямъ.]

3. До прибытія Пирра въ Италію, стѣна Кротона имѣла въ окружности 12000 шаговъ. Послѣ опустошенія, произведеннаго во время этой войны, оставалась населенной едва половина города: рѣка, протекавшая прежде по срединѣ города, протекала теперь внѣ населенной части его; кремль находился также вдали отъ населенныхъ мѣстъ. На разстояніи 6000 шаговъ отъ города стоялъ знаменитый храмъ—болѣе знаменитый, чѣмъ самъ городъ,—Юноны Лацинійскій [1], чтимый всѣми окрестными народами. Тамъ была густая роща, окруженная высокими елями, посреди ея прекрасныя пастбища, гдѣ паслись безъ всякаго присмотра различныя животныя, посвященныя богинѣ: каждое стадо отдѣльно почью возвращалось въ свои загоны, и никогда не обижали ихъ ни дикіе звѣри, ни люди; отъ продажи скота полу-

[1]) См. XXIII 33 примѣч.

чалась большая прибыль, и на эти деньги сдѣлана была массивная золотая колонна, посвященная богинѣ: такимъ образомъ храмъ славился не только святостью, но и богатствомъ. Какъ обыкновенно такимъ прославленнымъ мѣстамъ приписываютъ нѣкоторыя вымышленныя чудеса, такъ и тутъ существуетъ преданіе, что при входѣ въ храмъ есть алтарь, пепелъ съ котораго никогда не разносится никакимъ вѣтромъ.—Кремль Кротона, одной стороной нависшій надъ моремъ, другой—обращенный къ материку, нѣкогда былъ защищенъ только естественнымъ своимъ положеніемъ; впослѣдствіи онъ былъ окруженъ и стѣною въ томъ мѣстѣ, гдѣ [1]) сицилійскій тиранъ Діонисій [2]) пробрался по скаламъ, лежащимъ на сторонѣ, противоположной той, съ которой онъ нападалъ, и коварно овладѣлъ городомъ. Этотъ кремль, повидимому, довольно безопасный, занимали тогда кротонскіе оптиматы, осажденные своими плебеями вмѣстѣ съ бруттіями. [Наконецъ, не будучи въ состояніи завладѣть кремлемъ своими собственными силами, бруттіи по необходимости обратились за помощью къ Ганнону. Онъ попробовалъ склонить кротонцевъ къ сдачѣ, подъ условіемъ, чтобы они приняли къ себѣ колонистовъ изъ бруттіевъ и чтобы такимъ образомъ опустѣлый и покинутый вслѣдствіе войнъ городъ снова получилъ прежнее населеніе, но склонилъ только одного Аристомаха. Кротонцы объявили, что предпочтутъ умереть, чѣмъ соединиться съ бруттіями и принять чужіе нравы, обычаи, законы, а вскорѣ и языкъ. Только одинъ Аристомахъ бѣжалъ къ Ганнону, такъ какъ своими увѣщаніями ему не удалось добиться сдачи, а выдать кремль такъ, какъ онъ прежде выдалъ городъ, не представлялось случая.] Вскорѣ послѣ этого локрійскіе послы вошли въ кремль съ разрѣшенія Ганнона и убѣдили кротонцевъ согласиться на переселеніе въ Локры, не доводя дѣла до крайности. Позволенія на это они добились у Ганнибала черезъ пословъ, отправленныхъ къ нему съ этой именно цѣлью. Такимъ образомъ городъ Кротонъ былъ очищенъ; жители были отведены къ морю и посажены на корабли. Всѣ оптиматы переселились въ Локры.

Въ Апуліи не прекращалась война между римлянами и Ганнибаломъ даже зимою. Консулъ Семпроній зимовалъ въ

[1]) Разумѣется, вѣроятно, часть со стороны моря, неприступная и, вслѣдствіе этого, оставленная безъ вниманія. [2]) Діонисій Старшій, царствовавшій съ 389 г. до Р. Х. нѣсколько лѣтъ въ Кротонѣ.

Луцеріи, Ганнибалъ—недалеко отъ Арпъ. Между ними завязывались легкія стычки, если мѣсто или время представлялись той и другой сторонѣ удобными, и, благодаря этому, римляне съ каждымъ днемъ дѣлались способнѣе къ войнѣ, осторожнѣе и болѣе обезпечивали себя отъ засадъ.

4. Въ Сициліи дѣла приняли оборотъ не въ пользу римлянъ со смертью Гіерона и съ переходомъ царской власти къ внуку его Гіерониму, мальчику, у котораго едва-ли хватило бы характера умѣренно воспользоваться независимостью, не говоря уже о неограниченной власти. Его возрастомъ и складомъ ума опекуны и друзья воспользовались, чтобы привить ему всякіе пороки. Предвидя это, Гіеронъ, говорятъ, хотѣлъ, достигши глубокой старости [1]), даровать сиракузянамъ свободу, чтобы подъ властью мальчика шутя не погибло выросшее и окрѣпшее подъ мощнымъ правленіемъ царство. Этому намѣренію всѣми силами воспротивились его дочери, полагавшія, что мальчикъ будетъ носить только имя царя, а высшее главное правленіе будетъ въ рукахъ ихъ и ихъ мужей, Адранодора и Зоиппа, бывшихъ въ то время самыми знатными сиракузянами. Не легко было человѣку, уже на 90-мъ году жизни, день и ночь окруженному женскими ласками, не находиться подъ чужимъ вліяніемъ и пожертвовать частными интересами на общую пользу. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что назначилъ мальчику 15 опекуновъ, которыхъ, умирая, просилъ ненарушимо хранить вѣрность римскому народу, которую онъ соблюдалъ 50 лѣтъ, и направлять молодого царя такъ, чтобы онъ шелъ по его стопамъ, согласно тѣмъ правиламъ жизни, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ. Таково было его послѣднее желаніе. Послѣ смерти Гіерона, опекуны обнародовали завѣщаніе и вывели мальчика, которому было тогда около 15 лѣтъ, въ народное собраніе. Только немногіе, размѣщенные въ народномъ собраніи для того, чтобы выразить радость, одобряли

1) Гіеронъ сдѣлался тираномъ сиракузскимъ въ 265 г. до Р.Хр.; умеръ 90-та лѣтъ; сынъ его, Гелонъ умеръ 50-ти лѣтъ въ 216 г., и потому на царство вступилъ Гіеронимъ въ 215 г.

Гіеронъ II.

Демарата, ея мужъ Адранодоръ. — Гелонъ и его — Гераклея, ея мужъ Зоиппъ.

жена, Нереида, д. Пирра. — двѣ дочери.

Гармонія, жена Ѳемиста. Гіеронимъ.

завѣщаніе, прочіе боялись всего, оставшись въ осиротѣломъ государствѣ, точно послѣ смерти отца. Похороны царя были замѣчательны проявленіемъ не столько участія родныхъ, сколько любви и уваженія гражданъ. Вскорѣ послѣ этого, Адранодоръ удалилъ прочихъ опекуновъ, заявляя, что Гіеронимъ уже юноша и можетъ самъ править царствомъ; и, слагая опеку, которую онъ дѣлилъ со многими, онъ сосредоточилъ всю силу въ своихъ рукахъ.

5. Даже доброму и не злоупотреблявшему властью царю, вступая на престолъ послѣ столь любимаго Гіерона, не легко было бы пріобрѣсти расположеніе; но Гіеронимъ точно желалъ своими пороками вызвать сожалѣніе о дѣдѣ и при первомъ же своемъ появленіи въ народѣ показать, насколько все измѣнилось. Въ то время, какъ раньше, въ теченіе столькихъ лѣтъ, не замѣчали никакой разницы между Гіерономъ, сыномъ его Гелономъ и прочими гражданами въ одеждѣ и какихъ-либо другихъ знакахъ отличія, теперь видѣли пурпуръ, діадему, вооруженныхъ тѣлохранителей и даже четверку бѣлыхъ коней, на которой Гіеронимъ иногда выѣзжалъ изъ дворца, по примѣру тирана Діонисія. Такой блестящей и гордой обстановкѣ соотвѣтствовали его презрѣніе ко всѣмъ, его гордость во время аудіенцій, его оскорбительныя рѣчи, рѣдкій пріемъ не только чужихъ, но и опекуновъ, невиданныя страсти, безчеловѣчная жестокость. Поэтому всѣми овладѣлъ такой ужасъ, что нѣкоторые изъ опекуновъ спасались отъ угрожавшей казни самоубійствомъ или бѣгствомъ. Трое изъ нихъ, зятья Гіерона, Адранодоръ и Зоиппъ и нѣкто Ѳразонъ, одни только встрѣчавшіе болѣе дружелюбный пріемъ при дворѣ, въ другихъ вопросахъ не пользовались особеннымъ вниманіемъ царя; но такъ какъ двое изъ нихъ склонны были къ союзу съ кароагенянами, а Ѳразонъ—съ римлянами, то они своими ссорами и домогательствами иногда вызывали въ юношѣ интересъ къ себѣ. Вдругъ нѣкто Каллонъ, ровесникъ Гіеронима, пользовавшійся съ самаго дѣтства его довѣріемъ, открылъ ему заговоръ на его жизнь. Доносчикъ могъ назвать только одного заговорщика, Ѳеодота, который самъ говорилъ ему объ этомъ. Ѳеодотъ былъ немедленно схваченъ и переданъ Адранодору для пытки. Въ своей винѣ онъ сознался немедленно, но соучастниковъ не выдавалъ. Наконецъ, терзаемый всевозможными нестерпимыми для человѣка мученіями, онъ сдѣлалъ видъ, что бѣда сломила его упорство, и обратилъ донос съ соучастниковъ

на невинныхъ: именно, онъ солгалъ, что виновникъ заговора—Θразонъ, и что только въ надеждѣ на такого вліятельнаго вождя они дерзнули на столь важное предпріятіе. Затѣмъ онъ назвалъ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ тирана, людей самыхъ презрѣнныхъ, которые пришли ему на умъ, когда онъ среди боли и стоновъ сочинялъ свои показанія. Тирану доносъ показался особенно вѣроятнымъ потому, что въ числѣ заговорщиковъ былъ названъ Θразонъ. Поэтому тотъ немедленно былъ казненъ, и такому же наказанію подверглись прочіе, столь же невинные. Хотя Θразона долго пытали, но никто изъ участниковъ заговора не скрывался и не искалъ спасенія въ бѣгствѣ; настолько всѣ были увѣрены въ мужествѣ и вѣрности его, и такой силою воли скрывать тайну обладалъ онъ!

6. Когда такимъ образомъ устраненъ былъ Θразонъ, единственная опора союза съ римлянами, сразу дѣло стало рѣшительно клониться къ отпаденію. Къ Ганнибалу отправлены были послы, а Ганнибалъ прислалъ, во главѣ съ знатнымъ юношей Ганнибаломъ, Гиппократа и Эпикида; родились они въ Карѳагенѣ, дѣдъ ихъ былъ сиракузскій изгнанникъ, а по матери они оба были пунійцы. При посредствѣ ихъ былъ заключенъ союзъ между Ганнибаломъ и сиракузскимъ тираномъ. Братья Гиппократъ и Эпикидъ остались у тирана къ большому удовольствію Ганнибала. Какъ только узналъ объ этомъ преторъ Ап. Клавдій, управлявшій Сициліей, то немедленно отправилъ пословъ къ Гіерониму. Когда они заявляли, что пришли къ нему возобновить союзъ, существовавшій у нихъ съ его дѣдомъ, Гіеронимъ выслушалъ ихъ насмѣшливо и отпустилъ, спросивъ шутки ради, чѣмъ кончилась для нихъ битва при Каннахъ, такъ какъ-де послы Ганнибала разсказывали ему невѣроятныя вещи, а онъ желалъ бы знать истину, чтобы на основаніи этого рѣшить, чего ему ожидать. Римляне отвѣтили, что снова прибудутъ къ нему, когда онъ станетъ слушать пословъ серіозно, и удалились, причемъ не столько просили, сколько предостерегали его не нарушать легкомысленно вѣрности союзу; Гіеронимъ же отправилъ въ Карѳагенъ пословъ, чтобы на основаніи союза съ Ганнибаломъ заключить договоръ. Постановлено было, съ изгнаніемъ римлянъ изъ Сициліи, что должно было осуществиться вскорѣ, по прибытіи карѳагенскаго войска и кораблей, считать рѣку Гимеру, раздѣлявшую островъ почти на двѣ равныя части,

границею Сиракузскаго царства и пуническихъ владѣній. Затѣмъ, возгордившись льстивыми рѣчами тѣхъ, которые приглашали его помнить не только о Гіеронѣ, но и о царѣ Пиррѣ, дѣдѣ его съ материнской стороны, онъ отправилъ второе посольство въ Карѳагенъ, признавая справедливымъ, чтобы ему была уступлена вся Сицилія, а карѳагенскій народъ пусть-де стремится къ владычеству надъ Италіей. Такому непостоянству и гордости безумнаго юноши карѳагеняне не удивлялись и не обличали его, имѣя въ виду только отвлечь его отъ союза съ римлянами. **7.** Но все влекло Гіеронима къ гибели. Онъ послалъ впередъ Гиппократа и Эпикида съ 2000 вооруженныхъ попробовать занять города, гдѣ были римскіе гарнизоны, а самъ направился со всѣмъ прочимъ войскомъ, числомъ около 15000 пѣхоты и конницы, въ Леонтины. Въ это время заговорщики—всѣ они состояли на военной службѣ—заняли пустой домъ [1]) въ узкой улицѣ, по которой обыкновенно царь проходилъ на площадь. Тутъ стояли всѣ заговорщики наготовѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, ожидая, когда пойдетъ царь; на одного же изъ нихъ, по имени Диномена, какъ царскаго тѣлохранителя, возложена была обязанность, когда царь поравняется съ дверями, подъ какимъ-либо предлогомъ задержать въ узкой улицѣ все слѣдовавшее позади шествіе. Какъ было условлено, такъ и случилось. Онъ поднялъ ногу, точно желая ослабить затянувшійся узелъ ремня [2]), и задержалъ все шествіе настолько, что, когда на царя, проходившаго безъ вооруженныхъ людей, сдѣлано было нападеніе, то онъ палъ отъ нѣсколькихъ ударовъ, прежде чѣмъ къ нему можно было подоспѣть на помощь. Такъ какъ поднялся крикъ и шумъ, то въ Диномена, который теперь явно загораживалъ дорогу, стали бросать копья, но онъ, получивъ двѣ раны, все-таки убѣжалъ. Тѣлохранители, увидѣвъ, что царь палъ, бѣжали. Убійцы частію поспѣшили на площадь къ народу, обрадовавшемуся освобожденію, частію въ Сиракузы, чтобы предупредить планы Адранодора и прочихъ царскихъ единомышленниковъ. Въ виду неопредѣленности положенія, Ап. Клавдій, видя, что вблизи завязывается война, увѣдомилъ письменно сенатъ, что Сицилія сближается съ карѳагенянами и Ганнибаломъ, самъ же направилъ всѣ свои силы къ границѣ провинціи и царскихъ владѣній, чтобы помѣшать планамъ сиракузянъ.

---

1) Воины имѣли право требовать свободныхъ квартиръ подъ постой.
2) Обувь привязывалась къ ногѣ ремнями.

Въ концѣ года Кв. Фабій укрѣпилъ по распоряженію сената Путеолы, торговый пунктъ, оживившійся во время войны, и помѣстилъ тамъ гарнизонъ. Затѣмъ, направляясь для созыва комицій въ Римъ, онъ назначилъ ихъ въ первый же день, когда это было можно [1]), и прямо съ дороги, минуя городъ, явился на Марсово поле. Когда жребій быть прерогативой [2]) палъ въ этотъ день на центурію младшихъ Аніенской трибы, и она стала выбирать въ консулы Т. Отацилія и М. Эмилія Регилла, то Кв. Фабій, водворивъ чрезъ глашатая молчаніе, сказалъ слѣдующую рѣчь:

8. „Еслибы у насъ въ Италіи былъ миръ или война съ такимъ непріятелемъ, который давалъ бы нѣкоторую возможность быть безпечными, то я считалъ бы забывающимъ о вашей свободѣ всякаго, кто сталъ бы ставить преграды вашимъ симпатіямъ, съ которыми вы являетесь на Марсово поле, чтобы вручить почетныя должности угоднымъ вамъ кандидатамъ. Но такъ какъ въ этой войнѣ, съ этимъ врагомъ ни одинъ вождь не допустилъ ошибки, не повергнувъ насъ въ большую бѣду, то при выборѣ консуловъ, вы должны приступать къ голосованію съ такой же осторожностью, съ какой вы съ оружіемъ идете на войну, и всякій долженъ сказать самъ себѣ: „я предлагаю консула, равнаго главнокомандующему Ганнибалу“. Въ настоящемъ году подъ Капуей противъ храбрѣйшаго кампанскаго всадника Вибеллія Тавреи, сдѣлавшаго вызовъ, выставленъ былъ храбрѣйшій римскій всадникъ, Азеллъ Клавдій [3]). Противъ галла, сдѣлавшаго нѣкогда вызовъ на Аніенскомъ мосту, предки наши послали Т. Манлія [4]), увѣреннаго въ своемъ мужествѣ и силѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, безспорно по той же причинѣ, оказано было довѣріе М. Валерію, когда онъ вступалъ въ единоборство съ галломъ, сдѣлавшимъ подобный же вызовъ [5]). Мы желаемъ, чтобы пѣхота и конница, если не превосходила, то, по крайней мѣрѣ, не уступала бы врагу, такъ же точно ищемъ и главнокомандующаго, равнаго вражескому вождю. Если мы даже выберемъ самаго лучшаго вождя [6]) въ государствѣ, то все-таки избранный неожиданно, назначенный только на одинъ годъ, онъ очутится лицомъ къ лицу съ главнокомандующимъ старымъ, состоящимъ безсмѣнно въ

[1]) Всѣхъ дней въ году, въ которые можно было назначать комиціи, было 184. [2]) О „прерогативѣ“ см. V 18 и примѣч. [3]) Азеллъ и Манлій сами вышли на единоборство, но съ согласія вождя; см. XXIII 46. слд. [4]) См. VII 9 слд. [5]) См. VII 26. [6]) Фабій имѣетъ въ виду себя.

этой должности, не связаннымъ ни срокомъ, ни полномочіями, которыя могли бы помѣшать ему дѣйствовать и распоряжаться сообразно съ обстоятельствами войны; у насъ же среди самыхъ приготовленій, когда мы только приступаемъ къ дѣлу, годъ заканчивается. Такъ какъ я достаточно выяснилъ вамъ, какихъ людей слѣдуетъ избрать въ консулы, то мнѣ остается сказать вамъ немного словъ о тѣхъ, на сторону которыхъ склонились симпатіи прерогативы. М. Эмилій Региллъ—фламенъ Квирина, котораго мы не можемъ уволить отъ его священныхъ обязанностей [1]) или оставить здѣсь, безъ ущерба или служенію богамъ, или войнѣ. Отацилій женатъ на дочери моей сестры и имѣетъ отъ нея дѣтей. Но ваши заслуги передо мной и моими предками таковы, что я не могу ставить родственныя отношенія выше государственныхъ интересовъ. Всякій, и матросъ, и пассажиръ, можетъ управлять кораблемъ, когда море спокойно; но когда поднимается сильная буря, и на бушующемъ морѣ вѣтеръ мечетъ корабль, тогда нуженъ энергичный мужъ, опытный кормчій. Мы плывемъ теперь не по спокойному морю, напротивъ—мы уже чуть было не погибли во время нѣсколькихъ бурь. Поэтому вы должны быть въ высшей степени осторожны при выборѣ кормчаго. Мы испытали тебя, Т. Отацилій, въ менѣе важномъ дѣлѣ, но ты не далъ намъ никакихъ основаній довѣрить тебѣ болѣе важныя дѣла. Флотъ, которымъ ты управлялъ въ этомъ году, мы снарядили съ троякою цѣлью: опустошать берега Африки, охранять берега Италіи и, главнымъ образомъ, не допускать доставки изъ Карѳагена для Ганнибала дополнительныхъ войскъ съ жалованьемъ и съѣстными припасами. Выбирайте въ консулы Т. Отацилія, если онъ исполнилъ, не скажу всѣ, но хоть какое-нибудь изъ этихъ порученій. Если же во время твоего начальства надъ флотомъ Ганнибалъ получилъ изъ дому все, что даже не было необходимо, безопасно и безъ потерь для себя, точно по мирному морю, и если въ этомъ году берега Италіи находились въ большей опасности, чѣмъ берега Африки, то что можешь ты привести въ основаніе того, почему бы намъ выбрать въ вожди противъ Ганнибала именно тебя? Еслибы ты былъ консуломъ, то мы, по примѣру нашихъ предковъ, признали бы необходимымъ избрать диктатора, и ты не могъ бы гнѣвать-

[1]) Жрецы не имѣли права оставлять городъ надолго.

ся, что въ римскомъ государствѣ какого-то гражданина считаютъ лучшимъ воиномъ, чѣмъ ты. Никто болѣе тебя не заинтересованъ въ томъ, чтобы на твою шею не взвалили такой тяжести, подъ которой ты можешь пасть. Настойчиво совѣтую вамъ и сегодня избирать консуловъ съ тѣмъ же настроеніемъ, съ какимъ вы, стоя въ боевомъ порядкѣ, должны были бы вдругъ избрать двухъ главнокомандующихъ, чтобы сразиться подъ ихъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ; имъ дѣти ваши должны принести присягу, по ихъ приказанію собраться и подъ ихъ защитою и попеченіемъ служить. Доказательствомъ служатъ Тразименское озеро и Канны, печальной памяти примѣры, но полезные для предотвращенія подобныхъ пораженій. Глашатай, пригласи снова центурію младшихъ Аніенской трибы подавать голоса!“ **9.** Такъ какъ Т. Отацилій яростно кричалъ, что Фабій желаетъ продлить себѣ консульство, и производилъ шумъ, то консулъ приказалъ ликторамъ схватить его и напомнилъ ему, что передъ нимъ несутъ связки съ топорами [1]), такъ какъ онъ не входилъ въ городъ, а прямо съ дороги отправился на Марсово поле [2]). Между тѣмъ прерогатива произвела голосованіе, и въ консулы были выбраны Кв. Фабій Максимъ въ четвертый разъ и М. Марцеллъ въ третій. Тѣхъ же консуловъ выбрали безъ всякаго разногласія и прочія центуріи. Одинъ преторъ, Кв. Фульвій Флаккъ, былъ выбранъ вторично, прочіе были вновь избраны: Т. Отацилій Крассъ во второй разъ, Кв. Фабій, сынъ консула, бывшій тогда курульнымъ эдиломъ, и П. Корнелій Лентулъ. По окончаніи преторскихъ комицій, состоялось сенатское постановленіе—предоставить Кв. Фульвію внѣ правилъ претуру въ городѣ и ему же предпочтительно передъ другими, съ уходомъ консуловъ на войну, поручить управленіе городомъ.

Въ этомъ году былъ два раза разливъ: Тибръ вышелъ изъ береговъ, затопилъ поля, разрушилъ много домовъ и погубилъ много людей и скота.

Въ пятый годъ второй Пунической войны вступавшіе въ 5

---

[1]) Угроза, что Отацилій можетъ быть казненъ. [2]) Чиновники, отправлявшіеся изъ города на Марсово поле, не носили въ связкахъ топоровъ; то же касалось и лицъ, являвшихся на Марсово поле изъ другихъ мѣстъ, такъ какъ власть главнокомандующаго (imperium) въ городѣ и на 1000 шаговъ вокругъ него подлежала ограниченію. Почему въ данномъ случаѣ Фабій явился, не приказавъ вынуть топоры изъ пучковъ, Ливій не объясняетъ; но очевидно, что онъ дѣйствовалъ не вопреки законамъ.

должность консулы, Кв. Фабій Максимъ въ четвертый разъ, М. Клавдій Марцеллъ въ третій, обратили на себя особенное вниманіе гражданъ, такъ какъ уже давно не было такой пары консуловъ. Старики разсказывали, что такимъ же образомъ избраны были консулы Максимъ Руллъ съ П. Деціемъ для галльской войны [1]), впослѣдствіи Папирій и Карвилій противъ самнитянъ, бруттіевъ, луканцевъ и тарентинцевъ [2]). Марцеллъ избранъ былъ въ консулы заочно, такъ какъ находился при войскѣ; Фабій же былъ на лицо и самъ предсѣдательствовалъ въ комиціяхъ, когда ему продлили консульство. Подъ вліяніемъ затрудненій въ войнѣ и общаго критическаго положенія государства, никто не искалъ подобнаго примѣра въ исторіи и никто не подозрѣвалъ консула во властолюбіи; напротивъ—его хвалили за великодушіе, такъ какъ онъ, зная, что государству необходимъ хорошій главнокомандующій, и что самъ онъ безспорно таковой, поставилъ пользу государства выше ненависти, которая могла зародиться вслѣдствіе выбора его въ консулы.

10. Въ день вступленія консуловъ въ должность, въ сенатскомъ засѣданіи на Капитоліи было прежде всего постановлено, чтобы консулы до отправленія къ войску рѣшили жребіемъ или согласились между собою, кому изъ нихъ предсѣдательствовать въ комиціяхъ для выбора цензоровъ. Затѣмъ сенатъ продлилъ на одинъ годъ власть всѣмъ, бывшимъ у войскъ, и приказалъ имъ оставаться на мѣстахъ: Тиб. Гракху въ Луцеріи съ добровольцами рабами, Г. Теренцію Варрону въ Пиценской области, М. Помпонію въ Галльской: преторы предыдущаго года въ качествѣ пропреторовъ должны были: Кв. Муцій занять Сицилію, М. Валерій защищать прибрежье у Брундизія и слѣдить за всѣми дѣйствіями македонскаго царя Филиппа. Претору П. Корнелію Лентулу назначена была провинція Сицилія, Т. Отацилію—тотъ же флотъ, которымъ онъ командовалъ въ прошлымъ году противъ карѳагенянъ.

Въ этомъ году сообщено было о многихъ знаменіяхъ, и чѣмъ болѣе придавали вѣры имъ простые и набожные люди, тѣмъ больше увеличивалось число слуховъ. Въ Ланувіи въ храмѣ Юноны Спасительницы вороны свили гнѣздо; въ Апуліи сгорѣла зеленая пальма; въ Мантуѣ озеро, образовавшееся вслѣдствіе разлива рѣки Минція, казалось крова-

---

[1]) См. X 24 слд. [2]) Въ 482 г. отъ осн. Р.

вымъ; въ Калахъ шелъ мѣловой дождь, а на бычачьемъ рынкѣ въ Римѣ кровавый; въ Инстейскомъ кварталѣ появился изъ-подъ земли ключъ съ такою массою воды, что, подобно бурному потоку, вынесъ и увлекъ всѣ лежавшія тамъ кадки и бочки; молнія ударила въ галлерею на Капитоліи, въ храмъ Вулкана на Марсовомъ полѣ, въ кремль въ Сабинской области, на дорогу, въ стѣну и ворота въ Габіяхъ. Разсказывали еще и о другихъ чудесахъ: копье Марса въ Пренесте двинулось съ мѣста само собой; быкъ въ Сициліи заговорилъ; въ странѣ марруциновъ закричалъ младенецъ во чревѣ у матери: „ура! тріумфъ!"; въ Сполетѣ женщина превратилась въ мужчину; въ Гадріи видѣли на небѣ алтарь и возлѣ него фигуры людей въ бѣлыхъ одеждахъ; даже въ самомъ Римѣ непосредственно послѣ того, какъ видѣли на форумѣ рой пчелъ, явленіе по своей рѣдкости замѣчательное, нѣкоторые утверждали, что они видятъ вооруженные легіоны на Яникулѣ, стали призывать гражданъ къ оружію, между тѣмъ, какъ бывшіе въ то время на Яникулѣ говорили, что кромѣ живщихъ тамъ работниковъ они никого не видѣли [1]). По случаю всѣхъ этихъ знаменій, на основаніи отвѣта гаруспиковъ, принесены были умилостивительныя жертвы крупными жертвенными животными, и объявлено молебствіе всѣмъ богамъ, имѣвшимъ въ Римѣ свои ложа.

11. Принявъ всѣ мѣры для умилостивленія боговъ, консулы доложили сенату о состояніи государства, веденіи войны, о количествѣ войскъ и мѣстонахожденіи каждаго войска. Было рѣшено вести войну 18-ю легіонами: по два легіона должны были взять консулы; Сицилія, Сардинія и Галлія— каждая должна была быть занята двумя легіонами, двумя легіонами долженъ былъ командовать въ Апуліи преторъ Кв. Фабій, двумя легіонами добровольцевъ Тиб. Гракхъ при Луцеріи, по одному рѣшено было оставить проконсулу Г. Теренцію для защиты Пиценской области и М. Валерію при флотѣ, стоявшемъ у Брундизія; два легіона должны были остаться для защиты города. Для образованія такого числа легіоновъ необходимо было набрать 6 новыхъ. Консуламъ данъ былъ приказъ набрать ихъ какъ можно скорѣе и снарядить флотъ такъ, чтобы вмѣстѣ съ кораблями, стоявшими на рейдѣ для защиты береговъ Калабріи, составился въ этомъ

[1]) На Яникулѣ жителей не было, но были воздѣлыватели садовъ.

году флотъ въ 150 военныхъ кораблей. Когда произведенъ былъ наборъ, и спущено 100 новыхъ кораблей, Кв. Фабій предсѣдательствовалъ въ комиціяхъ для выбора цензоровъ; выбраны были М. Атилій Регулъ и П. Фурій Филъ.

Такъ какъ слухи о войнѣ въ Сициліи все усиливались, то Отацилію приказано было отправиться туда съ флотомъ. Въ виду недостатка матросовъ, консулы согласно сенатскому постановленію, издали эдиктъ, чтобы всякій гражданинъ, который самъ или отецъ его владѣлъ въ цензорство Л. Эмилія и Г. Фламинія [1]) имуществомъ на сумму отъ 50 до 100 тысячъ ассовъ, или у котораго послѣ того состояніе возросло до такой суммы, выставилъ одного матроса съ жалованьемъ за полгода; всякій же, имѣвшій свыше 100000 до 300000 ассовъ—трехъ матросовъ съ годовымъ жалованьемъ, имѣвшій свыше 300000 до 1000000—5 матросовъ, имѣвшій свыше 1000000—7; сенаторы должны были выставить по 8 матросовъ съ годовымъ жалованьемъ. Выставленные согласно этому эдикту, матросы, вооруженные и снабженные всѣмъ необходимымъ своими господами, сѣли на корабли съ запасомъ готовой пищи на 30 дней. Это былъ первый случай, что римскій флотъ съ матросами былъ снаряженъ на частныя средства.

12. Такія необыкновенныя приготовленія особенно напугали кампанцевъ: они опасались, что римляне начнутъ въ этомъ году войну съ осады Капуи. Поэтому они отправили къ Ганнибалу пословъ съ просьбою придвинуть свое войско къ Капуѣ, потому-де, что въ Римѣ набираютъ новыя войска для осады ея, и римляне особенно возмущены отпаденіемъ этого города. Такъ какъ они передавали этотъ слухъ такъ тревожно, то Ганнибалъ, считая нужнымъ поспѣшить, чтобы предупредить римлянъ, отправился изъ Арпъ и расположился выше Капуи, у Тифатской горы, на мѣстѣ прежняго лагеря [2]). Затѣмъ, оставивъ нумидійцевъ и испанцевъ для защиты лагеря и Капуи, онъ двинулся съ прочимъ войскомъ къ Авернскому озеру, подъ предлогомъ жертвоприношенія, на самомъ же дѣлѣ, чтобы попытаться напасть на Путеолы и бывшій тамъ гарнизонъ. Получивъ извѣстіе объ отправленіи Ганнибала изъ Арпъ и отступленіи его въ Кампанію, Максимъ шелъ безостановочно днемъ и ночью, дошелъ до войска и приказалъ Тиб. Гракху придвинуть свои силы отъ

[1]) 534 г. [2]) См. XXIII 36.

Луцеріи въ Беневентъ, а претору Кв. Фабію, сыну консула, занять мѣсто Гракха въ Луцеріи. Въ Сицилію отправились одновременно два претора—П. Корнелій къ войску, Т. Отацилій — чтобы принять команду надъ прибрежной страной и флотомъ. Прочіе также отправились въ свои провинціи; тѣ, кому власть была продлена, занимали прошлогоднія мѣста.

13. Во время пребыванія Ганнибала у Авернскаго озера, къ нему прибыли изъ Тарента пять знатныхъ юношей, которые были взяты въ плѣнъ частію при Тразименскомъ озерѣ, частію при Каннахъ и отпущены Пунійцемъ по домамъ съ такимъ же дружелюбіемъ, съ какимъ онъ обыкновенно относился ко всѣмъ римскимъ союзникамъ. Они доложили ему, что, помня его благодѣяніе, они склонили большую часть тарентинской молодежи предпочесть дружественный союзъ съ нимъ союзу съ римлянами и, по порученію своихъ, просятъ его подойти съ войскомъ ближе къ Таренту. Если-де изъ Тарента увидятъ его знамена, его лагерь, то городъ немедленно сдастся ему, ибо плебеи въ рукахъ молодежи, въ рукахъ же плебеевъ вся тарентинская община. Ганнибалъ похвалилъ ихъ, надавалъ имъ кучу обѣщаній, приказалъ вернуться домой, чтобы ускорить выполненіе ихъ плана, и сказалъ, что самъ явится во-время. Питая такія надежды, тарентинцы были отпущены, самого же Ганнибала охватило страстное желаніе завладѣть Тарентомъ. Онъ зналъ, что этотъ городъ не только богатъ и славенъ, но и лежитъ у моря и весьма кстати обращенъ въ сторону Македоніи: онъ предвидѣлъ, что если царь Филиппъ переправится въ Италію, то будетъ стараться занять эту гавань, такъ какъ Брундизій находится въ рукахъ римлянъ. Совершивъ жертвоприношеніе, для котораго онъ прибылъ сюда, и опустошивши во время своего пребыванія тамъ окрестности Кумъ до мыса Мизена, онъ вдругъ повернулъ свое войско въ Путеолы, чтобы тамъ захватить врасплохъ римскій гарнизонъ. Послѣдній состоялъ изъ 6000 человѣкъ; мѣсто же было укрѣплено не только природою, но и искусствомъ. Три дня провелъ тамъ Пуніецъ: онъ нападалъ на гарнизонъ со всѣхъ сторонъ, но вслѣдствіе полной безуспѣшности отправился опустошать окрестности Неаполя — скорѣе подъ вліяніемъ гнѣва, чѣмъ въ надеждѣ овладѣть городомъ. Прибытіе его въ сосѣднюю область произвело волненіе среди ноланскихъ плебеевъ, которые уже давно были не расположены къ римлянамъ и враждебно настроены противъ своего сената. Поэтому къ Ганнибалу явились послы призвать его, рѣшительно обѣщая выдать ему городъ. Вызванный знатью, консулъ Марцеллъ предупредилъ ихъ намѣреніе. Въ одинъ день прибылъ онъ изъ Калъ въ Свессулу, хотя и встрѣтилъ задержку при переправѣ черезъ рѣку Вольтурнъ. Въ слѣдующую ночь онъ отправилъ оттуда въ Нолу для защиты сената 6000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ. И насколько консулъ быстро принялъ всѣ мѣры, чтобы предупредить Ганнибала въ занятіи Нолы, настолько Ганнибалъ медлилъ, такъ какъ, дважды уже потерпѣвъ неудачу въ прежнихъ своихъ попыткахъ, не вполнѣ довѣрялъ ноланцамъ.

14. Одновременно прибылъ консулъ Кв. Фабій для осады Казилина, который былъ занятъ пуническимъ гарнизономъ, и къ Беневенту подступили, точно по уговору, съ одной стороны изъ Бруттія Ганнонъ съ большимъ отрядомъ пѣхоты и конницы, съ другой—Тиб. Гракхъ отъ Луцеріи. Послѣдній вошелъ сначала въ городъ, но затѣмъ, услыхавъ, что Ганнонъ расположился лагеремъ у рѣки Калора на разстояніи около 3000 шаговъ отъ города и оттуда опустошаетъ поля, вышелъ также изъ города и разбилъ свой лагерь на разстояніи почти 1000 шаговъ отъ врага. Тутъ онъ созвалъ воиновъ на собраніе. Легіоны его состояли большею частію изъ добровольцевъ, которые уже второй годъ предпочитали молча заслуживать свободу [1]), чѣмъ открыто требовать ея. Однако, при выходѣ изъ зимнихъ квартиръ онъ слышалъ, какъ они на пути вполголоса спрашивали одинъ у другого, придется ли имъ когда-либо служить свободными, и написалъ сенату не столько объ ихъ желаніи, сколько объ ихъ заслугахъ, а именно, что они до послѣдняго времени служили ему вѣрно и храбро, и что имъ только и не хватаетъ свободы для того, чтобы быть воинами въ полномъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи ему было разрѣшено дѣйствовать такъ, какъ онъ находитъ полезнымъ для государства. Поэтому, прежде чѣмъ вступить въ бой съ непріятелемъ, Гракхъ заявляетъ воинамъ, что настало для нихъ время получить давно желанную свободу. На слѣдующій день онъ намѣренъ сразиться съ врагомъ на ровномъ, открытомъ полѣ, гдѣ можно показать настоящую храбрость, нисколько не опасаясь засадъ. Кто доставитъ голову врага, того онъ не-

[1]) До гражданскихъ войнъ военная служба давала право свободнаго гражданина; рабовъ, исключенныхъ изъ центурій, не принимали въ военную службу.

медленно объявитъ свободнымъ; кто оставитъ строй, тотъ будетъ наказанъ, какъ рабъ [1]): участь всякаго зависитъ отъ него самого. Не только онъ обѣщаетъ имъ свободу, но и консулъ М. Марцеллъ, но и весь сенатъ, который, на вопросъ объ ихъ освобожденіи далъ необходимое для этого полномочіе. Послѣ этого онъ прочиталъ письмо консула и сенатское постановленіе. При этомъ поднялся крикъ всеобщаго одобренія: воины требовали сраженія и настойчиво просили немедленно дать сигналъ. Назначивъ сраженіе на слѣдующій день, Гракхъ распустилъ собраніе. Воины обрадовались, особенно тѣ, которымъ предстояла свобода, какъ награда за однодневную услугу, и провели остальную часть дня въ чисткѣ и снаряженіи оружія. **15.** На слѣдующій день, когда раздались сигналы, добровольцы явились прежде всѣхъ къ палаткѣ вождя готовыми и вооруженными. Когда взошло солнце, Гракхъ вывелъ войско въ сраженіе. Враги также не замедлили вступить въ бой. У нихъ было 17000 пѣхотинцевъ, большею частію бруттіи и луканы, и 1200 всадниковъ, въ томъ числѣ немного италійцевъ, остальные почти все нумидійцы и мавры. Бой былъ горячъ и продолжителенъ. Въ теченіе четырехъ часовъ побѣда не склонялась ни въ ту, ни въ другую сторону. Болѣе всего мѣшало римлянамъ то обстоятельство, что головы враговъ были назначены платою за свободу. Всякій, отважно убившій врага, прежде всего тратилъ время на то, чтобы отрубить ему голову, что было не легко сдѣлать среди суматохи и шума. Затѣмъ, такъ какъ правыя руки были заняты тѣмъ, что держали головы убитыхъ враговъ, то всѣ храбрѣйшіе воины перестали быть бойцами, и сражаться предоставлено было робкимъ и боязливымъ. Какъ только военные трибуны доложили Гракху, что воины болѣе не ранятъ тѣхъ враговъ, которые стоятъ на ногахъ, а крошатъ павшихъ, и что въ правыхъ рукахъ воиновъ, вмѣсто мечей, человѣческія головы, то онъ приказалъ немедленно скомандовать бросить головы и ударить на врага, такъ какъ они-де достаточно доказали свою храбрость и отличились, а такимъ отважнымъ воинамъ свобода несомнѣнно будетъ дарована. Затѣмъ сраженіе возобновилось, и противъ врага выслана была также и конница. Но нумидійцы встрѣтили нападеніе отважно: кавалерійскій бой былъ такъ же горячъ, какъ и пѣшій, и исходъ

[1]) Рабовъ распинали на крестѣ.

его былъ опять сомнителенъ. Такъ какъ оба вождя издѣвались надъ войсками другъ друга—римскій надъ бруттіями и луканцами, которые были столько разъ побѣждаемы и поражаемы ихъ предками, а пуническій называлъ римскихъ воиновъ рабами изъ рабочаго дома, то Гракхъ объявилъ, наконецъ, что они могутъ надѣяться на свободу только въ томъ случаѣ, если въ этотъ день разобьютъ врага на голову. **16.** Особенно послѣднія слова до такой степени воспламенили воиновъ, что они точно вдругъ переродились и съ новымъ крикомъ устремились на врага. Сила ихъ натиска была такъ велика, что выдержать его долѣе оказалось невозможнымъ. Прежде всего пришли въ смятеніе передовые воины пунійцевъ, затѣмъ стоявшіе подъ знаменами, и, наконецъ, оттѣсненъ былъ весь строй; вскорѣ они окончательно повернули тылъ и убѣгая устремились въ лагерь въ такомъ страхѣ и замѣшательствѣ, что даже въ воротахъ и на валу никто не оказалъ сопротивленія. Римляне, преслѣдуя врага по пятамъ и очутившись внутри непріятельскаго вала, снова завязали сраженіе. Здѣсь, въ тѣсномъ мѣстѣ, чѣмъ труднѣе было сражаться, тѣмъ ужаснѣе была рѣзня. Этому помогли плѣнные, которые во время замѣшательства схватили мечи, соединились, напали на пунійцевъ съ тылу и помѣшали имъ бѣжать. Поэтому изъ такого большого войска спаслось съ самимъ вождемъ менѣе 2000 человѣкъ, да и то большею частію конные; всѣ прочіе были убиты или взяты въ плѣнъ. Было захвачено также 38 знаменъ. На сторонѣ побѣдителей пало до 2000 человѣкъ. Вся добыча, за исключеніемъ плѣнныхъ, предоставлена была воинамъ; изъятъ былъ также скотъ, который хозяева признаютъ въ теченіе 30 дней.

Когда воины вернулись съ богатою добычею въ лагерь, около 4000 добровольцевъ, сражавшихся слишкомъ вяло и не проникнувшихъ одновременно съ другими въ лагерь, боясь наказанія, заняли холмъ недалеко отъ лагеря. На слѣдующій день ихъ свели оттуда военные трибуны: они явились въ лагерь въ тотъ моментъ, когда Гракхъ созвалъ воиновъ на собраніе. Одаривъ здѣсь воинскими дарами сначала старыхъ воиновъ, сообразно съ храбростью и заслугами каждаго въ сраженіи, проконсулъ заявилъ: „что касается добровольцевъ, то въ этотъ день я предпочитаю всѣхъ, достойныхъ и недостойныхъ, наградить, чѣмъ кого-нибудь наказать. Да послужитъ сіе на благо, счастіе и благопо-

лучіе государству и вамъ, повелѣваю всѣмъ вамъ быть свободными". Когда при этихъ словахъ вождя раздался крикъ необыкновенной радости, и воины, то обнимая и поздравляя другъ друга, то поднимая руки къ небу, желали римскому народу и самому Гракху всякихъ благъ, Гракхъ сказалъ: „прежде чѣмъ уравнять всѣхъ васъ въ правахъ свободы, я не желалъ никого изъ васъ отмѣтить, или какъ храбраго, или какъ малодушнаго воина: а теперь, когда государство исполнило свое обѣщаніе, я, чтобы не исчезла разница между храбростью и малодушіемъ, прикажу донести мнѣ имена тѣхъ, которые, помня о томъ, что они уклонились отъ битвы, недавно отдѣлились отъ другихъ, и, вызвавъ каждаго, заставлю его поклясться, что во время всей службы, если ему не помѣшаетъ болѣзнь, онъ будетъ принимать пищу и питье стоя [1]). Къ такому наказанію вы отнесетесь безропотно, если примете во вниманіе, что снисходительнѣе нельзя было наказать васъ за малодушіе". Затѣмъ онъ далъ сигналъ къ выступленію, и воины, несшіе и гнавшіе передъ собою добычу, шутя и балагуря, съ такимъ весельемъ вернулись въ Беневентъ, что можно было думать, будто они возвращались съ пира въ торжественный для всѣхъ день, а не съ поля битвы. Жители Беневента толпами вышли навстрѣчу воинамъ, обнимали, поздравляли ихъ и приглашали къ себѣ въ гости. У всѣхъ въ переднихъ комнатахъ домовъ [2]) было приготовлено угощеніе: приглашая воиновъ къ себѣ, жители просили у Гракха на то разрѣшенія. Гракхъ дозволилъ, но съ условіемъ, чтобы всѣ пировали на улицахъ. Всѣ выставили свое угощенье предъ дверьми домовъ. Добровольцы пировали въ шапкахъ или съ бѣлыми шерстяными повязками [3]) на головѣ, одни возлежа, другіе стоя: послѣдніе одновременно прислуживали и угощались. Торжество этого дня Гракхъ счелъ столь важнымъ, что, по возвращеніи въ Римъ, приказалъ написать картину, изображающую его въ храмѣ Свободы, который озаботился выстроить отецъ его на штрафныя деньги на Авентинскомъ холмѣ и посвятилъ богинѣ.

17. Пока это происходило подъ Беневентомъ, Ганнибалъ, опустошивъ Неаполитанскую область, двинулся къ Нолѣ.

---

1) Обыкновенно только завтракали стоя, а за обѣдомъ располагались съ удобствомъ. 2) Въ залѣ, такъ называемомъ „atrium"; черезъ открытыя двери можно было видѣть, что происходило тамъ. 3) Знакъ достиженія правъ гражданства.

Замѣтивъ его приближеніе, консулъ призвалъ пропретора Помпонія съ тѣмъ войскомъ, которое стояло лагеремъ выше Свессулы, и приготовился встрѣтить врага и немедленно сразиться. Въ тиши ночи черезъ ворота, наиболѣе удаленныя отъ непріятеля [1]), онъ выслалъ Г. Клавдія Нерона съ отборной конницей, приказалъ ему незамѣтно обойти врага, постепенно слѣдовать за нимъ по выходѣ его изъ лагеря и, когда замѣтитъ, что сраженіе началось, напасть съ тылу. Неизвѣстно, по незнанію ли дороги, или по недостатку времени Неронъ не могъ исполнить приказанія консула, но, хотя сраженіе произошло въ его отсутствіе, однако перевѣсъ несомнѣнно остался на сторонѣ римлянъ; тѣмъ не менѣе, такъ какъ конница не явилась во-время, то задуманный планъ былъ разстроенъ: не смѣя преслѣдовать отступавшихъ, Марцеллъ далъ сигналъ къ отступленію, хотя его воины побѣждали; за всѣмъ тѣмъ, по слухамъ, въ этотъ день пало враговъ болѣе 2000, римлянъ менѣе 400. Около захода солнца вернулся Неронъ, промучивъ напрасно въ теченіе дня и ночи коней и всадниковъ и даже не видѣвъ врага. За это консулъ жестоко упрекалъ его, говоря, что онъ помѣшалъ отомстить врагу за каннское пораженіе. На слѣдующій день римляне выступили въ боевомъ строю, а пунійцы остались въ лагерѣ и уже этимъ молча признали себя побѣжденными. На третій день Ганнибалъ, отказавшись отъ надежды завладѣть Нолой, такъ какъ всѣ его попытки были неудачны, въ тиши ночи направился въ Тарентъ, гдѣ онъ съ большой увѣренностью могъ разсчитывать на измѣну.

18. Такъ же дѣятельно, какъ велась война, шло внутреннее управленіе государствомъ. Цензоры, которымъ, вслѣдствіе бѣдности казны, не приходилось отдавать подряды на постройку новыхъ зданій, обратили свое вниманіе на наблюденіе за нравственностью гражданъ и на исправленіе пороковъ, зародившихся въ эту войну, подобно язвамъ, которыя зарождаются въ организмахъ, одержимыхъ продолжительными болѣзнями. Они привлекли къ отвѣтственности прежде всего тѣхъ, которые будто бы послѣ пораженія при Каннахъ задумали покинуть Италію [2]). Глава ихъ, М. Цецилій Метеллъ, былъ какъ разъ въ то время квесторомъ. Какъ онъ, такъ и прочіе участники въ этомъ преступленіи должны были держать отвѣтъ, но такъ какъ они не могли оп-

---

1) См. IX 36 примѣч. 2) См. XXII 53; только вождь названъ тамъ Луціемъ, а не Маркомъ Цециліемъ Метелломъ.

равдаться, цензоры объявили, что всѣ ихъ разговоры и рѣчь направлены были противъ государства, чтобы такимъ образомъ составить заговоръ, имѣвшій цѣлью оставленіе Италіи. Затѣмъ были призваны слишкомъ хитрые толкователи своего клятвеннаго обязательства, именно тѣ плѣнные, которые, вернувшись незамѣтно съ дороги въ лагерь Ганнибала, считали, что исполнили свою клятву—вернуться обратно [1]). Изъ тѣхъ и другихъ лишены были коней, имѣвшіе коня [2]) отъ государства; сверхъ того, всѣ они были удалены изъ трибъ и сдѣланы эраріями [3]). Но дѣятельность цензоровъ не ограничилась исправленіемъ только сената и всадническаго сословія: они извлекли изъ списковъ лицъ, годныхъ къ службѣ, имена всѣхъ тѣхъ, которые не служили въ теченіе четырехъ лѣтъ, не имѣя на это законнаго основанія [4]) и не по болѣзни. И этихъ болѣе 2000 человѣкъ было отнесено къ числу эраріевъ и всѣ они были удалены изъ трибъ. Къ такому строгому цензорскому наказанію присоединилось еще суровое сенатское постановленіе: всѣ, заслужившіе осужденіе цензоровъ, должны были служить въ пѣхотѣ и быть отправлены въ Сицилію къ остаткамъ каннскаго войска, а для этихъ воиновъ служба могла окончиться только съ изгнаніемъ врага изъ Италіи.

Такъ какъ цензоры, вслѣдствіе оскудѣнія казны, не сдавали уже подрядовъ на поддержаніе священныхъ зданій, на доставленіе лошадей [5]) для игръ и подобныя дѣла, то къ нимъ обратилось большое число людей, бравшихъ на себя такіе подряды, съ просьбою дѣйствовать и сдавать подряды, точно въ казнѣ есть деньги: никто-де до окончанія войны не станетъ требовать отъ казны уплаты. Затѣмъ явились хозяева тѣхъ, которые были отпущены на свободу Тиб. Семпроніемъ при Беневентѣ [6]), и заявили, что они вызваны банкирами для полученія платы за рабовъ, но что до окончанія войны они ея не примутъ. При господствовавшей въ то время готовности плебеевъ помочь истощенной казнѣ, стало вносить въ казну сперва сиротскія, а потомъ и вдовьи деньги, такъ какъ вкладчики считали отдачу денегъ

[1]) См. XXII 61. [2]) Съ отнятіемъ коня было связано исключеніе изъ всадническаго сословія: имѣвшіе собственныхъ коней не подвергались этому наказанію. [3]) См. IV 24 и примѣч. [4]) Выслуга срока не освобождала еще способныхъ къ службѣ (iuniores) отъ нея, а дѣйствительнымъ поводомъ къ освобожденію отъ службы признавалось занятіе другого рода должности или болѣзнь. [5]) Имѣются въ виду лошади для колесницъ (квадригъ), въ которыхъ возили во время игръ изображенія боговъ. [6]) См. гл. 16.

подъ гарантію государства самымъ безопаснымъ и вѣрнымъ способомъ сохраненія капитала. Поэтому всякій разъ, когда для сиротъ и вдовъ покупали или вообще пріобрѣтали что-нибудь, то квесторъ записывалъ у себя. Такая щедрость народа перешла изъ города и въ лагерь, такъ что ни всадникъ, ни центуріонъ не брали жалованья, и всякаго, кто бралъ, называли наемникомъ.

19. Консулъ Кв. Фабій стоялъ лагеремъ вблизи Казилина, занятаго гарнизономъ въ 2000 кампанцевъ и 700 воиновъ Ганнибала. Начальникомъ этого гарнизона былъ Статій Метій, отправленный сюда Т. Магіемъ, родомъ изъ Ателлы, который былъ въ тотъ годъ meddix tuticus [1]) и вооружилъ безъ различія рабовъ и плебеевъ, чтобы напасть на римскій лагерь, когда консулъ будетъ занятъ осадою Казилина. Все это было извѣстно Фабію. Въ виду этого онъ далъ знать своему товарищу въ Нолу, что на время осады Казилина ему необходимо другое войско, чтобы противопоставить его кампанцамъ, и поэтому или пусть онъ самъ прибудетъ, оставивъ достаточный гарнизонъ въ Нолѣ, или, если нельзя оставить Нолу, и есть еще какая-нибудь опасность со стороны Ганнибала, онъ пригласитъ проконсула Тиб. Гракха изъ Беневента. Вслѣдствіе такого извѣстія Марцеллъ оставилъ въ Нолѣ гарнизонъ въ 2000 человѣкъ и прибылъ съ прочимъ войскомъ въ Казилинъ. Съ его прибытіемъ начавшіе уже было волноваться кампанцы присмирѣли. Такимъ образомъ оба консула приступили къ осадѣ Казилина. Такъ какъ римскіе воины, подступавшіе неосторожно къ стѣнамъ, получали здѣсь много ранъ, и осада шла не совсѣмъ успѣшно, то Фабій предложилъ оставить это маловажное предпріятіе, которое, однако, было такъ же затруднительно, какъ и важныя, и отступить отсюда, такъ какъ предстояли болѣе серіозныя дѣла. Марцеллъ же былъ того мнѣнія, что за многія дѣла великіе вожди совсѣмъ не должны браться, но, разъ взявшись, должны доводить дѣло до конца, такъ какъ репутація имѣетъ важное значеніе въ ту и другую сторону [2]), и настоялъ на томъ, чтобы, не окончивъ дѣла, не отступать отъ города. Послѣ этого стали придвигать винеи [3]), производить всякаго рода работы [4]) и строить военныя машины [5]). Тогда кампанцы начали просить

[1]) См. XXIII 35. [2]) Т.-е. та или иная слава или помогаетъ побѣдить, или приводитъ къ пораженію. [3]) См. II 17 примѣч. [4]) Строили валы, прорывали канавы. [5]) Башни, тараны и проч.

Фабія дозволить имъ свободно и безопасно уйти въ Капую; немногіе уже вышли изъ города, но Марцеллъ занялъ ворота, въ которыя они выходили, и римляне начали рубить всѣхъ безъ различія сначала у воротъ, а затѣмъ, ворвавшись въ городъ, и тамъ. До 50 кампанцевъ, убѣжавшихъ раньше изъ города и спасшихся къ Фабію, прибыли подъ его защитою въ Капую. Пока вели переговоры о сдачѣ, и осажденные просили пощады, римляне воспользовались случаемъ и взяли Казилинъ. Плѣнные—кампанцы и воины Ганнибала—были отправлены въ Римъ и заключены въ темницу. Масса горожанъ отдана была сосѣднимъ народамъ подъ надзоръ.

20. Въ то время, какъ войско послѣ благополучнаго исхода дѣла двинулось изъ-подъ Казилина, Гракхъ набралъ нѣсколько когортъ въ Луканіи и отправилъ ихъ подъ командой начальника союзниковъ грабить поля враговъ. Когда они разбрелись на большомъ пространствѣ, Ганнонъ напалъ на нихъ, причинилъ имъ не меньшій уронъ, чѣмъ получилъ самъ при Беневентѣ, и немедленно ушелъ въ Брутій, чтобы его не настигъ Гракхъ. Изъ двухъ консуловъ—Марцеллъ вернулся въ Нолу, откуда онъ вышелъ, а Фабій направился грабить поля въ Самній и силою оружія возвращать отпавшіе города. Особенно жестоко былъ опустошенъ Кавдинскій Самній: на далекое пространство были выжжены поля, угнана добыча—скотъ и люди, взяты штурмомъ города Компултерія, Телезія, Комиса; Фугифулы и Орбитаній взяты у луканцевъ; послѣ осады завоеваны Бланда и апулійскій городъ Эки. Въ этихъ городахъ взято было въ плѣнъ или убито 25000 враговъ и захвачено 370 перебѣжчиковъ, которые были отправлены консуломъ въ Римъ, всѣ высѣчены розгами на комиціи и сброшены со скалы [1]. Все это исполнилъ Фабій въ нѣсколько дней. Марцеллъ остался въ Нолѣ вслѣдствіе болѣзни и долженъ былъ отказаться отъ военныхъ дѣйствій. Преторъ Кв. Фабій, мѣстомъ дѣятельности котораго были окрестности Луцеріи, взялъ въ это время штурмомъ городъ Акуку и укрѣпился лагеремъ у Арданей.

Во время такихъ дѣйствій римлянъ въ разныхъ мѣстахъ, Ганнибалъ явился въ Тарентъ и произвелъ на всемъ своемъ пути страшныя опустошенія; только въ Тарентинской области шествіе его приняло мирный характеръ. Тутъ онъ

[1] Тарпейской, ср. VI 20.

ничего не разорялъ и нигдѣ не сходилъ съ дороги, и было очевидно, что это дѣлается не потому, чтобы воины были дисциплинированы или вождь умѣренъ, а съ цѣлью расположить къ себѣ тарентинцевъ. Впрочемъ, когда онъ подошелъ къ самымъ стѣнамъ города, и при первомъ появленіи его войска тамъ не произошло никакого движенія, какъ онъ того ожидалъ, то онъ расположился лагеремъ на разстояніи почти 1000 шаговъ отъ города. За три дня до появленія Ганнибала передъ стѣнами Тарента, туда былъ отправленъ пропреторомъ М. Валеріемъ, начальникомъ флота при Брундизіи, М. Ливій. Энергично набравъ тамъ молодежь, расположивъ ее на постахъ у всѣхъ воротъ и кругомъ на стѣнахъ, гдѣ это было необходимо, онъ бодрствовалъ и день, и ночь и не давалъ никакой возможности ни врагамъ, ни ненадежнымъ союзникамъ сдѣлать какую-нибудь попытку къ нападенію. Поэтому Ганнибалъ, проведя тамъ напрасно нѣсколько дней, такъ какъ никто изъ являвшихся къ нему при Аверискомъ озерѣ съ приглашеніемъ ни самъ не приходилъ и не присылалъ ни вѣстника, ни письма,—созналъ, что необдуманно повѣрилъ тщетнымъ обѣщаніямъ тарентинцевъ, и двинулся оттуда; но и тутъ онъ не тронулъ тарентинской страны; ибо, хотя его мнимая снисходительность до сихъ поръ и не принесла ему никакой пользы, все-таки онъ не терялъ надежды поколебать ихъ вѣрность. По приходѣ въ Салапію, онъ приказалъ свезти хлѣбъ изъ окрестностей Метапонта и Гераклеи, такъ какъ лѣто уже прошло, и ему понравилось это мѣсто для зимнихъ квартиръ. Послѣ этого разосланы были нумидійцы и мавры въ Салентинскую область и ближайшіе апулійскіе лѣсистые хребты для грабежа; оттуда они вывезли немного всякой добычи, но угнали особенно много табуновъ лошадей; изъ нихъ до 4000 раздѣлили между всадниками для того, чтобы ихъ объѣздить.

21. Такъ какъ въ Сициліи разгаралась далеко не маловажная война, и со смертью тирана не измѣнилось положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ сиракузянъ, а напротивъ, явились болѣе рьяные вожди движенія, то римляне рѣшили поручить эту провинцію одному изъ консуловъ, М. Марцеллу. Тотчасъ же послѣ убіенія Гіеронима прежде всего подняли бунтъ леонтинскіе воины: слышны были свирѣпые возгласы ихъ, что слѣдуетъ отомстить за смерть царя смертью заговорщиковъ. Затѣмъ пріятныя для слуха, часто повторяемыя заговорщиками, слова „возстановленная свобода“, надежда

на щедрую выдачу воинамъ жалованья изъ царской казны и на службу подъ начальствомъ лучшихъ вождей, а съ другой стороны, разсказы о гнусныхъ преступленіяхъ тирана и еще болѣе отвратительной его похотливости до того измѣнили настроеніе умовъ воиновъ, что они дозволили оставить непогребеннымъ трупъ царя, недавно столь горячо оплакиваемаго. Въ то время, какъ прочіе заговорщики остались въ Леонтинахъ, для того, чтобы удержать за собой войско, Ѳеодотъ и Созисъ поспѣшили какъ можно скорѣе на царскихъ коняхъ въ Сиракузы, чтобы застать врасплохъ приверженцевъ царя, нисколько не подозрѣвавшихъ обо всемъ случившемся. Но ихъ предупредили не только слухи, съ которыми въ подобныхъ случаяхъ ничто не можетъ сравниться по скорости, но и вѣстникъ изъ царскихъ слугъ; благодаря этому, Адранодоръ занялъ гарнизонами Островъ [1]), кремль и другія возможныя и удобныя мѣста. Ѳеодотъ и Созисъ въѣхали черезъ Гексапилъ въ городъ послѣ заката солнца, когда уже было темно, показывая при этомъ окровавленное одѣяніе царя и его головной уборъ, проѣхали Тиху, призывая народъ къ свободѣ и оружію и приглашая собраться въ Ахрадинѣ. Часть народа выбѣжала на улицу, другая стояла у входовъ въ дома, третья смотрѣла съ крышъ и въ окна и спрашивала, въ чемъ дѣло. Вездѣ были видны огни, надъ городомъ носился смѣшанный шумъ. Вооруженные собирались въ открытыхъ мѣстахъ, невооруженные снимали въ храмѣ Юпитера Олимпійскаго галльское и иллирійское оружіе, подаренное Гіерону римскимъ народомъ и повѣшенное имъ въ храмѣ, моля при этомъ Юпитера дать имъ милостиво и благосклонно священное оружіе, такъ какъ они вооружаются за отечество, за храмы боговъ и за свободу. Эта толпа также присоединилась къ тѣмъ постамъ, которые были разставлены старѣйшинами отдѣльныхъ частей города. На Островѣ Адранодоръ защитилъ гарнизономъ, между прочимъ, государственныя житницы: это мѣсто, окруженное стѣною изъ квадратныхъ плитъ и укрѣпленное на подобіе крѣ-

---

[1]) Сиракузы состояли изъ 5 городовъ, изъ коихъ каждый былъ укрѣпленъ отдѣльною стѣною: a) изъ острова Ортигіи (нынѣшнихъ Сиракузъ), соединеннаго перешейкомъ съ другою частью города, Ахрадиной; на перешейкѣ находился кремль; b) изъ Ахрадины, главной части города, отдѣленной крѣпкой стѣной отъ c) Тихи: такъ называлась часть города отъ храма богини судьбы (τύχη), d) Неаполя и e) изъ Эпиполъ. Главныя ворота города шли съ С. части острова изъ Леонтинъ и назывались Гексапиломъ, такъ какъ подрядъ стояло 6 воротъ.

пости, заняла молодежь, которая и была предназначена для охраны этого пункта; дали знать въ Ахрадину, что амбары и хлѣбъ находятся во власти сената.

22. На разсвѣтѣ всѣ сиракузяне, вооруженные и невооруженные, собрались въ Ахрадину къ куріи. Здѣсь, стоя предъ алтаремъ Согласія, находившимся въ этомъ мѣстѣ, одинъ изъ старѣйшинъ, по имени Поліенъ, сказалъ народу рѣчь въ духѣ свободы и умѣренности: сиракузяне, испытавшіе на себѣ ужасъ и низость рабства, раздражены противъ знакомаго имъ зла, но о бѣдствіяхъ, какія влекутъ за собою гражданскіе раздоры, они больше слышали отъ своихъ отцовъ, чѣмъ испытали сами. Похвально, что граждане съ готовностью взялись за оружіе, но они заслужатъ еще большей похвалы, если употребятъ его въ дѣло только въ случаѣ крайней необходимости. Въ настоящее время слѣдуетъ отправить пословъ къ Адранодору и предложить ему—подчиниться сенату и народу, отворить ворота Острова и сдать укрѣпленія. Если онъ, подъ предлогомъ, что защищаетъ царство другого, самъ хочетъ сдѣлаться царемъ, то, по мнѣнію его же, Поліена, слѣдуетъ отстаивать свободу отъ Адранодора еще упорнѣе, чѣмъ отъ Гіеронима. Послѣ этой рѣчи отправлены были послы къ Адранодору. Затѣмъ началось засѣданіе сената, который, какъ въ царствованіе Гіерона, оставался общественнымъ совѣтомъ, но который послѣ его смерти до этого дня ни разу не созывали и ни о чемъ не спрашивали. Когда послы прибыли къ Адранодору, то на него, конечно, произвело впечатлѣніе единогласное желаніе гражданъ, равно какъ и занятіе другихъ частей города и особенно измѣна и отпаденіе укрѣпленнѣйшей части Острова. Но жена Адранодора Дамарата, дочь Гіерона, еще полная царской гордыни и женскаго тщеславія, отозвала мужа отъ пословъ и напомнила ему слова, часто произносимыя тираномъ Діонисіемъ: „власть должно оставить тогда, когда потащутъ за ноги, а не тогда, когда сидишь на конѣ". Въ любое мгновеніе легко отказаться отъ обладанія великимъ счастіемъ, но пріобрѣсти и добиться его трудно и тяжело. Она совѣтовала выпросить у пословъ срокъ на размышленіе и этимъ временемъ воспользоваться для того, чтобы призвать леонтинскихъ воиновъ; если пообѣщать имъ денегъ изъ царской казны, то все будетъ въ его власти. Адранодоръ вполнѣ не отвергъ женскаго совѣта, но и не сразу принялъ его: онъ полагалъ, что болѣе вѣрный путь добиться въ буду-

щемъ могущества—сдѣлать въ настоящее время уступку обстоятельствамъ. Поэтому онъ приказалъ посламъ объявить, что подчинится сенату и народу. На слѣдующій день на разсвѣтѣ Адранодоръ велѣлъ открыть ворота Острова и явился на ахрадинскую площадь. Тамъ онъ сталъ у алтаря Согласія, съ котораго наканунѣ держалъ рѣчь Поліенъ, и началъ прежде всего извиняться въ своей медлительности. Онъ говорилъ, что держалъ ворота на запорѣ не потому, что отдѣлялъ свои интересы отъ общественныхъ, но потому, что, разъ мечи обнажены, онъ не зналъ, чѣмъ кончатся убійства: удовольствуются ли граждане убійствомъ тирана, чего достаточно для того, чтобы доставить имъ свободу, или за чужую вину будутъ убиты всѣ тѣ, которые были связаны съ царскимъ дворомъ узами родства, свойства или какими-нибудь служебными отношеніями. Но, замѣтивъ, что освободители хотятъ поддержать освобожденное отечество, и что всѣ стоятъ за общее благо, онъ не поколебался ввѣрить имъ себя и возвратить отечеству все то, что поручено было его охранѣ, такъ какъ довѣрителя его погубило его собственное неистовство. Затѣмъ, обратившись къ убійцамъ царя, Ѳеодоту и Созису, и назвавъ ихъ по имени, онъ сказалъ: „вы совершили достопамятное дѣло, но, вѣрьте мнѣ, слава ваша начата, но еще не завершена. Если вы не позаботитесь о мирѣ и согласіи, то придется очень опасаться, что достигнутая государствомъ свобода погубитъ и его“.

23. Окончивъ рѣчь, Адранодоръ положилъ къ ногамъ собранія ключи отъ воротъ и царской казны. Такимъ образомъ въ этотъ день граждане разошлись весьма довольными и вмѣстѣ съ женами и дѣтьми молились во всѣхъ храмахъ боговъ. На слѣдующій же день состоялись комиціи для выбора преторовъ. Въ числѣ первыхъ избранъ былъ Адранодоръ; прочіе были большею частію убійцы царя; двое—Сопатръ и Диноменъ—были избраны даже заочно. Послѣдніе, услыхавъ о томъ, что произошло въ Сиракузахъ, приказали отвезти царскую казну, находившуюся въ Леонтинахъ, въ Сиракузы и передать ее квесторамъ, выбраннымъ для этой именно цѣли. Также и та казна, которая находилась на Островѣ, перенесена была въ Ахрадину. Часть стѣны, отдѣлявшая Островъ отъ остальной части города чрезвычайно сильными укрѣпленіями, съ общаго согласія, была разрушена. Равнымъ образомъ и всѣ прочія мѣропріятія соотвѣтствовали этому стремленію умовъ къ свободѣ.

Когда получено было извѣстіе о смерти тирана (Гиппократъ, желая скрыть его, даже убилъ вѣстника), Гиппократъ и Эпикидъ были оставлены своими воинами и возратились въ Сиракузы, такъ какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ это казалось имъ наиболѣе безопаснымъ. Для того, чтобы во время своего пребыванія въ Сиракузахъ не быть заподозрѣнными въ желаніи найти удобный случай для переворота, они обратились сначала къ преторамъ, а затѣмъ при ихъ посредствѣ добились аудіенціи у сената. Здѣсь они заявили, что посланы Ганнибаломъ къ Гіерониму, какъ его другу и союзнику, и что повиновались приказанію того, въ чье распоряженіе отдалъ ихъ главнокомандующій; при этомъ они высказали свое желаніе вернуться къ Ганнибалу, но, такъ какъ по всей Сициліи ходили римляне, и путь былъ не безопасенъ, то они просили дать имъ какую-нибудь охрану, которая бы доставила ихъ въ Локры; этою-де малою услугою они пріобрѣтутъ великую благодарность Ганнибала. Сенатъ легко согласился на ихъ просьбу, ибо желалъ удалить царскихъ вождей, которые были опытны въ военномъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдны и смѣлы. Не смотря на то, однако, сиракузяне не такъ старательно спѣшили выполнить свое желаніе, какъ слѣдовало. Между тѣмъ молодые люди, сами по себѣ опытные служаки и прежде ознакомившіеся съ воинами, распространяли обвиненія противъ сената и аристократіи, какъ между сиракузскими воинами и перебѣжчиками, большею частію римскими матросами, такъ и между подонками изъ плебеевъ. Они говорили, что тайные замыслы и интриги аристократіи направлены къ тому, чтобы, подъ предлогомъ возобновленія дружественнаго союза съ римлянами, предать Сиракузы въ ихъ власть, и чтобы затѣмъ ихъ партія и немногіе виновники возобновленія союза сдѣлались неограниченными повелителями.

24. Со дня на день стекалось въ Сиракузы все большее число людей, которые охотно слушали такія рѣчи и вѣрили имъ и подавали надежду не только Эпикиду, но и Адранодору произвести въ государствѣ переворотъ. Послѣдній уступилъ, наконецъ, требованіямъ своей жены, которая твердила ему, что теперь время захватить власть, пока въ государствѣ полный безпорядокъ, такъ какъ свобода еще внови и не приняла опредѣленной формы, пока подъ рукой воины, содержимые на счетъ царской казны, и пока присланные Ганнибаломъ и ознакомившіеся съ воинами вожди мо-

гутъ помочь его предпріятію. Адранодоръ согласился дѣйствовать заодно съ Ѳемистомъ, который женатъ былъ на дочери Гелона, и спустя нѣсколько дней неосторожно открылъ свой планъ одному трагическому актеру, по имени Аристону, которому обыкновенно довѣрялъ и другія тайны. Этотъ актеръ былъ благороднаго происхожденія и обладалъ приличнымъ состояніемъ; его искусство не бросало на него никакой тѣни, такъ какъ у грековъ подобное занятіе не считается постыднымъ. Вотъ этотъ-то Аристонъ, ставя вѣрность отечеству выше дружбы, донесъ преторамъ о заговорѣ. Послѣдніе, узнавъ на основаніи достовѣрныхъ показаній о дѣйствительности заговора, посовѣтовались со старѣйшинами и съ ихъ согласія поставили у дверей куріи вооруженный отрядъ. Когда Ѳемистъ и Адранодоръ вошли въ курію, ихъ умертвили. Это дѣло, представлявшееся тѣмъ болѣе страннымъ, что прочіе сенаторы [1]) не знали причины его, произвело въ сенатѣ смятеніе; поэтому преторы, возстановивъ, наконецъ, тишину, ввели доносчика. Этотъ разсказалъ все по порядку: что начало заговора относится ко времени выхода замужъ дочери Гелона Гармоніи за Ѳемиста; что африканскія и испанскія вспомогательныя войска приготовлены были, чтобы перебить преторовъ и именитыхъ лицъ, а имущество ихъ обѣщано было убійцамъ въ награду; что отрядъ наемниковъ, привыкшій къ распоряженіямъ Адранодора, уже былъ готовъ, чтобы снова занять Островъ. Затѣмъ онъ разсказалъ имъ подробно, что кому изъ заговорщиковъ поручено, и ясно раскрылъ сенату, какими военными силами и средствами располагали они. Тутъ сенатъ увидѣлъ, что Ѳемистъ и Адранодоръ убиты такъ же заслуженно, какъ Гіеронимъ, но передъ куріей слышенъ былъ крикъ разношерстной толпы, не знавшей, въ чемъ дѣло. Посылая неистовыя угрозы, она такъ напугалась, когда увидѣла въ преддверіи куріи трупы заговорщиковъ, что молча послѣдовала на собраніе за благоразумной частью плебеевъ. Держать рѣчь къ народу сенатъ и преторы поручили Сопатру. **25.** Точно выступивъ обвинителемъ, Сопатръ началъ съ изложенія прежней жизни Адранодора и Ѳемиста и утверждалъ, что всѣ преступныя и безбожныя дѣла, совершенныя послѣ смерти Гіерона, принадлежатъ имъ. Ибо, говорилъ онъ, что сдѣлалъ по собственному побужденію Гіеронимъ, что могъ сдѣлать онъ, мальчикъ, едва только приходившій въ отроческій возрастъ? Его опекуны и наставники царствовали, а ненависть за то падала на другого, и потому они должны были пасть или прежде Гіеронима, или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ нимъ. Но они, заслуживъ уже казнь и обреченные на нее, задумали послѣ смерти тирана еще новыя преступленія, сначала открыто, такъ какъ Адранодоръ заперъ ворота Острова, торжественно заявилъ, что онъ наслѣдуетъ царство, и сдѣлался хозяиномъ того, чѣмъ управлялъ, только какъ уполномоченный. Затѣмъ, когда ему измѣнили тѣ, которые были на Островѣ, и всѣ граждане, занявшіе Ахрадину, осадили его, онъ, видя безуспѣшность своихъ усилій явно и открыто добиться царской власти, старался достигнуть ея тайно и хитростью. Не могли подѣйствовать на него даже благодѣяніе и честь, когда граждане избрали его, врага свободы, преторомъ, наравнѣ съ освободителями отечества. Но эти деспотическія мысли о царствѣ внушили имъ жены ихъ изъ царскаго рода, одному дочь Гіерона, другому дочь Гелона. Непосредственно послѣ этой рѣчи раздались со всѣхъ сторонъ собранія крики, что ни одна изъ нихъ не должна жить, и вообще не долженъ оставаться въ живыхъ никто изъ рода тирановъ. Толпа всегда такова: она или рабски служитъ, или надменно властвуетъ, а свободы, занимающей середину между рабствомъ и тираніей, она не умѣетъ ни умѣренно получить, ни умѣренно пользоваться ею. И обыкновенно являются люди, способствующіе яростнымъ стремленіямъ черни, подстрекающіе къ кровопролитію и убійствамъ ея жадныя и не знающія мѣры въ казняхъ сердца. Такъ и въ то время преторы немедленно опубликовали предложеніе, которое было принято почти раньше, чѣмъ опубликовано,—истребить весь царскій домъ. Посланные преторами убили женъ Адранодора и Ѳемиста—Дамарату, дочь Гіерона, и Гармонію, дочь Гелона.

26. У Гіерона была еще дочь Гераклея, жена Зоиппа, который былъ отправленъ Гіеронимомъ посломъ къ царю Птоломею и тамъ остался добровольно въ ссылкѣ. Гераклея, узнавъ заранѣе, что убійцы посланы и къ ней, убѣжала въ домашнюю молельню подъ защиту пенатовъ съ двумя взрослыми дочерьми: волоса ихъ были распущены, и вообще вся наружность ихъ возбуждала состраданіе; къ тому же, заклиная убійцъ памятью отца Гіерона и брата Гелона, она

---

[1]) Кромѣ преторовъ и старѣйшинъ сената.

молила не дѣлать ее, безвинную, жертвою ненависти къ Гіерониму. Правленіе его доставило ей только одно—ссылку мужа, ея участь при жизни Гіеронима была совсѣмъ непохожа на участь сестры, и по смерти его ея положеніе совсѣмъ иное. Еслибы Адранодору удались его планы, то ея сестра сидѣла бы съ мужемъ на престолѣ, а ей развѣ не пришлось бы быть рабою наравнѣ съ другими? Если кто-либо дастъ знать Зоиппу, что Гіеронимъ убитъ, и Сиракузы освобождены, то развѣ кто сомнѣвается, что онъ немедленно сядетъ на корабль и возвратится на родину? Какъ обманчивы надежды людей! Въ освобожденномъ отечествѣ жизни жены и дѣтей Зоиппа грозитъ опасность, а чѣмъ онѣ мѣшаютъ свободѣ или законамъ? Кому можетъ быть опасна она, одинокая и почти вдова, и ея дочери, живущія въ сиротствѣ? Но, могутъ возразить, опасности со стороны ея и не боится никто, но ненавистенъ царскій родъ. Поэтому пусть ушлютъ далеко отъ Сиракузъ и Сициліи и повелятъ переправить въ Александрію жену къ мужу, дочерей къ отцу. Но убійцы были глухи къ ея мольбамъ и не обратили на нихъ вниманія; видя, что нѣкоторые изъ нихъ, не желая терять времени, обнажаютъ мечи, она перестала молить за себя, но настоятельно просила пощадить, по крайней мѣрѣ, ея дочерей, находящихся въ такомъ возрастѣ, который щадитъ даже раздраженный врагъ, и мстя тиранамъ, не подражать ихъ преступленіямъ, ненавистнымъ для самихъ мстителей. Въ то время, какъ она такъ молила, убійцы, оттащивъ ее отъ алтаря, зарѣзали ее и затѣмъ бросились на дочерей, обрызганныхъ кровью матери. Внѣ себя отъ скорби и страха, онѣ, какъ безумныя, кинулись такъ стремительно изъ молельни, что, будь выходъ на улицу, онѣ взволновали бы весь городъ. И тутъ все-таки, не смотря на тѣсноту въ домѣ, онѣ нѣсколько разъ невредимо ускользали сквозь толпу столькихъ вооруженныхъ людей и вырывались изъ столь многихъ и такихъ сильныхъ рукъ, державшихъ ихъ. Наконецъ, обезсиленныя ранами, онѣ упали бездыханныя, обрызгавъ все кровью. Печальная гибель ихъ была тѣмъ болѣе достойна жалости, что вскорѣ явился гонецъ съ приказаніемъ—остановить убійство, такъ какъ умы гражданъ вдругъ склонились къ милосердію. Тутъ сострадание перешло въ раздраженіе на то, что такъ поспѣшили казнью и не дали времени ни одуматься, ни измѣнить рѣшенія, состоявшагося подъ вліяніемъ гнѣва. Вслѣдствіе этого толпа негодовала и требовала комицій для выбора новыхъ преторовъ на мѣсто Адранодора и Ѳемиста (ибо оба они были преторами); выборы эти никакимъ образомъ не могли соотвѣтствовать желаніямъ наличныхъ преторовъ. **27.** Назначенъ былъ день комицій. Тутъ неожиданно для всѣхъ кто-то изъ заднихъ рядовъ толпы назвалъ имя Эпикида, а вслѣдъ затѣмъ другой—имя Гиппократа. Потомъ эти имена стали чаще повторяться и притомъ при видимомъ единодушіи большинства гражданъ. Собраніе представляло смѣсь: оно состояло не только изъ гражданъ, но и изъ воиновъ и, главнымъ образомъ, изъ перебѣжчиковъ, жаждавшихъ общаго переворота. Преторы сначала сдѣлали видъ, что ничего не слышатъ, и хотѣли затянуть дѣло; наконецъ, уступая единодушному требованію гражданъ и опасаясь съ ихъ стороны возмущенія, объявили Эпикида и Гиппократа преторами.

И не сразу послѣ своего избранія они открыли свои замыслы, хотя имъ было очень непріятно, что къ Ап. Клавдію были отправлены послы просить перемирія на 10 дней и, по исходатайствованіи его, посланы другія лица просить возобновленія прежняго союзнаго договора. Римскій флотъ изъ 100 кораблей стоялъ въ то время у Мурганціи, выжидая, чѣмъ кончатся въ Сиракузахъ смуты, происшедшія вслѣдствіе убіенія тирановъ, и къ чему приведетъ гражданъ новая и необычная для нихъ свобода. Въ это же время Аппій отправилъ сиракузскихъ пословъ къ Марцеллу, прибывшему въ то время въ Сицилію. Послѣдній, выслушавъ условія примиренія, призналъ соглашеніе возможнымъ и самъ отправилъ пословъ въ Сиракузы вести переговоры непосредственно съ преторами о возобновленіи союзнаго договора. Но тамъ уже не было прежняго спокойствія и тишины. Гиппократъ и Эпикидъ, получивъ извѣстіе о томъ, что пунический флотъ подошелъ къ Пахину, оправились отъ страха и то передъ наемными воинами, то передъ перебѣжчиками высказывали обвиненіе, что Сиракузы предаютъ въ руки римлянъ. Когда же Аппій расположился съ флотомъ у входа въ гавань, чтобы придать мужество своей партіи, то неосновательныя обвиненія, повидимому, вполнѣ подтверждались, и вначалѣ даже толпа стремилась къ гавани, чтобы воспрепятствовать возможной высадкѣ римлянъ.

28. При такомъ волненіи умовъ рѣшено было созвать народное собраніе. Такъ какъ на собраніи обнаруживались

противоположныя стремленія, и дѣло доходило до бунта, то одинъ изъ старѣйшинъ, Аполлонидъ, сказалъ рѣчь, при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ весьма полезную: „никогда ни надежда на спасеніе, ни гибель не были ближе ни въ одномъ государствѣ. Если всѣ граждане единогласно перейдутъ на сторону римлянъ или кароагенянъ, то ни одна община не будетъ въ болѣе счастливомъ и завидномъ положеніи; если же граждане будутъ настаивать всякій на своемъ, то между сиракузянами возгорится не менѣе кровопролитная война, чѣмъ между пунійцами и римлянами, такъ какъ внутри однѣхъ и тѣхъ же стѣнъ у каждой партіи будутъ свои войска, свое оружіе и свои вожди. Поэтому болѣе всего надо стараться достичь всеобщаго единомыслія. Съ какимъ государствомъ полезнѣе заключить союзъ, — это вопросъ второстепенный и гораздо менѣе важный; однако, при выборѣ союзниковъ слѣдуетъ скорѣе руководствоваться примѣромъ Гіерона, чѣмъ Гіеронима, или лучше сказать, отдать предпочтеніе дружественному союзу, испытанному въ продолженіе 50 лѣтъ, передъ союзниками, нынѣ неизвѣстными, а нѣкогда [1]) вѣроломными. При рѣшеніи этого вопроса важно и то обстоятельство, что кароагенянамъ можно отказать въ мирѣ, не вызывая тѣмъ необходимости теперь же начать съ ними войну, а съ римлянами неизбѣжно тотчасъ же или заключить миръ, или начать войну“. Чѣмъ менѣе замѣтно было въ рѣчи увлеченія или пристрастія, тѣмъ она больше имѣла значенія. Къ совѣщанію преторовъ и избранныхъ сенаторовъ присоединенъ былъ еще военный совѣтъ, въ которомъ должны были принять участіе и центуріоны, и начальники союзныхъ войскъ. Послѣ неоднократнаго обсужденія этого вопроса, при горячихъ спорахъ обѣихъ партій, рѣшено было, наконецъ, заключить съ римлянами миръ, такъ какъ не представлялось никакой возможности вести съ ними войну, и отправить пословъ для скрѣпленія союза.

29. По прошествіи нѣсколькихъ дней, прибыли въ Сиракузы леонтинскіе послы съ просьбою прислать вооруженный отрядъ для защиты ихъ страны. Это посольство явилось весьма кстати: оно избавило городъ отъ безпорядочной и буйной толпы и удалило ея вождей. Преторъ Гиппократъ получилъ приказъ вести въ Леонтины перебѣжчиковъ; такъ

[1]) Союзъ съ кароагенянами существовалъ у сиракузянъ при Гелонѣ, Діонисіи II и въ первые годы правленія Гіерона.

какъ къ нему присоединились многіе изъ наемныхъ вспомогательныхъ войскъ, то у него образовался отрядъ въ 4000 человѣкъ. Этотъ походъ пришелся по сердцу какъ посылавшимъ, такъ и посылаемымъ: послѣднимъ представился давно желанный случай произвести переворотъ, первые радовались, считая, что изъ города удалены подонки населенія. Впрочемъ, это облегченіе было только временнымъ, подобно облегченію больного тѣла, которое вскорѣ должно подвергнуться еще болѣе тяжкой болѣзни, ибо Гиппократъ началъ опустошать пограничныя части римской провинціи, дѣлая сперва тайные набѣги, а затѣмъ, когда Аппій прислалъ вооруженный отрядъ для защиты полей союзниковъ, онъ со всѣмъ своимъ войскомъ напалъ на выставленный противъ него римскій отрядъ и убилъ много людей. Когда Марцеллъ узналъ объ этомъ, то послалъ немедленно въ Сиракузы пословъ объявить, что обѣщанный миръ нарушенъ, и что всегда будетъ поводъ къ войнѣ, пока Гиппократъ и Эпикидъ не будутъ далеко усланы не только изъ Сиракузъ, но и вообще изъ Сициліи. Эпикидъ, опасаясь, что, если онъ останется въ Сиракузахъ, то на него взвалятъ вину его отсутствующаго брата, или не желая пропустить случая съ своей стороны возбудить войну, отправился также къ леонтинцамъ и, такъ какъ видѣлъ, что они очень раздражены противъ римлянъ, то началъ возбуждать ихъ и противъ сиракузянъ, такъ какъ-де они заключили миръ съ римлянами на тѣхъ условіяхъ, чтобы всѣ народы, которые были подъ властью царей, оставались подъ ихъ властью, и что сиракузяне уже не довольствуются своею свободой, а хотятъ сами повелѣвать и властвовать; поэтому слѣдуетъ имъ объявить, что и леонтинцы считаютъ себя въ правѣ пользоваться свободою, отчасти потому, что тиранъ палъ на землѣ ихъ города, отчасти потому, что тутъ впервые раздался призывъ къ свободѣ, и всѣ, бросивъ царскихъ вождей, поспѣшили въ Сиракузы. Такимъ образомъ или этотъ пунктъ долженъ быть изъятъ изъ союзнаго договора, или леонтинцы не должны соглашаться на такія условія его. Толпу легко было убѣдить въ этомъ, и потому сиракузскимъ посламъ, жаловавшимся на избіеніе римскаго вооруженнаго отряда и требовавшимъ, чтобы Гиппократъ и Эпикидъ удалились или въ Локры, или въ другой городъ, куда только пожелаютъ, лишь бы только оставили Сицилію, леонтинцы рѣзко отвѣтили, что они не уполномочивали си-

ракузян заключать с римлянами договор от их имени и не связаны чужими союзными договорами. Этот ответ спракузяне передали римлянам, объяснив им при этом, что леонтинцы независимы; таким образом римляне могут вести с ними войну, не нарушая союзнаго договора с спракузянами, и они, спракузяне, примут участіе в этой войнѣ, с условіем, чтобы леонтинцы послѣ покоренія снова находились под их властью, согласно условіям договора.

30. Марцелл двинулся со всѣм войском против леонтинцев, пригласив и Аппія, с тѣм, чтобы он напал на них с противоположной стороны. Воины его, раздраженные избіеніем вооруженнаго отряда во время переговоров об условіях договора, сражались так горячо, что овладѣли городом при первом натискѣ. Гиппократ и Эпикид, замѣтив, что непріятели взобрались на стѣны и разломали ворота, удалились с немногими сотоварищами в кремль, а оттуда тайно ночью бѣжали в Гербез. Спракузяне выступили с восьмитысячным вооруженным отрядом; у рѣки Милы их встрѣтил гонец с извѣстіем, что город взят римлянами; в остальном в его словах к правдѣ была примѣшана ложь: будто вмѣстѣ с воинами перебиты и граждане, и вряд ли остался в живых хоть один взрослый гражданин; город-де разграблен, а имущество богачей роздано воинам. Спракузскій отряд, пораженный таким извѣстіем, остановился и, в виду всеобщаго волненія, вожди—то были Созис и Диномен—совѣщались, как поступить. Факт, что около 2000 перебѣжчиков были наказаны розгами и затѣм обезглавлены, придавал ложным извѣстіям вид страшной истины. Но в дѣйствительности никто из леонтинцев или других воинов по взятіи города не был обижен: всякому возвращена была его собственность, кромѣ той, которая пропала во время первой суматохи при взятіи города. Воины жаловались, что их сотоварищи предательски перебиты, и потому их нельзя было принудить ни идти в Леонтины, ни, стоя на мѣстѣ, дожидаться болѣе вѣрнаго извѣстія. Преторы видѣли, что воины склонны к отпаденію, но понимали, что, если удалить вождей, руководивших ими в их безумном намѣреніи, то это волненіе будет непродолжительно: поэтому они повели войско в Мегары, а сами оттуда с немногими всадниками отправились в Гербез, в надеждѣ при всеобщем замѣшательствѣ взять город с помощью измѣны. Когда же это им не удалось, они, видя, что надо дѣйствовать открытой силой, на слѣдующій день двинулись из Мегар, чтобы всѣм войском напасть на Гербез. Гиппократ и Эпикид думали, что, в виду полной безнадежности их положенія, у них есть одно только средство, хотя на первый взгляд довольно рискованное, — отдаться во власть воинов, которые большею частію привыкли к ним и были раздражены извѣстіем об избіеніи их сотоварищей. Поэтому они вышли навстрѣчу войску. Случилось так, что в авангардѣ шли 600 критян, служивших под их начальством при жизни Гіеронима и обязанных Ганнибалу, который захватил их в плѣн при Тразименском озерѣ вмѣстѣ с другими римскими вспомогательными войсками и отпустил. Узнав их по знаменам и оружію, Гиппократ и Эпикид простирали к ним масличныя вѣтви и другіе знаки, которыми пользуются просящіе пощады, умоляя принять их в свои ряды, защитить и не выдавать спракузянам, которые и их самих, критян, не замедлят выдать на избіеніе римскому народу.

31. Дѣйствительно, всѣ критяне закричали им: „мужайтесь: мы раздѣлим с вами всякую участь"! Во время этих переговоров, знаменосцы стали, и войско пріостановилось, а вожди еще не знали причины остановки. Когда пронесся слух, что Гиппократ и Эпикид здѣсь, и по всему войску раздался несомнѣнный крик радости по поводу их прибытія, преторы, пришпорив коней, тотчас поскакали к передним рядам. Спрашивая критян, что это за манера и что за своеволіе с их стороны вступать в разговоры с врагами и без разрѣшенія преторов принимать их в свои ряды, они приказали схватить Гиппократа и заковать его. Услыша это приказаніе, подняли крик сначала критяне, а затѣм его подхватили и другіе воины, так что преторам стало ясно, что при дальнѣйшем их настояніи им самим придется опасаться за себя. Озабоченные этим и не зная, что дѣлать, преторы приказали войску возвратиться в Мегары, откуда оно вышло, а в Спракузы отправили вѣстников дать знать о настоящем положеніи дѣл. Пользуясь всеобщей склонностью вѣрить всему подозрительному, Гиппократ прибѣгнул к обману: он послал нѣсколько критян засѣсть на дорогѣ и затѣм прочитал воинам им самим сочиненное,

но будто-бы перехваченное, письмо: „сиракузскіе преторы консулу Марцеллу“. Послѣ обычнаго привѣтствія было сказано въ письмѣ, что онъ поступилъ хорошо и правильно, не пощадивъ никого въ Леонтинахъ. Но всѣ-де наемныя войска одинаково виновны, и Сиракузы только тогда будутъ пользоваться покоемъ, когда ни въ городѣ, ни въ войскѣ не будетъ ни одного воина изъ иноземныхъ вспомогательныхъ войскъ. Поэтому ему слѣдуетъ постараться овладѣть всѣми тѣми, которые съ сиракузскими преторами стоятъ лагеремъ у Мегаръ, и, казнивъ ихъ, освободить, наконецъ, отъ нихъ Сиракузы. Когда прочитано было это письмо, воины устремились къ оружію съ такимъ крикомъ, что преторы въ ужасѣ, среди волненія, ускакали въ Сиракузы; но и бѣгство ихъ не прекратило волненія; напротивъ, сиракузскіе воины подверглись нападенію, и ни одинъ изъ нихъ не остался бы въ живыхъ, еслибы Гиппократъ и Эпикидъ не воспротивились раздраженію толпы, не изъ состраданія или человѣколюбія, но чтобы не лишить себя надежды на возвращеніе и отчасти имѣть въ лицѣ ихъ [1]) и вѣрныхъ воиновъ, и заложниковъ, отчасти, чтобы расположить къ себѣ и ихъ родственниковъ и друзей, во-первыхъ, оказавъ имъ такую услугу, а во-вторыхъ, имѣя въ своихъ рукахъ такой залогъ. Зная по опыту, какіе неосновательные и ничтожные поводы могутъ произвести волненіе среди толпы, они побудили одного изъ тѣхъ воиновъ, который былъ въ Леонтинахъ во время осады, явиться въ Сиракузы съ извѣстіемъ, согласнымъ съ тѣми ложными слухами, которые принесены были войску при Милѣ, и, выставляя себя очевидцемъ и выдавая сомнительное за дѣйствительное, разжечь гнѣвъ народа.

32. Гонецъ не только заслужилъ довѣріе народа, но произвелъ впечатлѣніе и на сенаторовъ, когда введенъ былъ въ курію. Нѣкоторые серіозные люди громко говорили, что къ великому счастью обнаружилась алчность и жестокость римлянъ въ Леонтинахъ. Такъ же или еще хуже поступили бы они, еслибы вступили въ Сиракузы, такъ какъ тутъ ихъ алчность нашла бы себѣ еще большее удовлетвореніе. Поэтому всѣ высказались за то, что слѣдуетъ запереть ворота и оберегать городъ. Но не всѣ граждане опасались и ненавидѣли однихъ и тѣхъ же лицъ: для

[1]) Т.-е. спасенныхъ ими сиракузскихъ воиновъ.

всего военнаго сословія и большей части плебеевъ римское имя было ненавистно; преторы и немногіе оптиматы, хотя и были введены въ заблужденіе ложнымъ извѣстіемъ, но все-таки были осторожнѣе въ виду болѣе близкаго и неминуемаго зла. И дѣйствительно, Гиппократъ и Эпикидъ стояли уже у Гексапила, и, при посредствѣ родственниковъ гражданъ, находившихся въ войскѣ, велись переговоры о томъ, чтобы имъ отперли ворота и дозволили защищать общій родной городъ отъ нападенія римлянъ. Уже одни ворота Гексапила, были отперты, и они стали входить въ нихъ, какъ явились преторы и старались дѣйствовать властью и угрозами, затѣмъ своимъ авторитетомъ и, наконецъ, такъ какъ ничто не помогало, то, забывъ свой санъ, они стали умолять не выдавать отечества людямъ, которые прежде были слугами тирана, а теперь стали совратителями войска. Но возбужденная толпа ничего не слушала, и ворота выламывали одинаково усердно извнутри и снаружи, и, когда они были всѣ разломаны, войско было впущено черезъ весь Гексапилъ. Преторы вмѣстѣ съ городскою молодежью спаслись бѣгствомъ въ Ахрадину. Наемные воины, перебѣжчики и всѣ царскіе воины въ Сиракузахъ усилили войско непріятеля. Такимъ образомъ и Ахрадина взята была при первомъ приступѣ, и были перебиты всѣ преторы, кромѣ тѣхъ, которые среди суматохи спаслись бѣгствомъ. Ночь положила конецъ убійствамъ. На слѣдующій день рабамъ была объявлена свобода, и узники выпущены изъ темницы: весь этотъ сбродъ выбралъ Гиппократа и Эпикида въ преторы. Такимъ образомъ Сиракузы, для которыхъ на короткое время блеснулъ лучъ надежды на свободу, попали опять подъ гнетъ прежняго рабства.

33. По полученіи этого извѣстія, римляне двинулись немедленно изъ Леонтинъ въ Сиракузы. Случилось, что и Аппій отправилъ пословъ въ гавань на пентерѣ [1]). Отправленная впередъ тетраера едва успѣла войти въ устье гавани, какъ была схвачена сиракузянами; послы съ трудомъ спаслись бѣгствомъ. Такимъ образомъ были уже попраны права священныя не только въ мирное время, но и въ военное, такъ какъ римское войско расположилось лагеремъ на разстояніи 1500 шаговъ отъ города у Олимпія, храма

[1]) См. у Любкера (Реальный Словарь) стр. 907 слѣд.

Юпитера. Рѣшено было и отсюда отправить пословъ; чтобы они не вошли въ городъ, Гиппократъ и Эпикидъ съ своей свитой вышли имъ навстрѣчу за ворота. Римскій посолъ заявилъ, что онъ принесъ сиракузянамъ отъ имени римлянъ не войну, но помощь и защиту какъ тѣмъ, которые нашли у нихъ спасеніе отъ рѣзни, такъ и тѣмъ, которые въ ужасѣ терпѣли рабство, болѣе позорное, чѣмъ изгнаніе и даже смерть. И римляне-де не оставятъ позорнаго избіенія своихъ союзниковъ безнаказаннымъ. Поэтому войны не будетъ, если тѣмъ, которые спаслись къ нимъ, будетъ открытъ безопасный возвратъ въ отечество, зачинщики убійства будутъ выданы, и свобода и законы возвращены сиракузянамъ; въ противномъ случаѣ римляне будутъ преслѣдовать всякаго, кто будетъ тому препятствовать. На это Эпикидъ сказалъ, что онъ отвѣтилъ бы, еслибы они имѣли порученіе къ нему; теперь же пусть послы приходятъ снова тогда, когда власть въ Сиракузахъ будетъ въ рукахъ тѣхъ, къ кому они пришли. Если римляне вздумаютъ дѣйствовать силой, то на дѣлѣ узнаютъ, что не одно и то же—штурмовать Леонтины и Сиракузы. Съ этими словами онъ оставилъ пословъ и заперъ ворота.

Послѣ этого начался штурмъ Сиракузъ одновременно съ суши и съ моря: съ суши со стороны Гексапила, съ моря со стороны Ахрадины, стѣны которой омываются морскими волнами. Такъ какъ римляне, взявъ Леонтины благодаря паникѣ, возникшей при первомъ же натискѣ, надѣялись проникнуть съ какой-нибудь стороны и въ этотъ обширный и далеко раскинувшійся городъ, то придвинули къ стѣнамъ города всевозможныя осадныя орудія. **34**. И это предпріятіе, начатое съ такой энергіей, имѣло бы успѣхъ, не случись въ то время въ Сиракузахъ одного человѣка. То былъ Архимедъ, отличный наблюдатель неба и звѣздъ, но еще болѣе извѣстный, какъ изобрѣтатель и устроитель военныхъ машинъ и орудій, при помощи которыхъ онъ весьма легко уничтожалъ все то, что сооружали враги съ необыкновеннымъ трудомъ. Городская стѣна шла по цѣпи неровныхъ холмовъ: большая часть ея находилась на высокихъ и трудно доступныхъ мѣстахъ, нѣкоторыя же части находились въ низкихъ мѣстахъ и были въ ровныхъ долинахъ легко доступны. Сообразуясь съ мѣстностью, Архимедъ укрѣпилъ стѣны всякаго рода орудіями. Стѣну Ахрадины, омываемую, какъ выше сказано, моремъ, штурмовалъ Марцеллъ 60 пен-

терами. Съ однихъ кораблей стрѣлки, пращники и даже легковооруженные, копья которыхъ таковы, что неумѣющіе пользоваться ими не могли бросать ихъ назадъ, ранили почти всякаго, стоявшаго на стѣнѣ. Эти корабли держались вдали отъ стѣны, такъ какъ для метательныхъ снарядовъ было извѣстное разстояніе. Изъ прочихъ пентеръ было соединено по два корабля, причемъ внутреннія весла убирались, такъ чтобы корабли приходились бортъ къ борту и приводились въ движеніе наружными рядами веселъ, точно одинъ корабль. На нихъ находились башни о нѣсколькихъ ярусахъ и другія орудія для разрушенія стѣнъ. Противъ такихъ морскихъ приспособленій Архимедъ расположилъ на стѣнахъ орудія различнаго размѣра. Въ дальніе корабли онъ пускалъ камни необыкновенной величины, а ближайшимъ угрожалъ болѣе легкими и потому болѣе частыми ударами; наконецъ, чтобы сиракузскіе воины могли, сами не подвергаясь ранамъ, бросать стрѣлы во врага, Архимедъ пробилъ стѣну снизу доверху частыми отверстіями длиною въ одинъ локоть [1]), черезъ которыя, оставаясь незамѣченными, одни воины поражали врага стрѣлами, другіе небольшими метательными снарядами. Если нѣкоторые корабли подходили ближе къ стѣнѣ, чтобы быть внѣ ударовъ отъ метательныхъ орудій, то посредствомъ подъемной машины, возвышавшейся надъ стѣною, бросали на носъ корабля желѣзный крюкъ, привязанный къ крѣпкой цѣпи; при помощи огромнаго количества свинца крюкъ отскакивалъ къ землѣ [2]), поднималъ носъ корабля и становилъ его на корму, затѣмъ вдругъ срывался, и корабль, падая точно со стѣны, къ великому ужасу моряковъ, такъ ударялся о волны, что если и прямо падалъ, то зачерпывалъ массу воды. Такимъ образомъ осада со стороны моря оказалась безуспѣшной, и вся надежда сосредоточилась на томъ, чтобы напасть на городъ всѣми силами съ суши. Но и тутъ стѣны города также были защищены всякаго рода орудіями, устроенными на средства Гіерона и благодаря его многолѣтнимъ заботамъ, при помощи необыкновеннаго искусства Архимеда. Благопріятствовали и условія мѣстности: скалы, на которыхъ лежалъ фундаментъ стѣны, были большею частью настолько отвѣсны, что не только пущенные орудіями снаряды, но и скатывавшіеся отъ

[1]) Локоть-$1^1/_2$ футамъ. [2]) Сказано неточно: при помощи свинцоваго груза притягивалось къ землѣ бревно, къ которому была прикрѣплена цѣпь съ крюкомъ.

собственной тяжести камни обрушивались на врага сильнымъ ударомъ. По той же причинѣ подступить къ стѣнѣ было трудно, а взбираться на нее опасно. Поэтому, такъ какъ всѣ попытки взять городъ оказались тщетными, то на военномъ совѣтѣ было рѣшено оставить штурмъ и только осадою не допускать подвоза продовольствія врагу съ суши и съ моря.

35. Между тѣмъ Марцеллъ отправился приблизительно съ третьей частью войска, чтобы снова завладѣть городами, отпавшими къ кароагенянамъ во время всеобщаго волненія въ Сициліи: Гелоръ и Гербезъ сдались добровольно, Мегары онъ взялъ штурмомъ, разрушилъ и разграбилъ, чтобы напугать прочихъ сицилійцевъ, особенно же сиракузянъ. Почти въ то же время и Гимильконъ, стоявшій со своимъ флотомъ на якорѣ у мыса Пахина, высадилъ у Гераклеи, называемой Миносовою, 25000 пѣхотинцевъ, 3000 всадниковъ и 12 слоновъ. Это войско никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ ничтожнымъ войскомъ, съ которымъ онъ стоялъ у Пахина: послѣ взятія Сиракузъ Гиппократомъ, онъ направился въ Кароагенъ и тамъ, благодаря поддержкѣ и со стороны пословъ Гиппократа, и письму Ганнибала, который утверждалъ, что настало время снова завоевать Сицилію съ великою славою, а равно и благодаря убѣдительности доводовъ его самого, какъ находившагося на лицо, онъ добился того, чтобы переправлено было въ Сицилію возможно большее пѣшее и конное войско. Тотчасъ по прибытіи Гимильконъ взялъ Гераклею, а черезъ нѣсколько дней и Агригентъ. Прочія общины, бывшія на сторонѣ кароагенянъ, до такой степени воспламенились надеждой изгнать римлянъ изъ Сициліи, что, наконецъ, и осажденные сиракузяне подняли головы. Полагая, что и части ихъ войска вполнѣ достаточно для защиты города, они распредѣлили между собою обязанности во время войны такимъ образомъ, что Эпикидъ долженъ былъ охранять городъ, а Гиппократъ, соединившись съ Гимилькономъ, вести войну противъ римскаго консула. Гиппократъ отправился ночью съ 10000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ черезъ мѣста, не занятыя караулами, и сталъ располагаться лагеремъ вблизи Акриллъ. Въ то время, какъ онъ укрѣплялъ лагерь, явился Марцеллъ: онъ возвращался изъ Агригента, уже занятаго кароагенянами, куда онъ спѣшилъ, чтобы предупредить непріятеля, но напрасно. Въ это время и въ этомъ мѣстѣ онъ менѣе всего ожидалъ встрѣтить сиракузское войско; однако, изъ опасенія передъ Гимилькономъ и пунійцами, съ которыми онъ никакъ не могъ равняться своими войсками, онъ шелъ къ Сиракузамъ, соблюдая величайшую осторожность и держа войско готовымъ ко всякимъ случайностямъ. **36.** Вышло такъ, что мѣры предосторожности, принятыя противъ пунійцевъ, пригодились противъ сицилійцевъ: Марцеллъ засталъ ихъ занятыми устройствомъ лагеря, въ безпорядкѣ, въ разныхъ мѣстахъ, большею частію невооруженными и окружилъ всю ихъ пѣхоту; непріятельская конница, давъ небольшое сраженіе, бѣжала съ Гиппократомъ въ Акры.

Послѣ этого сраженія, задержавшаго отпаденіе сицилійцевъ отъ римлянъ, Марцеллъ возвратился въ Сиракузы, а спустя нѣсколько дней Гимильконъ соединился съ Гиппократомъ и расположился лагеремъ вблизи рѣки Анапы на разстояніи около 8000 шаговъ отъ города. Почти въ то же время 55 кароагенскихъ военныхъ кораблей подъ начальствомъ Бомилькара вошли съ моря въ большую сиракузскую гавань; равнымъ образомъ и римскій флотъ, состоявшій изъ 30 пентеръ, высадилъ первый легіонъ въ Панормѣ. Повидимому, война была перенесена изъ Италіи въ Сицилію: до такой степени оба народа обратили на нее свое вниманіе. Гимильконъ полагалъ, что римскій легіонъ, высадившись въ Панормѣ, на пути въ Сиракузы несомнѣнно станетъ его добычей, но ошибся дорогой: Пуніецъ повелъ войско срединою страны, а легіонъ въ сопровожденіи флота прибылъ по берегу моря въ Пахинъ къ Ап. Клавдію, который вышелъ ему навстрѣчу съ частью войскъ. Такимъ образомъ пунійцы не оставались долѣе у Сиракузъ: Бомилькаръ, отчасти мало полагаясь на свой флотъ, такъ какъ римскій флотъ былъ, навѣрное, вдвое больше кароагенскаго, отчасти видя, что онъ своимъ безполезнымъ пребываніемъ съ войскомъ только увеличиваетъ недостатокъ союзниковъ, велѣлъ сняться съ якоря и переправился въ Африку; Гимильконъ же безуспѣшно преслѣдовалъ Марцелла до Сиракузъ, въ надеждѣ найти удобный случай сразиться съ нимъ до соединенія его съ большимъ войскомъ; но такъ какъ такого случая онъ не дождался и видѣлъ, что врагъ подъ Сиракузами довольно защищенъ и силенъ, то двинулся оттуда, чтобы напрасно не терять времени у города, глядя, какъ осаждаютъ союзниковъ. Онъ разсчитывалъ вести войско туда, гдѣ обнаружится въ жителяхъ готовность отпасть отъ римлянъ, и своимъ присутствіемъ ободрять тѣхъ,

кто на сторонѣ кароагенянъ. Первый городъ, взятый имъ обратно у римлянъ, была Мурганція, жители который выдали ему римскій гарнизонъ; сюда у римлянъ свезено было большое количество хлѣба и всякаго рода припасовъ.

37. Эта измѣна ободряющимъ образомъ подѣйствовала на настроеніе умовъ и другихъ общинъ: римскіе гарнизоны были или изгоняемы изъ кремлей, или измѣннически предаваемы и избиваемы. Городъ Генна, расположенный на высокомъ, со всѣхъ сторонъ обрывистомъ, холмѣ, былъ неприступенъ не только по своему положенію, но и потому, что въ его кремлѣ находился сильный горнизонъ, и начальника гарнизона не особенно легко было ввести въ обманъ. То былъ Л. Пинарій, человѣкъ энергичный и придававшій больше значенія тому, чтобы его нельзя было перехитрить, чѣмъ полагавшійся на вѣрность сицилійцевъ. Въ то время слухи о столькихъ измѣнахъ и отпаденіяхъ городовъ и о гибели гарнизоновъ усилили его бдительность и осторожность во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому и днемъ и ночью все было у него одинаково наготовѣ и обезпечено постами и караулами, ни одинъ воинъ не снималъ оружія и не оставлялъ своего мѣста. Когда геннскіе старѣйшины, уже условившіеся съ Гимильякономъ насчетъ выдачи ему гарнизона, замѣтили, что римлянъ никоимъ образомъ нельзя было ввести въ обманъ, то рѣшили дѣйствовать силой; они говорили, что городъ и кремль должны быть въ ихъ власти, если они, какъ свободные, заключили союзъ съ римлянами, а не переданы имъ подъ стражу, какъ рабы. Поэтому они считаютъ справедливымъ требовать отъ римлянъ возвращенія ключей: хорошихъ де союзниковъ больше всего связываетъ ихъ собственная добросовѣстность, и римскій сенатъ и народъ будутъ имъ въ томъ случаѣ благодарны, если они останутся въ дружбѣ съ ними добровольно, а не по принужденію. На это Римлянинъ отвѣтилъ, что онъ поставленъ на этотъ постъ своимъ главнокомандующимъ, получилъ отъ него городскіе ключи и приказъ оберегать кремль; поэтому онъ ничѣмъ не можетъ располагать ни по своему желанію, ни по желанію жителей Генны, но только по желанію того, который далъ ему порученіе. Оставить постъ считается у римлянъ уголовнымъ преступленіемъ, и родители освятили такой законъ, карая за это смертью даже своихъ дѣтей [1]). Консулъ Марцеллъ недалеко отсюда: пусть они отправятъ пословъ къ нему, такъ какъ онъ имѣетъ право распоряжаться. Старѣйшины отвѣтили, что не пошлютъ, и увѣряли, что, если не добьются ничего путемъ переговоровъ, то постараются оградить свою свободу инымъ способомъ. Но это Пинарій отвѣтилъ, что, если они не желаютъ отправить пословъ къ консулу, то пусть, по крайней мѣрѣ, соберутъ для него народное собраніе, чтобы можно было узнать, предъявлено ли ему требованіе немногихъ, или всей общины. Съ этимъ старѣйшины согласились, и на слѣдующій день созвали собраніе.

[1]) См. VIII 7.

38. Возвратившись послѣ переговоровъ со старѣйшинами въ кремль, Пинарій созвалъ воиновъ и сказалъ имъ слѣдующее: „Воины! вы безъ сомнѣнія слышали, какъ на этихъ дняхъ сицилійцы захватили римскіе гарнизоны и истребили ихъ. Вы избѣгли подобнаго обмана прежде всего по милости боговъ, затѣмъ благодаря вашей доблести, такъ какъ день и ночь вы не покидали оружія и бодрствовали. О, если бы мы и впредь могли сами не испытывать и не причинять другимъ ужасовъ! Однако, осторожность, которую мы до сихъ поръ преслѣдовали, дѣйствительна противъ скрытой засады, но такъ какъ она имъ не удастся, то они явно и открыто требуютъ ключей отъ воротъ. Лишь только мы ихъ выдадимъ, Генна окажется тотчасъ въ рукахъ кароагенянъ, и мы будемъ истреблены здѣсь болѣе гнуснымъ образомъ, чѣмъ былъ избитъ нашъ гарнизонъ въ Мурганціи. Я съ трудомъ выговорилъ себѣ у нихъ только одну ночь для совѣщанія, чтобы предупредить васъ объ угрожающей опасности. На разсвѣтѣ они созовутъ собраніе, чтобы оклеветать меня и возстановить народъ противъ васъ. Такимъ образомъ завтра Генна наводнится или вашей кровью, или кровью своихъ жителей. Если васъ предупредятъ, то вы лишитесь всякой надежды; если вы предупредите, то будете внѣ всякой опасности. Побѣда будетъ на сторонѣ того, кто первый обнажитъ мечъ. Поэтому ждите сигнала внимательно и съ оружіемъ въ рукахъ. Я буду въ народномъ собраніи и, пока все не будетъ готово, буду затягивать время разговорами и спорами. Когда я дамъ вамъ знакъ ногою, вы, поднявши крикъ, со всѣхъ сторонъ бросьтесь въ толпу, рубите всѣхъ мечемъ и смотрите, не оставляйте въ живыхъ ни одного человѣка, отъ котораго можно ждать или насилія, или обмана. Васъ, мать Церера и Про-

зерпина, и прочіе небесные и подземные боги, живущіе въ этомъ городѣ, въ этихъ, посвященныхъ вамъ, озерахъ и рощахъ, умоляю оказать намъ милостивую и благосклонную помощь, такъ какъ мы принимаемъ такое рѣшеніе для того, чтобы избѣжать засады, а не для того, чтобы устроить ее. Воины! Я бы еще долѣе ободрялъ васъ, еслибы вамъ предстояла битва съ вооруженными; но вы будете избивать до пресыщенія враговъ безоружныхъ и не принявшихъ мѣръ предосторожности; лагерь консула вблизи, такъ что со стороны Гимилькона и карѳагенянъ не можетъ быть никакой опасности". **39.** Ободривъ воиновъ, Пинарій отпустилъ ихъ подкрѣпиться пищей. На слѣдующій день они расположились въ разныхъ мѣстахъ, чтобы занять улицы и запереть выходы, большая же часть размѣстилась выше театра [1]) и около него, такъ какъ и раньше они обыкновенно смотрѣли на народныя собранія. Римскій префектъ, выведенный должностными лицами въ народное собраніе, объяснилъ, что право и власть въ этомъ дѣлѣ принадлежатъ консулу, а не ему, и повторилъ большею частію то же, что сказалъ наканунѣ. Сначала требовали выдачи ключей немногіе, затѣмъ все большее и большее число и, наконецъ, уже всѣ единогласно, а такъ какъ Пинарій медлилъ и давалъ уклончивые отвѣты, то граждане стали ему дерзко угрожать и, видимо, готовы были тотчасъ прибѣгнуть къ насилію. Тогда префектъ далъ условленный знакъ тогою, и воины, бывшіе наготовѣ и давно ожидавшіе сигнала, подняли крикъ и одни, бросившись сверху, напали съ тылу, другіе, плотно сомкнувшись, заняли выходы изъ театра. Жители Генны были заперты въ мѣстахъ зрителей и перебиты. Они гибли массами не только отъ меча, но и во время бѣгства, такъ какъ одни падали черезъ головы другихъ—раненые на невредимыхъ, живые на мертвыхъ, и такъ нагромождались цѣлыя кучи. Отсюда воины разбѣжались въ разныя стороны; вездѣ видны были бѣгущіе и умирающіе, какъ въ завоеванномъ городѣ, и, избивая безоружную толпу, воины были такъ же сильно раздражены, какъ еслибы ихъ подстрекала равная для обѣихъ сторонъ опасность и тотъ же воинственный пылъ. Былъ ли этотъ образъ дѣйствій несправедливъ, или онъ вызывался необхо-

[1]) Собраніе происходило въ театрѣ: Пинарій говорилъ съ орхестры, народъ занималъ мѣста, назначенныя для зрителей и вырубленныя въ горѣ, на которой стоялъ кремль.

димостью, но Генна осталась въ рукахъ римлянъ. Марцеллъ одобрилъ этотъ поступокъ и предоставилъ воинамъ добычу Генны, полагая, что сицилійцы настолько напуганы, что не осмѣлятся избивать римскіе гарнизоны. Во всякомъ случаѣ слухъ объ этомъ избіеніи почти въ одинъ день распространился во всей Сициліи, такъ какъ городъ лежитъ въ центрѣ Сициліи и славится, какъ своимъ естественнымъ укрѣпленнымъ положеніемъ, такъ и тѣмъ, что все тутъ было освящено слѣдами совершившагося нѣкогда похищенія Прозерпины. И въ виду того, что гнусное убійство, по мнѣнію сицилійцевъ, осквернило не только жилища людей, но и боговъ,—даже и тѣ, которые до того времени колебались, перешли на сторону пунійцевъ. Гиппократъ и Гимильконъ, напрасно явившіеся по приглашенію измѣнниковъ со своими войсками къ Геннѣ, возвратились—первый въ Мургантію, второй въ Агригентъ. Марцеллъ возвратился въ Леонтины, свезъ хлѣбъ и прочіе запасы въ лагерь, оставилъ тамъ небольшой гарнизонъ и направился осаждать Сиракузы. Отсюда онъ отослалъ Клавдія въ Римъ домогаться консульства и вмѣсто него назначилъ начальникомъ флота и стараго лагеря Т. Квинктія Криспина. Самъ онъ выстроилъ и укрѣпилъ зимнія квартиры на разстояніи 5000 шаговъ отъ Гексапилъ—мѣсто это называлось Леонъ. Таковы были событія въ Сициліи до начала зимы.

40. Въ то же лѣто началась уже давно ожидаемая война съ царемъ Филиппомъ. Къ претору М. Валерію, оберегавшему флотомъ Брундизій и прилегавшіе къ нему берега Калабріи, прибыли изъ Орика послы съ извѣстіемъ, что Филиппъ напалъ прежде всего на Аполлонію, подъѣхавъ къ городу вверхъ по рѣкѣ на 120 двухвесельныхъ легкихъ корабляхъ; но такъ какъ осада города шла, сверхъ ожиданія, слишкомъ медленно, то онъ незамѣтно ночью подступилъ съ войскомъ къ Орику и при первомъ же приступѣ взялъ этотъ городъ, лежащій въ ровномъ мѣстѣ, не защищенный стѣнами и не имѣвшій вооруженныхъ людей. Увѣдомляя объ этомъ, послы просили помочь имъ и не допускать явнаго врага римлянъ на сушѣ или на морѣ къ приморскимъ городамъ, которыхъ онъ домогается главнымъ образомъ потому, что они служатъ ключемъ къ Италіи. М. Валерій, оставивъ гарнизонъ въ 2000 человѣкъ подъ начальствомъ легата П. Валерія, прибылъ на другой день въ Орикъ со снаряженнымъ и готовымъ къ бою флотомъ, пере-

правивъ на грузовыхъ судахъ тѣхъ воиновъ, которыхъ нельзя было помѣстить на военныхъ корабляхъ, и снова легко завладѣлъ этимъ городомъ, такъ какъ въ немъ находился небольшой гарнизонъ, оставленный Филиппомъ при удаленіи оттуда. Сюда прибыли послы изъ Аполлоніи съ извѣстіемъ, что ихъ городъ въ осадномъ положеніи, такъ какъ они не желаютъ измѣнять римлянамъ, и что они не въ состояніи далѣе сопротивляться македонянамъ, если къ нимъ не будетъ присланъ римскій гарнизонъ. Пообѣщавъ исполнить ихъ просьбу, онъ послалъ къ устью рѣки на военныхъ корабляхъ 2000 отборныхъ воиновъ подъ начальствомъ префекта союзниковъ, Кв. Невія Кристы, человѣка энергичнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ. Послѣдній, высадивъ войско и отправивъ корабли къ оставшемуся флоту обратно въ Орикъ, откуда онъ прибылъ, провелъ его недалеко отъ рѣки по дорогѣ, не занятой врагами, и ночью незамѣтно для враговъ вошелъ въ городъ. Слѣдующій день войско отдыхало, пока префектъ дѣлалъ смотръ молодежи Аполлоніи и знакомился съ вооруженіемъ и силами города. Этотъ осмотръ придалъ префекту увѣренность; къ тому же развѣдчики дали ему знать о безпечности и небрежности въ лагерѣ непріятеля. Поэтому онъ вышелъ изъ города среди ночной тишины безъ всякаго шума и вошелъ въ непріятельскій лагерь, который былъ такъ плохо защищенъ и такъ доступенъ, что, по достовѣрнымъ даннымъ, въ окопы лагеря вошла тысяча человѣкъ прежде, чѣмъ замѣтилъ ихъ врагъ, и, воздержись они отъ рѣзни, могли бы дойти до царской палатки. Убіеніе ближайшихъ къ воротамъ встревожило враговъ. Послѣ этого всѣми овладѣлъ такой ужасъ и страхъ, что не только никто другой не взялся за оружіе и не думалъ объ изгнаніи врага изъ лагеря, но даже самъ царь, пробужденный отъ сна, почти полунагой, въ платьѣ, едва ли приличномъ даже для простого воина, а тѣмъ менѣе для царя, бѣжалъ къ рѣкѣ, къ своимъ кораблямъ. Туда же бѣжало и прочее войско. Немного менѣе 3000 человѣкъ взято было въ плѣнъ и убито въ лагерѣ; однако, значительно болѣе было взято въ плѣнъ, чѣмъ убито. Послѣ разграбленія лагеря жители Аполлоніи свезли въ городъ для охраны стѣнъ, на случай повторенія подобнаго нападенія, катапульты, [1]) баллисты [2]) и другіе снаряды, приготовленные для штурма города; вся прочая добыча лагеря предоставлена была римлянамъ. Валерій, получивъ увѣдомленіе объ этомъ въ Орикѣ, тотчасъ поторопился съ флотомъ къ устью рѣки, чтобы царь не могъ спастись бѣгствомъ на корабляхъ. Поэтому Филиппъ, убѣдившись въ недостаточности своихъ силъ для сраженія на сушѣ и на морѣ, велѣлъ вытащить корабли на берегъ, сжечь ихъ и направился сухимъ путемъ въ Македонію съ войскомъ, большею частію безоружнымъ и ограбленнымъ. Римскій флотъ провелъ зиму съ М. Валеріемъ въ Орикѣ.

[1]) Изъ катапультъ пускали стрѣлы въ горизонтальномъ направленіи. [2]) При помощи баллистъ бросали камни и бревна подъ угломъ въ 45°.

41. Въ томъ же году шла война въ Испаніи съ перемѣннымъ счастіемъ. Именно: не успѣли римляне переправиться черезъ Гиберъ, какъ Магонъ и Газдрубалъ разбили огромное войско испанцевъ, и Испанія, лежащая по ту сторону рѣки, отпала бы отъ римлянъ, еслибы П. Корнелій не переправилъ поспѣшно войска черезъ Гиберъ и не оказалъ своевременной помощи колебавшимся союзникамъ. Сначала римляне стояли у „Бѣлаго укрѣпленія“—это мѣсто извѣстно гибелью великаго Гамилькара. То былъ пунктъ укрѣпленный, и римляне уже раньше свезли туда припасы. Но такъ какъ окрестности этого укрѣпленія были переполнены врагами, и непріятельская конница безнаказанно напала на римское войско и погубила до 2000 отставшихъ и разсѣявшихся по деревнямъ, то римляне отступили оттуда ближе къ умиротвореннымъ мѣстамъ и укрѣпились лагеремъ у горы Побѣды. Туда прибылъ со всѣмъ войскомъ Гн. Сципіонъ и третій карѳагенскій вождь Газдрубалъ, сынъ Гизгона, съ правильно организованнымъ войскомъ; всѣ они расположились за рѣкою противъ римскаго лагеря. П. Сципіонъ, отправившійся тайно съ легковооруженными, чтобы ознакомиться съ окрестностями, и замѣченный врагами, былъ бы застигнутъ ими въ открытомъ мѣстѣ, еслибы не занялъ сосѣдняго холма. И здѣсь его окружили враги, но подоспѣвшій братъ выручилъ его изъ осады. Укрѣпленный и извѣстный испанскій городъ Кастулонъ, такъ тѣсно связанный союзомъ съ пунійцами, что Ганнибалъ даже взялъ оттуда себѣ жену, перешелъ на сторону римлянъ. Карѳагеняне приступили къ штурму г. Илитурги [1]), потому что въ немъ стоялъ римскій гарнизонъ, и, повидимому, хотѣли голодомъ заставить этотъ городъ сдаться. Отправившись съ

[1]) Ср. XXIII 49.

однимъ легіономъ налегкѣ на помощь союзникамъ и гарнизону, Гн. Сципіонъ прошелъ въ городъ между обоими лагерями, причемъ перебилъ много враговъ, на слѣдующій день сдѣлалъ вылазку и сразился такъ же удачно. Въ обоихъ сраженіяхъ убито было свыше 12000 враговъ, болѣе 1000 взято въ плѣнъ, и захвачено 36 военныхъ знаменъ. Такимъ образомъ карѳагеняне отступили отъ г. Илитурги и начали осаду г. Бигерры, тоже союзнаго римлянамъ. Эту осаду снялъ Гн. Сципіонъ безъ сраженія однимъ своимъ появленіемъ. **42**. Послѣ этого пунійцы передвинули свой лагерь къ г. Мундѣ; римляне послѣдовали немедленно за ними. Тутъ войска завязали сраженіе, которое продолжалось почти 4 часа. Римляне начали было одерживать блистательную побѣду, какъ данъ былъ сигналъ къ отступленію, такъ какъ Гн. Сципіонъ былъ раненъ копьемъ въ бедро, и бывшіе вблизи него воины опасались за смертельный исходъ раны. Однако, было несомнѣнно, что, не случись этой задержки, пунійскій лагерь могъ быть взятъ въ тотъ день, такъ какъ уже не только воины, но и слоны загнаны были до самаго вала, и на немъ было убито копьями 39 слоновъ. Говорятъ, что и въ этомъ сраженіи было убито до 12000 воиновъ, почти 3000 взято въ плѣнъ и захвачено 57 знаменъ. Затѣмъ пунійцы отступили къ городу Аурингу; римляне послѣдовали за ними, чтобы не дать имъ оправиться отъ ужаса. Тутъ Сципіонъ приказалъ вынести себя на носилкахъ на поле битвы и далъ опять сраженіе; побѣда была несомнѣнно на его сторонѣ; однако, враговъ было убито на половину меньше противъ прежняго, такъ какъ число сражающихся уменьшилось. Но испанцы какъ бы были созданы для того, чтобы возобновлять войны и содѣйствовать новымъ приготовленіямъ къ нимъ. Магонъ, посланный своимъ братомъ, чтобы пріискать воиновъ, вскорѣ пополнилъ ряды войска, и ободрившіеся карѳагеняне снова попытались дать сраженіе. Большая часть воиновъ были галлы, и они сражались за ту сторону, которая потерпѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней столько пораженій, съ такимъ же мужествомъ, какъ и прежніе, но и исходъ сраженія былъ тотъ же: болѣе 8000 человѣкъ было убито, нѣсколько менѣе 1000 взято въ плѣнъ, и захвачено 58 знаменъ. Большая часть добычи была взята отъ галловъ; то были золотые ожерелья и браслеты въ большомъ количествѣ. Пали въ этомъ сраженіи и два знаменитыхъ галльскихъ князя—Меніацентъ и Висмаръ. Слоновъ захвачено 8, убито 3.

Въ виду успѣшнаго хода дѣлъ въ Испаніи, римлянамъ стало, наконецъ, стыдно, что городъ Сагунтъ, послужившій поводомъ къ войнѣ, уже восьмой годъ находится во власти враговъ. Поэтому, прогнавъ силою пунійскій гарнизонъ, они снова заняли этотъ городъ и возвратили его прежнимъ жителямъ, уцѣлѣвшимъ отъ жестокой войны. Турдетанъ, которые подали имъ поводъ къ войнѣ съ карѳагенянами [1]), римляне подчинили себѣ, продали ихъ въ рабство, а городъ ихъ разрушили.

43. Таковы были дѣйствія въ Испаніи въ консульство Кв. Фабія и М. Клавдія. Въ Римѣ, едва только новые народные трибуны вступили въ должность, какъ одинъ изъ нихъ, М. Метеллъ, назначилъ цензорамъ П. Фурію и М. Атилію день явиться на судъ народа. Годъ тому назадъ, когда онъ былъ квесторомъ, они лишили его коня, исключили изъ трибы и сдѣлали эраріемъ за его предложеніе при Каннахъ [2]) оставить Италію. Но благодаря содѣйствію девяти трибуновъ, имъ запрещено было выступить отвѣтчиками, пока они занимаютъ свою должность, и такимъ образомъ они были освобождены отъ суда. Окончить перепись цензорамъ помѣшала смерть П. Фурія. М. Атилій [3]) отказался отъ должности.

На консульскихъ комиціяхъ предсѣдательствовалъ консулъ Кв. Фабій Максимъ. Оба новыхъ консула, Кв. Фабій Максимъ, сынъ консула, и Тиб. Семпроній Гракхъ, во второй разъ были избраны заочно. Преторами были избраны бывшіе тогда курульными эдилами, П. Семпроній Тудитанъ и Гн. Фульвій Центималъ, и изъ частныхъ лицъ М. Атилій и М. Эмилій Лепидъ. Сохранилось извѣстіе, что въ этомъ году курульные эдилы устроили въ первый разъ сценическія представленія, продолжавшіяся 4 дня. Эдилъ Тудитанъ былъ тотъ самый, который пробился сквозь непріятельское войско при Каннахъ, въ то время, какъ всѣ прочіе, вслѣдствіе такого сильнаго пораженія, оцѣпенѣли отъ страха [4]). По окончаніи этихъ комицій, по предложенію консула Кв. Фабія, предназначенные консулы призваны были въ Римъ, гдѣ вступили въ должность и совѣщались съ сенатомъ о войнѣ, о

---

[1]) См. XXI 6. [2]) Собственно при Канузіи; см. XXII 53. [3]) Въ случаѣ смерти одного цензора, другой не доканчивалъ службы, и выбираемы были новые цензоры; ср. IX 33—34. [4]) См. XXII 50.

назначеніи провинцій имъ и преторамъ и о томъ, кому какимъ войскомъ командовать. **44.** И сенатъ распредѣлилъ сферы дѣятельности и войска такимъ образомъ: веденіе войны съ Ганнибаломъ было поручено консуламъ, и имъ даны войска—одно, которымъ командовалъ самъ Семпроній, другое—которымъ командовалъ консулъ Фабій. Въ нихъ было по 2 легіона. Претору М. Эмилію, вѣдавшему дѣла съ иностранцами, было предложено, передавъ свои судебныя обязанности городскому претору М. Атилію, принять постъ въ Луцеріи съ двумя легіонами, состоявшими подъ командою тогдашняго консула Кв. Фабія въ бытность его преторомъ. П. Семпронію былъ назначенъ постъ въ Ариминѣ, Гн. Фульвію въ Свессулѣ—каждому съ двумя легіонами, съ тѣмъ, что Фульвій долженъ былъ взять городскіе легіоны, а Тудитанъ принять легіоны отъ М. Помпонія. Продолжена власть и оставлены посты—М. Клавдію въ Сициліи въ предѣлахъ прежняго царства Гіерона, пропретору Лентулу—прежній постъ, Т. Отацилію назначенъ флотъ; новыхъ войскъ никто не получилъ. М. Валерію назначены были Греція и Македонія съ бывшими въ его распоряженіи легіономъ и флотомъ; Кв. Муцію—Сардинія съ прежнимъ войскомъ, состоявшимъ изъ 2 легіоновъ; Г. Теренцію—Пиценумъ съ однимъ легіономъ, состоявшимъ уже подъ его командою. Сверхъ того, было приказано набрать два городскихъ легіона и 20000 союзниковъ. Такими вождями и такими войсками обезпечили римляне свое государство противъ многихъ одновременныхъ войнъ, начатыхъ уже или только ожидавшихся. Набравъ два городскихъ легіона и пополнивъ прочіе легіоны, консулы до выступленія изъ города принесли умилостивительныя жертвы по случаю знаменій, о которыхъ было сообщено. Городская стѣна съ воротами въ Кайетѣ и даже храмъ самого Юпитера въ Ариціи поражены были ударомъ молніи. Признаны были справедливыми и другіе случаи обмана зрѣнія и слуха: у Таррицины на рѣкѣ видѣли военные корабли, которыхъ тамъ вовсе не было; въ храмѣ Юпитера Вицилинскаго, въ окрестностяхъ Компсы, будто бы загремѣло оружіе; въ Амитернѣ будто бы вода въ рѣкѣ обратилась въ кровь. Принесши умилостивительныя жертвы по случаю этихъ знаменій, согласно рѣшенію понтификовъ, консулъ Семпроній выступилъ въ Луканію, Фабій—въ Апулію. Отецъ послѣдняго прибылъ, въ качествѣ легата, въ лагерь сына у Свессулы. Сынъ вышелъ къ отцу

на встрѣчу; впереди его шли молча [1]), изъ уваженія къ величію отца, ликторы. Старикъ-отецъ уже проѣхалъ верхомъ мимо 11 ликторовъ, какъ консулъ приказалъ послѣднему обратить на это вниманіе. Тотъ велѣлъ старцу слѣзть съ коня, и тутъ только отецъ соскочилъ съ лошади и сказалъ сыну: „я хотѣлъ испытать, сынъ, сознаешь ли ты достаточно, что ты консулъ".

45. Въ этотъ лагерь тайно ночью явился Дазій Альтиній арпинецъ съ тремя рабами, обѣщая предать Арпы за вознагражденіе. Фабій передалъ это дѣло на обсужденіе военному совѣту. Одни предлагали этого двоедушнаго врага высѣчь и казнить, какъ перебѣжчика, такъ какъ онъ, вѣроятно, вслѣдствіе убѣжденія, что вѣрность должна стоять на сторонѣ счастія, послѣ пораженія при Каннахъ перешелъ на сторону Ганнибала и склонилъ къ отпаденію Арпы, а затѣмъ, когда положеніе римскаго государства, противъ его ожиданія и желанія, стало поправляться, онъ обѣщаетъ, въ видѣ вознагражденія, новую измѣну тѣмъ, которымъ измѣнилъ; онъ-де придерживается всегда одной стороны, а въ душѣ склоненъ къ другой; онъ—ненадежный союзникъ, легкомысленный врагъ. Наравнѣ съ измѣнникомъ Фалерій [2]) и Пирра [3]), пусть онъ будетъ третьимъ поучительнымъ примѣромъ для перебѣжчиковъ. На это возражалъ отецъ консула, Фабій, что, не соображаясь съ современными обстоятельствами, люди въ самый разгаръ войны, точно въ мирное время, высказываютъ о всякомъ свободно свое сужденіе; такимъ образомъ, въ то время, какъ нужно заботиться и думать, насколько возможно, объ удержаніи прежнихъ союзниковъ римскаго народа и о пріобрѣтеніи новыхъ, считаютъ необходимымъ дать поучительный примѣръ тому, кто образумится и обратится къ прежнему союзу. Поэтому, если можно отпадать отъ римлянъ, но нельзя возвращаться къ нимъ, то кто же сомнѣвается въ томъ, что вскорѣ римское государство, потерявъ довѣріе союзниковъ, увидитъ, что всѣ народы Италіи связаны договорами съ пунійцами? „Однако", продолжалъ Фабій, „я не того мнѣнія, что слѣдуетъ придавать какую-нибудь вѣру словамъ Альтинія, но предлагаю средній путь: не считать его въ настоящее время ни врагомъ, ни союзникомъ и держать его на время войны неда-

[1]) Т.-е. не останавливали отца и не приказывали ему, въ виду присутствія консула, слѣзть съ лошади. [2]) См. V 27. [3]) Никія или Тимохаръ, предлагавшій отравить Пирра.

леко отъ лагеря, въ какой-нибудь надежной общинѣ, подъ домашнимъ арестомъ, а по окончаніи войны обсудить, заслуживаетъ ли онъ скорѣе наказанія за прежнее отпаденіе, или прощенія за настоящее возвращеніе". Всѣ согласились съ Фабіемъ и передали самого Альтинія съ его спутниками каленскимъ посламъ. Довольно большое количество золота, которое онъ принесъ съ собою, было также приказано оставить ему. Въ Калахъ онъ ходилъ днемъ свободно, но стража слѣдила за нимъ, ночью его держали взаперти и караулили. Въ Арпахъ прежде всего замѣтили отсутствіе Альтинія его родные и начали искать его. Затѣмъ, когда слухъ объ этомъ распространился по всему городу, началось, конечно, волненіе, вслѣдствіе исчезновенія перваго лица въ городѣ. Изъ опасенія переворота, были немедленно отправлены послы къ Ганнибалу. Измѣна Альтинія нисколько не разсердила Пунійца, такъ какъ онъ уже давно подозрѣвалъ его, какъ человѣка сомнительной вѣрности, и усмотрѣлъ въ сообщенномъ фактѣ поводъ завладѣть имуществомъ такого богача и продать его. Однако, чтобы люди думали, что онъ поступилъ такъ скорѣе въ гнѣвѣ, чѣмъ изъ жадности, онъ присоединилъ къ алчности жестокость: вытребовавъ въ лагерь его жену и дѣтей, онъ сперва снялъ допросъ о бѣгствѣ Альтинія, затѣмъ о количествѣ золота и серебра, оставшагося въ его домѣ, и, заручившись точными свѣдѣніями обо всемъ, сжегъ ихъ заживо.

46. Фабій выступилъ изъ Свессулы и предполагалъ прежде всего взять Арпы. Расположившись лагеремъ на разстояніи почти 500 шаговъ отъ города, онъ осмотрѣлъ вблизи положеніе города и его стѣны и рѣшилъ направить главное нападеніе на ту часть, которая была лучше всѣхъ защищена стѣнами, такъ какъ она менѣе всего была охраняема. Приготовивъ все необходимое для штурма города, онъ выбралъ изъ всего войска лучшихъ центуріоновъ, поставилъ во главѣ ихъ храбрыхъ военныхъ трибуновъ, далъ имъ 600 воиновъ—такое количество было, повидимому, достаточно—и приказалъ имъ нести лѣстницы къ этому мѣсту, какъ только будетъ данъ сигналъ четвертой стражи. Ворота въ отомъ мѣстѣ были низки и узки, вслѣдствіе того, что по дорогѣ, ведшей черезъ нихъ, ѣздили мало, такъ какъ она пролегала по пустынной части города. Консулъ приказалъ прежде всего перелѣзть по лѣстницамъ черезъ стѣну, отворить ворота извнутри или сломать запоры и, занявъ эту часть

города, дать сигналъ, чтобы и прочія войска подвинулись къ городу, а у него-де будетъ все наготовѣ. Приказаніе было старательно исполнено, и то обстоятельство, которое, повидимому, могло помѣшать предпріятію, больше всего помогло обмануть враговъ: начавшійся послѣ полуночи сильный дождь заставилъ всю стражу покинуть посты и искать убѣжища подъ кровлею, а бушевавшая вначалѣ сильная буря помѣшала распознать шумъ, происходившій при взломѣ воротъ; а затѣмъ, когда она стала стихать, и до ушей доходили болѣе однообразные звуки, то это усыпило большую часть населенія. Когда отрядъ занялъ ворота, приказано было трубачамъ, разставленнымъ по дорогѣ на равныхъ разстояніяхъ, дать сигналъ для вызова консула. Какъ только данъ былъ условленный сигналъ, консулъ приказалъ войску выступать и еще до начала дня вошелъ въ городъ чрезъ выломанныя ворота. **47.** Тутъ только непріятели проснулись, когда дождь уже пересталъ, и стало свѣтать. Въ городѣ былъ гарнизонъ Ганнибала приблизительно въ 5000 человѣкъ, а у самихъ арпинцевъ было 3000 вооруженныхъ. Ихъ пунійцы выставили первыми противъ римлянъ, чтобы не подвергнуться измѣнѣ съ тылу. Сначала сраженіе шло въ полумракѣ и въ узкихъ улицахъ. Когда римляне заняли не только улицы, но и ближайшіе къ воротамъ дома, чтобы не подвергаться сверху обстрѣливанію и ранамъ, то нѣкоторые арпинцы и римляне, узнавшіе другъ друга, стали переговариваться. Римляне спрашивали арпинцевъ, что это они вздумали, и чѣмъ провинились римляне противъ нихъ, или какую услугу оказали имъ пунійцы, что они, италійцы, ведутъ войну за иностранцевъ и варваровъ противъ прежнихъ союзниковъ и готовы заставить Италію платить дань и пошлины Африкѣ. Арпинцы приводили въ свое оправданіе, что они, ничего не вѣдая, проданы были своими старѣйшинами Пунійцу, что немногіе перехитрили и подчинили ихъ. Начало было сдѣлано: все большее и большее число арпинцевъ и римлянъ стало вступать въ разговоры. Наконецъ, арпинцы привели своего претора къ римскому консулу и, заручившись передъ знаменами и рядами войска обѣщаніемъ поддержки, вдругъ обратили оружіе на защиту римлянъ противъ кароагенянъ. И испанцы, въ количествѣ немного менѣе 1000 человѣкъ, выговоривъ у консула только свободный выходъ пуническаго гарнизона, перешли на его сторону. Ворота были отворены, и кароагеняне, вышедши без-

препятственно согласно обѣщанію консула, прибыли къ Ганнибалу въ Саланію. Арпы безъ ущерба для кого бы то ни было, за исключеніемъ одного прежняго измѣнника [1]) и новаго перебѣжчика, перешли опять на сторону римлянъ. Испанцамъ было приказано отпустить двойной паекъ: римское государство очень часто пользовалось ихъ отважною и вѣрною службою.

Когда одинъ консулъ находился въ Апуліи, а другой въ Луканіи, изъ Капуи, подъ видомъ опустошенія непріятельской страны, прибыло, съ дозволенія своихъ начальниковъ, къ римскому лагерю, что стоялъ выше Свессулы, 112 знатныхъ кампанскихъ всадниковъ; объяснивъ сторожевому посту, кто они такіе, они заявили, что желаютъ переговорить съ преторомъ. Лагеремъ командовалъ Гн. Фульвій. Когда ему доложили о прибывшихъ, онъ приказалъ десятерыхъ изъ нихъ привести къ себѣ безоружными и, выслушавъ ихъ требованіе,—просьба же ихъ состояла только въ томъ, чтобы римляне приняли сдачу Капуи, по возвратили имъ ихъ имущество,—обѣщалъ оказать имъ всякую поддержку. Другой преторъ, Семпроній Тудитанъ, взялъ городъ Атринъ. Болѣе 5000 человѣкъ было захвачено въ плѣнъ, и пріобрѣтено значительное количество чеканной мѣди и серебра.

Въ Римѣ двѣ ночи и одинъ день продолжался сильный пожаръ: выгорѣло дотла все пространство, находящееся между соляными амбарами и Карментальскими воротами, съ Эквимелійскимъ и Югарійскимъ кварталами, съ храмами Фортуны и матери Матуты. Огонь, широко распространившійся и за воротами, уничтожилъ много священныхъ и частныхъ зданій.

48. Въ томъ же году П. и Гн. Корнеліи простерли свои надежды и на покореніе Африки, такъ какъ въ Испаніи у нихъ все шло удачно: они склонили на свою сторону много прежнихъ союзниковъ и пріобрѣли новыхъ. Нумидійскій царь Сифакъ сдѣлался неожиданно для кароагенянъ ихъ врагомъ. Сципіоны отправили къ нему въ качествѣ пословъ трехъ центуріоновъ заключить съ нимъ дружественный союзъ и увѣрить его, что, если онъ будетъ продолжать тѣснить кароагенянъ войною, то этимъ сдѣлаетъ пріятное сенату и римскому народу, и что они постараются своевре-

[1]) Дазія.

менно отблагодарить его сторицею. Это посольство пришлось варвару по сердцу. Выслушавъ въ разговорѣ съ послами о способѣ веденія войны взгляды старыхъ воиновъ и сравнивъ организацію своего войска со такой благоустроенной военной дисциплиной римлянъ, онъ увидѣлъ, какъ многаго онъ не знаетъ. Тутъ прежде всего онъ сталъ просить ихъ поступить съ нимъ, какъ подобаетъ хорошимъ и вѣрнымъ союзникамъ: чтобы двое изъ нихъ отправились къ своимъ главнокомандующимъ съ отвѣтомъ, а одинъ остался у него въ качествѣ инструктора; нумидійцы-де не способны вести войну пѣшими и ловки только на коняхъ: такъ вели войну ихъ предки уже съ незапамятныхъ временъ, къ этому же привыкъ и онъ съ дѣтства. Но онъ имѣетъ дѣло съ противникомъ, который силенъ своею пѣхотою, и если онъ, Сифакъ, желаетъ сравняться съ нимъ своими силами, то и ему необходимо снарядить пѣхоту; и есть у него въ царствѣ достаточно людей для этого, но онъ не обладаетъ искусствомъ вооружить ихъ, снабдить всѣмъ необходимымъ и обучить строю. Ни въ чемъ нѣтъ порядка и плана, какъ въ случайно сбѣжавшейся толпѣ. Послы изъявили готовность исполнить его желаніе, но просили дать слово отпустить немедленно того изъ нихъ, который останется, если главнокомандующіе не одобрятъ ихъ образа дѣйствій. Имя оставшагося у царя было Кв. Статорій. Вмѣстѣ съ двумя римскими послами царь отправилъ въ Испанію и нумидійскихъ пословъ, чтобы заручиться словомъ вѣрности у римскихъ главнокомандующихъ. Имъ же онъ поручилъ немедленно склонить на свою сторону тѣхъ нумидійцевъ, которые служили въ кароагенскихъ гарнизонахъ въ качествѣ вспомогательнаго войска. И въ самомъ дѣлѣ, Статорій набралъ царю пѣхоту изъ многочисленной молодежи, раздѣлилъ ее совершенно подобно римскому войску, обучилъ при построеніи и маневрированіи слѣдовать за знаменами и соблюдать ряды и такъ пріучилъ ее къ шанцовымъ работамъ и прочимъ военнымъ обязанностямъ, что вскорѣ царь столько же могъ положиться на пѣхоту, сколько и на конницу и, когда дѣло дошло до столкновенія на ровномъ мѣстѣ, то разбилъ кароагенянъ въ правильномъ сраженіи. Прибытіе царскихъ пословъ оказалось весьма выгоднымъ и для римлянъ въ Испаніи, такъ какъ, узнавъ объ этомъ, нумидійцы стали часто переходить на сторону римлянъ. Такъ началась дружба римлянъ съ Сифакомъ.

Какъ только карѳагеняне узнали объ этомъ, то отправили немедленно пословъ къ Галѣ, царю другой части Нумидіи, жители которой назывались мезуліи. **49**. У Галы былъ 17-лѣтній[1]) сынъ Масинисса, настолько даровитый, что уже тогда видно было, что онъ расширитъ и обогатитъ царство, которое унаслѣдуетъ. Такъ какъ Сифакъ соединился съ римлянами, чтобы при помощи этого союза имѣть болѣе силы противъ царей и народовъ Африки, то карѳагенскіе послы объяснили Галѣ, что и ему выгоднѣе будетъ немедленно соединиться съ ними еще до перехода Сифака въ Испанію или римлянъ въ Африку: можно-де одолѣть Сифака, у котораго отъ союзнаго договора съ римлянами пока нѣтъ ничего, кромѣ имени. Галу было легко склонить къ тому, чтобы отправить войско, такъ какъ его сынъ настойчиво требовалъ поручить эту войну ему; присоединивъ къ себѣ карѳагенскіе легіоны, онъ на голову разбилъ Сифака въ большомъ сраженіи. Говорятъ, что въ этомъ сраженіи было убито 300000 человѣкъ. Сифакъ бѣжалъ съ поля битвы съ немногими всадниками къ маврузійскимъ[2]) нумидійцамъ, живущимъ далѣе всѣхъ африканцевъ у океана, противъ Гадъ, и, такъ какъ съ извѣстіемъ объ его прибытіи къ нему отовсюду стали стекаться варвары, то онъ въ короткое время вооружилъ огромное войско, съ тѣмъ, чтобы переправиться съ нимъ въ Испанію, отдѣленную узкимъ проливомъ. Между тѣмъ сюда явился Масинисса съ побѣдоноснымъ войскомъ и велъ здѣсь самостоятельно, безъ всякой помощи карѳагенянъ, весьма славную войну съ Сифакомъ.

Въ Испаніи не случилось ничего особеннаго, кромѣ того, что римскіе главнокомандующіе склонили на свою сторону кельтиберійскую молодежь за такое же вознагражденіе, какое она выговорила себѣ у карѳагенянъ, и отправили свыше 300 знатнѣйшихъ испанцевъ въ Италію сманивать своихъ соотечественниковъ, служившихъ въ вспомогательномъ войскѣ Ганнибала. Изъ событій этого года въ Испаніи только это обстоятельство и обращаетъ на себя вниманіе, такъ какъ кельтиберійцы были первымъ наемнымъ войскомъ, которое когда-либо существовало въ римскомъ лагерѣ.

---

[1]) Вѣроятно, ошибка Ливія, такъ какъ Масинисса умеръ 90 лѣтъ въ 149 г. до Р. Х., и слѣд. ему было въ 213 г. 27 лѣтъ. [2]) Болѣе частое названіе мавровъ, употребляемое греками.

КНИГА XXV.

1. Во время вышеизложенныхъ событій въ Африкѣ и Испаніи, Ганнибалъ провелъ лѣто въ Саллентинской области, въ надеждѣ завладѣть городомъ Тарентомъ при помощи измѣны. Между тѣмъ къ нему отпали незначительные города самихъ саллентиновъ. Одновременно съ этимъ въ Бруттійской области изъ 12 народовъ, отпавшихъ въ предшествовавшемъ году на сторону пунійцевъ, возвратились въ римское подданство консентины и тавріаны. Такъ поступило бы и большее число народовъ, если бы префектъ союзниковъ Т. Помпоній, родомъ изъ Вей, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ опустошеній въ Бруттійской области, вообразивъ себя законнымъ вождемъ, не собралъ на скорую руку войско и не сразился съ Ганнономъ. Тутъ было перебито или взято въ плѣнъ большое количество людей, представлявшее собою, впрочемъ, нестройную толпу поселянъ и рабовъ. Менѣе всего ущерба было въ томъ, что съ другими захватили въ плѣнъ и префекта: онъ и на этотъ разъ былъ виновникомъ безразсудной битвы, и раньше, пользуясь всевозможными дурными средствами, какъ откупщикъ, не оправдывалъ довѣрія государства и своихъ компаніоновъ и причинялъ имъ убытки. Консулъ Семпроній далъ въ Луканіи много незначительныхъ сраженій, но ни одного, заслуживающаго упоминанія, и взялъ штурмомъ нѣсколько маловажныхъ городовъ.

Чѣмъ долѣе затягивалась война и чѣмъ болѣе удачи и неудачи мѣняли столько же самое положеніе дѣлъ, сколько и настроеніе умовъ, тѣмъ шире распространялось въ государствѣ множество суевѣрій, и притомъ по большей части иноземныхъ, такъ что, повидимому, вдругъ измѣнились или люди, или боги. Уже не только тайно и за стѣнами поки-

дали римскіе религіозные обряды, но даже въ мѣстахъ публичныхъ, на площадяхъ и въ Капитоліи, были толпы женщинъ, совершавшихъ жертвоприношенія и возсылавшихъ молитвы не по обычаю отцовъ. Жрецы-шарлатаны и прорицатели овладѣли умами людей; число ихъ увеличилось вслѣдствіе того, что нищета и страхъ загнали въ городъ съ необработанныхъ, по причинѣ продолжительной войны, и подверженныхъ непріятельскимъ нападеніямъ полей деревенскихъ плебеевъ, а также вслѣдствіе того, что этотъ способъ наживы облегчало заблужденіе ближняго, и они пользовались имъ, какъ будто дозволеннымъ ремесломъ. Сперва слышались тайныя выраженія негодованія со стороны лицъ благонамѣренныхъ; затѣмъ дѣло дошло даже до оффиціальной жалобы отцамъ. Сенатъ сильно обвинялъ эдиловъ и тріумвировъ по уголовнымъ дѣламъ [1]) за отсутствіе съ ихъ стороны противодѣйствія, а когда послѣдніе сдѣлали попытку удалить эту толпу съ форума и разбросать сдѣланныя ею приготовленія къ священнодѣйствіямъ, то чуть было не подверглись насилію. Было очевидно, что это зло пустило уже весьма глубокіе корни, и низшимъ властямъ не подавить его. Тогда сенатъ поручилъ городскому претору М. Эмилію оградить народъ отъ такихъ религіозныхъ обрядовъ. Преторъ прочиталъ въ собраніи сенатское постановленіе и издалъ эдиктъ, по которому каждый, имѣвшій пророческія книги и молитвы или письменное руководство къ совершенію жертвоприношеній, долженъ былъ всѣ тѣ книги и записи принести къ нему до апрѣльскихъ календъ [2]); въ силу того же эдикта никто не смѣлъ приносить жертвы въ общественныхъ и священныхъ мѣстахъ по новому или иноземному обряду.

2. Въ тотъ годъ умерло нѣсколько общественныхъ жрецовъ: верховный понтификъ Л. Корнелій Лентулъ [3]), понтификъ Г. Папирій Массонъ, сынъ Кая, авгуръ П. Фурій Филъ и децемвиръ для священнодѣйствій Г. Папирій Массонъ, сынъ Луція. Понтификами выбраны: на мѣсто Лентула—М. Корнилій Цеоегъ, на мѣсто Папирія—Гн. Сервилій

---

[1]) Это были второстепенныя должностныя лица, выбиравшіяся съ 465 г. отъ осн. Р. въ трибутскихъ комиціяхъ на основаніи закона Папирія. На обязанности ихъ было: исполнять въ темницахъ казни, наблюдать за тюрьмами, развѣдывать о совершенныхъ преступленіяхъ и арестовывать подозрительныхъ лицъ. Къ ихъ кругу дѣятельности относился также надзоръ за безопасностью Рима, и вообще они исполняли всѣ обязанности отмѣненныхъ при ихъ учрежденіи triumviri nocturni (IX 46), почему иногда и сами носили такое названіе. [2]) Т.-е. до 1-го апрѣля. [3]) См. XXII 10.

Цепіонъ, въ авгуры избранъ Л. Квинктій Фламининъ, а въ децемвиры для священнодѣйствій Л. Корнелій Лентулъ.

Уже наступало время консульскихъ комицій, а такъ какъ нежелательно было отзывать занятыхъ войной консуловъ, то консулъ Тиб. Семпроній назначилъ для созыва комицій диктаторомъ Г. Клавдія Центона, а послѣдній выбралъ себѣ въ начальники конницы Кв. Фульвія Флакка. Въ первый же день комицій диктаторъ выбралъ консулами [1]) начальника конницы Кв. Фульвія Флакка и Ап. Клавдія Пульхера, бывшаго передъ тѣмъ преторомъ въ провинціи Сициліи. Затѣмъ были избраны преторы: Гн. Фульвій Флаккъ, Г. Клавдій Неронъ, М. Юній Силанъ и П. Корнелій Сулла. По окончаніи комицій, диктаторъ сложилъ съ себя должность. Курульнымъ эдиломъ въ тотъ годъ вмѣстѣ съ М. Корнеліемъ Цеоегомъ былъ П. Корнелій Сципіонъ, которому впослѣдствіи дано было прозваніе Африканскаго. Когда противъ искательства имъ эдильской должности возставали народные трибуны, утверждая, что его кандидатуру нельзя принимать въ соображеніе, такъ какъ онъ не достигъ еще законнаго для искательства возраста [2]), то онъ сказалъ: „мнѣ достаточно лѣтъ, если всѣ квириты хотятъ избрать меня эдиломъ“. Затѣмъ народъ, раздѣлившись по трибамъ для подачи голосовъ, высказалъ такое сильное расположеніе къ Сципіону, что трибуны тотчасъ же отказались отъ своего намѣренія. Щедрость эдиловъ выразилась въ слѣдующемъ: сообразно съ тогдашними средствами были великолѣпно отпразднованы Римскія игры и повторены въ теченіе одного дня; было роздано также въ отдѣльныхъ городскихъ кварталахъ [3]) по 500 конгіевъ [4]) масла. Плебейскіе эдилы Л. Виллій Таппулъ и М. Фунданій Фундулъ обвинили предъ народомъ нѣсколько матронъ въ нарушеніи супружеской вѣрности; нѣкоторыя изъ нихъ были осуждены и отправлены въ изгнаніе. Повторены были въ теченіе двухъ дней Плебейскія игры, и по случаю игръ былъ устроенъ торжественный обѣдъ въ честь Юпитера.

---

[1]) Т.е. объявилъ выбранными въ консулы. [2]) Возрастъ опредѣлялся сначала существовавшимъ обычаемъ, а затѣмъ закономъ Виллія, а въ болѣе позднее время закономъ Корнелія Суллы. Во времена Цицерона, консулъ долженъ былъ имѣть 43 г., преторъ 40 л., курульный эдилъ 37, квесторъ 30. Но допускались, какъ видимъ и здѣсь, исключенія. [3]) Неизвѣстно, на сколько такихъ участковъ раздѣлялся Римъ, но надо предполагать, что ихъ было не мало, такъ какъ каждая изъ 14 частей, на которыя Августъ раздѣлилъ Римъ, заключала въ себѣ нѣсколько такихъ кварталовъ. [4]) Конгій—римская мѣра жидкостей, равняющаяся 2,67 кружкамъ.

542г. **3**. Кв. Фульвій Флаккъ въ третій разъ и Ап. Клавдій вступили въ отправленіе консульскихъ обязанностей. Преторы раздѣлили между собой по жребію сферы дѣятельности, причемъ П. Корнелій Сулла получилъ городскую претуру и право суда надъ иностранцами, каковыя обязанности распредѣлялись прежде между двумя лицами; Гн. Фульвію Флакку досталась Апулія, Г. Клавдію Нерону — Свессула, а М. Юнію Силану — Этрурія. Консуламъ поручена была война съ Ганнибаломъ и назначено по два легіона; одинъ долженъ былъ принять ихъ отъ консула предшествовавшаго года Кв. Фабія, другой — отъ Фульвія Центумала. Къ претору Фульвію Флакку должны были перейти легіоны, находившіеся въ Луцеріи подъ командой претора Эмилія, а къ Нерону Клавдію — бывшіе въ Пиценской области подъ начальствомъ Г. Теренція; дополнительный наборъ они должны были произвести сами. Въ Этрурію М. Юнію отдали легіоны, оставшіеся въ предшествовавшемъ году въ городѣ. Тиб. Семпронію Тудитану продолжили власть въ провинціяхъ Луканіи и Галліи съ находившимися въ ихъ распоряженіи войсками; продолжена была власть и Лентулу въ древней провинціи Сициліи и Марку Марцеллу въ Сиракузахъ и въ прежнемъ царствѣ Гіерона. Флотъ остался въ распоряженіи Т. Отацилія, Греція — М. Валерія, Сардинія — Кв. Муція Сцеволы, Испанія — П. и Гн. Корнеліевъ. Въ дополненіе къ прежнимъ войскамъ консулы набрали два городскихъ легіона, и такимъ образомъ всего войска въ томъ году составилось 23 легіона. Консульскому набору помѣшалъ поступокъ уроженца города Пиргъ [1]) М. Постумія, едва не повлекшій за собой большого замѣшательства въ дѣлахъ. Постумій былъ откупщикъ, и въ теченіе многихъ лѣтъ не было равнаго ему по вѣроломству и алчности, исключая Т. Помпонія, родомъ изъ Вей, который въ предшествовавшемъ году безразсудно опустошалъ поля Луканіи и былъ захваченъ въ плѣнъ кароагенянами, подъ предводительствомъ Ганнона [2]). Такъ какъ убытки, причиненныя бурями при провозѣ для войска запасовъ, государство принимало на свой страхъ [3]), то эти лица выдумывали ложныя кораблекрушенія, да и тѣ дѣйствительныя, о которыхъ они доносили, происходили не случайно, но по ихъ собственному злому умыслу. Они нагружали на старые и поврежденные корабли немного мало-

[1]) Пирги—очень богатая гавань города Цере въ Этруріи. [2]) См. гл. I. [3]) См. XXIII 49.

цѣнныхъ предметовъ, матросовъ высаживали въ открытомъ морѣ на приготовленныя заранѣе лодки, корабли же потопляли, а затѣмъ распускали ложный слухъ, что на корабляхъ находилось въ нѣсколько разъ больше товаровъ. Въ предшествовавшемъ году объ этомъ обманѣ донесли претору М. Эмилію, а онъ доложилъ сенату; но какого-либо сенатскаго постановленія по этому поводу не состоялось, такъ какъ сенаторы не хотѣли оскорблять въ такое время классъ откупщиковъ. Народъ явился болѣе суровымъ карателемъ за обманъ, и раздраженные, наконецъ, народные трибуны Сп. и Л. Карвиліи, видя возбуждающій ненависть и позорный поступокъ, присудили М. Постумія къ штрафу въ 200000 ассовъ [1]). Наступилъ день, назначенный для разбора дѣла; собралась такая масса плебеевъ, что площадка на Капитоліи едва вмѣщала эту толпу, и, по разъясненіи дѣла, для Постумія оставалась, повидимому, единственная надежда на то, если еще до приглашенія трибъ къ голосованію народный трибунъ Г. Сервилій Каска, его близкій родственникъ, выступитъ съ протестомъ. Послѣ допроса свидѣтелей, трибуны отодвинули народъ въ сторону. Принесли урну, чтобы трибуны жребіемъ рѣшили, гдѣ латинянамъ подавать голоса [2]). Въ это время откупщики настаивали, чтобы Каска прекратилъ на этотъ день собраніе; народъ громко протестовалъ. Каска, въ душѣ котораго боролись чувства страха и стыда, сидѣлъ случайно на краю выгнутой на подобіе рога трибуны. Мало надѣясь на его помощь, откупщики, чтобы произвести суматоху, раздвинули толпу и по расчищенному пространству вломились клиномъ, поднимая ссору съ народомъ и трибунами. Дѣло было недалеко отъ схватки, когда консулъ Фульвій сказалъ трибунамъ: „развѣ вы не видите, что вамъ мѣшаютъ пользоваться вашими правами и что дѣло клонится къ бунту, если вы поспѣшно не распустите собранія плебеевъ?“ **4**. Плебеи были распущены; созвали сенатъ. Консулы сдѣлали докладъ о безпорядкѣ въ собраніи плебеевъ, произведенномъ наглымъ насиліемъ откупщиковъ, говоря, что М. Фурій Камиллъ дозволилъ осудить себя разгнѣваннымъ гражданамъ [3]), хотя его изгнаніе грозило разрушеніемъ города; раньше его допустили же о себѣ народный

[1]) Ок. 6000 р.; ср. I 43 примѣч. [2]) Какъ граждане муниципій, находившіеся въ Римѣ латиняне имѣли право голоса, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ присоединяли къ одной изъ трибъ, опредѣляя ее жребіемъ. [3]) См. V 32.

приговоръ децемвиры [1]), по законамъ которыхъ мы живемъ и понынѣ, и послѣ нихъ многія первостепенныя лица! А житель Пиргъ Постумій прервалъ голосованіе римскаго народа, прекратилъ собраніе плебеевъ, лишилъ трибуновъ возможности пользоваться ихъ правами, сталъ въ боевое положеніе противъ римскаго народа, занялъ позицію, чтобы отрѣзать трибуновъ отъ плебеевъ и помѣшать пригласить трибы къ голосованію. Единственно только терпѣніе властей удержало толпу отъ кровопролитной схватки: они уступили въ данный моментъ ярости и наглости немногихъ, допустили взять перевѣсъ надъ собой и римскимъ народомъ и, чтобы людямъ, искавшимъ стычки, не дать къ тому повода, сами добровольно прекратили комиціи, которымъ намѣренъ былъ помѣшать силою оружія подсудимый. Всѣ благонамѣренные люди отнеслись къ этому поступку соотвѣтственно съ гнусностью его; сенатъ рѣшилъ, что это насиліе направлено противъ государства и представляетъ собою пагубный примѣръ для другихъ. Непосредственно затѣмъ народные трибуны Карвиліи дали иной оборотъ этому судебному дѣлу: оставивъ требованіе штрафа, они назначили Постумію день явки къ суду по обвиненію въ уголовномъ преступленіи и сдѣлали распоряженіе, чтобы служитель схватилъ его и отвелъ въ тюрьму, если тотъ не представитъ поручителей. Постумій представилъ поручителей, но на судъ не явился. Трибуны сдѣлали запросъ плебеямъ, и плебеи постановили слѣдующее рѣшеніе: если М. Постумій не явится до майскихъ календъ [2]) и, вызванный въ то число, не дастъ отвѣта и не оправдается, то онъ считается изгнанникомъ, имущество его идетъ въ продажу, а самъ онъ лишается покровительства законовъ. Затѣмъ начали назначать дни явки къ суду по уголовному дѣлу отдѣльнымъ подстрекателямъ къ безпорядку и бунту и стали требовать отъ нихъ поручителей. Сначала заключали въ тюрьму только не представлявшихъ поручителей, а потомъ даже и тѣхъ, которые имѣли возможность представить ихъ. Большая часть виновныхъ, избѣгая угрожавшей имъ отъ этого опасности, отправилась въ изгнаніе.

5. Такія послѣдствія имѣлъ обманъ откупщиковъ и затѣмъ прикрывшій этотъ обманъ ихъ нахальный образъ дѣйствій. Потомъ состоялись комиціи для избранія верховнаго понтифика. Предсѣдательствовалъ въ этихъ комиціяхъ новый понтификъ М. Корнелій Цеѳегъ. Съ громаднымъ соревнованіемъ добивались этой должности три лица: бывшій прежде два раза консуломъ и цензоромъ консулъ Кв. Фульвій Флаккъ, Т. Манлій Торкватъ, также видная личность, какъ занимавшій уже, подобно первому, дважды консульскую должность и отправлявшій обязанности цензора, и П. Лициній Крассъ, имѣвшій въ виду искать должности курульнаго эдила. Послѣдній, несмотря на свою молодость, побѣдилъ въ этомъ спорѣ заслуженныхъ старцевъ. Изъ лицъ, не занимавшихъ курульной должности, онъ первый въ теченіе 120 лѣтъ сдѣлался верховнымъ понтификомъ, исключая только П. Корнелія Калуссы.

1) См. III 56—58. 2) Т.-е. 1-го мая.

Съ трудомъ производили наборъ консулы, по недостатку молодежи для удовлетворенія обѣихъ потребностей, т.-е. для сформированія новыхъ городскихъ легіоновъ и для пополненія прежнихъ. Тогда сенатъ приказалъ имъ не пріостанавливать начатаго дѣла и избрать двѣ коммиссіи тріумвировъ. Эти коммиссіи должны были — одна — на разстояніи первыхъ 50 миль, а вторая — въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ по селамъ, ярмаркахъ и другимъ сборнымъ пунктамъ — осматривать всѣхъ лицъ свободнаго происхожденія и брать въ военную службу тѣхъ, кого признаютъ достаточно развитыми физически для того, чтобы носить оружіе, хотя бы они не достигли положеннаго для этого закономъ возраста [1]). Народнымъ трибунамъ, если имъ угодно, предоставлялось право предложить на утвержденіе народа законопроектъ о выдачѣ жалованья лицамъ, принявшимъ военную присягу моложе 17 лѣтъ, наравнѣ съ воинами семнадцатилѣтняго и старшаго возраста. Избранныя въ силу этого сенатскаго постановленія двѣ коммиссіи тріумвировъ произвели по селеніямъ тщательный осмотръ свободорожденныхъ.

Одновременно съ этимъ было прочитано въ сенатѣ письменное донесеніе изъ Сициліи отъ М. Марцелла по вопросу о требованіяхъ воиновъ, служившихъ въ войскѣ П. Лентула. Это войско состояло изъ воиновъ, уцѣлѣвшихъ послѣ каннскаго пораженія. Его, какъ сказано ранѣе [2]), услали въ Сицилію съ тѣмъ, чтобы не привозить обратно въ Италію до окончанія Пунической войны. **6.** Эти воины, съ дозволенія Лентула, отправили послами къ Марцеллу на мѣсто зимней стоянки знатнѣйшихъ всадниковъ и центуріоновъ и лучшихъ

1) Въ военную службу брали молодыхъ людей, достигшихъ 17 лѣтъ. 2) См. XXIII 25.

изъ нижнихъ чиновъ пѣхоты. Одинъ изъ нихъ, когда ему предоставлено было право говорить, сказалъ: „еще въ Италію мы явились бы къ тебѣ, Марцеллъ, въ твое консульство, тотчасъ же, какъ состоялось относительно насъ, хотя и вполнѣ справедливое, но все-таки прискорбное постановленіе сената. Насъ сдержала только надежда на то, что насъ отправляютъ въ провинцію, полную смутъ, вслѣдствіе смерти царей, на войну серіозную, одновременно противъ сицилійцевъ и пунійцевъ, и что мы, проливая кровь, своими ранами дадимъ должное удовлетвореніе сенату, какъ то сдѣлали во времена предковъ захваченные Пирромъ въ плѣнъ при Гераклеѣ, сражаясь противъ него же самого. Впрочемъ, чѣмъ мы, сенаторы, заслужили или теперь заслуживаемъ обрушившійся на насъ гнѣвъ вашъ? Мнѣ кажется, Марцеллъ, что, смотря на себя, я взираю на обоихъ консуловъ и весь сенатъ, и если бы при Каннахъ консуломъ былъ ты, то положеніе государства и наша собственная участь были бы лучше. Позволь же намъ, прошу тебя, прежде чѣмъ жаловаться на наше положеніе, оправдаться въ возводимой на насъ винѣ. Если при Каннахъ мы побиты не въ силу гнѣва боговъ и не по волѣ рока, законы котораго созидаютъ непреложный порядокъ вещей, но по винѣ, то чья же эта была вина—воиновъ или главнокомандующихъ? Лично я, какъ простой воинъ, никогда ничего не скажу о моемъ главнокомандующемъ, особенно въ виду того, что сенатъ выразилъ ему благодарность за его увѣренность въ силахъ государства и послѣ каннскаго бѣгства власть ему продолжена во всѣ годы [1]). По слухамъ, также и прочіе изъ уцѣлѣвшихъ отъ того пораженія, бывшіе у насъ военными трибунами, ищутъ почетныхъ должностей, занимаютъ ихъ и управляютъ провинціями. Или себя и дѣтей своихъ вы легко прощаете, сенаторы, а надъ нашими малоцѣнными головами вамъ угодно проявить свою суровость? или для консула и другихъ первостепенныхъ лицъ въ государствѣ не было позорно бѣжать, когда не оставалось никакой другой надежды на спасеніе, а воиновъ вы отправили въ бой на вѣрную погибель? При Алліи [2]) бѣжало почти все войско; при Кавдинскомъ [3]) ущельи войско даже не пробовало сразиться и передало оружіе врагу. Я молчу уже

[1]) Имѣется въ виду главный виновникъ пораженія—Г. Теренцій Варронъ, получившій благодарность отъ сената и въ 539 и 540 гг. командовавшій въ Пиценумѣ. См. XXIII 25; XXIV 10, 44. [2]) См. V 38. [3]) См. IX 6.

о другихъ постыдныхъ пораженіяхъ армій. Однако, для тѣхъ войскъ не только не изыскивали какихъ-либо позорныхъ наказаній, но войско, перебѣжавшее отъ Алліи въ Веи, завоевало даже снова городъ Римъ [1]), а возвратившіеся въ Римъ безъ оружія кавдинскіе легіоны, будучи вооружены и отправлены снова въ Самній, послали подъ ярмо того же самаго врага [2]), который передъ тѣмъ ликовалъ по поводу ихъ позора. А можетъ ли кто-либо обвинять въ бѣгствѣ или трусости войско, бывшее въ сраженіи при Каннахъ? тамъ пало болѣе 50000 человѣкъ; оттуда консулъ бѣжалъ только съ 70 всадниками, и остались въ живыхъ лишь тѣ, которыхъ оставилъ утомленный рѣзней врагъ. Между тѣмъ, какъ плѣннымъ отказывали въ выкупѣ, насъ всюду осыпали похвалами за то, что мы сохранили себя для государства, что возвратились въ Венузію къ консуламъ и что имѣли видъ настоящаго войска. Наше теперешнее положеніе хуже положенія плѣнныхъ во времена нашихъ отцовъ. Для нихъ мѣнялись только оружіе, родъ службы и мѣсто, на которомъ они разбивали свои палатки въ лагерѣ; но первое обнаруженіе усердія въ государственной службѣ и одно счастливое сраженіе возвращали имъ все это обратно. Никого изъ нихъ не отправляли въ ссылку, никого не лишали надежды окончить срокъ службы; наконецъ, всѣмъ давали возможность вступить въ бой со врагомъ, чтобы въ немъ разъ навсегда покончить или съ жизнью, или съ позоромъ. А насъ, которыхъ можно упрекнуть только въ сохраненіи жизни нѣкоторымъ изъ бывшихъ въ каннскомъ бою, отправили въ ссылку не только вдали отъ родины и Италіи, но и вдали отъ врага, гдѣ мы и старѣемся въ изгнаніи, съ цѣлью лишить насъ всякой надежды, всякаго удобнаго случая загладить позоръ, умилостивить разгнѣванныхъ гражданъ и, наконецъ, умереть доблестною смертью. Мы не ищемъ конца нашему позору и награды за храбрость, но только возможности испытать нашъ доблестный духъ, добиваемся трудовъ и опасностей, добиваемся исполненія обязанностей мужей и воиновъ. Уже второй годъ ведется война въ Сициліи съ сильнымъ ожесточеніемъ. Одни города берутъ штурмомъ пунійцы, другіе—римляне; происходятъ сраженія пѣхоты и конницы; у Сиракузъ дѣйствуютъ съ суши и съ моря. Мы слышимъ крики сражающихся и бряцаніе оружія, а сами остаемся на

[1]) V 46, 49. [2]) IX 15.

мѣстѣ и безъ дѣла, какъ будто у насъ нѣтъ ни рукъ, ни оружія. Консулъ Тиб. Семпроній много разъ вступалъ въ открытый бой съ непріятелемъ, имѣя легіоны, состоящіе изъ рабовъ; наградой за трудъ имъ служатъ свобода и право гражданства. Пусть мы замѣнимъ, по крайней мѣрѣ, рабовъ, купленныхъ для этой войны, позвольте намъ сразиться съ врагомъ и въ бою добиваться свободы. Желаешь ли ты испытать нашу доблесть на сушѣ или на морѣ, въ открытомъ бою или при осадѣ городовъ? мы просимъ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, самыхъ опасныхъ порученій, чтобы какъ можно скорѣе совершить то, что слѣдовало сдѣлать при Каннахъ, такъ какъ весь слѣдовавшій затѣмъ періодъ нашей жизни былъ обреченъ позору.“ **7.** Вслѣдъ за этими словами послы пали къ ногамъ Марцелла. Марцеллъ отвѣчалъ, что сдѣлать это онъ не въ правѣ и это не въ его власти, что онъ напишетъ сенату и во всемъ поступитъ согласно съ рѣшеніемъ отцовъ. Письменное донесеніе объ этомъ доставили новымъ консуламъ, а они прочитали его въ сенатѣ. Спрошенный по поводу этого письма, сенатъ постановилъ такое рѣшеніе, что онъ не видитъ никакого основанія поручать государственное дѣло воинамъ, покинувшимъ въ каннскомъ бою своихъ сослуживцевъ. Если проконсулъ М. Клавдій иного взгляда на дѣло, то ему предоставляется поступать такъ, какъ онъ находитъ сообразнымъ съ государственными интересами и съ его частнымъ образомъ мыслей, лишь бы только никого изъ нихъ не освобождали отъ работъ въ лагерѣ, не награждали военными отличіями за храбрость и не перевозили обратно въ Италію, пока въ ней находится непріятель.

Затѣмъ по постановленію сената и рѣшенію плебеевъ городской преторъ предсѣдательствовалъ въ комиціяхъ, на которыхъ были выбраны коммиссіи—одна изъ 5 мужей для починки стѣнъ и башенъ и двѣ, въ составъ которыхъ вошли по 3 лица; изъ нихъ первая—для тщательной провѣрки и составленія подробной описи вкладовъ священнаго имущества, вторая—для возобновленія истребленныхъ въ предшествовавшій годъ пожаромъ [1]) храмовъ Счастія, Матери Матуты [2]) и Надежды; первые два лежали не доходя до Карментальскихъ воротъ [3]), а послѣдній за ними.

Стояла невыносимая погода: на Альбанской горѣ безпре-

[1]) См. XXIV 47. [2]) См. V 19 и 23. [3]) Если идти изъ города.

рывно въ теченіе двухъ сутокъ шелъ каменный дождь. Многое было повреждено молніей: пострадало два храма на Капитоліи, окопы въ лагерѣ выше Свессулы во многихъ мѣстахъ; два караульныхъ было убито; въ Кумахъ молнія не только ударила, но даже разрушила стѣны и нѣкоторыя башни. Въ Реате, казалось, леталъ огромный камень; солнце представлялось краснѣе обыкновеннаго и принимало кровавый оттѣнокъ. По поводу этихъ знаменій состоялось однодневное молебствіе; консулы нѣсколько дней посвятили богослуженію; въ то же время совершено было девятидневное жертвоприношеніе.

Давно уже Ганнибалъ надѣялся на отпаденіе жителей Тарента, а у римлянъ существовало подобнаго рода подозрѣніе; случайно побочное обстоятельство ускорило дѣло. Тарентинецъ Филея долгое уже время, подъ предлогомъ посольства, жилъ въ Римѣ. Это былъ человѣкъ характера безпокойнаго, плохо мирившагося съ празднымъ времяпрепровожденіемъ, затянувшимся слишкомъ долго и, на его взглядъ, старившимъ его. Поэтому онъ нашелъ себѣ доступъ къ заложникамъ изъ Тарента и Фурій. Ихъ содержали подъ стражей въ залѣ Свободы [1]) не особенно бдительно, такъ какъ ни имъ самимъ, ни ихъ государствамъ не было выгоды обманывать римлянъ. Филея, часто бесѣдуя съ ними, соблазнилъ ихъ, подкупилъ двухъ смотрителей, въ сумерки вывелъ ихъ изъ мѣста заключенія и самъ сопутствовалъ имъ въ побѣгѣ. На разсвѣтѣ по городу разнеслась вѣсть о бѣгствѣ. Посланные въ погоню захватили всѣхъ близъ Таррацины и притащили назадъ. Ихъ отвели на комицій [2]) и, съ одобренія народа, сначала высѣкли розгами, а затѣмъ сбросили со скалы [3]). **8.** Жестокость этого наказанія возбудила двѣ самыя знаменитыя греческія общины въ Италіи и не только повліяла на политическія отношенія, но и въ частной жизни раздражила отдѣльныхъ лицъ соотвѣтственно ихъ родственнымъ или дружескимъ связямъ съ людьми, такъ гнусно умерщвленными. Изъ такихъ оскорбленныхъ лицъ около 13 человѣкъ знатныхъ тарентинскихъ юношей составили заговоръ. Во главѣ ихъ стояли Никонъ и Филеменъ. Прежде, чѣмъ предпринять что-либо, они сочли нуж-

[1]) Это было особое зданіе, гдѣ хранились tabulae censorum, т.-е. народныя переписи, отличное отъ главнаго храма этой богини, находившагося на Авентинскомъ холмѣ и построеннаго консуломъ 238 г. Тиб. Семпроніемъ Гракхомъ. [2]) Мѣсто на форумѣ, гдѣ происходили народныя собранія. [3]) Тарпейской ср. XXIV 20.

нымъ переговорить съ Ганнибаломъ; поэтому, подъ предлогомъ охоты, почью они вышли изъ города и направились къ нему. Всѣ заговорщики скрылись недалеко отъ лагеря въ прилегавшемъ къ дорогѣ лѣсу, а Никонъ и Филеменъ пошли впередъ къ караульнымъ постамъ. Ихъ схватили и отвели къ Ганнибалу, какъ они того и сами желали. Тарентинцы изложили ему причины своего намѣренія и свои замыслы. Ганнибалъ осыпалъ ихъ похвалами и обѣщаніями и приказалъ увѣрить своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они вышли изъ города на грабежъ и гонятъ туда кароагенскій скотъ, выпущенный на пастбище; имъ была обѣщана безопасность и безнаказанность. Добыча молодыхъ людей обратила на себя вниманіе. Проявленіе такой отваги съ ихъ стороны во второй и слѣдующіе разы уже менѣе возбуждало удивленія. При вторичномъ свиданіи съ Ганнибаломъ взаимнымъ честнымъ словомъ были скрѣплены слѣдующія условія: свободные тарентинцы будутъ пользоваться своими собственными законами, сохранятъ свое имущество, не будутъ платить Пунійцу никакой дани и противъ воли не будутъ принимать гарнизоновъ, но находившійся въ Тарентѣ гарнизонъ выдадутъ кароагенянамъ [1]). Установивъ такое соглашеніе, Филеменъ участилъ свои обыкновенные ночные выходы за городъ и обратно. Онъ обращалъ на себя вниманіе любовью къ охотѣ. Съ нимъ были собаки и другія принадлежности охоты. На обратномъ пути онъ почти всякій разъ дарилъ префекту или стражамъ при воротахъ что-либо изъ захваченнаго или изъ принесеннаго врагомъ по предварительному соглашенію. То, что поѣздки свои онъ предпринималъ главнымъ образомъ ночью, объясняли страхомъ предъ врагами. Дѣло это стало настолько обыкновеннымъ, что ворота открывали во всякое время ночи по первому его сигналу. Тогда Ганнибалъ рѣшилъ, что настало время дѣйствовать. Онъ находился на разстояніи трехъ дней пути. Чтобы не показалось страннымъ, что стоянка его находится такъ долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, онъ притворился больнымъ. Его бездѣятельная медленность перестала уже внушать подозрѣніе и римлянамъ, находившимся въ тарентинскомъ гарнизонѣ. **9.** Но, рѣшивъ идти въ

[1]) Мѣсто испорчено; по контексту весьма вѣроятно, что, гарантируя тарентинцамъ независимость, Ганнибалъ потребовалъ выдачи римскаго гарнизона; по Поливію, онъ требовалъ предоставить во власть кароагенянамъ жилища и имущество римскихъ гражданъ; ср. CL. 9.

Тарентъ, Ганнибалъ выбралъ 10000 пѣхотинцевъ и всадниковъ, которыхъ считалъ самыми подходящими для того по ихъ физическому проворству и по легкости оружія, и въ четвертую стражу ночи двинулъ знамена. Напередъ онъ отправилъ около 80 нумидійскихъ всадниковъ, съ приказаніемъ разсѣяться вдоль дорогъ въ разныхъ направленіяхъ и зорко слѣдить за всей мѣстностью, чтобы не ускользнулъ какой-либо шпіонъ изъ поселянъ, издалека слѣдившій за движеніемъ войска; зашедшихъ впередъ онъ велѣлъ тащить назадъ, а попадавшихся навстрѣчу убивать, съ цѣлью представить собою для окрестныхъ жителей скорѣе видъ хищниковъ, чѣмъ настоящаго войска. Самъ онъ быстро повелъ войско и расположился лагеремъ на разстояніи приблизительно 15 миль отъ Тарента. Даже тамъ онъ не объявилъ, куда держитъ путь, а только созвалъ воиновъ и внушилъ имъ, чтобы они всѣ шли по дорогѣ, не позволяли никому сворачивать съ нея или выходить изъ рядовъ, а также чтобы были внимательны къ командѣ и не дѣлали ничего безъ приказанія вождей; въ свое-де время онъ объяснитъ, чего онъ хочетъ. Почти въ тотъ же часъ до Тарента долетѣлъ слухъ, что нѣсколько нумидійскихъ всадниковъ опустошаютъ поля на большомъ пространствѣ и навели на поселянъ страхъ. Эта вѣсть нисколько не подѣйствовала на римскаго префекта; онъ отдалъ только приказъ части конницы на слѣдующій день на разсвѣтѣ выступить, чтобы остановить непріятельскія опустошенія; въ остальномъ онъ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности; напротивъ, этотъ набѣгъ нумидійцевъ принимался за доказательство того, что Ганнибалъ съ войскомъ не снимался съ лагеря. Ганнибалъ двинулся въ ту пору ночи, когда сонъ бываетъ самымъ крѣпкимъ. Проводникомъ былъ Филеменъ съ обычнымъ грузомъ захваченной на охотѣ дичи; остальные измѣнники ожидали условленныхъ знаковъ, а условіе состояло въ томъ, что Филеменъ, неся дичь, введетъ вооруженныхъ чрезъ калитку, которою онъ обыкновенно входилъ, Ганнибалъ же съ другой стороны подойдетъ къ Теменитидскимъ воротамъ. Послѣднія лежали съ материковой стороны и были обращены на востокъ. Значительное пространство внутри стѣнъ обнимали могильные курганы. При приближеніи къ воротамъ, Ганнибалъ зажегъ сигнальный огонь. Блеснулъ такой же отвѣтный сигналъ Никона. Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ пламя потухло. Тихо велъ Ганнибалъ войско къ воротамъ. Ни-

конъ неожиданно напалъ на спавшихъ сторожей, перебилъ ихъ въ ихъ постеляхъ и открылъ ворота. Ганнибалъ съ пѣхотой вошелъ въ городъ, а конницѣ приказалъ остановиться внѣ, чтобы она могла на просторѣ являться противъ врага всюду, куда только потребуютъ обстоятельства. Съ другой стороны Филеменъ также приближается къ калиткѣ, чрезъ которую онъ обыкновенно проходилъ. Его знакомый голосъ и обычный уже сигналъ разбудили стража. На замѣчаніе Филемена, что едва возможно держать громадную звѣриную тушу, стражъ отворилъ ворота. Два молодца несли вепря; самъ онъ шелъ позади съ охотникомъ безъ ноши. Когда сторожъ безъ всякой предосторожности и въ удивленіи предъ громадой, повернулся къ несшимъ, Филеменъ произилъ его охотничьей рогатиной. Затѣмъ вошли около 30 вооруженныхъ, перебили остальныхъ стражей и разломали ближайшія ворота. Тотчасъ же ворвалось войско со знаменами. Затѣмъ оно тихо было проведено на площадь и соединилось съ Ганнибаломъ. Тогда Пуніецъ раздѣлилъ на три части 2000 галловъ и, давъ имъ по два провожатыхъ изъ тарентинцевъ, разослалъ по городу съ приказаніемъ занимать самыя многолюдныя дороги и, при поднявшейся сумятицѣ, повсюду убивать римлянъ, щадя горожанъ. А чтобы представлялась къ этому возможность, онъ научилъ тарентинцевъ, чтобы они, какъ только замѣтятъ кого-либо изъ своихъ, приказывали имъ не безпокоиться, не шумѣть и не падать духомъ. **10.** Поднялись уже обычные при взятіи города суматоха и крикъ, но достовѣрно никто не зналъ, въ чемъ дѣло. Тарентинцы думали, что поднялись римляне для разграбленія города; римлянамъ казалось, что тарентинцы вѣроломно затѣяли какой-то бунтъ. Разбуженный при первой тревогѣ, префектъ бѣжалъ въ гавань. Онъ сѣлъ въ лодку и переѣхалъ оттуда въ кремль. Раздавшіеся со стороны театра трубные звуки вводили въ заблужденіе: труба была римская,— ее нарочно заранѣе приготовили измѣнники—дулъ же въ нее неумѣло грекъ; поэтому было непонятно, кто и кому подаетъ сигналъ. Лишь только начало свѣтать, римляне узнали пуническое и галльское оружіе, и такимъ образомъ у нихъ исчезло всякое сомнѣніе; также и греки, видя валявшихся повсюду убитыхъ римлянъ, поняли, что Ганнибалъ взялъ городъ. Когда развѣло, уцѣлѣвшіе отъ рѣзни римляне сбѣжались въ кремль. Шумъ мало-по-малу сталъ стихать. Тогда Ганнибалъ приказалъ созвать тарентинцевъ безоружными.

Сошлись всѣ, кромѣ только тѣхъ, которые послѣдовали за удалившимися въ кремль римлянами, имѣя намѣреніе подвергнуться вмѣстѣ какой бы ни пришлось участи. Тутъ онъ обратился къ нимъ съ благосклонной рѣчью, выставилъ на видъ, какъ онъ поступилъ съ ихъ согражданами, взятыми въ плѣнъ при Тразименскомъ озерѣ и при Каннахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нападалъ на высокомѣрное владычество римлянъ; затѣмъ приказалъ отправиться всѣмъ обратно по своимъ домамъ и написать на дверяхъ свои имена, говоря, что тѣ-де дома, на которыхъ не будетъ надписи, онъ тотчасъ же прикажетъ разграбить по данному сигналу; если же кто напишетъ свое имя на домѣ, гдѣ квартируетъ римскій гражданинъ (римляне занимали свободные дома), то того онъ будетъ считать за врага. Затѣмъ онъ распустилъ собраніе. Сдѣланныя на дверяхъ помѣтки дали возможность различать дома друзей и враговъ. Воины по данному сигналу разбѣжались грабить квартиры римлянъ. Получена была значительная добыча.

11. На слѣдующій день Ганнибалъ ведетъ войско для осады кремля. Онъ видѣлъ, что кремль этотъ и со стороны моря, которое омываетъ большую часть его, образуя при этомъ подобіе полуострова, защищенъ весьма высокими скалами, и со стороны самого города—стѣной и громаднымъ рвомъ, и что его нельзя было взять ни штурмомъ, ни осадными машинами; поэтому онъ рѣшилъ отдѣлить городъ отъ кремля валомъ, чтобы забота о защитѣ тарентинцевъ не заставила его самого отложить болѣе важныя дѣла, или чтобы римляне, когда имъ вздумается, не сдѣлали изъ кремля нападенія на гражданъ, если они будутъ оставлены безъ сильнаго гарнизона. Онъ питалъ также надежду и на то, что римляне будутъ мѣшать работѣ, и такимъ образомъ можно будетъ вступить съ ними въ рукопашный бой: если они съ излишней самонадѣянностью забѣгутъ впередъ, то жестокое избіеніе ослабитъ силы гарнизона, такъ что затѣмъ тарентинцы сами по себѣ будутъ въ состояніи легко защищать отъ нихъ городъ. Когда приступили къ работамъ, римляне внезапно открыли ворота и сдѣлали нападеніе на возводившихъ укрѣпленія. Караулъ, подъ прикрытіемъ котораго производились работы, дозволилъ прогнать себя, чтобы удача увеличила смѣлость врага, и чтобы онъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ въ большемъ числѣ и на болѣе далекое разстояніе. Тогда, по данному сигналу, появились отовсюду пунійцы, которыхъ Ганнибалъ

держал для этого наготовѣ. Римляне не выдержали натиска, но бѣгству вразсыпную мѣшали тѣснота мѣстности и препятствія, представляемыя, съ одной стороны, начатыми уже работами, съ другой—приготовленными для нихъ матеріалами. Весьма многіе стремительно бросались въ ровъ, и во время бѣгства было перебито болѣе, чѣмъ въ бою. Затѣмъ безпрепятственно стали производить работы. Провели огромный ровъ, на внутреннемъ краю [1]) котораго возвели валъ. Позади вала, на небольшомъ разстояніи, Ганнибалъ собирался еще воздвигнуть въ томъ же направленіи стѣну, чтобы жители даже безъ гарнизона могли защищаться отъ римлянъ; тѣмъ не менѣе онъ оставилъ небольшой гарнизонъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ помогалъ и въ постройкѣ стѣны; самъ же съ остальнымъ войскомъ отправился къ рѣкѣ Галезу (она отстоитъ на 5 миль отъ города) [2]) и тамъ расположился лагеремъ. Изъ этого стана онъ явился назадъ для осмотра работъ и, такъ какъ онѣ подвигались впередъ значительно скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, то у него возникла даже надежда взять кремль штурмомъ. И дѣйствительно, онъ не былъ защищенъ, какъ другіе кремли, высокимъ мѣстоположеніемъ, но находился на ровной мѣстности и былъ отдѣленъ отъ города только стѣной и рвомъ. Когда уже началась осада всякаго рода машинами и сооруженіями, присланный изъ Метапонта гарнизонъ придалъ римлянамъ смѣлости напасть неожиданно ночью на непріятельскія укрѣпленія; одни изъ нихъ они раскидали, другія сожгли. Такъ окончилась осада Ганнибаломъ кремля съ той стороны. Оставалась надежда на обложеніе; но и оно не могло быть достаточно успѣшнымъ, такъ какъ занимавшіе кремль, расположенный на полуостровѣ по близости къ выходу изъ гавани, имѣли свободный доступъ къ морю, а сообщеніе города съ моремъ, напротивъ, было прервано, и потому осаждающіе скорѣе могли ощутить недостатокъ, чѣмъ осажденные. Ганнибалъ созвалъ тарентинскихъ представителей и изложилъ предъ ними всѣ настоящія затрудненія: онъ не видитъ-де способа штурмовать такой укрѣпленный кремль и, пока врагъ владѣетъ моремъ, не имѣетъ никакой надежды на обложеніе; но враги тотчасъ уйдутъ изъ кремля или сдадутся, если у гражданъ будетъ флотъ, не допускающій подвоза провіанта. Тарентинцы были согласны съ этимъ; но

[1]) Т.-е. на томъ краю, который былъ обращенъ къ городу. [2]) Къ востоку.

они думали, что предложившій планъ долженъ помочь и осуществить его; вѣдь, если призвать изъ Сициліи пуническіе корабли, то они могутъ сдѣлать это [1]); но какимъ образомъ ихъ флотъ, запертый въ узкомъ проливѣ, можетъ выбраться въ открытое море, когда выходъ изъ гавани въ рукахъ врага? „Выберется", сказалъ Ганнибалъ: „многія преграды, представляемыя природой, преодолѣваетъ сила человѣческаго разума. Городъ вашъ расположенъ на равнинѣ. Во всѣ стороны тянутся ровныя и довольно широкія дороги. По дорогѣ, проложенной отъ гавани къ морю, чрезъ центръ города я на телѣгахъ перевезу корабли безъ особеннаго труда, и море, которымъ теперь владѣютъ враги, будетъ нашимъ. Оттуда съ моря, а отсюда съ суши мы окружимъ кремль; мало того: въ короткое время онъ будетъ взятъ, или покинутый врагами, или даже вмѣстѣ съ ними самими". Эта рѣчь не только внушила надежду на осуществленіе плана, но и породила удивленіе передъ вождемъ. Тотчасъ же отовсюду стащили телѣги и связали ихъ между собой; придвинули машины, чтобы вытащить корабли на берегъ; вымостили путь, чтобы повозки были легче на ходу, и не такъ трудно было передвиженіе. Затѣмъ собрали рабочій скотъ и людей и энергично принялись за дѣло. Чрезъ нѣсколько дней флотъ былъ оснащенъ, приготовленъ, объѣхалъ кремль и передъ самымъ входомъ въ гавань бросилъ якорь. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Ганнибалъ оставилъ Тарентъ и возвратился на зимнія квартиры. Впрочемъ, историки несогласны между собой по вопросу о томъ, въ предыдущемъ или въ этомъ году произошло отпаденіе Тарента. Большинство ближайшихъ по времени жизни къ описываемому событію относятъ его къ этому году.

12. Латинскій праздникъ задержалъ въ Римѣ консуловъ и преторовъ вплоть до 5-го дня предъ майскими календами [2]). Въ этотъ день они совершили жертвоприношенія на горѣ [3]) и отправились каждый въ свою провинцію. Затѣмъ возникъ новый религіозный вопросъ по поводу прорицаній Марція. Этотъ Марцій былъ извѣстный прорицатель. Когда въ предшествовавшемъ году, на основаніи сенатскаго постановленія, производили тщательные розыски такого рода книгъ, то въ руки завѣдывавшаго этимъ дѣломъ городского претора М. Эмилія [4]), попали пророчества Марція, а онъ немедленно

[1]) Т.-е. помѣшать римлянамъ получать провіантъ моремъ. [2]) Т.-е. до 27 апрѣля. [3]) Альбанской. [4]) См. гл. 1.

передалъ ихъ новому претору Суллѣ. Значеніе одного изъ этихъ пророчествъ, распространившагося въ народѣ уже послѣ того, какъ оно точно оправдалось на дѣлѣ, внушало также довѣріе къ другому, исполненіе котораго еще не наступило. Первое пророчество предсказывало каннское пораженіе приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: „избѣгай, потомокъ троянцевъ, рѣки Канны, чтобы иноземцы не вынудили тебя вступить въ рукопашный бой на Діомедовой равнинѣ; но ты не повѣришь мнѣ, пока не увлажнишь ту равнину своею кровью и пока рѣка не унесетъ съ плодоносной земли въ великое море многихъ тысячъ труповъ твоихъ согражданъ. Твое мясо будетъ служить пищей рыбамъ, птицамъ и дикимъ звѣрямъ, которые населяютъ земли. Такъ мнѣ сказалъ Юпитеръ“. Отправлявшіе въ тѣхъ мѣстахъ военную службу узнавали въ этомъ пророчествѣ равнины аргивянина Діомеда, рѣку Канну, равно какъ и самое пораженіе. Затѣмъ прочли другое пророчество. Содержаніе его было не потому только болѣе темно, что будущее не такъ понятно, какъ прошедшее, но и вслѣдствіе большей запутанности изложенія. „Если вы, римляне“, гласило оно, „желаете изгнать врага,—эту бѣду, пришедшую издалека, то, по моему мнѣнію, необходимо дать обѣтъ устроить игры въ честь Аполлона, которыя должны будутъ повторяться ежегодно при праздничномъ настроеніи; одну часть расходовъ на это дастъ народъ изъ государственной казны, а другую за себя и за своихъ внесутъ частныя лица. Распоряжаться этими играми будетъ тотъ преторъ, который будетъ имѣть право высшаго суда надъ народомъ и плебеями. Децемвиры пусть совершаютъ богослуженіе, сопровождаемое жертвами по греческому обряду. Если вы сдѣлаете это надлежащимъ образомъ, то всегда будете имѣть радости, и дѣла ваши поправятся, потому что вашихъ недруговъ уничтожитъ то божество, которое милостиво даетъ плодородіе вашимъ полямъ“. Одинъ день потребовался на разъясненіе этого пророчества. На слѣдующій день состоялось сенатское постановленіе, чтобы децемвиры [1]) навели справку [2]) относительно игръ въ честь Аполлона и относительно богослуженія. Децемвиры навели справку и сдѣлали докладъ сенату. Отцы высказались за то, чтобы обѣщать игры Аполлону и устроить ихъ, а по совершеніи ихъ отпустить прето-

¹) См. III 10 и примѣч. ²) Разумѣется, въ „Сивиллиныхъ книгахъ“ (см. III 10 и пр.)

ру 12000 ассовъ [1]) на богослуженіе и на принесеніе двухъ большихъ жертвъ. Въ силу другого сенатскаго постановленія, децемвиры должны были совершать богослуженіе по греческому обычаю, и притомъ умилостивительными жертвами должны были служить для Аполлона вызолоченный [2]) быкъ и двѣ бѣлыхъ вызолоченныхъ козы, а для Латоны вызолоченная корова. Намѣреваясь устроить игры въ Большомъ циркѣ, преторъ издалъ эдиктъ, по которому народъ въ теченіе этихъ игръ долженъ былъ дѣлать посильный денежный взносъ въ честь Аполлона. Таково происхожденіе Аполлоновыхъ игръ, установленныхъ и отпразднованныхъ по обѣту, данному для полученія побѣды, а не ради народнаго здравія, какъ полагаетъ большинство. Народъ смотрѣлъ на игры въ вѣнкахъ; матроны возносили мольбы; вездѣ обѣдали на виду всѣхъ, при открытыхъ дверяхъ. Тотъ день былъ торжественно отпразднованъ разнаго рода религіозными церемоніями.

13. Въ то время, какъ Ганнибалъ находился въ окрестностяхъ Тарента, а оба консула въ Самніи, но, повидимому, собирались осаждать Капую, кампанцы уже претерпѣвали голодъ,—обыкновенное бѣдствіе при продолжительной осадѣ,—потому что римскія войска помѣшали имъ произвести посѣвъ. Поэтому они отправили къ Ганнибалу пословъ съ просьбой сдѣлать распоряженіе о свозѣ изъ сосѣднихъ мѣстъ въ Капую хлѣба, прежде чѣмъ консулы выведутъ легіоны въ ихъ поля и непріятельскіе гарнизоны захватятъ всѣ дороги. Ганнибалъ приказалъ Ганнону перейти съ войскомъ изъ Брутійской области въ Кампанію и озаботиться доставленіемъ кампанцамъ достаточнаго количества хлѣба. Ганнонъ отправился со своимъ войскомъ изъ Брутійской области, но избѣгалъ непріятельскаго лагеря и бывшихъ въ Самніи консуловъ. Уже по близости къ Беневенту, на разстояніи 3000 шаговъ отъ самаго города, онъ расположился лагеремъ на возвышенномъ мѣстѣ; затѣмъ приказалъ доставить въ лагерь хлѣбъ изъ окрестныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ союзнымъ народамъ, куда онъ былъ свезенъ лѣтомъ; для сопровожденія этого продовольствія, былъ назначенъ конвой. Потомъ Ганнонъ отправилъ извѣстіе въ Капую о томъ, въ какой день жители ея должны явиться въ лагерь за полученіемъ хлѣба, стянувъ отовсюду изъ деревень всевозмож-

¹) Т.-е. 360 рублей. ²) Золотили жертвенному животному рога и часть лба, находящуюся между рогами.

наго рода повозки и вьючный скотъ. Кампанцы и на этотъ разъ остались вѣрны своей небрежности и безпечности: они прислали немногимъ болѣе 400 повозокъ и, кромѣ того, небольшое число вьючнаго скота. Ганнонъ побранилъ ихъ за то, что даже голодъ, возбуждающій безсловесныхъ животныхъ, не могъ усилить ихъ заботливости, и назначилъ имъ заранѣе другой срокъ получить хлѣбъ, лучше подготовившись къ этому. Когда вѣсть обо всемъ этомъ дошла до жителей Беневента, то они тотчасъ же отправили десять пословъ къ консуламъ (лагерь римскій находился въ окрестностяхъ Бовіана). Услыхавъ о томъ, что дѣлается подъ Капуей, консулы согласились между собой, чтобы одинъ изъ нихъ велъ войско въ Кампанію. Поэтому Фульвій, на долю котораго досталась эта провинція, отправился туда и ночью вступилъ въ стѣны Беневента. Находясь по близости, онъ узналъ, что Ганнонъ съ частью войска отправился на фуражировку, что квесторъ роздалъ хлѣбъ кампанцамъ; прибыло 2000 телѣгъ и съ ними безпорядочная и безоружная толпа людей; все дѣлается тревожно и торопливо, и обыкновенное распредѣленіе въ лагерѣ, и военный порядокъ уничтожены вслѣдствіе появленія между карѳагенянами чужеземныхъ поселянъ. Достаточно удостовѣрившись въ этомъ, консулъ отдалъ воинамъ приказъ приготовить въ ближайшую ночь только знамена и оружіе, говоря, что надо осаждать пуническій лагерь. Оставивъ всю поклажу и обозъ въ Беневентѣ, они отправились въ четвертую стражу, пришли къ лагерю немногимъ раньше разсвѣта и нагнали на враговъ такой страхъ, что, безъ сомнѣнія, можно было бы взять лагерь при первомъ приступѣ, если бы онъ былъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ. Его защитили высота мѣстности и укрѣпленія, къ которымъ ни съ какой стороны иначе нельзя было подойти, какъ по крутому и недоступному подъему. На разсвѣтѣ загорѣлось сильное сраженіе. Пунійцы не только защищали валъ, но, благодаря болѣе удобной позиціи, сталкивали влѣзавшихъ по крутизнамъ враговъ. 14. Однако все превозмогаетъ неослабная доблесть: одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ добрались до вала и рвовъ, но при этомъ потеряли много ранеными и убитыми. Поэтому консулъ созвалъ легатовъ и военныхъ трибуновъ и заявилъ, что необходимо воздержаться отъ безразсуднаго предпріятія; болѣе-де безопаснымъ представляется ему отвести на нынѣшній день войско въ Беневентъ, затѣмъ на слѣдующій день приблизить лагерь къ

непріятельскому лагерю, чтобы кампанцы не могли выйти изъ него. Чтобы легче достигнуть этой цѣли, онъ призоветъ также своего товарища съ его войскомъ, и они всецѣло сосредоточатъ здѣсь войну. Уже трубили сигналъ къ отступленію, но этотъ планъ полководца былъ разстроенъ крикомъ воиновъ, съ презрѣніемъ относившихся къ такому распоряженію. Случайно ближайшей къ воротамъ оказалась когорта пелигновъ. Префектъ ея, Вибій Аккай, схватилъ знамя и бросилъ его за непріятельскій валъ, затѣмъ, изрекая проклятія на себя и когорту, въ случаѣ захвата врагами ихъ знамени, самъ первый чрезъ ровъ и валъ ворвался въ лагерь. Уже пелигны сражались по ту сторону вала, когда на другой сторонѣ военный трибунъ третьяго легіона Валерій Флаккъ сталъ упрекать въ трусости римлянъ, такъ какъ они честь взятія лагеря уступаютъ союзникамъ. Тогда самый первый центуріонъ Т. Педаній отнялъ у знаменосца знамя и сказалъ: „это знамя и этотъ центуріонъ будутъ по ту сторону непріятельскаго вала; пусть слѣдуютъ за нимъ тѣ, кто не желаетъ допустить захвата знамени непріятелями“. Когда онъ первымъ переходилъ ровъ, за нимъ послѣдовали воины одного съ нимъ манипула, а затѣмъ и весь легіонъ. Уже и консулъ, при видѣ переходившихъ чрезъ валъ воиновъ, измѣнилъ свой планъ и, переставъ отзывать и задерживать воиновъ, горячо поощрялъ ихъ, указывая на критическое и опасное положеніе храбрѣйшей союзнической когорты и самаго доблестнаго легіона римскихъ гражданъ. Поэтому всѣ, дѣйствуя каждый за себя, на удобныхъ и неудобныхъ позиціяхъ, подъ градомъ стрѣлъ, несмотря на то, что враги грудью стояли противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, перешли чрезъ валъ и ворвались въ лагерь. Многіе раненые, даже такіе, которыхъ вмѣстѣ съ потерей крови оставляли физическія силы, старались пасть по ту сторону вражескаго вала. Итакъ, моментально взятъ былъ лагерь, какъ будто онъ былъ расположенъ на ровномъ мѣстѣ и не былъ укрѣпленъ. Затѣмъ, когда внутри вала всѣ перемѣшались, была уже рѣзня, а не сраженіе. Враговъ было убито болѣе 10000, а взято въ плѣнъ болѣе 7000 вмѣстѣ съ кампанскими фуражирами и всѣмъ запасомъ телѣгъ и вьючнаго скота. Было также много другой добычи, которую Ганнонъ, производившій на пути повсюду опустошенія, собралъ съ полей римскихъ союзниковъ. Затѣмъ, послѣ уничтоженія непріятельскаго лагеря, возвратились въ Беневентъ.

Тамъ оба консула (Ап. Клавдій также прибылъ туда, спустя немного дней) продали и раздѣлили добычу; они одарили тѣхъ, благодаря которымъ взятъ былъ непріятельскій лагерь, предпочтительно же предъ другими пелигна Аккая и перваго центуріона третьяго легіона — Т. Педанія. Ганнонъ изъ-подъ Комнія Окрита, куда пришла вѣсть о потерѣ лагеря, возвратился въ Бруттійскую область; это возвращеніе скорѣе было похоже на бѣгство, чѣмъ на обыкновенный походъ.

15. Когда до кампанцевъ дошелъ слухъ объ ихъ собственномъ пораженіи, равно какъ и о пораженіи союзниковъ, они отправили пословъ къ Ганнибалу съ вѣстью, что оба консула находятся у Беневента, на разстояніи дневного пути отъ Капуи; война почти у воротъ и стѣнъ ихъ города. Если онъ поспѣшно не придетъ на помощь, Капуя перейдетъ во власть враговъ скорѣе Арпъ[1]. Даже Тарентъ, не только что одинъ кремль его, не долженъ имѣть такой цѣны въ его глазахъ, чтобы изъ-за него оставлять безъ защиты Капую, которую онъ обыкновенно ставилъ наравнѣ съ Кароагеномъ, и такимъ образомъ передать ее римскому народу. Ганнибалъ обѣщалъ озаботиться кампанскимъ дѣломъ и на этотъ разъ отправилъ вмѣстѣ съ послами 2000 всадниковъ, чтобы жители при помощи этого вспомогательнаго отряда могли защищать поля отъ опустошеній.

Между тѣмъ римлянъ, на ряду съ другими дѣлами, озабочивалъ тарентинскій кремль вмѣстѣ съ осажденнымъ въ немъ гарнизономъ. Преторъ П. Корнелій, съ утвержденія отцовъ, отправилъ въ Этрурію для закупки хлѣба легата Г. Сервилія. Послѣдній съ нѣсколькими нагруженными кораблями прошелъ среди непріятельскихъ карауловъ въ тарентинскую гавань. Раньше враги часто въ разговорахъ приглашали на свою сторону горожанъ, которымъ было мало надежды на спасеніе; теперь, съ его приходомъ, граждане сами стали приглашать и подстрекать къ тому же враговъ. Гарнизонъ былъ въ достаточной степени силенъ, такъ какъ для защиты тарентинскаго кремля перевезли воиновъ отъ Метапонта. Поэтому жители Метапонта, освободившись отъ сдерживавшаго ихъ страха, немедленно отпали къ Ганнибалу. То же самое сдѣлали жители побережья того моря и жители Ѳурій. Побудило ихъ къ тому столько же отпаденіе жителей Тарента и Метапонта, съ которыми они, происходя также изъ

[1]) См. XXIV 46, 47.

общей родины Ахаіи, были соединены родственными узами, сколько и раздраженіе противъ римлянъ за недавнее избіеніе ихъ заложниковъ [1]). Друзья и родственники послѣднихъ письменно извѣстили бывшихъ по близости въ Бруттійской области Ганнона и Магона, что они передадутъ въ ихъ власть городъ, если тѣ придвинутъ къ стѣнамъ его войско. Начальствовалъ въ Ѳуріяхъ М. Атиній. Онъ имѣлъ небольшой гарнизонъ. Жители полагали, что его легко подзадорить опрометчиво вступить въ бой въ расчетѣ не столько на своихъ воиновъ, которыхъ у него было весьма мало, сколько на ѳурійскую молодежь. Ее онъ нарочно раздѣлилъ на центуріи и снабдилъ оружіемъ для подобныхъ случайностей. Когда пуническіе вожди раздѣлили между собой свои войска и вступили въ Ѳурійскую область, то Ганнонъ съ пѣхотой продолжалъ наступательное движеніе къ городу, а Магонъ съ конницей остановился подъ прикрытіемъ холмовъ, которые были расположены удобно для скрытія засады. Атиній узналъ чрезъ лазутчиковъ только о движеніи пѣхоты и потому, не зная объ измѣнѣ внутри города и о засадѣ враговъ, повелъ войско въ бой. Сраженіе пѣхотинцевъ шло весьма вяло, такъ какъ римлянъ въ первыхъ рядахъ сражалось немного, а ѳурійцы не столько помогали, сколько ожидали результата битвы. Войско кароагенянъ нарочно отступило, съ цѣлью завлечь неосторожнаго врага къ задней части того холма, на которомъ засѣла ихъ конница. Когда дошли до мѣста засады, всадники съ крикомъ бросились на ѳурійцевъ. Послѣдніе, представляя изъ себя почти безпорядочную толпу и неискренно относясь къ той сторонѣ, за которую сражались, тотчасъ же обратились въ бѣгство. Хотя римлянъ съ одной стороны тѣснила пѣхота, съ другой конница, тѣмъ не менѣе, они на нѣкоторое время затянули сраженіе; наконецъ и они обратили тылъ и бѣжали по направленію къ городу. Тамъ собравшіеся въ кучу измѣнники приняли въ открытыя ворота своихъ земляковъ; затѣмъ, увидавъ, что разбитые римляне несутся къ городу, они кричатъ, что наступаютъ пунійцы, и что враги вмѣстѣ съ ними ворвутся въ городъ, если поспѣшно не запереть воротъ. Такимъ образомъ, не впустивъ римлянъ, они отдали ихъ врагамъ на избіеніе; впрочемъ Атиній съ немногими былъ впущенъ. Затѣмъ волненіе въ городѣ нѣкоторое время продол-

[1]) См. гл. 7.

жалось, такъ какъ одни думали, что слѣдуетъ оставаться вѣрными, другіе же — что надо преклониться предъ судьбой и передать городъ побѣдителямъ. Впрочемъ, какъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ, одержали верхъ слѣпое счастье и злыя намѣренія: Атиній былъ отведенъ съ его воинами къ морю на корабли, скорѣе изъ желанія позаботиться о немъ самомъ за его кроткое и справедливое управленіе, чѣмъ изъ уваженія къ римлянамъ; затѣмъ принимаютъ въ городъ карѳагенянъ.

Консулы ведутъ легіоны отъ Беневента въ Кампанскую область не только для уничтоженія зеленѣвшихъ уже всходовъ, но и для осады Капуи. Они думали разрушеніемъ такого богатаго города прославить свое консульство, а вмѣстѣ съ тѣмъ снять тяготѣвшій надъ временемъ ихъ команды сильный позоръ, такъ какъ отпаденіе такого близкаго города[1]) третій годъ остается безнаказаннымъ. А чтобы не оставить Беневентъ безъ гарнизона и имѣть возможность при неожиданностяхъ войны выдержать натискъ конницы, если Ганнибалъ явится въ Капую для поданія помощи союзникамъ, въ чемъ консулы не сомнѣвались, они приказываютъ Тиб. Гракху прійти въ Беневентъ изъ Луканіи съ конницей и легковооруженными, а во главѣ легіоновъ, оставшихся въ лагерѣ для поддержанія римскаго дѣла въ Луканіи, поставить кого-либо другого. **16.** Когда Гракхъ передъ выступленіемъ изъ Луканіи приносилъ жертвы, случилось чудо, предвѣщавшее бѣдствіе: по окончаніи жертвоприношенія, къ внутренностямъ подползли незамѣтно двѣ змѣи, съѣли часть печени и затѣмъ внезапно на виду всѣхъ скрылись изъ глазъ. Жертвоприношеніе это, какъ разсказываютъ, по совѣту гарусниковъ, возобновлялось, и внутренности охранялись съ большимъ вниманіемъ, но змѣи выползали во второй и въ третій разъ и, отвѣдавъ ихъ, уходили безнаказанно. Гарусники предупреждали, что это знаменіе относится къ главнокомандующему, и что ему надо остерегаться скрытныхъ людей и тайныхъ плановъ; тѣмъ не менѣе, никакая предусмотрительность не могла отвратить предопредѣленія судьбы. Во главѣ партіи лукановъ, бывшей заодно съ римлянами (часть ихъ отпала къ Ганнибалу), стоялъ луканецъ Флавъ. Сторонники этой партіи способствовали назначенію Флава въ преторы[2]), и онъ уже годъ состоялъ въ этой должности.

[1]) XXIII 7. [2]) Такъ назывались вообще высшія должностныя лица въ италійскихъ общинахъ, а первоначально и въ Римѣ (см. I 60 примѣч.)

Этотъ Флавъ, внезапно измѣнивъ свой образъ мыслей и ища случая пріобрѣсть расположеніе Пунійца, не довольствовался тѣмъ, что переходилъ самъ и перетягивалъ къ отпаденію лукановъ, но хотѣлъ скрѣпить союзный договоръ съ врагами головой и кровью римскаго главнокомандующаго, бывшаго притомъ его пріятелемъ. Флавъ явился тайно для переговоровъ къ начальствовавшему въ то время въ странѣ бруттіевъ Магону, заручился честнымъ словомъ его, что луканы, въ случаѣ выдачи ими римскаго главнокомандующаго, вступятъ въ дружественный союзъ съ карѳагенянами съ сохраненіемъ свободы и своихъ законовъ, а затѣмъ привелъ Пунійца въ одну мѣстность и обѣщалъ привести туда Гракха съ небольшой свитой; пусть только Магонъ скроетъ вооруженныя конницу и пѣхоту въ томъ потаенномъ мѣстѣ, гдѣ могло засѣсть значительное число воиновъ. Карѳагенянинъ осмотрѣлъ и изслѣдовалъ со всѣхъ сторонъ въ достаточной степени мѣстность; затѣмъ условились относительно дня выполненія своего плана, Флавъ явился къ римскому главнокомандующему и сказалъ, что онъ затѣялъ важное дѣло, для осуществленія котораго необходимо содѣйствіе самого Гракха. Онъ-де убѣдилъ преторовъ всѣхъ народовъ, отпавшихъ во время всеобщаго политическаго движенія въ Италіи къ Пунійцу, вновь вступить въ дружественныя отношенія съ римлянами, такъ какъ дѣло римлянъ, чуть было не погибшее вслѣдствіе каннскаго пораженія, со дня на день поправляется и крѣпнетъ, а силы Ганнибала слабѣютъ и почти сошли на-нѣтъ. Римляне милостиво отнесутся къ ошибкамъ прежняго времени: ни одинъ народъ никогда не былъ болѣе ихъ податливъ на просьбы и болѣе склоненъ миловать; сколько разъ они прощали также бунты предковъ. Въ такомъ-де смыслѣ говорилъ съ преторами онъ; но они предпочитаютъ услыхать то же самое отъ самого Гракха, коснуться его правой руки и унести съ собой этотъ залогъ вѣрности. Онъ-де назначилъ сообщникамъ удаленную отъ взоровъ мѣстность недалеко отъ римскаго лагеря, гдѣ можно въ немногихъ словахъ покончить вопросъ о томъ, чтобы всѣ, носящіе имя лукановъ, были вѣрными союзниками римлянъ. Гракхъ думалъ, что и въ разсказѣ Флава и въ дѣлѣ нѣтъ лжи. Увлеченный правдоподобіемъ, онъ отправился съ ликторами и эскадрономъ всадниковъ изъ лагеря, и пріятель завелъ его въ засаду. Вдругъ появились враги. Чтобы измѣна не подлежала сомнѣнію, Флавъ присоединился

къ нимъ. Въ Гракха и всадниковъ отовсюду мечутъ стрѣлы. Онъ соскакиваетъ съ коня, приказываетъ то же самое сдѣлать остальнымъ и ободряетъ ихъ прославить своею доблестью единственный оставленный имъ судьбою удѣлъ. Что, кромѣ смерти, остается людямъ, которые въ незначительномъ числѣ окружены массой враговъ въ долинѣ, огражденной покрытыми лѣсомъ горами? Важно то, будутъ ли они безнаказанно перерѣзаны, подставляя тѣла свои на подобіе скотовъ, или всецѣло отъ пассивнаго и выжидательнаго положенія обратятся съ озлобленіемъ къ нападенію, будутъ дѣйствовать смѣло и падутъ въ потокахъ вражеской крови, среди кучъ испускающихъ духъ непріятелей и грудъ оружія. Пусть всѣ цѣлятся въ луканскаго измѣнника и перебѣжчика. Отправившій эту жертву въ царство тѣней передъ собой стяжаетъ тѣмъ отмѣнную славу и найдетъ особенное утѣшеніе при своей смерти. Съ этими словами онъ обмоталъ около кисти лѣвой руки свой военный плащъ (римляне не взяли съ собой даже щитовъ) и ринулся на враговъ. Завязалась болѣе сильная схватка, чѣмъ можно было ожидать по количеству людей: беззащитныя тѣла римлянъ враги пронизываютъ дротиками, бросая ихъ повсюду съ высотъ въ ложбину. Когда Гракхъ оказался уже безъ охраны, пунійцы старались захватить его живымъ; но онъ, усмотрѣвъ среди враговъ своего бывшаго пріятеля-лукана, съ такимъ остервенѣніемъ напалъ на ихъ густо сплоченую массу, что нельзя было пощадить его, не потерявъ многихъ. Бездыханный трупъ его Магонъ тотчасъ же отослалъ къ Ганнибалу съ приказаніемъ положить его вмѣстѣ съ захваченными пучками прутьевъ предъ трибуналомъ главнокомандующаго. Если это преданіе вѣрно, то Гракхъ, слѣдовательно, погибъ въ Луканіи, при такъ называемыхъ „Древнихъ полянахъ". **17.** Нѣкоторые настаиваютъ на томъ, что Гракхъ погибъ на беневентскомъ полѣ близъ рѣки Калора; онъ, будто бы, съ ликторами и тремя рабами отошелъ для купанья впередъ отъ лагеря, и такъ какъ случайнымъ образомъ среди росшаго на берегу ивняка скрывались враги, то голый и безоружный и былъ убитъ ими, защищаясь камнями, которые несетъ теченіе рѣки. Иные пишутъ, что онъ, по совѣту гаруспиковъ, отошелъ на 500 шаговъ впередъ отъ лагеря, чтобы на неоскверненномъ мѣстѣ предотвратить искупительными жертвами упомянутыя выше знаменія, и былъ окруженъ двумя эскадронами случайно засѣвшихъ тамъ ну-

мидійцевъ. До такой степени неточны свѣдѣнія о мѣстѣ и смерти такого славнаго и замѣчательнаго мужа. Также разнорѣчиво преданіе о погребеніи Гракха. Одни передаютъ, что его погребли свои въ римскомъ лагерѣ, другіе (и это преданіе болѣе распространено),—что Ганнибалъ выстроилъ, будто бы, костеръ, при входѣ въ пуническій лагерь, и что вооруженное войско прошло вокругъ него церемоніальнымъ маршемъ, сопровождая маршъ испанскими плясками и обычными у каждаго народа потрясаніемъ оружія и тѣлодвиженіями, между тѣмъ, какъ самъ Ганнибалъ справилъ похороны со всевозможными почестями, выражая ихъ и дѣйствіемъ, и словами. Это передаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что дѣло произошло въ Луканіи; если же вѣрить разсказу тѣхъ, которые упоминаютъ объ убіеніи Гракха при рѣкѣ Калорѣ, то враги овладѣли только головой его. По доставленіи ея къ Ганнибалу, послѣдній тотчасъ же отправилъ Карѳалона отнести ее въ римскій лагерь къ квестору Г. Корнелію. Квесторъ устроилъ въ лагерѣ похороны при общемъ участіи войска и гражданъ Беневента.

18. Вступивъ въ Кампанскую область, консулы повсюду производили опустошенія, но вылазка горожанъ и Магона съ конницей нагнала на нихъ страхъ: въ тревогѣ они призвали къ знаменамъ разбредшихся повсюду воиновъ и едва только успѣли построить войско, какъ были разбиты и потеряли болѣе 1500 человѣкъ. Отгого у народа, гордаго по своимъ врожденнымъ качествамъ, неустрашимость возросла до громадныхъ размѣровъ, и они начали задирать римлянъ частыми стычками. Но одно необдуманно и неосмотрительно данное сраженіе заставило консуловъ съ большимъ вниманіемъ относиться къ мѣрамъ предосторожности. Впрочемъ, одно, незначительное само по себѣ, обстоятельство возвратило имъ бодрость духа и уменьшило смѣлость враговъ. А въ войнѣ всякое, самое маловажное, обстоятельство иногда можетъ имѣть рѣшающее значеніе. У римлянина Т. Квинктія Криспина былъ знакомый кампанецъ Бадій, связанный съ нимъ самыми близкими пріятельскими отношеніями. Связь эта окрѣпла, такъ какъ, предъ отпаденіемъ Кампаніи, въ Римѣ у Криспина за больнымъ Бадіемъ ухаживали съ искреннимъ радушіемъ. Этотъ-то Бадій вышелъ тогда впередъ стоявшихъ предъ воротами карауловъ и приказалъ позвать Криспина. Извѣщенный объ этомъ, Криспинъ подумалъ, что тотъ, въ силу сохранившагося даже при разрывѣ полити-

ческихъ связей воспоминанія о правахъ частной дружбы, добивается дружелюбной пріятельской бесѣды, и поэтому подвинулся немного впередъ отъ остальныхъ. Когда они были въ виду другъ друга, Бадій сказалъ: „я вызываю тебя, Криспинъ, на бой; сядемъ на коней и, устранивъ другихъ, рѣшимъ, кто изъ насъ лучше на войнѣ“. На это Криспинъ отвѣчалъ, что и у него, и у Бадія достаточно враговъ, на которыхъ они могутъ показать доблесть. Если даже въ открытомъ бою онъ, Криспинъ, встрѣтится съ нимъ, Бадіемъ, то уклонится отъ боя, чтобы не осквернить руки убійствомъ пріятеля; и обернувшись, пошелъ обратно. И вотъ тогда-то кампанецъ съ большой самонадѣянностью сталъ упрекать неповиннаго римлянина въ слабости и трусости и осыпать ругательствами, которыхъ заслуживалъ самъ, называя его гостепріимнымъ непріятелемъ, показывающимъ видъ, что онъ щадитъ того, съ кѣмъ по собственному сознанію не можетъ равняться. Если-де онъ думаетъ, что прекращеніе политическихъ отношеній не уничтожило вмѣстѣ съ тѣмъ и частныхъ обязательствъ, то онъ, кампанецъ Бадій, открыто, въ присутствіи двухъ войскъ отказывается отъ гостепріимныхъ отношеній съ римляниномъ Т. Квинктіемъ Криспиномъ. У него, Бадія, его политическаго врага, нѣтъ никакого единенія и общенія съ врагомъ, явившимся осаждать его отечество и общественныхъ и частныхъ пенатовъ. Если онъ настоящій мужъ, то пусть выходитъ на бой. Долго медлилъ Криспинъ, но товарищи по эскадрону побудили его не позволять безнаказанно издѣваться надъ собой Кампанцу. Итакъ, Криспинъ не заставилъ себя долго ждать: онъ только спросилъ разрѣшенія у главнокомандующихъ, позволятъ ли ему сразиться внѣ строя съ вызывавшимъ его врагомъ, и, съ ихъ дозволенія взявъ оружіе, вскочилъ на коня и вызвалъ Бадія на бой, называя его по имени. Кампанецъ не замедлилъ явиться. Они съѣхались, направляя другъ противъ друга коней. Криспинъ пронзилъ копьемъ Бадія въ лѣвое плечо выше щита. Когда тотъ, раненый, упалъ, Криспинъ соскочилъ съ лошади, чтобы спѣшившись добить лежачаго. Но Бадій, прежде чѣмъ врагъ успѣлъ придавить его, бросилъ щитъ и коня и убѣжалъ къ своимъ. Криспинъ, украшенный доспѣхами, съ гордостью указывалъ на коня, взятое оружіе и окровавленное копье свое; воины, осыпая его похвалами и поздравленіями, отвели къ консуламъ; тамъ онъ получилъ блестящую похвалу и былъ щедро одаренъ.

19. Изъ Беневентской области Ганнибалъ двинулся къ Капуѣ. Спустя три дня послѣ прихода онъ вывелъ войско въ бой. Такъ какъ у кампанцевъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ, въ его отсутствіе, было удачное сраженіе, то онъ ничуть не сомнѣвался, что римляне еще менѣе могутъ устоять противъ него и его войска, выказывавшаго себя такъ часто побѣдоноснымъ. Но въ началѣ сраженія римскіе воины страдали главнымъ образомъ отъ натиска конницы, такъ какъ ихъ засыпали дротиками. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не дали сигнала конницѣ пустить на врага коней. Такимъ образомъ происходилъ кавалерійскій бой, какъ вдругъ вдали показалось войско Семпронія, подъ командой квестора Г. Корнелія. Оно внушило обѣимъ сторонамъ одинаковыя опасенія, не приближается ли новый врагъ. Какъ будто по взаимному соглашенію, съ обѣихъ сторонъ дали сигналъ къ отступленію. Войска были отведены обратно въ лагерь и разошлись, почти не рѣшивъ битвы. Однако, со стороны римлянъ, при первомъ натискѣ конницы, пало большее число. Затѣмъ, чтобы заставить Ганнибала удалиться отъ Капуи, консулы на слѣдующую ночь разошлись въ разныя стороны: Фульвій ушелъ въ Куманскую область, а Клавдій—въ Луканію. Когда на слѣдующій день извѣстили Ганнибала, что римскій лагерь пустъ, и консулы ушли въ разныя стороны по двумъ направленіямъ, онъ сперва не зналъ, кого изъ нихъ преслѣдовать; затѣмъ рѣшилъ догонять Аппія. Тотъ, походивъ врага кругомъ тамъ, гдѣ хотѣлъ, другимъ путемъ возвратился къ Капуѣ.

Въ той мѣстности Ганнибалу представился другой случай къ удачнымъ дѣйствіямъ. Среди центуріоновъ перваго манипула былъ центуріонъ М. Центеній, по прозванію Пенула, выдававшійся своимъ ростомъ и отвагой. Этотъ Пенула, по окончаніи срока военной службы, при посредствѣ претора П. Корнелія Суллы, былъ введенъ въ сенатъ и просилъ сенаторовъ дать ему 5000 воиновъ, обѣщая, какъ человѣкъ, знакомый съ врагомъ по опыту и знающій мѣстность, скоро совершить нѣчто важное и воспользоваться противъ изобрѣтателя тѣми средствами, при помощи которыхъ до сихъ поръ обманывали римскихъ вождей и ихъ войска. Нелѣпо было обѣщать, но не менѣе нелѣпо было и вѣрить этому, какъ будто одинаковыя знанія требуются отъ искуснаго воина и главнокомандующаго. Вмѣсто 5000 ему дали 8000; одну половину составляли римскіе гражда-

не, другую—союзники. И самъ онъ на пути собралъ изъ деревень значительное число добровольцевъ и почти съ удвоеннымъ войскомъ прибылъ въ Луканію, гдѣ остановился Ганнибалъ, безъ пользы послѣдовавшій за Клавдіемъ. Результатъ не подлежалъ сомнѣнію, такъ какъ дѣло шло между вождемъ Ганнибаломъ и центуріономъ, между войсками, съ одной стороны—состарившимся въ побѣдахъ, съ другой—совершенно новымъ, составленнымъ по большей части на скорую руку и полувооруженнымъ. Лишь только войска увидѣли другъ друга, ни та ни другая сторона не уклонилась отъ битвы и обѣ немедленно построились въ боевой порядокъ. Несмотря на полное неравенство силъ, сражались болѣе двухъ часовъ, такъ какъ римское войско оставалось въ рядахъ до тѣхъ поръ, пока держался вождь. Когда же онъ подставилъ себя подъ удары непріятельскихъ стрѣлъ и такимъ образомъ палъ не только для поддержанія своей прежней хорошей репутаціи, но и изъ опасенія предстоящаго позора, если бы онъ пережилъ пораженіе, навлеченное его безразсудствомъ,—тотчасъ же римское войско было разбито. Но всѣ дороги были заняты конницей, и потому даже бѣжать не представлялось возможности; поэтому изъ такой массы едва спаслась одна тысяча, а остальные погибли въ разныхъ мѣстахъ разнаго рода смертью.

20. Консулы вторично съ величайшей энергіей начали осаду Капуи. Они свозили и заготовляли все потребное для этого. Хлѣбъ свозили въ Казилинъ. При устьѣ Вольтурна, на мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ, укрѣпили редутъ. Въ него и въ Путеолы (Фабій прежде еще укрѣпилъ этотъ городъ) помѣстили гарнизонъ, чтобы имѣть въ своей власти ближайшее море и рѣку; а чтобы у римскаго войска былъ запасъ на зиму, въ эти двѣ приморскія крѣпости свезли отъ Остіи хлѣбъ, только что присланный изъ Сардиніи, а также скупленный въ Этруріи преторомъ М. Юніемъ. Но, сверхъ потери, понесенной въ Луканіи, также покинуло знамена войско, состоявшее изъ добровольцевъ [1]), отправлявшихъ военную службу при жизни Гракха съ полнѣйшей добросовѣстностью, какъ будто смерть полководца освободила ихъ отъ присяги. Ганнибалъ не желалъ оставить безъ вниманія Капую и покинуть союзниковъ въ такомъ критическомъ положеніи, но, получивъ желанный успѣхъ, вслѣдствіе необдуманнаго образа дѣйствій одного римскаго полководца, онъ старался найти удобный случай къ уничтоженію другого вмѣстѣ съ его войскомъ. Послы изъ Апуліи приносили извѣстія, что преторъ Гн. Фульвій сначала, пока осаждалъ нѣкоторые отпавшіе къ Ганнибалу города Апуліи, дѣйствовалъ съ большей осмотрительностью; затѣмъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго успѣха, самъ, а съ нимъ и воины дошли до такого произвола и до такой безпечной разнузданности, что вовсе не соблюдали военной дисциплины. Изъ многихъ прежнихъ опытовъ, особенно же изъ бывшаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Ганнибалъ убѣдился, какимъ бываетъ войско подъ командой неумѣлаго вождя, а потому двинулся лагеремъ въ Апулію. **21.** Преторъ Фульвій съ римскими легіонами былъ около Гердоніи. Когда туда донеслась вѣсть о приближеніи врага, то войско чуть было безъ преторскаго приказа не схватило знамена и не вышло на бой. Сдержала его болѣе всего несомнѣнная увѣренность въ томъ, что оно можетъ сдѣлать это, когда захочетъ, по своему личному усмотрѣнію. Ганнибалъ не сомнѣвался въ томъ, что представляется удобный случай къ удачному сраженію, такъ какъ зналъ, что въ лагерѣ враговъ поднялся шумъ, и большинство, призывая къ оружію, самонадѣянно настаивало на томъ, чтобы вождь далъ сигналъ къ битвѣ. Поэтому въ слѣдующую ночь онъ размѣстилъ 3000 легковооруженныхъ воиновъ въ окрестныхъ дачахъ, терновыхъ кустарникахъ и лѣсахъ; они должны были по данному сигналу одновременно появиться изъ своихъ убѣжищъ. Магону онъ отдалъ приказъ занять почти съ 2000 всадниковъ всѣ дороги въ томъ направленіи, въ которомъ, по его расчетамъ, произойдетъ бѣгство. Сдѣлавъ всѣ эти приготовленія ночью, на разсвѣтѣ онъ вывелъ войско въ бой. Фульвій въ свою очередь не медлилъ, будучи увлеченъ не столько какими-либо личными надеждами, сколько случайнымъ воодушевленіемъ воиновъ. Итакъ, войско строится съ такой же необдуманностью, съ какой вышло на бой, по личному произволу воиновъ, которые случайно забѣгали впередъ и останавливались тамъ, куда ихъ направляло личное желаніе, а затѣмъ по капризу или изъ страха покидали свою позицію. Впереди выстроились первый легіонъ и лѣвый флангъ; войско было вытянуто въ длину. Трибуны кричали, что силъ въ глубину вовсе недостаточно ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніяхъ, и что врагъ прорвется,

[1]) См. XXIV 14.

гдѣ-бы онъ ни сдѣлалъ нападеніе; однако всѣ спасительные совѣты не только не обращали на себя вниманія воиновъ, но даже не достигали ихъ слуха. Явился Ганнибалъ, вождь совершенно иного рода, да и войско его было вовсе не похоже на римское и не такъ построено. Поэтому римляне не выдержали даже крика и перваго натиска враговъ. Ихъ вождя, равнаго Центенію [1]) по глупости и неосмотрительности, вовсе нельзя ставить въ сравненіе съ послѣднимъ по силѣ духа: видя, что дѣло потеряно, и его воины робѣютъ, онъ схватилъ коня и бѣжалъ приблизительно съ двумя сотнями всадниковъ. Остальное войско было прогнано съ фронта, затѣмъ окружено съ тылу и фланговъ и перебито, такъ что изъ 18000 спаслось не болѣе 2000. Враги овладѣли лагеремъ.

22. Когда вѣсть объ этихъ, слѣдовавшихъ непосредственно одно за другимъ, пораженіяхъ дошла до Рима, то, правда, сильная печаль и паническій страхъ охватили государство; но все-таки впечатлѣніе, произведенное этими пораженіями, умѣрялось тѣмъ, что консулы, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависѣло рѣшеніе дѣла, дѣйствовали до сихъ поръ удачно. Къ консуламъ отправляютъ пословъ—Г. Леторія и М. Метилія съ приказаніемъ тщательно собрать остатки двухъ армій, приложить стараніе къ тому, чтобы они отъ страха и отчаянія не сдались врагу, что случилось послѣ каннскаго пораженія, и отыскать дезертировавшихъ изъ войска добровольцевъ [2]). Подобнаго же рода порученіе возложено было на П. Корнелія, которому повелѣно также произвести наборъ, и потому онъ объявилъ на базарахъ и ярмаркахъ приказъ о розыскѣ добровольцевъ и о возвращеніи ихъ къ знаменамъ. Все это было выполнено самымъ тщательнымъ образомъ.

Консулъ Ап. Клавдій поручилъ команду при устьѣ Вольтурна Д. Юнію, а въ Путеолахъ—М. Аврелію Коттѣ съ тѣмъ, чтобы они немедленно, по мѣрѣ прихода кораблей изъ Этруріи и Сардиніи, отправляли хлѣбъ въ лагерь. Возвратившись къ Капуѣ, онъ узналъ, что его товарищъ Кв. Фульвій все увозитъ отъ Казилина и намѣренъ осаждать Капую. Тогда они оба обложили городъ и вызвали отъ Свессулы изъ Клавдіева лагеря претора Клавдія Нерона [3]). Этотъ оставилъ тамъ незначительный гарнизонъ, чтобы

[1]) См. гл. 19. [2]) См. XXIV 14. [3]) См. XXIII 17.

удержать позицію, и тоже со всѣмъ остальнымъ войскомъ спустился къ Капуѣ. Такимъ образомъ водрузили около Капуи три палатки для главнокомандующихъ. Три арміи принялись за работы съ различныхъ сторонъ; онѣ готовятся окружить городъ валомъ и рвомъ, строятъ на незначительныхъ промежуткахъ редуты и одновременно во многихъ пунктахъ такъ успѣшно сражаются съ препятствовавшими осаднымъ работамъ кампанцами, что послѣдніе въ концѣ концовъ стали держаться за воротами внутри городскихъ стѣнъ. Но прежде, чѣмъ эти осадныя работы составили одну непрерывную цѣпь, были отправлены послы къ Ганнибалу съ жалобой на то, что онъ бросилъ ихъ и почти что опять предоставилъ римскому произволу; при этомъ они заклинали его подать имъ помощь хотя-бы на этотъ разъ, когда враги не только обложили ихъ, но даже провели кругомъ непрерывный валъ. Преторъ П. Корнелій отправилъ къ консуламъ письмо, прося, чтобы они, прежде чѣмъ окружить Капую осадными машинами, предоставили желающимъ кампанцамъ возможность добровольно выйти изъ города и вывезти съ собой оттуда свое достояніе; вышедшіе-де до майскихъ идъ [1]) будутъ свободны и сохранятъ свое имущество; послѣ же этого срока и вышедшіе изъ города, и оставшіеся въ немъ будутъ считаться врагами. Было объявлено объ этомъ кампанцамъ, но они отнеслись къ этому сообщенію не только презрительно, но еще стали осыпать римлянъ ругательствами и угрозами. Ганнибалъ увелъ свои легіоны отъ окрестностей Гердоніи въ Тарентъ въ надеждѣ или силой, или хитростью овладѣть тарентинскимъ кремлемъ; а когда это не удалось, то направилъ путь къ Брундизію, разсчитывая на измѣну въ этомъ городѣ. Между тѣмъ, какъ онъ и тамъ понапрасну тратилъ время, явились къ нему кампанскіе послы съ жалобами и вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбами. Ганнибалъ далъ имъ горделивый отвѣтъ, что и ранѣе онъ заставилъ снять осаду, и теперь консулу не выдержать его прихода. Удалившіеся съ такой надеждой послы едва только могли пробраться обратно въ Капую, такъ какъ она уже была окружена двойнымъ рвомъ и валомъ.

23. Именно въ то время, когда окружали валомъ Капую, доведена была до конца осада Сиракузъ. Помогла этому,

[1]) Т.-е. до 15-го мая.

кромѣ энергичной доблести вождя и его войска, также внутренняя измѣна. Дѣйствительно, въ началѣ весны Марцеллъ не зналъ, обратить ли ему войну на Гимилькона [1]) и Гиппократа [2]), или тѣснить осадой Сиракузы. Онъ видѣлъ, что городъ нельзя взять ни силой, такъ какъ онъ недоступенъ по своему положенію и съ суши и съ моря, ни голодомъ, такъ какъ его поддерживалъ почти свободный подвозъ продовольствія со стороны Карѳагена. Тѣмъ не менѣе, чтобы испробовать всѣ средства, онъ приказалъ сиракузскимъ перебѣжчикамъ (у римлянъ было нѣсколько знатнѣйшихъ мужей, изгнанныхъ во время отпаденія отъ римлянъ за несочувствіе новому образу мыслей) въ разговорахъ съ своей партіей зондировать настроеніе умовъ и увѣрить, что жители, въ случаѣ сдачи Сиракузъ, будутъ пользоваться свободой и сохранятъ свои законы. Удобнаго случая къ разговору не представлялось, такъ какъ зародившееся противъ нихъ въ умахъ многихъ подозрѣніе направило всеобщее вниманіе и сосредочило взоры всѣхъ на томъ, чтобы не остался незамѣченнымъ какой-либо подобный проступокъ. Одинъ рабъ, принадлежавшій изгнаннику, былъ впущенъ, какъ перебѣжчикъ, имѣлъ свиданіе съ немногими и положилъ начало разговорамъ о подобнаго рода дѣлѣ. Затѣмъ нѣкоторые прикрылись въ рыбачьей лодкѣ сѣтями, объѣхали такимъ образомъ кругомъ къ римскому лагерю и переговорили съ перебѣжчиками. Тѣ же самыя лица стали дѣлать это чаще, а затѣмъ являлись новые и новые сторонники замысла. Наконецъ, число ихъ дошло до 80. И когда уже все было приготовлено для измѣны, нѣкто Атталъ, въ порывѣ негодованія на выказанное къ нему недовѣріе, сдѣлалъ доносъ Эпикиду. Всѣ заговорщики были казнены подъ пытками. Непосредственно за исчезновеніемъ этой надежды появилась другая. Сиракузяне отправили къ царю Филиппу нѣкоего лакедемонянина Дамиппа, но римскіе корабли захватили его въ плѣнъ. Эпикидъ сильно хлопоталъ объ его выкупѣ во что бы то ни стало. Марцеллъ не отказывалъ, такъ какъ уже тогда римляне добивались дружбы съ этолійцами, а лакедемоняне были ихъ союзниками. Посланные для переговоровъ объ его выкупѣ избрали мѣстность, прилегавшую къ Трогильской гавани, такъ называемую, Галеагрскую башню, которая лежала въ срединѣ и представлялась поэтому удобной для обѣихъ сторонъ [1]). Во время частыхъ поѣздокъ туда, одинъ римлянинъ сталъ разсматривать на близкомъ разстояніи стѣну; сосчитывая камни и прикидывая въ умѣ, какое пространство занимаетъ на лицевой сторонѣ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, онъ измѣрилъ по приблизительному расчету вышину стѣны и сообразилъ, что она ниже, чѣмъ прежде думалъ онъ и всѣ прочіе римляне, и что на нее можно подняться даже по небольшимъ лѣстницамъ. Объ этомъ онъ доложилъ Марцеллу. Дѣло показалось заслуживающимъ вниманія. Но такъ какъ по той же самой причинѣ этотъ пунктъ оберегался съ большимъ вниманіемъ, то подойти къ нему не представлялось возможности, и потому стали искать удобнаго къ тому случая. Онъ представился, благодаря перебѣжчику. Послѣдній принесъ извѣстіе, что совершается трехдневное празднество въ честь Діаны, и за недостаткомъ, вслѣдствіе осады, другихъ припасовъ, на пирахъ въ излишнемъ изобиліи предлагается вино, доставленное для всѣхъ плебеевъ Эпикидомъ и раздѣленное по отдѣльнымъ трибамъ ихъ начальниками [2]). Узнавъ объ этомъ, Марцеллъ переговорилъ съ нѣкоторыми изъ военныхъ трибуновъ, выбралъ при ихъ содѣйствіи подходящихъ для геройскаго выполненія такого важнаго дѣла центуріоновъ и воиновъ, приготовилъ въ скрытомъ мѣстѣ лѣстницы и приказалъ дать остальнымъ сигналъ, чтобы они поспѣшно позаботились о подкрѣпленіи себя пищей и сномъ, такъ какъ ночью надо будетъ идти въ походъ. Затѣмъ, когда, повидимому, наступилъ тотъ моментъ, въ который засѣвшіе за пиръ еще днемъ пресытились уже виномъ и стали засыпать, онъ приказалъ воинамъ одного манипула нести лѣстницы, и такимъ образомъ при царившей тишинѣ было приведено туда [3]) узкой вереницей до 1000 вооруженныхъ. Передніе безъ шума и тревоги взошли на стѣну, за ними по порядку послѣдовали другіе, такъ какъ отвага первыхъ придавала духу даже колебавшимся. **24.** 1000 вооруженныхъ уже овладѣли частью стѣны къ тому времени, когда придвинулись остальныя войска и начали всходить по

[1]) См. XXIV 35. [2]) См. XXIV 6.

[1]) Гавань эта находилась въ сѣверномъ загибѣ моря. Башня была въ сѣверной части города, въ томъ пунктѣ, гдѣ у моря Тихе и Ахрадина (XXIV 21 пр.) соприкасаются между собой. [2]) Здѣсь разумѣются отдѣльныя части города (regiones). Въ Сиракузахъ не существовало дѣленія на трибы. Ливій употребилъ здѣсь римскій терминъ, какъ онъ это часто дѣлаетъ, говоря объ иноземныхъ учрежденіяхъ. Въ Римѣ члены каждой трибы избирали себѣ начальника и устраивали сообща празднества. Нѣчто подобное, вѣроятно, было и въ Сиракузахъ. [3]) Надо думать, что рѣчь идетъ о мѣстѣ, гдѣ предполагалось влѣзть на стѣну при помощи лѣстницъ.

множеству лѣстницъ; сигналъ былъ данъ со стороны Гексапила, куда пришли среди полнаго безлюдья, такъ какъ въ башняхъ большая часть послѣ пира или пьяные спали, или же полупьяные продолжали пить. Но немногихъ изъ нихъ они, заставъ врасплохъ, убили въ постеляхъ. Подлѣ Гексапила есть калитка; ее начали ломать съ большой энергіей. Со стѣны, по условію, раздался трубный сигналъ, и уже отовсюду стали дѣйствовать не украдкой, а открытой силой, такъ какъ дошли до Епиполъ,—мѣста, снабженнаго частыми караулами, и враговъ надо было не столько обманывать, сколько приводить въ ужасъ, что и было исполнено. Ибо, какъ только послышались звуки трубъ и крики занимавшихъ стѣны и часть города,—стражи, воображая, что занято все, частію прыгали съ нея и были сталкиваемы перепуганной толпой; но большая часть не знала о случившейся большой бѣдѣ, съ одной стороны, потому, что всѣ были пьяны и спали, съ другой, потому, что въ обширномъ городѣ то, что было извѣстно въ одной части, не достигало вполнѣ до всѣхъ. Предъ разсвѣтомъ Марцеллъ разломалъ Гексапилъ, вступилъ со всеми войсками въ городъ, переполошилъ всѣхъ и заставилъ взяться за оружіе и нести посильную помощь почти уже взятому городу. Эпикидъ ускореннымъ маршемъ отправился отъ Острова, называемаго жителями Назъ. Онъ не сомнѣвался, что прогонитъ незначительное количество враговъ, перешедшихъ чрезъ стѣны по небрежности стражи. Встрѣчая трепещущихъ отъ страха гражданъ, онъ то и дѣло повторялъ, что они только увеличиваютъ тревогу и представляютъ положеніе болѣе серіознымъ и страшнымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Однако, увидѣвъ, что вся мѣстность, окружающая Епиполы, наполнена вооруженными врагами, онъ только раздразнилъ ихъ, пустивъ нѣсколько метательныхъ копій, и повернулъ отрядъ свой обратно въ Ахрадину, не столько боясь силъ и массы враговъ, сколько опасаясь, что при этомъ удобномъ случаѣ возникнетъ измѣна внутри самого города, и что онъ такимъ образомъ найдетъ ворота Ахрадины и Островъ запертыми во время тревоги. Вступивъ за стѣны и видя съ болѣе возвышеннаго мѣста разстилавшійся предъ его взорами городъ, самый красивый изъ всѣхъ городовъ того времени, Марцеллъ, говорятъ, заплакалъ, частію отъ радости, что совершилъ такое важное дѣло, частію при мысли о древней славѣ города. Предъ его умственнымъ взоромъ проносились потопленіе аѳинскаго

флота, истребленіе двухъ громадныхъ армій съ двумя славнѣйшими полководцами, столько войнъ, веденныхъ съ такой опасностью противъ карѳагенянъ, столько могущественныхъ тирановъ и царей и преимущественно Гіеронъ, не только какъ царь новѣйшаго времени, но и какъ выдѣлявшійся своими услугами римскому народу болѣе, чѣмъ всѣми своими доблестными качествами и дарами судьбы. Всѣ эти событія проходили предъ его умственнымъ взоромъ, и у него явилась мысль, что все то, что онъ видитъ, моментально запылаетъ и обратится въ пепелъ. Поэтому, прежде чѣмъ придвинуть знамена къ Ахрадинѣ, онъ посылаетъ бывшихъ, какъ упомянуто выше, среди римскихъ гарнизоновъ сиракузянъ склонить мягкими рѣчами враговъ къ сдачѣ города.

25. Ахрадинскія ворота и стѣны находились главнымъ образомъ въ рукахъ перебѣжчиковъ, для которыхъ при заключеніи мирнаго договора не было никакой надежды на прощеніе. Они никому не позволяли ни подходить къ стѣнамъ, ни заводить переговоры. Поэтому Марцеллъ, въ виду безуспѣшности этой попытки, приказалъ отступить къ Евріалу. Это холмъ на противоположной морю окраинѣ города; онъ возвышается надъ той дорогой, которая ведетъ въ поля и во внутреннія части острова, и по своему положенію весьма удобенъ для того, чтобы перехватывать подвозимый провіантъ. Начальствовалъ въ этой крѣпости, по назначенію Эпикида, аргосецъ Филодемъ. Марцеллъ отправилъ къ нему Созиса [1]), одного изъ убійцъ тирана; продолжительными переговорами обманнымъ образомъ дѣло затягивали, и Созисъ донесъ Марцеллу, что Филодемъ назначилъ себѣ срокъ для размышленія. Между тѣмъ онъ тянулъ день за днемъ, чтобы тѣмъ временемъ Гиппократъ съ Гимилькономъ подошли съ войсками, не сомнѣваясь, что, въ случаѣ вступленія ихъ въ кремль, римскую армію, запертую въ стѣнахъ, можно истребить; Марцеллъ же, видя, что Евріалъ нельзя ни сдать, ни взять, расположился лагеремъ между Неаполемъ и Тихе (таковы названія отдѣльныхъ частей города, представлявшихъ собой подобіе цѣлыхъ городовъ), опасаясь, что, если войти въ болѣе населенныя части города, то жадныхъ до добычи воиновъ нельзя будетъ удержать, чтобы они не разбѣжались. Туда явились къ нему отъ гражданъ Тихе и Неаполя послы въ шерстяныхъ повязкахъ и съ не-

[1]) См. XXIV 21.

ревязанными масличными вѣтвями въ рукахъ[1]), прося избавить ихъ отъ убійствъ и пожаровъ. Относительно ихъ скорѣе просьбъ, чѣмъ требованій, Марцеллъ созвалъ военный совѣтъ и, согласно общему мнѣнію, издалъ приказъ, въ силу котораго ни одинъ воинъ не долженъ былъ обижать никого изъ свободорожденныхъ, а все остальное предназначалось въ добычу. Лагерь вмѣсто укрѣпленій защищенъ былъ плитами домовъ [2]); въ воротахъ его, которыя лежали по направленію городскихъ улицъ, онъ расположилъ караулы и гарнизоны, чтобы кто-либо не сдѣлалъ нападенія на лагерь въ то время, когда воины разбѣгутся. Затѣмъ, по данному сигналу, воины разсѣялись въ разныя стороны; ворота выломали; несмотря на ужасъ и суматоху, царившіе повсюду, отъ рѣзни воздержались, но грабежъ прекратился только тогда, когда было расхищено все, накопленное во время продолжительнаго благополучія. Въ это время также и Филодемъ, которому не оставалось никакой надежды на помощь, взялъ честное слово, что его невредимымъ отпустятъ обратно къ Эпикиду, а затѣмъ вывелъ свой гарнизонъ и передалъ холмъ римлянамъ. Когда вниманіе всѣхъ отъ взятой части города устремлено было на холмъ,—Бомилькаръ выждалъ такую ночь, въ которую, вслѣдствіе сильной бури, римскій флотъ не могъ стоять въ морѣ на якорѣ, съ 35 кораблями отправился изъ сиракузской гавани и свободно выплылъ на парусахъ въ открытое море, оставивъ Эпикиду и сиракузянамъ 55 кораблей. Онъ выяснилъ карѳагенянамъ критическое положеніе дѣлъ въ Сиракузахъ и, спустя нѣсколько дней, возвратился со 100 кораблями. Эпикидъ, какъ гласитъ молва, осыпалъ его многими подарками изъ сокровищницы Гіерона.

26. Взявъ Евріалъ и помѣстивъ тамъ гарнизонъ, Марцеллъ снялъ съ себя одну заботу, именно о томъ, чтобы впущенныя въ кремль съ тылу какія-нибудь непріятельскія силы не потревожили запертыхъ и стѣсненныхъ въ стѣнахъ римлянъ. Затѣмъ онъ окружилъ Ахрадину тремя расположенными на удобныхъ пунктахъ лагерями, въ надеждѣ принудить къ сдачѣ запертыхъ и терпѣвшихъ во всемъ недостатокъ жителей ея. Въ теченіе нѣсколькихъ дней караулы на обѣихъ сторонахъ стояли спокойно. Прибытіе Гиппократа и Гимилькона сразу привело къ тому, что враги сами

[1]) См. XXIV 30 кон. [2]) Очевидное дѣло, нѣкоторые ближайшіе дома были разрушены.

напали на римлянъ со всѣхъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что и Гиппократъ, укрѣпивъ лагерь у большой гавани и увѣдомивъ занимавшихъ Ахрадину, напалъ на прежній римскій лагерь, въ которомъ командовалъ Криспинъ, и Эпикидъ сдѣлалъ вылазку противъ сторожевыхъ постовъ Марцелла, и пуническій флотъ причалилъ къ берегу между городомъ и римскимъ лагеремъ, чтобы Марцеллъ не могъ подослать какой-либо подмоги Криспину. Но тревога, произведенная врагами, была сильнѣе происшедшаго боя. Ибо и Криспинъ не только отбросилъ отъ укрѣпленій Гиппократа, но даже преслѣдовалъ его во время торопливаго бѣгства, и Марцеллъ загналъ Эпикида въ городъ. Повидимому, даже и для будущаго уже было достаточно сдѣлано, чтобы внезапныя вылазки враговъ не грозили никакой опасностью. Присоединилось еще общее бѣдствіе—моровая язва, которая естественнымъ образомъ отвлекла вниманіе обѣихъ сторонъ отъ военныхъ плановъ. Дѣйствительно, въ осеннее время, въ мѣстности съ нездоровымъ климатомъ нестерпимая жара подѣйствовала на всѣхъ почти воиновъ въ обоихъ лагеряхъ, однако, въ гораздо большей степени внѣ города, чѣмъ въ городѣ. Сначала болѣзнь и смертность появлялись отъ неблагопріятныхъ условій времени и мѣста; затѣмъ самый уходъ за больными и прикосновеніе къ нимъ распространяли болѣзнь. Поэтому заболѣвшіе или умирали покинутыми на произволъ судьбы, или заражали болѣзнью въ одинаковой съ собой степени неусыпно ухаживавшихъ за ними лицъ и увлекали ихъ за собой; ежедневныя похоронныя процессіи и смерть были на глазахъ у всѣхъ; повсюду днемъ и ночью раздавались вопли. Въ концѣ концовъ, привыкши къ бѣдѣ, сердца настолько очерствѣли, что не только не провожали мертвыхъ со слезами и плачемъ, но даже не выносили и не погребали покойниковъ, и бездыханныя тѣла валялись распростертыми на виду у людей, ожидавшихъ подобной же смерти. Мертвецы губили больныхъ, больные здоровыхъ, какъ внушая страхъ, такъ и распространяя пагубное зловоніе, происходившее отъ разложенія. Нѣкоторые, предпочитая смерть отъ оружія, въ одиночку нападали на непріятельскіе посты. Однако зараза съ гораздо большей силой дѣйствовала на пуническій лагерь, чѣмъ на римскій, ибо, вслѣдствіе продолжительнаго обложенія Сиракузъ, римскіе воины болѣе привыкли къ климату и водѣ. Видя, что, вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, болѣзнь распро-

страняется, находившіеся въ непріятельскомъ войскѣ сицилійцы разбѣжались каждый въ свой ближайшій городъ, а не имѣвшіе нигдѣ убѣжища кароагеняне погибли окончательно всѣ вмѣстѣ съ самими вождями Гиппократомъ и Гимилькономъ. Марцеллъ заранѣе, лишь только стало грозить такое сильное бѣдствіе, перевелъ своихъ въ городъ, и слабые организмы оправились въ жилыхъ помѣщеніяхъ и въ тѣни. Тѣмъ не менѣе та же зараза истребила многихъ и въ римскомъ войскѣ.

27. По истребленіи сухопутнаго пуническаго войска, сицилійцы, служившіе воинами у Гиппократа, заняли два небольшіе, но защищенные естественнымъ положеніемъ и укрѣпленіями, города. Одинъ отстоялъ отъ Сиракузъ на 3 мили, другой—на 15. Туда они стали свозить изъ своихъ общинъ провіантъ и сзывать вспомогательныя войска. Между тѣмъ Бомилькаръ вторично отправился съ флотомъ въ Кароагенъ и выставилъ въ такомъ видѣ положеніе дѣлъ союзниковъ, что внушилъ кароагенянамъ надежду на возможность не только оказать имъ полезную помощь, но и забрать въ плѣнъ римлянъ въ захваченномъ ими нѣкоторымъ образомъ городѣ. Этимъ онъ побудилъ послать съ нимъ возможно большее количество транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ всевозможными запасами, и увеличить его собственный флотъ. Итакъ, онъ отправился отъ Кароагена съ 130 военными судами и 700 транспортныхъ кораблей и воспользовался довольно благопріятными вѣтрами для переправы съ Сицилію. Но тѣ же вѣтры помѣшали ему обогнуть Пахинъ. Сначала слухъ о приближеніи Бомилькара, а затѣмъ задержка его, вопреки ожиданіямъ, попеременно возбуждали въ римлянахъ и сиракузянахъ чувства радости и страха, и Эпикидъ, боясь, что пуническій флотъ направится обратно въ Африку, если въ теченіе очень многихъ дней будутъ продолжать дуть съ востока тѣ же задерживавшіе его тогда вѣтры, передалъ Ахрадину полководцамъ наемниковъ и поплылъ къ Бомилькару. Послѣдній держалъ флотъ въ бухтѣ, изъ которой отплывали въ Африку, и боялся морского сраженія не столько потому, что былъ неравенъ по силамъ и количеству кораблей (у него ихъ было даже больше, чѣмъ у римлянъ), сколько потому, что вѣтры были болѣе благопріятны для римскаго флота, чѣмъ для его собственнаго. Тѣмъ не менѣе Эпикидъ возбудилъ въ немъ желаніе попытать счастіе въ морскомъ бою.

Марцеллъ видѣлъ, что сзывали со всего острова сицилійское войско, и что приближался съ большими припасами пуническій флотъ. Поэтому и онъ, чтобы не быть запертымъ и стѣсненнымъ въ непріятельскомъ городѣ одновременно съ суши и съ моря, несмотря на неравенство числа кораблей, рѣшилъ помѣшать Бомилькару войти въ Сиракузы. Около Пахинскаго мыса стояли два враждебныхъ флота, готовыхъ столкнуться, лишь только водворившаяся на морѣ тишина позволитъ имъ выѣхать въ открытое море. И вотъ, когда свирѣпствовавшій нѣсколько дней Эвръ.[1]) сталъ стихать, первымъ двинулся Бомилькаръ. Сперва флотъ его, повидимому, направлялся въ открытое море, чтобы удобнѣе было обогнуть мысъ; но, увидѣвъ, что противъ него двигается римскій флотъ, Бомилькаръ вдругъ, неизвѣстно почему, испугался, поплылъ въ открытое море на парусахъ и, отправивъ пословъ въ Гераклею съ приказаніемъ возвратить оттуда назадъ въ Африку транспортныя суда, самъ миновалъ Сицилію и направился въ Тарентъ. Эпикидъ, неожиданно лишившись такой надежды, чтобы не подвергнуться по возвращеніи осадѣ въ городѣ, большая часть котораго была захвачена, уплылъ въ Агригентъ, съ намѣреніемъ не столько предпринять что-нибудь оттуда, сколько выжидать исхода войны.

28. Лишь только въ сицилійскій лагерь пришла вѣсть о томъ, что Эпикидъ вышелъ изъ Сиракузъ, и что кароагеняне оставили островъ и почти что отдали его на произволъ римлянамъ, сицилійцы предварительно разузнали въ разговорахъ настроеніе умовъ осаждаемыхъ и затѣмъ отправили къ Марцеллу пословъ для заключенія условій сдачи города. Когда почти состоялось полное соглашеніе относительно того, что вездѣ принадлежавшее царямъ будетъ принадлежать римлянамъ, а остальное удержатъ за собой сицилійцы вмѣстѣ съ сохраненіемъ свободы и законовъ, то послы вызвали тѣхъ, кому Эпикидъ поручилъ завѣдываніе дѣлами, и объявили имъ, что войско сицилійское прислало ихъ, какъ къ Марцеллу, такъ и къ нимъ, съ тѣмъ, чтобы участь всѣхъ, осаждаемыхъ и не подвергшихся осадѣ, была одинакова, и чтобы отдѣльныя стороны ничего не выговаривали лично для себя. Пословъ впустили, чтобы они могли разговаривать съ родственниками и знакомыми, и они изложили заключенныя

---

[1]) Юго-восточный вѣтеръ.

уже съ Марцелломъ условія, подали надежду на спасеніе и побудили вмѣстѣ съ ними напасть на замѣстившихъ Эпикида—Поликлита, Филистіона и Эпикида, по прозванію Синдона. Убивъ ихъ и созвавъ народъ на собраніе, послы жаловались на недостатокъ и на то, противъ чего раньше сами граждане обыкновенно тайно роптали, говоря, что, несмотря на столько гнетущихъ бѣдствій, все таки не должно обвинять судьбу, потому что отъ нихъ зависитъ, какъ долго имъ терпѣть все это. Поводомъ римлянамъ къ осадѣ Сиракузъ послужила любовь ихъ къ сиракузянамъ, а не ненависть. Въ самомъ дѣлѣ, римляне тогда только возбудили войну и начали осаждать городъ, когда услыхали, что Гиппократъ и Эпикидъ, приспѣшники Ганнибала, а затѣмъ Гіеронима, захватили власть въ свои руки; цѣлью ихъ было не штурмовать самый городъ, а взять съ бою жестокихъ тирановъ. Но Гиппократъ умерщвленъ, Эпикиду закрытъ доступъ въ Сиракузы, и замѣстившія его лица перебиты; карѳагеняне на сушѣ и на морѣ прогнаны изо всѣхъ сицилійскихъ владѣній. Послѣ этого что-же мѣшаетъ римлянамъ желать неприкосновенности Сиракузъ въ равной мѣрѣ, какъ еслибы былъ въ живыхъ самъ Гіеронъ, который, не въ примѣръ прочимъ, заботился о поддержаніи дружбы съ римлянами? Итакъ, единственная опасность для города и его населенія заключается въ самихъ жителяхъ, если они упустятъ удобный случай примириться съ римлянами, а случая, подобнаго тому, который представляется въ данный моментъ, потомъ никогда не будетъ, если уяснить себѣ, что одновременно Сиракузы освобождаются отъ своеправныхъ тирановъ и сближаются съ римлянами.

29. Всѣ выслушали рѣчь ихъ съ полнымъ сочувствіемъ, но рѣшили прежде назначенія пословъ избрать преторовъ; затѣмъ изъ числа самихъ преторовъ отправили къ Марцеллу пословъ. Глава посольства говорилъ: „и въ началѣ не мы, сиракузяне, измѣнили вамъ, но сдѣлалъ это Гіеронимъ, безчестный не столько по отношенію къ вамъ, сколько по отношенію къ намъ, и послѣ мира, заключеннаго по убіеніи тирана, не нарушалъ ни одинъ житель Сиракузъ, а разстроили его прислужники царя Гиппократъ и Эпикидъ, угнетавшіе насъ частію страхомъ, частію обманомъ. И никто не можетъ сказать, чтобы когда-нибудь періоды нашей свободы не были въ то же время и періодами мирныхъ отношеній съ вами. Во всякомъ случаѣ теперь, по убіеніи лицъ, державшихъ Сиракузы въ тискахъ, мы тотчасъ же, какъ только получили свободу въ своихъ дѣйствіяхъ, явились, чтобы передать оружіе, сдать себя, городъ и стѣны, вполнѣ мирясь съ участью, которую вы даруете намъ. Боги даровали тебѣ, Марцеллъ, славу взятія знаменитѣйшаго и красивѣйшаго изъ греческихъ городовъ. Всѣ достопамятные подвиги, совершенные нами на сушѣ и на морѣ, увеличиваютъ славу твоего тріумфа. Неужели ты хочешь, чтобы сохранилось только преданіе, какой великій городъ взятъ тобой, а чтобы потомки не видѣли и самаго города, который будетъ указывать каждому, прибывшему въ него сухимъ путемъ и моремъ, то на трофеи нашихъ побѣдъ надъ аѳинянами и карѳагенянами, то на трофеи твоихъ побѣдъ надъ нами? Развѣ ты не передашь Сиракузы своей фамиліи, чтобы хранить ихъ въ цѣлости подъ покровительствомъ и защитой имени Марцелловъ? Память о Гіеронимѣ не должна имѣть въ вашихъ глазахъ большаго значенія, чѣмъ воспоминаніе о Гіеронѣ: послѣдній гораздо болѣе былъ другомъ, чѣмъ первый врагомъ вашимъ, и благодѣянія второго вы испытали и на дѣлѣ, а безуміе перваго послужило только къ его собственной гибели“. Римляне готовы были удовлетворить всѣмъ просьбамъ, и съ этой стороны жители Сиракузъ были обезпечены; болѣе грозили войной и опасностью распри между ними самими. Дѣло въ томъ, что перебѣжчики, думая, что ихъ отдаютъ на произволъ римлянамъ, внушили подобнаго рода опасеніе и вспомогательнымъ наемнымъ войскамъ; поэтому, схвативъ оружіе, они убили сперва преторовъ, затѣмъ разбѣжались для избіенія сиракузянъ, въ гнѣвѣ умерщвляли всѣхъ встрѣчныхъ и разграбили все, что попадало имъ подъ руку; послѣ того, чтобы не оставаться безъ вождей, они избрали 6 начальниковъ—по 3 человѣка для управленія Ахрадиной и Назомъ. Наконецъ, мятежъ стихъ. Когда мятежники путемъ разспросовъ о переговорахъ съ римлянами подробнѣе вникли въ дѣло, имъ начало уясняться настоящее положеніе вещей, что иное дѣло они, иное—перебѣжчики.

30. Какъ разъ кстати отъ Марцелла возвратились послы. Они утверждали, что наемниковъ взволновало ложное подозрѣніе, и что у римлянъ нѣтъ никакой причины требовать ихъ наказанія. Одинъ изъ трехъ ахрадинскихъ начальниковъ былъ испанецъ, по имени Мерикъ. Къ нему изъ среды посольской свиты нарочито подослали одного изъ воиновъ вспомогательныхъ испанскихъ войскъ. Послѣдній встрѣтился съ

Мерикомъ безъ свидѣтелей и прежде всего изложилъ ему, въ какомъ положеніи оставилъ Испанію (онъ незадолго предъ тѣмъ прибылъ оттуда), говоря, что все тамъ подчинено римскому оружію. Хочетъ ли онъ служить въ рядахъ римлянъ, или возвратиться на родину,—въ томъ и другомъ случаѣ онъ можетъ, если это имѣетъ цѣну въ его глазахъ, стать во главѣ своихъ земляковъ. Напротивъ, если онъ продолжаетъ предпочитать осадное положеніе, то на что онъ надѣется, будучи запертъ съ моря и съ суши? Эти слова подѣйствовали на Мерика, и когда было рѣшено отправить пословъ къ Марцеллу, то въ числѣ ихъ онъ посылаетъ своего брата. Послѣдняго тотъ же испанецъ провелъ къ Марцеллу отдѣльно отъ другихъ; заручившись честнымъ словомъ и условившись о порядкѣ дѣйствій, онъ возвратился въ Ахрадину. Тогда Мерикъ, чтобы отклонить вниманіе всѣхъ отъ подозрѣнія въ измѣнѣ, говоритъ, что онъ противъ хожденія пословъ взадъ и впередъ, что не слѣдуетъ никого принимать и отправлять, и что, для болѣе внимательнаго наблюденія за стражей, начальникамъ необходимо распредѣлить между собой удобные пункты, чтобы каждому быть отвѣтственнымъ за охрану своей части. Всѣ съ этимъ согласились. При распредѣленіи частей, ему самому досталась мѣстность отъ источника Аревузы до входа въ большую гавань. Объ этомъ онъ извѣстилъ римлянъ. Поэтому Марцеллъ приказалъ ночью привести къ Ахрадинѣ на буксирѣ тетраеры [1]), транспортное судно, наполненное вооруженными людьми, и высадить воиновъ противъ воротъ, находившихся близъ источника Аревузы. Это было исполнено въ четвертую стражу. Мерикъ, по предварительному условію, впустилъ высадившихся воиновъ въ ворота. Затѣмъ на разсвѣтѣ Марцеллъ напалъ со всѣми войсками на ахрадинскія стѣны, такъ что не только обратилъ на себя нападеніе занимавшихъ Ахрадину, но даже со стороны Наза покидали свои посты и сбѣгались вооруженные отряды, чтобы сдержать стремительный натискъ римлянъ. Во время этой суматохи, легкія суда, уже заранѣе снаряженныя и объѣхавшія кругомъ къ Назу, высаживаютъ вооруженныхъ, которые неожиданно напали на полукомплектные посты и открытыя половинки воротъ, черезъ которыя незадолго предъ тѣмъ выбѣжали вооруженные; послѣ небольшой схватки,

[1]) См. XXIV 33 примѣч.

они взяли Назъ, покинутый вслѣдствіе тревожнаго бѣгства стражи. Слабѣе всего оборонялись и выказали стойкость перебѣжчики, такъ какъ они, не вполнѣ довѣряя даже своимъ, бѣжали изъ средины сраженія. Узнавъ, что Назъ взятъ, одна часть Ахрадины занята, и Мерикъ присоединился съ своимъ гарнизономъ, Марцеллъ тотчасъ же далъ сигналъ къ отступленію, чтобы не подверглись разграбленію царскія богатства, молва о которыхъ превышала дѣйствительность.

31. Когда натискъ воиновъ былъ остановленъ, и находившимся въ Ахрадинѣ перебѣжчикамъ дано время и мѣсто для бѣгства, наконецъ-то сиракузяне, свободные отъ страха, отперли ахрадинскія ворота и отправили къ Марцеллу пословъ, прося только оставить жизнь имъ и ихъ дѣтямъ. Марцеллъ созвалъ военный совѣтъ, пригласилъ на него также сиракузянъ, которые были прогнаны во время возстаній съ мѣста ихъ постояннаго жительства и находились среди римскихъ гарнизоновъ [1]), и отвѣчалъ, что въ теченіе немногихъ послѣднихъ лѣтъ лица, распоряжавшіяся въ Сиракузахъ, причинили римскому народу столько же зла, сколько за 50 лѣтъ Гіеронъ сдѣлалъ добра. Но большая часть этихъ непріятностей обрушилась на тѣхъ, на кого и слѣдовало; и они сами наказали себя за нарушеніе союзныхъ договоровъ суровѣе, чѣмъ желалъ римскій народъ; по крайней мѣрѣ, онъ, Марцеллъ, третій годъ осаждаетъ Сиракузы, но не съ цѣлью поработить римскому народу это государство, а для того, чтобы вожди перебѣжчиковъ и наемниковъ не держали его въ плѣну и угнетеніи. Какъ могли поступить сиракузяне, видно хотя-бы изъ примѣра тѣхъ изъ нихъ, которые были въ римскихъ гарнизонахъ, или изъ примѣра испанскаго вождя Мерика, передавшаго свой гарнизонъ, или, наконецъ, изъ рѣшенія самихъ жителей Сиракузъ, правда, поздняго, но зато энергичнаго. То, что онъ могъ взять Сиракузы, вовсе уже не такой громадный успѣхъ послѣ всѣхъ трудовъ и опасностей, которымъ такъ долго пришлось подвергаться на сушѣ и на морѣ около сиракузскихъ стѣнъ. Затѣмъ онъ отправилъ квестора съ гарнизономъ для занятія Наза и для пріема и охраны царской казны; Ахрадину отдалъ на разграбленіе воинамъ, размѣстивъ караулы по домамъ лицъ, бывшихъ

[1]) См. гл. 29.

въ римскихъ гарнизонахъ. Передаютъ, что, когда при той сильной суматохѣ, какую только могла вызвать распространившаяся во взятомъ городѣ паника, воины разбѣжались, производя грабежъ, то много было явлено отвратительныхъ примѣровъ злобы и алчности; въ это же время одинъ воинъ убилъ Архимеда, занятаго черченіемъ на пескѣ геометрическихъ фигуръ, не зная, кто онъ. Марцеллъ, говорятъ, былъ этимъ огорченъ, озаботился погребеніемъ убитаго, разыскалъ даже родственниковъ Архимеда, и имя его и память о немъ доставили послѣднимъ уваженіе и безопасность. Такимъ-то именно образомъ были взяты Сиракузы. Въ этомъ городѣ оказалось столько добычи, сколько едва ли было бы тогда въ Карѳагенѣ, хотя въ происходившей борьбѣ онъ былъ равенъ по силамъ Риму.

За нѣсколько дней до взятія Сиракузъ, Т. Отацилій переплылъ съ 80-ю пентерами отъ Лилибея въ Утику. Войдя до разсвѣта въ гавань, онъ захватилъ нагруженныя хлѣбомъ транспортныя суда, вторгся затѣмъ въ страну, опустошилъ нѣкоторую часть окружающихъ Утику полей и угналъ къ кораблямъ всякаго рода добычу. На третій день послѣ отъѣзда онъ возвратился въ Лилибей съ 130-ю транспортными судами, нагруженными хлѣбомъ и добычей. Хлѣбъ этотъ тотчасъ же былъ отосланъ въ Сиракузы, и если бы онъ не подоспѣлъ туда такъ во-время, то губительный голодъ угрожалъ одинаково побѣдителямъ и побѣжденнымъ.

32. Тѣмъ же лѣтомъ въ Испаніи, когда почти въ теченіе двухъ лѣтъ не произошло ничего, особенно заслуживающаго упоминанія, и война велась болѣе путемъ интригъ [1], чѣмъ оружіемъ, римскіе главнокомандующіе вышли изъ своихъ зимнихъ квартиръ и соединили свои войска. Тамъ былъ созванъ военный совѣтъ, и мнѣнія всѣхъ сошлись въ одномъ, что пора уже озаботиться окончаніемъ войны въ Испаніи, такъ какъ до тѣхъ поръ заняты были только тѣмъ, чтобы задержать стремившагося въ Италію Газдрубала. Они полагали, что для этого прибавилось достаточно силъ, именно—призванные въ ту зиму къ оружію 20000 кельтиберовъ. У враговъ было три арміи. Газдрубалъ, сынъ Гисгона, и Магонъ стояли соединеннымъ лагеремъ почти на разстояніи пятидневнаго пути отъ римлянъ.

1) Имѣется въ виду, что обѣ враждующія стороны старались привлечь къ себѣ возможно большее число туземныхъ племенъ.

Ближе находился Газдрубалъ, сынъ Гамилькара, давнишній главнокомандующій въ Испаніи; его войско стояло у города по имени Амторгиса. Римскіе вожди хотѣли прежде разгромить его; они надѣялись, что силъ на это у нихъ довольно и предовольно. Оставалась только одна забота, какъ бы другой Газдрубалъ и Магонъ, напуганные его пораженіемъ, не отступили въ непроходимыя ущелья и горы и тѣмъ не затянули войны. Поэтому они сочли за лучшее раздѣлить войска на двѣ части и одновременно вести войну во всей Испаніи. Раздѣлили же войска они такъ, что двѣ части римскихъ и союзныхъ войскъ повелъ противъ Магона и Газдрубала П. Корнелій, а Гн. Корнелій съ третьей частью стараго войска, присоединивъ кельтиберовъ, велъ войну съ Газдрубаломъ Баркинскимъ. Оба вождя съ ихъ войсками, имѣя впереди кельтиберовъ, направились вмѣстѣ и расположились лагеремъ при городѣ Амторгисѣ, въ виду враговъ, которыхъ отдѣляла только рѣка. Гн. Сципіонъ остановился тамъ съ указанными выше войсками, Публій же отправился къ назначенному для него мѣсту военныхъ дѣйствій.

33. Газдрубалъ замѣтилъ, что въ лагерѣ находится незначительная часть римскаго войска, и что вся его надежда на вспомогательныя войска кельтиберовъ. Онъ былъ хорошо знакомъ со всевозможными родами вѣроломства, обычными у варваровъ и особенно у тѣхъ народовъ, въ странѣ которыхъ онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ служилъ; пользуясь легкостью устныхъ сношеній, такъ какъ оба лагеря были переполнены испанцами, онъ путемъ тайныхъ переговоровъ условился съ предводителями кельтиберовъ за большую плату, чтобы они увели оттуда свои войска. Поступокъ этотъ не представлялся ужаснымъ: вѣдь дѣло шло не о томъ, чтобы они обратили оружіе противъ римлянъ, а имъ предлагали только за устраненіе отъ участія въ войнѣ такую плату, какой было достаточно даже за веденіе самой войны; да и вообще были пріятны какъ самый отдыхъ, такъ и возвращеніе домой и удовольствіе свидѣться съ близкими лицами въ родной обстановкѣ. Поэтому массу было такъ же легко убѣдить, какъ и вождей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у нихъ не было даже опасенія, что римляне при такой ихъ малочисленности, удержатъ ихъ силой. Имѣя предъ собой, какъ дѣйствительно поучительный образецъ, примѣры подобнаго рода, римскіе полководцы должны

будутъ всегда соблюдать осторожность въ довѣріи къ иноземнымъ вспомогательнымъ войскамъ и имѣть въ лагерѣ большее число своихъ собственныхъ отборныхъ силъ. Вдругъ кельтиберы подняли знамена и ушли. На вопросы римлянъ о причинѣ этого и на ихъ убѣдительныя просьбы остаться, они отвѣчали только, что ихъ отзываетъ междуусобная война. Послѣ того, какъ союзниковъ нельзя было удержать ни просьбами, ни силой, Сципіонъ понялъ, что безъ нихъ онъ не можетъ ни равняться съ врагомъ, ни снова соединиться съ братомъ, а другого какого-либо полезнаго плана не было, и потому онъ рѣшилъ, по возможности, отступать назадъ, сосредоточивъ всѣ свои заботы на томъ, чтобы не пришлось сразиться на ровномъ мѣстѣ съ врагомъ, который переправился чрезъ рѣку и шелъ чуть не по слѣдамъ отступающихъ.

34. Въ тѣ самые дни одинаковый страхъ угнеталъ П. Сципіона, но ему грозила большая опасность со стороны новаго врага. То былъ Масинисса, молодой человѣкъ, въ то время союзникъ карѳагенянъ, тотъ, котораго потомъ дружба съ Римомъ прославила и сдѣлала могущественнымъ. Этотъ Масинисса съ нумидійской конницей встрѣтилъ тогда приближавшагося Сципіона и затѣмъ неусыпно дни и ночи тревожилъ его непріязненными нападеніями, такъ что не только перехватывалъ воиновъ, бродившихъ вдали отъ лагеря и зашедшихъ впередъ для добыванія дровъ и корма для скота, но даже стремительно подъѣзжалъ къ самому лагерю, часто появлялся въ срединѣ караульныхъ постовъ и вездѣ производилъ сильную тревогу. По ночамъ такъ же часто внезапные набѣги причиняли смятеніе въ воротахъ и на валу; ежеминутно во всѣхъ пунктахъ римляне находились въ страхѣ и безпокойствѣ; они были загнаны внутрь вала и лишились возможности пользоваться всѣмъ необходимымъ. Такъ какъ это почти походило на настоящую осаду и такъ какъ было очевидно, что положеніе будетъ еще стѣснительнѣе, въ случаѣ соединенія съ пунійцами Индебила, шедшаго, по слухамъ, съ 7500 свессетановъ на помощь, то осторожный и предусмотрительный Сципіонъ, въ силу требованій необходимости, рѣшается на безразсудный замыселъ—выйти ночью навстрѣчу Индебилу и, въ какомъ бы мѣстѣ ни повстрѣчался съ нимъ, завязать сраженіе. Итакъ, оставивъ въ лагерѣ незначительный гарнизонъ подъ командой своего легата Тиб. Фонтея, онъ

отправился въ полночь и вступилъ въ рукопашный бой съ встрѣтившимися врагами. Сражались скорѣе на ходу, чѣмъ въ правильномъ боевомъ порядкѣ; однако римляне одерживали верхъ, насколько это было возможно въ безпорядочной битвѣ. Но вдругъ нумидійская конница, которую римскій полководецъ считалъ введенной въ обманъ, окружила римлянъ съ фланговъ и навела на нихъ большой ужасъ. Когда завязался новый бой съ нумидійцами, появился, кромѣ того, третій врагъ — пуническіе вожди, напавшіе съ тылу уже во время боя. И вотъ римлянамъ приходилось сражаться на два фронта; они не знали, на какого, главнымъ образомъ, врага кинуться и въ какую сторону плотной массой сдѣлать вылазку. Главнокомандующій, сражаясь, ободряя воиновъ и являясь туда, гдѣ требовалось большее напряженіе силъ, былъ пораженъ въ правый бокъ копьемъ. Въ это время сплоченные ряды враговъ, которые сдѣлали нападеніе на густо сомкнувшихся около своего вождя римлянъ, увидя, что Сципіонъ бездыханнымъ падаетъ съ коня, отъ радости живо разбѣгаются по всему войску и извѣщаютъ о гибели римскаго главнокомандующаго. Вѣсть эта разнеслась повсюду, и результатомъ ея было то, что враги несомнѣнно держали себя, какъ побѣдители, а римляне —какъ побѣжденные. Тотчасъ же вслѣдъ за потерей вождя началось бѣгство изъ строя. Но хотя и нетрудно было римлянамъ пробиться среди нумидійцевъ и другихъ легковооруженныхъ вспомогательныхъ войскъ, однако они едва могли ускользать отъ такой массы конницы и пѣхоты, равнявшейся по быстротѣ съ конями. Во время бѣгства изрубили едва ли не больше римлянъ, чѣмъ въ самомъ сраженіи, и не осталось бы въ живыхъ ни одного человѣка, если бы не помѣшала ночь, такъ какъ день уже склонялся къ вечеру.

35. Затѣмъ пуническіе вожди энергично воспользовались счастіемъ: тотчасъ же послѣ сраженія они, едва давъ воинамъ необходимый отдыхъ, ускореннымъ маршемъ ведутъ войско къ Гамилькару, сыну Газдрубала, питая несомнѣнную надежду на возможность окончанія войны въ случаѣ соединенія съ нимъ. По приходѣ туда, воины и вожди, обрадованные недавней побѣдой и въ ожиданіи такой же несомнѣнной другой побѣды, поздравляли другъ друга, по поводу уничтоженія такого великаго главнокомандующаго со всѣмъ его войскомъ. До римлянъ, правда, еще не дошелъ

слухъ о такомъ пораженіи, но царило какое-то гробовое молчаніе и безмолвное предчувствіе, какое обыкновенно бываетъ, когда сердце чуетъ уже угрожающую бѣду. Самъ главнокомандующій, помимо того, что видѣлъ себя покинутымъ союзниками, а войска враговъ такъ сильно увеличившимися, руководясь сверхъ того догадками и соображеніями, скорѣе былъ склоненъ предполагать, что понесено пораженіе, чѣмъ надѣяться на что-нибудь хорошее: какъ иначе, если не покончивъ свою войну, Газдрубалъ и Магонъ могли безъ боя привести войска? какъ же это братъ не воспротивился или не послѣдовалъ съ тылу, чтобы по крайней мѣрѣ самому соединиться съ братомъ, если онъ не могъ помѣшать соединенію непріятельскихъ вождей и ихъ армій? Озабоченный этимъ, онъ считалъ для себя въ данный моментъ спасительной одну только мѣру—отступить оттуда, если будетъ возможно. И дѣйствительно, въ одну ночь, когда враги оставались въ невѣдѣніи и потому были спокойны, онъ прошелъ значительное разстояніе. Но когда кароагеняне на разсвѣтѣ замѣтили уходъ враговъ, они тотчасъ же послали напередъ нумидійцевъ и возможно ускореннымъ маршемъ начали преслѣдованіе. Нумидійцы нагнали римлянъ до наступленія ночи и, нападая то съ тылу, то съ фланговъ, заставили ихъ остановиться и защищаться. Сципіонъ убѣждалъ, однако, сражаться, насколько позволяетъ безопасность, и въ то же время подвигаться впередъ, прежде чѣмъ ихъ настигнетъ пѣхота. **36.** Когда же въ теченіе нѣкотораго времени немного подавались впередъ, то двигаясь, то останавливаясь, Сципіонъ, въ виду наступленія ночи, отзываетъ своихъ изъ сраженія, собираетъ вмѣстѣ и выводитъ на одинъ холмъ, недостаточно, правда, безопасный, особенно для пораженнаго страхомъ войска, но все-же болѣе высокій, чѣмъ остальная, находившаяся кругомъ, мѣстность. Тамъ въ срединѣ размѣстили обозъ и конницу, а кругомъ стала пѣхота и сперва безъ труда сдерживала нападеніе набрасывавшихся нумидійцевъ; затѣмъ, когда всей массой явились три главнокомандующихъ съ тремя правильно сформированными войсками, становилось яснымъ, что у римлянъ мало будетъ вооруженной силы для защиты неукрѣпленной позиціи, и вождь началъ осматриваться кругомъ и обдумывать, нельзя ли какимъ-либо образомъ провести вокругъ валъ. Но холмъ былъ настолько лишенъ растительности и съ такимъ твердымъ грунтомъ, что нельзя было достать ни хворосту, чтобы набросать валъ, ни земли, удобной, чтобы нарѣзать дерна или провести ровъ, или предпринять другую какую-либо работу; съ другой стороны, не было ни одного достаточно крутого и обрывистаго пункта, который бы затруднялъ врагу приближеніе и подъемъ; вся мѣстность опускалась небольшимъ склономъ. Однако, чтобы провести нѣкоторое подобіе вала, они наложили на сѣдла грузъ, какъ будто строя укрѣпленіе въ обыкновенную вышину, и тамъ, гдѣ ихъ было недостаточно для сооруженія, клали кругомъ кучи всевозможнаго, попавшагося подъ руку, багажа. Прибывшія пуническія войска весьма легко взобрались на холмъ, но видъ невѣдомыхъ укрѣпленій сначала пріостановилъ изумленныхъ воиновъ, хотя вожди со всѣхъ сторонъ кричали, что они стоятъ, а не растаскиваютъ и не разграбляютъ эту игрушку, едва достаточно сильную, чтобы задержать женщинъ и дѣтей: непріятель-де захваченъ и прячется за поклажей. Такъ презрительно бранились вожди; однако не легко было перескакивать чрезъ набросанныя тяжести, сдвигать ихъ съ мѣста или перерубать наложенныя вплотную и заваленныя сверху поклажей сѣдла. Растаскавъ набросанныя тяжести серповидными копьями, враги расчистили дорогу воинамъ; а когда это было сдѣлано во многихъ пунктахъ, то лагерь былъ взятъ уже со всѣхъ сторонъ. Повсюду масса избивала немногихъ, побѣдители — пораженныхъ страхомъ. Но большая часть воиновъ нашла себѣ пристанище въ ближайшихъ лѣсахъ и бѣжала въ лагерь П. Сципіона, въ которомъ командовалъ легатъ Тиб. Фонтей. Одни передаютъ, что Гн. Сципіонъ былъ убитъ на холмѣ при первомъ натискѣ враговъ; другіе—что онъ убѣжалъ съ немногими въ находившуюся по близости къ лагерю башню; она была обложена кругомъ огнемъ и такимъ образомъ взята, когда сожгли ворота, которыхъ не могли выломать никакими усиліями, а всѣ, находившіеся внутри, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ были перебиты. Гн. Сципіонъ былъ убитъ на восьмой годъ послѣ прибытія своего въ Испанію, спустя 29 дней послѣ смерти брата. Смерть ихъ причинила такую же печаль въ Римѣ, какъ и во всей Испаніи: вѣрнѣе сказать, у гражданъ часть скорби относилась къ потерѣ войскъ, отчужденію провинціи и общественному бѣдствію; въ Испаніяхъ грустили и тосковали по самимъ вождямъ, особенно по Кнеѣ, такъ какъ онъ долѣе начальствовалъ надъ ними, прежде пріобрѣлъ ихъ расположеніе и первый

представилъ образецъ римской справедливости и сдержанности.

37. Въ то время, какъ казалось, что войска римлянъ были истреблены, и Испанія для нихъ потеряны, одинъ мужъ поправилъ погибшее дѣло. Въ войскахъ находился римскій всадникъ Л. Марцій, сынъ Септимія, энергичный молодой человѣкъ, стоявшій по своимъ душевнымъ качествамъ и способностямъ значительно выше, чѣмъ можно было предполагать по тому сословію, въ которомъ онъ родился. При превосходныхъ природныхъ дарованіяхъ, онъ прошелъ школу Гн. Сципіона, подъ руководствомъ котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ всесторонне изучилъ военное искусство. Этотъ Марцій собралъ послѣ бѣгства воиновъ, нѣкоторыхъ взялъ изъ гарнизоновъ и такимъ образомъ составилъ довольно значительное войско и соединился съ легатомъ П. Сципіона—Тиб. Фонтеемъ. Но римскій всадникъ превзошелъ его вліяніемъ и уваженіемъ среди воиновъ: когда войско укрѣпило лагерь по сю сторону Гибера и рѣшило на военномъ собраніи избрать командующаго войсками [1]), то воины, чередуясь между собой въ охранѣ вала и на караулахъ, пока всѣ не подали своего голоса, предоставили единогласно главное командованіе Л. Марцію. Затѣмъ все послѣдующее время (весьма недолго) онъ употребилъ на укрѣпленіе лагеря и подвозъ провіанта. Воины всѣ распоряженія его исполняли не только съ энергіей, но и сохраняя вполнѣ присутствіе духа. Но когда пришла вѣсть, что направлявшійся для уничтоженія остатковъ войны Газдрубалъ, сынъ Гизгона, перешелъ и приближается, и воины увидѣли выкинутый новымъ полководцемъ боевой флагъ, тогда всѣ они, вспомнивъ, какіе у нихъ прежде были главнокомандующіе и подъ опорой какихъ вождей и какихъ силъ они обыкновенно выступали въ битву, вдругъ начали плакать и биться головами объ землю, а иные простирали руки къ небу, обвиняя безсмертныхъ боговъ, другіе, распростершись на землѣ, оплакивали, называя по имени, каждый своего вождя. Не было возможности сдержать ихъ рыданій, не смотря на то, что центуріоны ободряли рядовыхъ своихъ манипуловъ, и самъ Марцій успокоивалъ ихъ, упрекая за то, что они, какъ женщины, предались безполезному плачу вмѣсто

1) Выборъ главнокомандующаго воинами римскими законами не допускался, а потому сенатъ не одобрилъ его (см. XXVI 2), хотя онъ и былъ вызванъ чрезвычайными обстоятельствами.

того, чтобы воодушевлять другъ друга къ защитѣ самихъ себя и государства и не допускать того, чтобы главнокомандующіе ихъ лежали не отмщенными. Но вдругъ послышались крикъ и трубные звуки—дѣло въ томъ, что враги были уже около вала. Съ этого момента печаль вдругъ перешла въ озлобленіе; воины разбѣгаются за оружіемъ и, какъ бѣшеные, стремятся къ воротамъ и бросаются на врага, который шелъ небрежно и безпорядочно. Непредвидѣнное обстоятельство тотчасъ же напугало пунійцевъ. Диву дались они, откуда вдругъ, послѣ почти полнаго истребленія войска, появилось столько враговъ, откуда явились у побѣжденныхъ и обращенныхъ въ бѣгство такая отвага, такая увѣренность въ себѣ, кто сдѣлался главнокомандующимъ послѣ гибели двухъ Сципіоновъ, кто начальствуетъ въ лагерѣ, и кто далъ сигналъ къ битвѣ. При такихъ столь многихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ, они сначала, не зная всего, въ оцѣпенѣніи отступаютъ, затѣмъ подъ сильнымъ натискомъ обращаютъ тылъ. При этомъ произошло бы или позорное избіеніе бѣжавшихъ, или опрометчивый и сопряженный съ опасностью натискъ преслѣдователей, если бы Марцій не далъ поспѣшно сигнала къ отступленію и не осадилъ возбужденнаго войска, преграждая путь первымъ рядамъ и лично самъ сдерживая нѣкоторыхъ. Затѣмъ онъ отвелъ воиновъ назадъ въ лагерь, хотя они еще жаждали кровавой рѣзни. Карѳагеняне, прогнанные сначала вслѣдствіе смятенія отъ непріятельскаго вала, увидѣвъ, что ихъ никто не преслѣдуетъ, рѣшили, что враги пріостановились вслѣдствіе страха, и медленно ушли, попрежнему выказывая пренебреженіе къ римлянамъ.

Одинаковая небрежность проявилась въ охранѣ лагеря: несмотря на близость врага, имѣли въ виду, что это только остатки истребленныхъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ двухъ армій. Вслѣдствіе такихъ соображеній враги ко всему относились невнимательно. Узнавъ это, Марцій направилъ свои мысли на планъ, съ перваго взгляда скорѣе безразсудный, чѣмъ смѣлый, а именно: онъ вознамѣрился самъ осадить непріятельскій лагерь, полагая, что легче взять штурмомъ лагерь одного Газдрубала, чѣмъ, въ случаѣ вторичнаго соединенія трехъ армій и трехъ вождей, оборонять свой собственный; онъ надѣялся удачнымъ исходомъ предпріятія поправить погибшее дѣло, или, переходя къ наступленію, уничтожить питаемое къ нему чувство

презрѣнія, если даже приступъ и будетъ отбитъ. **38**. А чтобы неожиданность предпріятія, вселяемый ночнымъ временемъ ужасъ и не соотвѣтствовавшій уже данному положенію планъ не смутили войска, Марцій счелъ необходимымъ поговорить съ воинами и ободрить ихъ. Созвавъ военную сходку, онъ такъ разсуждалъ: „какъ моя преданность къ нашимъ главнокомандующимъ при жизни и послѣ смерти, такъ настоящее положеніе всѣхъ насъ, воины, можетъ убѣдить любого изъ васъ, что теперешняя моя власть настолько же на самомъ дѣлѣ тяжела и безпокойна, насколько, по вашему мнѣнію, велика. Вѣдь въ такое время, когда я самъ, если бы только страхъ не заглушалъ печали, едва-ли совладалъ бы съ собой настолько, чтобы имѣть возможность найти для больной души какое-либо утѣшеніе,—я принужденъ одинъ думать объ участи всѣхъ васъ, а исполнить это при печальномъ настроеніи весьма трудно, и нѣтъ охоты отвлекать вниманіе отъ постояннаго грустнаго настроенія даже въ то время, когда необходимо думать о средствахъ сохраненія для отечества этихъ остатковъ двухъ армій. Вѣдь предъ нами горестное воспоминаніе, и оба Сципіона озабочиваютъ меня дни и ночи, тревожатъ безсонницей, пробуждаютъ часто отъ сна, не позволяя оставлять безъ отмщенія ихъ государство и ихъ воиновъ, а вашихъ сослуживцевъ, не побѣжденныхъ въ теченіе своего восьмилѣтняго пребыванія въ Испаніи, и приказывая поступать согласно съ требованіями ихъ дисциплины и правилъ и, послѣ смерти ихъ, считать за лучшее то, что, по моему крайнему убѣжденію, они сдѣлали бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ и при ихъ жизни никто больше меня не слушался ихъ распоряженій. Я желалъ бы также, воины, чтобы вы не плачемъ и слезами провожали ихъ, какъ покойниковъ (вѣдь они живутъ и сильны славою ихъ подвиговъ), но, при каждомъ воспоминаніи о нихъ, вступали въ бой, какъ если бы вы видѣли ихъ ободряющими васъ и дающими сигналъ. Несомнѣнно такое видѣніе, представившееся вашимъ взорамъ и мыслямъ, вызвало вчера то достопамятное сраженіе, въ которомъ вы дали врагамъ доказательство того, что римское имя не угасло вмѣстѣ съ Сципіонами, и что изъ всякихъ неистовствъ судьбы выбьется сила и доблесть того народа, котораго не подавило каннское пораженіе. Теперь, такъ какъ вы сами добровольно проявили такую отвагу, желательно испытать, сколько въ

васъ смѣлости, если иниціатива будетъ исходить отъ вашего вождя. Вѣдь вчерашній день, когда я, во время преслѣдованія вами вразсыпную разстроеннаго врага, далъ сигналъ къ отступленію, я не желалъ сломить вашу отвагу, но желалъ сохранить ее до болѣе славнаго и благопріятнаго случая, чтобы вы послѣ, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, предварительно приготовившись, могли напасть на враговъ, не принявшихъ мѣръ предосторожности, вооруженные—на безоружныхъ и даже сонныхъ. И я, воины, питаю надежду на возможность такого случая, не вѣря въ слѣпое счастье, но на основаніи самаго положенія дѣла. Если бы кто-нибудь изъ васъ спросилъ, какимъ образомъ вы, немногіе и побѣжденные, защитили лагерь отъ многихъ и побѣдителей, то вы, конечно, отвѣтили бы только, что, этого-то именно боясь [1]), вы обезопасили все укрѣпленіями и сами были вполнѣ наготовѣ. Это въ порядкѣ вещей: люди бываютъ менѣе всего обезпечены противъ того, чего они подъ вліяніемъ удачи не боятся, такъ какъ чѣмъ пренебрегъ, того не остерегаешься и съ той стороны не бываешь защищенъ. Въ настоящее время враги менѣе всего боятся, что мы, которыхъ они недавно осаждали и на которыхъ нападали, сами станемъ штурмовать ихъ лагерь. Дерзнемъ же на такой шагъ, въ возможность котораго съ нашей стороны нельзя вѣрить: онъ будетъ легче по тому самому, что кажется весьма труднымъ. Въ третью ночную стражу я тихо поведу васъ. Я развѣдалъ, что нѣтъ у нихъ ни порядка въ караулахъ, ни правильныхъ постовъ. Лагерь будетъ взятъ при первомъ натискѣ, лишь только раздастся въ воротахъ крикъ. Затѣмъ среди не опомнившихся отъ сна, дрожащихъ отъ неожиданной тревоги и застигнутыхъ въ постеляхъ безъ оружія должно будетъ произвести избіеніе, отъ котораго я отвлекъ васъ вчерашній день къ вашей досадѣ. Я знаю, что планъ мой кажется смѣлымъ; но при затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда остается мало надежды, чѣмъ отважнѣе планъ, тѣмъ онъ безопаснѣе, такъ какъ, если хоть немного замѣшкаешься въ благопріятный моментъ, который быстро проходитъ, то вскорѣ, упустивъ его, напрасно будешь искать. Одно войско находится по близости, два—недалеко; если теперь напасть, то есть еще нѣкоторая надежда: и силы ваши и ихъ вы уже

[1]) Т.-е. своего плохого положенія сравнительно съ кароагенянами.

испробовали. Если мы просрочимъ день, и слухи о вчерашней вылазкѣ понудитъ врага перестать пренебрежительно относиться къ намъ, то грозитъ опасность, что соединятся всѣ вожди и всѣ войска. Устоимъ ли мы потомъ противъ трехъ вождей и трехъ непріятельскихъ армій, противъ которыхъ не устоялъ Гн. Сципіонъ, хотя имѣлъ невредимое войско? Какъ наши вожди погибли вслѣдствіе разъединенія силъ, такъ и враговъ можно уничтожить по частямъ, когда они будутъ раздѣлены. Другого какого-либо способа вести войну нѣтъ. Поэтому будемъ ожидать только удобнаго случая, который представитъ ближайшая ночь. Идите съ божьей доброй помощью и подкрѣпите свои силы, чтобы свѣжими и бодрыми ворваться въ непріятельской лагерь съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ вы защитили свой собственный".

Съ радостью выслушали они отъ новаго вождя новый планъ, и тѣмъ болѣе онъ нравился, чѣмъ былъ смѣлѣе. Остальную часть дня употребили на приготовленіе оружія и на подкрѣпленіе тѣла, а большую часть ночи отдыхали. Въ четвертую стражу двинулись. **39.** На разстояніи 6 миль за ближайшимъ лагеремъ было другое войско пунійцевъ. Между ними лежала ложбина, густо поросшая деревьями. Почти по срединѣ этого лѣсистаго пространства спрятались римскія когорта и конница со свойственной пунійцамъ хитростью. Когда захвачена была такимъ образомъ средина пути, молча проведены были остальныя войска къ ближайшимъ врагамъ и, такъ какъ предъ воротами не было никакого караула и на валу не было стражи, то они проникли безъ малѣйшаго препятствія съ чьей-либо стороны, какъ будто въ свой собственный лагерь. Затѣмъ даютъ сигналъ трубой, и поднимается крикъ. Одни рубятъ полусонныхъ враговъ, другіе поджигаютъ покрытыя сухой соломой хижины, третьи занимаютъ ворота, чтобы преградить путь къ бѣгству. Одновременно пожаръ, крикъ и рѣзня не позволяютъ врагамъ видѣть и слышать, какъ будто они лишились чувствъ. Безоружные, они попадаютъ въ толпу вооруженныхъ. Одни рвутся къ воротамъ, другіе прыгаютъ чрезъ валъ, такъ какъ путь прегражденъ; всѣ ускользнувшіе тотчасъ же бѣгутъ къ другому лагерю; тамъ когорта и всадники, выбѣгая изъ скрытаго мѣста, окружили и перерѣзали всѣхъ до единаго; впрочемъ, если бы кто и убѣжалъ изъ этой сѣчи, то все-таки вѣсть о пораженіи не могла прійти раньше римлянъ: съ такой

быстротой они перебѣжали изъ ближайшаго взятаго ими лагеря въ другой. А тамъ, по дальности разстоянія и вслѣдствіе того, что предъ разсвѣтомъ нѣкоторые разбрелись для добыванія фуража и дровъ и для грабежа, римляне нашли во всемъ еще большую небрежность и распущенность: на караульныхъ постахъ было только положено оружіе; воины безъ оружія или сидѣли и лежали на землѣ, или гуляли предъ валомъ и воротами. Съ этими-то столь безпечными, распущенными воинами вступаютъ въ бой римляне, еще не остывшіе послѣ недавней битвы и самонадѣянные, вслѣдствіе побѣды. Итакъ, въ воротахъ не могли оказать сопротивленія. Когда сбѣжались со всего лагеря на первый тревожный крикъ, началось внутри воротъ жестокое сраженіе; и долго держался бы врагъ, если бы видъ окровавленныхъ римскихъ щитовъ не далъ знать пунійцамъ о другомъ пораженіи и, вслѣдствіе этого, не нагналъ на нихъ ужаса. Подъ вліяніемъ этой паники всѣ были обращены въ бѣгство. Не уничтоженные сѣчей разсыпаются, куда только можно было, и такимъ образомъ лишаются лагеря. Итакъ въ одну ночь и въ одинъ день подъ предводительствомъ Марція взяли штурмомъ два непріятельскихъ лагеря. По свидѣтельству Клавдія, переведшаго Ацилієву лѣтопись съ греческаго языка на латинскій, изрублено было до 37000 враговъ, взято въ плѣнъ 1830 и пріобрѣтена огромная добыча, въ томъ числѣ серебряный щитъ съ изображеніемъ Газдрубала Баркинскаго, вѣсомъ въ 137 фунтовъ. По словамъ Валерія Антіанта, взятъ былъ только одинъ лагерь Магона и изрублено 7000 враговъ; въ другомъ же сраженіи устроили противъ Газдрубала вылазку, убили 10000, а взяли въ плѣнъ 4330. По описанію Пизона, когда Магонъ вразсыпную преслѣдовалъ отступавшихъ римлянъ, изъ засады они изрубили 5000. У всѣхъ прославляется имя вождя Марція. И къ истинной славѣ его прибавляютъ чудесные разсказы, будто-бы въ то время, когда онъ говорилъ рѣчь на военной сходкѣ, изъ головы его распространилось пламя незамѣтно для него самаго, къ великому ужасу стоявшихъ вокругъ воиновъ. Памятникомъ одержанной имъ побѣды надъ пунійцами вплоть до капитолійскаго пожара [1]) былъ въ храмѣ щитъ съ изображеніемъ Газдрубала, названный Марціевымъ.

[1]) Въ 670 г. отъ осн. Р.

Затѣмъ на нѣкоторое время дѣла въ Испаніи стихли, такъ какъ, послѣ такихъ страшныхъ взаимныхъ пораженій, обѣ воюющія стороны медлили предпринять послѣдній рискованный шагъ.

40. Во время этихъ событій въ Испаніи, Марцеллъ, по взятіи Сиракузъ, съ такой безупречной добросовѣстностью уладилъ остальныя дѣла Сициліи, что не только увеличилъ славу своего имени, но и обаяніе римскаго народа. Онъ отвезъ въ Римъ служившія украшеніемъ городъ статуи и картины, которыми изобиловали Сиракузы и которыя составляли трофеи, пріобрѣтенные отъ враговъ по праву войны. А отсюда возникло первое начало восхищенія произведеніями греческаго искусства и того произвола вообще въ расхищеніи всякаго рода священныхъ и несвященныхъ предметовъ, который перешелъ въ концѣ концовъ на римскихъ боговъ, прежде всего на тотъ самый храмъ, который отмѣнно разукрасилъ Марцеллъ. Вѣдь иностранцы посѣщали устроенные Марцелломъ храмы у Капенскихъ воротъ по причинѣ превосходныхъ подобнаго рода украшеній, изъ которыхъ уцѣлѣла весьма незначительная часть. Къ нему стали сходиться посольства почти отъ всѣхъ сицилійскихъ общинъ. Онѣ были поставлены въ различныя условія соотвѣтственно ихъ винѣ. Не отпадавшихъ или возвратившихся въ дружескія отношенія до взятія Саракузъ онъ принялъ, какъ вѣрныхъ союзниковъ; сдавшіеся же вслѣдствіе страха послѣ взятія Сиракузъ получили законы отъ побѣдителя на правахъ побѣжденныхъ. Однако, у римлянъ все еще оставалась немаловажная война около Агригента, это—война съ оставшимися вождями предшествовавшей войны—Эпикидомъ и Ганнономъ и третьимъ новымъ гражданиномъ Гиппокриты, присланнымъ Ганнибаломъ на мѣсто Гиппократа (земляки называли его Муттиномъ), либифиникійскаго происхожденія, мужемъ энергичнымъ и подъ руководствомъ Ганнибала всесторонне изучившимъ военное искусство. Эпикидъ и Ганнонъ дали ему нумидійскія вспомогательныя войска. Съ ними онъ исходилъ вдоль и поперекъ поля враговъ и, для поддержанія въ союзникахъ духа вѣрности, сблизился съ ними, подавая каждому изъ нихъ своевременную помощь. Поэтому въ короткое время онъ наполнилъ всю Сицилію славой своего имени, и сочувствовавшіе дѣлу карѳагенянъ ни на кого не возлагали бо̀льшихъ надеждъ. Итакъ, вожди пуническій и сиракузскій, запертые до того времени въ

стѣнахъ Агригента, рѣшили выйти за стѣны и расположились лагеремъ при рѣкѣ Гимерѣ, не столько по совѣту Муттина, сколько вслѣдствіе увѣренности въ немъ. Какъ только объ этомъ довели до свѣдѣнія Марцелла, онъ сразу двинулъ войска и расположился отъ врага на разстояніи приблизительно 4-хъ миль, съ цѣлью выждать, каковы будутъ дѣйствія и приготовленія его. Но Муттинъ не далъ ни мѣста, ни времени медлить или обдумывать планы: онъ перешелъ рѣку и напалъ на сторожевые непріятельскіе посты, наводя сильный страхъ и производя сумятицу. На слѣдующій день онъ почти въ правильномъ бою загналъ враговъ внутрь укрѣпленій. Затѣмъ его отвлекъ происшедшій въ лагерѣ мятежъ нумидійцевъ: почти 300 изъ нихъ ушли въ Гераклею Миносову. Онъ отправился для усмиренія и возвращенія ихъ обратно и, по разсказамъ, сильно убѣждалъ вождей не вступать въ бой съ врагомъ въ его отсутствіе. Это огорчило обоихъ вождей, особенно Ганнона, котораго уже прежде тревожила его слава: ему-де, карѳагенскому главнокомандующему, присланному самимъ сенатомъ и народомъ, ставитъ границы Муттинъ, африканскій выродокъ! Онъ склонилъ медлившаго Эпикида перейти рѣку и выступить въ бой: если-де они будутъ ожидать Муттина, и результатъ сраженія выйдетъ благопріятный, то, безъ сомнѣнія, слава будетъ принадлежать Муттину. **41**. А Марцеллъ считалъ унизительнымъ, чтобы онъ, который отбилъ отъ Нолы опиравшагося на каннскую побѣду Ганнибала, отступилъ предъ этими, побѣжденными на сушѣ и на морѣ, врагами; поэтому онъ приказалъ воинамъ поспѣшно взять оружіе и вынести знамена. Въ то время, какъ онъ строилъ войско, къ нему подлетаютъ, несясь во весь опоръ, 10 нумидійцевъ изъ непріятельскаго войска съ извѣстіемъ, что ихъ земляки останутся въ покоѣ во время битвы: прежде всего на нихъ подѣйствовалъ тотъ бунтъ, во время котораго 300 изъ ихъ числа ушли въ Гераклею; затѣмъ они видятъ, что полководцы, умаляя славу ихъ начальника, услали его наканунѣ самаго дня сраженія. Лживый народъ остался вѣренъ данному имъ обѣщанію. Такимъ образомъ и римляне воспрянули духомъ, благодаря быстро разлетѣвшейся по рядамъ вѣсти о томъ, что конница, составлявшая предметъ особенныхъ опасеній, покинула враговъ, и врагами овладѣлъ ужасъ, такъ какъ, помимо того, что большая часть собственныхъ силъ не помогала имъ, явилось также

опасеніе нападенія со стороны собственной конницы. Поэтому сраженіе не было упорно: первый крикъ и натискъ рѣшили дѣло. При столкновеніи нумидійцы спокойно оставались на флангахъ. Увидя, что ихъ союзники обращаютъ тылъ, они нѣкоторое время только бѣжали съ ними вмѣстѣ, а когда замѣтили, что всѣ въ тревогѣ направляются въ Агригентъ, сами, изъ боязни осады, вразсыпную разсѣялись по ближайшимъ общинамъ. Перерубили много тысячъ людей, забрали въ плѣнъ 6000 и 8 слоновъ. Это была послѣдняя битва Марцелла въ Сициліи. Затѣмъ онъ побѣдоносно возвратился въ Сиракузы.

Годъ былъ уже почти на исходѣ. Поэтому сенатъ въ Римѣ постановилъ, чтобы преторъ П. Корнелій отправилъ къ консуламъ въ Капую письмо, предлагая, не угодно ли одному изъ нихъ явиться для выбора должностныхъ лицъ, пока Ганнибалъ далеко, и у Капуи нѣтъ никакихъ важныхъ дѣлъ. По полученіи этого письма, консулы согласились между собой, чтобы Клавдій предсѣдательствовалъ въ комиціяхъ, а Фульвій оставался у Капуи. Клавдій избралъ въ консулы Гн. Фульвія Центимала и сына Сервія, П. Сульпиція Гальбу, не занимавшаго прежде никакой курульной должности. Потомъ въ преторы избраны были Л. Корнелій Лентулъ, М. Корнелій Цеоегъ, Г. Сульпицій и Г. Кальпурній Пизонъ .Пизону досталось судопроизводство въ городѣ, Сульпицію—Сицилія, Цеоегу—Апулія, Лентулу—Сардинія. Консуламъ продолжена была власть на годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

III ТОМА.

XXI. Введеніе. Гамилькаръ въ Испаніи 1—2. Газдрубалъ 2. Характеристика Ганнибала 3—4. Покореніе имъ олкадовъ и карпетановъ 5. Осада Сагунта 6—9. Неудачное посольство римлянъ къ Ганнибалу и въ Кароагенъ 10—11. Неудачная попытка помирить Сагунтъ съ Ганнибаломъ 12—13. Паденіе Сагунта 14—15. Смятеніе въ Римѣ 16. Приготовленія римлянъ къ войнѣ съ Кароагеномъ и объявленіе ея 17—18. Неудача римскаго посольства въ Испаніи—19—и Галліи; вѣрность Массиліи 20. Ганнибалъ даетъ испанцамъ отдыхъ; мѣры къ защитѣ Африки—21—и Испаніи. Вѣщій сонъ Ганнибала 22. Переходъ Ганнибала черезъ Гиберъ и Пиренеи; миръ съ галлами 23—24. Возстаніе боевъ и инсубровъ 25. Переправа Ганнибала черезъ Роданъ 26—28. Столкновеніе передовыхъ отрядовъ П. Корнелія и Ганнибала; посольство боевъ 29. Ганнибалъ ободряетъ войско—30—и достигаетъ кружнымъ путемъ Альпъ 31. П. Корнелій возвращается въ Италію; галлы безуспѣшно стараются не пустить Ганнибала черезъ Альпы 32—33. Трудности пути 34—37. Ганнибалъ въ Италіи 38. Колебаніе галловъ 39. Рѣчь Корнелія къ воинамъ на берегу Тицина 40—41. Рѣчь Ганнибала 42—44. Неудача римлянъ при Тицино 45—46. Ганнибалъ переходитъ черезъ Падъ и настигаетъ римлянъ у Плаценціи 47. Корнелій у Требіи; Ганнибалъ овладѣваетъ Кластидіемъ 48. Кароагенскій флотъ у Сициліи 49. Битва у Лилибея; консулъ Семпроній въ Мессалѣ 50. Занятіе консуломъ Мелиты; нападеніе кароагенскаго флота на Италію; Семпроній спѣшитъ къ Требіи 51. Галлы не рѣшаются, къ кому пристать; Ганнибалъ опустошаетъ ихъ поля, римская конница идетъ на защиту 52. Битва при Требіи 53—56. Паника въ Римѣ; выборы должностныхъ лицъ; зимніе походы Ганнибала 57. Буря застигла Ганнибала въ Апеннинахъ 58. Битва при Плаценціи 59. Побѣда Гн. Корнелія Сципіона въ Испаніи надъ Ганнономъ 60. Подчиненіе илергетовъ, возмущенныхъ Газдрубаломъ 61. Чудесныя знаменія и умилостивленіе боговъ въ Римѣ 62. Фламиній идетъ въ Этрурію 63.

XXII. Галлы негодуютъ на Ганнибала; возбужденіе въ Римѣ противъ Фламинія; чудесныя знаменія; умилостивленіе боговъ 1. Затрудненія, встрѣченныя Ганнибаломъ на пути въ Арретій 2. Вызывающій образъ дѣйствій Ганнибала побуждаетъ Фламинія сразиться 3. Битва при Тразименскомъ озерѣ 4—6. Паника въ Римѣ 7. Пораженіе римлянъ въ Умбріи; избраніе въ диктаторы Кв. Фабія Максима 8. Ганнибалъ опустошаетъ Пиценскую и сосѣднія области; умилостивленіе боговъ 9—10. Мѣры къ охранѣ Рима 14. Осторожность Фабія 12. Ганнибалъ направляется въ Кампанію 13. Начальникъ конницы возбужда-

стъ воиновъ противъ диктатора 11. Настойчивость Фабія; гибель Манцина;
Ганнибалу прегражденъ обратный путь 15. Хитрость спасаетъ Ганнибала
16—17. Фабій идетъ по пятамъ Ганнибала; отъѣздъ диктатора въ Римъ 18.
Побѣда римскаго флота у береговъ Испаніи и послѣдствія ея 19—20. Возста-
ніе испанскихъ племенъ противъ Кароагена 21. П. Сципіонъ направляется къ
Сагунту; освобожденіе испанскихъ заложниковъ, бывшихъ у кароагенянъ 22.
Римскіе воины недовольны Фабіемъ 23. Столкновеніе начальника конницы съ
Ганнибаломъ 24. Уравненіе правъ диктатора и начальника конницы 25—26.
Раздѣленіе между ними войска 27. Неосмотрительность начальника конницы
28. Фабій спасаетъ его 29. Примиреніе вождей и соединеніе войска 30. Послѣ
неудачной попытки высадиться въ Африкѣ, консулъ Семпроній возвратился въ
Италію 31. Единодушіе консуловъ; посольство неаполитанцевъ въ Римъ 32.
Внѣшнія и внутреннія распоряженія римлянъ 33. Выборы консуловъ 34—35.
Наборъ; чудесныя знаменія и умилостивленіе боговъ 36. Посольство отъ Гіе-
рона 37. Присяга воиновъ. Фабій увѣщеваетъ Эмилія 38—39. Силы римлянъ
и критическое положеніе Ганнибала 40. Успѣхи римлянъ и коварный планъ
Ганнибала 41. Осторожность Эмилія Павла остановила безразсудство Варрона.
42. Ганнибалъ направился въ Апулію; встрѣча враждебныхъ армій у Каннъ
43. Битва при Каннахъ; гибель консула Эмилія Павла 44—49. Часть остат-
ковъ римской арміи спасается въ Канузій 50. Бездѣйствіе Ганнибала 51.
Ганнибалъ овладѣваетъ меньшимъ римскимъ лагеремъ; изъ большаго лагеря
римляне спасаются въ Канузій; Ганнибалъ погребаетъ убитыхъ 52. Сципіонъ
становится во главѣ бѣжавшихъ 53. Соединеніе всѣхъ остатковъ каннскаго
войска; паника въ Римѣ 54. Мѣры къ охранѣ и успокоенію Рима; тревожныя
вѣсти изъ Сициліи 55—57. Римскій сенатъ отказывается выкупить плѣнныхъ
58—61.

XXIII. Взятіе Ганнибаломъ Компсы и попытка овладѣть Неаполемъ 1. Па-
кувій Калавій захватываетъ власть въ Капуѣ 2—3. Угодничество аристократіи
передъ чернью 4. Капуя собирается отложиться отъ Рима 5—6; сдача Ганни-
балу 7—9. Судъ надъ Деціемъ Магіемъ 10. Возвращеніе въ Римъ посольства
изъ Дельфъ 11. Въ Кароагенѣ получено донесеніе о побѣдахъ Ганнибала 11—13.
Распоряженія римскихъ властей о вооруженіи; Нола готова сдаться Ганнибалу
14. Взятіе Ганнибаломъ Нуцеріи 15. Положеніе дѣлъ въ Нолѣ; Марцеллъ от-
разилъ Ганнибала отъ Нолы 15—16. Ацерры взяты Ганнибаломъ; дѣйствія
подъ Казилиномъ 17—18. Зимовка арміи Ганнибала въ Капуѣ 19. Посольство
петелиновъ въ Римъ 20. Извѣстія изъ Сициліи и Сардиніи 21. Пополненіе
сената 22—23. Выборы въ Римѣ; вѣсти о пораженіи Постумія въ Галліи 24.
Распоряженія сената относительно войскъ, назначенныхъ для веденія войны
съ Ганнибаломъ 25. Возстаніе испанскихъ племенъ противъ кароагенянъ и
усмиреніе ихъ Газдрубаломъ 26—27. Гамильконъ замѣняетъ Газдрубала, кото-
рому приказано идти въ Италію; римляне стараются задержать его 28. Побѣ-
да римлянъ 29. Успѣхи кароагенянъ въ Бруттіи; колебаніе Сициліи; событія
въ Римѣ до конца 538 г. 30. Распредѣленіе армій и дополнительные выборы
31. Сардинія готова отложиться отъ Рима; мѣры къ защитѣ прибрежныхъ
Италійскихъ областей 32. Переговоры Филиппа Македонскаго съ Ганнибаломъ
33—34. Мѣры къ охранѣ Сардиніи 34. Попытка кампанцевъ осадить Кумы 35.
Ганнибалъ осадилъ Кумы 36, но отбитъ римскимъ гарнизономъ 37. Мѣры къ
предотвращенію войны съ Филиппомъ 38. Новое посольство Филиппа къ Ган-
нибалу; Римляне снова овладѣваютъ городами Кампаніи 39. Побѣды римлянъ
въ Сардиніи и усмиреніе ея 40—41. Морскаяпобѣда римлянъ надъ кароаге-

нянами; нападенія римлянъ на самнитянъ 41—42. Безуспѣшная попытка Ган-
нибала склонить Нолу къ отложенію отъ Рима 43. Битва римлянъ и кароаге-
нянъ подъ стѣнами Нолы 44—48. Ганнибалъ удаляется въ Апулію, а Фабій
опустошаетъ Кампанію 46—48. Снабженіе испанскихъ войскъ провіантомъ и
обмундированіемъ 48—49. Побѣды Сципіоновъ и присоединеніе испанскихъ
племенъ къ союзу съ римлянами 49.

XXIV. Временное занятіе кароагенянами Регія 1. Бруттіи идутъ на Кро-
тонъ; удаленіе жителей въ Локры 2—3. Воцареніе въ Сиракузахъ Гіеронима
4—5. Переговоры его съ Ганнибаломъ 6. Гибель Гіеронима 7. Выборы въ
Римѣ 7—9. Распредѣленіе провинцій между должностными лицами 540 г.;
чудесныя знаменія и умилостивленіе боговъ 10. Наборъ легіоновъ; снаряженіе
флота 11. Движеніе Ганнибала на Путеолы 12. Тарентинцы приглашаютъ
Ганнибала; неудачное нападеніе его на Путеолы и Нолу 13. Побѣда Тиб.
Гракха у Луцеріи 14—16; добровольцамъ изъ рабовъ дана свобода 16. Побѣда
римлянъ надъ Ганнибаломъ подъ Нолой 17. Заботы цензоровъ объ исправле-
ніи нравственности гражданъ; прочность государственнаго кредита 18. Взятіе
римлянами Казилина 19. Успѣхи римлянъ въ Ю. Италіи; неудачная попытка
Ганнибала завладѣть Тарентомъ 20. Волненіе въ Сиракузахъ послѣ убіенія
Гіеронима 21—25; истребленіе царскаго рода 26. Враждебное настроеніе въ
Сиракузахъ противъ римлянъ 27. Партія сторонниковъ Рима беретъ верхъ
28. Леонтины начинаютъ войну противъ римлянъ и отлагаются отъ Сиракузъ
29. Взятіе Леонтинъ римлянами; возстаніе сиракузской арміи противъ рим-
лянъ 30—31. Волненіе переходитъ въ Сиракузы 32. Начало войны съ сираку-
зянами 33. Осада Сиракузъ 34. Прибытіе въ Сицилію подкрѣпленій изъ Кар-
оагена—35—и изъ Рима; сицилійскіе города переходятъ на сторону кароаге-
нянъ 36. Избіеніе бунтовщиковъ въ Геннѣ—37—39—привело къ отложенію
всѣхъ сицилійскихъ городовъ отъ Рима 39. Неудачная осада Филиппомъ Ма-
кедонскимъ Аполлоніи 40. Событія въ Испаніи 41—42. Выборы въ Римѣ и
распредѣленіе армій на 541 г. 43—44. Занятіе римлянами Арпъ 45—47. Капуя
готова вернуться къ союзу съ римлянами; пожаръ въ Римѣ 47. Нумидійскій
царь Сифакъ вступаетъ въ союзъ съ Римомъ 48. Побѣда Масиниссы надъ
Сифакомъ; кельтиберы поступаютъ на римскую службу 49.

XXV. Ганнибалъ подъ Тарентомъ; старые союзники присоединяются къ
Риму. Мѣры къ искорененію иноземныхъ суевѣрій 1. Выборы въ Римѣ 2.
Распредѣленіе провинцій и армій между должностными лицами 542 г.; недо-
бросовѣстность откупщиковъ; судъ надъ Постуміемъ 3—4. Затрудненія при
наборѣ; просьба сицилійскихъ воиновъ къ сенату 5—7. Чудесныя знаменія;
отпаденіе Тарента къ Ганнибалу 7—10. Осада имъ тарентинскаго кремля
10—12. Установленіе въ Римѣ игръ въ честь Аполлона 12. Затруднительное
положеніе Капуи; Ганнонъ потерялъ лагерь 13—14. Отпаденіе Өурій къ Ган-
нибалу 15. Гибель Гракха 16—17. Опустошеніе Кампаніи римлянами 18. Ган-
нибалъ подъ стѣнами Капуи; гибель римскаго отряда въ 5000 человѣкъ 19.
Римляне готовятся осадить Капую 20. Преторъ Фульвій разбитъ подъ Гердо-
ніей 21. Обложеніе Капуи римлянами 22. Взятіе части Сиракузъ 23—24. Взя-
тіе Евріала 25. Осада Ахрадины; чума 26. Кароагенскій флотъ, шедшій на
помощь Сиракузамъ, ушелъ къ Таренту 27. Сдача Ахрадины римлянамъ 28—31.
Критическое положеніе римлянъ въ Испаніи 32—33. Гибель П. Сципіона—34
—и Гнея 35—36. Спасшіеся остатки римской арміи завладѣли двумя кароа-
генскими лагерями 37—39. Марцеллъ устраиваетъ дѣла въ Сициліи 40—41.